

*Г. В. КСЕНОФОНТОВ*

## ***УРААНГХАЙ-САХАЛАР***

*ОЧЕРКИ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯКУТОВ*

Том I

в 2-х книгах

### **КНИГА 2**

«Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства,— благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества...»

*Карл Маркс*

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 22. Партиздат, 1934.).

Национальное издательство  
Республики Саха (Якутия), 1992

## **ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ**

### **ВИЛЮЙСКИЕ ЯКУТЫ**

«Чем здесь, подвергаясь телесному наказанию, позволять кромсать наше тело и портить нрав, лучше бежать. Пусть наши дети плачут, а жены остаются! Тайком мы проберемся туда, где Вилюй изливается тремя протоками, где перелетной дичи видимо-невидимо, а разная рыба на берегах рек и озер просто гниет».

*Из преданий о предках вилюйских якутов. «Эллэйада». § 86.*

## Глава I

### ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Изучение материальной и духовной культуры якутов-оленьеводов открыло перед нами совершенно самостоятельную эпоху в истории современного Якутского края, которая, по справедливости, может рассматриваться, как пролог к его будущим историческим судьбам, тесно связанным с главными отделами якутского племени. Мы установили, что, задолго раньше переселения якутов-скотоводов, в Ленском крае раздавались звуки якутской речи, просочились туда элементы якутской культуры, кузнечного искусства, м. б., и других видов якутского мастерства. Мало того, в составе смешанного оленеводческого народа, переселившегося из Предбайкалья на Лену, несомненно, были и роды якутского происхождения, но в силу разных исторических причин, воспринявшие тунгусский образ жизни, быт и хозяйственные навыки. Среди этих пришельцев-завоевателей тунгусский элемент, весьма вероятно, составлял основное ядро, преобладал и численно над другими этническими примесями, но он столь сильно подвергся ещё на южной родине якутскому влиянию, что даже утратил свое тунгусское самосознание. Это обстоятельство давало нам основание говорить об оленных якутах, а не об обьякученных тунгусах, тем более и потому, что они неизменно слывут за якутов среди аборигенов северного края. Огромный научный интерес имеет обнаружение среди этих ранних переселенцев на Лену явных монгольских примесей, оторвавшихся из состава западных монголов-ойратов. Это обстоятельство, как мы отмечали раньше, свидетельствует о том, что якуты совсем не были коренными обитателями Предбайкалья. Здесь они могли быть только пришлыми завоевателями, которые разорвали линию старожильческого ойратского населения, сожительствовавшего с тунгусскими племенами. Так как в составе якутов-оленьеводов констатируются тунгусские роды, вышедшие когда-то из Манчжурии, то и тунгусо-якутский натиск на ойратов Предбайкалья мог исходить лишь со стороны Забайкалья.

Таким образом, изучение этнического состава и особенностей культуры оленных якутов позволяет историку наметить ещё основные вехи, указывающие пути передвижения якутов в более ранние исторические эпохи. Кроме того, оттеснение якутами довольно многочисленных ойратских поколений напором из Забайкалья дает нам вполне удовлетворительное объяс-

нение и тому, на первый взгляд, странному явлению, что якуты-скотоводы при дальнейшем своем утеснении не пробились ни на запад в просторные степные места южных уездов б. Енисейской губ. и ни в Урянхайский край, ибо в том и другом направлении должны были отступать ойратские племена, в том числе и предки современных баргу-бурят (эхирит-булагаты). На якуто-монгольских и тунгусских взаимоотношениях мы остановимся подробно в отдельных главах.

Ещё более важным для истории якутов представляется долгое проживание якутов-оленеводов в бассейне р. Вилюя, ибо вместе с тем мы получаем решающий аргумент в пользу раннего заселения якутами-скотоводами Вилюйского, а не Якутского округа. Иными словами, первый этап истории якутов-скотоводов на Лене нужно рассматривать как непосредственное продолжение истории вилюйских якутов-оленеводов с постепенной заменой оленей конями и коровами. В связи с этим мы получаем основание говорить о втором этапе древних якутских переселений на север, о второй стадии якутской истории на Лене, а именно, об эпохе заселения Вилюя якутами-скотоводами. Если переселение на Вилюй обьякученных оленеводов мы рассматривали как пролог к дальнейшей истории Якутского края, то с наше-ствием вилюйских якутов, как будто, начинается история собственно якутско-го народа в бассейне Лены. Необходимая оговорка разъяснится позже, когда мы разберемся в этническом происхождении вилюйских якутов.

Раньше мы критически разобрали мнение тех историков, которые образование сплошных якутских поселений на Вилюе, за исключением его устья, относят к фактам порусской истории якутов<sup>1</sup>. Этому положению противоре-чит не только содержание некоторых важнейших документов эпохи завоева-ния Якутского края, но и обнаружение якутского населения как в среднем, так и в нижнем течении р. Яны. Исследователи, ограничивая территорию, за-селенную якутами пределами одного Якутского округа, несомненно, пере-оценили русское влияние на историю якутов и мощь казачьих отрядов. По мнению Серошевского, Майнова и Попова, весь секрет появления якутов на Вилюе сводится к силе толчка, полученного якутами от казаков. От иссле-дования крепости подошв казачьих сапогов, на что увлекают нас названные авторы, мы обратимся теперь к изучению более существенных и важных экономических и исторических причин заселения Вилюя якутами, что, несо-

---

<sup>1</sup> См I ч., гл. VI.

мненно, имело место не только задолго раньше появления казаков, но и до занятия якутами территории современного Якутского округа.

Прежде всего, мы должны поставить на разрешение вопрос, сам по себе напрашивающийся: якуты-скотоводы, при ранних своих сдвигах из Приангарского края в бассейн средней Лены, заселили сначала территорию Якутского или Вилюйского округа? Топографические и физико-географические условия края не предрешают ли правильный и единственно возможный ответ на вопрос? Об Олекминском округе мы не ставим особого вопроса, ибо этот округ и его население непосредственно связаны с южным Вилюем. Проверая родовые наименования якутов южного Вилюя и Олекминского округа, совсем не трудно установить единство их происхождения. В Хочинском и Сунтарском улусах мы находим два Нерюктейских и два Меитских наслега. Те же самые роды фигурируют и среди олекминских якутов: из их шести наслегов два носят название «Нерюктейские» и два «Меитские». Пятый — «Мальжегарский» наслег находит свою параллель в Мальжегарском наслеге Нюрбинского улуса, а шестой — «Кыллахский» наслег носит название не родовое, а географическое (от острова Кыллаах на Лене). И в территориальном отношении населенные пункты южного Вилюя и Олекминского края являются тесно сопредельными. Если от г. Олекминска до села Сунтар считается 350 км<sup>2</sup>, то фактически жилые пункты олекминских якутов по рр. Намане, Бирюксу ближе напо ловину указанного расстояния. В противоположность этому поселения олекминских якутов от жилых мест Якутского округа отделены пустынным пространством на протяжении 400 км, ибо к югу от реки Сины якуты Якутского округа не живут, за исключением нескольких точек по берегу Лены (Джэкэмдэ, устье Талбы и др.). Да и по р. Сине очень жидкое якутское население встречается лишь по левым притокам в области её среднего течения.

Южный Вилюй ещё теснее соприкасается с Ленским округом, где по долине Нюи и Пеледуй (раньше этот район находился в составе Киренского уезда Иркутской губ.) тоже живут якуты в числе около трех тысяч душ об. п. Их старое административное обозначение «якуты Сунтаро-Олекминского ведомства» само по себе говорит о том, что они находились в тесной связи с вилюйскими и олекминскими якутами. Расстояние Нюя—Сунтар определяется всего в 280 км, а жилые пункты, конечно, намного ближе<sup>3</sup>. Иными словами,

<sup>2</sup> См. Молодых. «Пути сообщения Якутии». Сборн. «Якутия». Изд. Акад. н., стр. 643.

<sup>3</sup> См. Молодых. Там же, стр. 643.

и нюйские якуты находятся в родстве с вилюйчанами. Вот почему нюйских и олекминских якутов мы не разделяем от старожильческого населения южного Вилюя.

Поставленный выше вопрос мы можем формулировать теперь ещё точнее: якуты в своем продвижении из верховьев Лены на север заселили сначала Нюя-Сунтаро-Олекминско- Вилюйские районы или территорию Якутского округа?

Этот вопрос достаточно поставить, чтобы единственно возможный ответ сам по себе напрашивался. В самом деле, если исходный пункт якутов видеть в Верхоленских или Бурятских степях, то Нюя — Сунтар будет играть роль промежуточной и передаточной инстанции по пути в Якутский округ, находясь ровно на 1000 км ближе к их древней родине. От села Качуг, где начало Бурятских степей, до устья р. Витима, около которого впадает в Лену р. Пеледуй и подходит на 50 км излучина р. Нюи, расстояние по руслу Лены считается 1342 км. От местечка же Нюи до г. Якутска через Сунтар—Нюрба—Якутск ещё будет 1285 км, а по р. Лене от Витима до Якутска—1400 км. Повторяем, самая постановка вопроса о том, что якуты заселили раньше Нюя-Сунтарскую область или же долину Лены, где теперь стоит г. Якутск, является, по существу, наивной и ребяческой. Это было бы равносильно вопросу: русские в своем продвижении в Сибири раньше колонизовали территорию б. Тобольской или Енисейской губ.?

Сплошные якутские поселения в области средней Лены с её двумя главными притоками Вилюем и Алданом, начинаясь основательным пятном на Нюе, переходят в излучину Вилюя, сделав здесь маленькую петлю на запад, продолжают далее вниз по обе стороны реки Вилюя. Левобережное население от р. Тюнг разрезается, а правобережное, немного отступая от берега реки, сплошь следует до самого устья Вилюя, далее продолжается без прерыва по левому берегу Лены на юг. От устья Алдана правый берег Лены имеет сплошное и густое население, заполняющее Амгино-Ленское плоскогорье до устья р. Ботамы. Левобережное население Лены по р. Сине загибается на север, следуя по речкам, впадающим в неё слева. Центральная часть Вилюе-Ленского плоскогорья имеет очень редкое население, местами же на сотни километров тянется пустынная тайга. Это полоса водораздела вилюйского и ленского склона.

Если часть Ленского бассейна, сплошь заселенную якутами, обозначить схематически, то она по своей форме напомнила бы огромный вопросительный знак, обращенный в обратную сторону: его точка — поселения нюйских

якутов, начальный загиб — население по излучине Вилюя в районе Хочинского улуса, обратный большой крюк составит население средних и северных вилюйских улусов, Намского и всех прочих улусов Якутского округа. Оконечность этого крюка заходит в систему речек Сини, где мы находим Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса.

Процесс исторического сложения этого вопросительного знака сплошной якутской заселенности Серошевский и Майнов хотели бы читать сзади наперед, ибо, по их мнению, исходный пункт якутских поселений в бассейне Лены начинается в пределах Якутского округа. Прослеживая постепенное продвижение якутов с юга на север от Ньюи через Сунтар— Хочу и далее вдоль Вилюя, мы находим у устья Сини конечный загиб, а они, по-видимому, с этого пункта хотели бы начать историю якутской колонизации.

Географические условия всего Ленского края, его относительное расположение к древнейшим поселениям якутов-скотоводов где-то около Байкала, его естественные богатства в виде лугов и пастбищ, необходимых для скотоводов, историю якутской колонизации ведут через Ньюю и Сунтаро Хочинский район. Этот исторический путь древних якутских переселений на Лену написан на поверхности самой кормилицы-земли, которая есть нечто иное, как живая книга бытия прошлых судеб якутского племени.

Легендарные представления самих якутов мы не можем признать более реальными, чем библейские. Праотцы древних израильтян кочуют по песчаной Аравии, питаются манной небесной и перепелами, которые прилетают по воле Иеговы ради спасения избранного народа. Причем, довольно многочисленный народ признает себя потомством одного праотца Иакова, в составе своей личной семьи переселяющегося в Египет.

В якутских сказаниях точно также трактуется происхождение целого народа. На Лену когда-то в незапамятные времена переселяется одна семья Омогой-Бая, вслед за ним прибывает одинокий бродяга — Эллэй, женится на одной из дочерей Омогоя и размножает целое племя. По рассказам подавляющего большинства народных сказителей Омогой и Эллэй прибывают на новую родину, плывя на плоту по реке Лене. По некоторым вариантам легенды Омогой плывет со скотом, по рассказам других он находит прародителей всего якутского скота около того места, где теперь стоит г. Якутск, в виде двух пар телят и жеребят, по самцу и самке<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> «Эллэйада». §§ 1—48.

В своей работе «Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о патриархах народа» мы доказывали, что библейские и якутские сказания о предках ответвились от одного общего корня и совпадают в целом ряде существенных мифологических мотивов. И тут и другую мифологию мы признаем идеологией древнейшей стадии номадизма, соответствующей эпохе приручения конного скота после рогатого. Если дело обстоит так, то якутские сказания должны принадлежать древнейшим степным народам. Следовательно, и основное ядро якутов когда-то ушло из монгольских степей в таежную Сибирь. Ввиду изложенного, мы не можем отрицать крупное научно-историческое значение якутских легендарных рассказов о своих предках. Однако, как бы красивы и художественно заманчивы ни были эти наивные мифологические сюжеты, нельзя согласиться ни с идеей размножения целого племени от одной или нескольких семей случайных переселенцев, ни с путешествием немногочисленных предков народа на плотах, и тем более с самозарождением якутского скота в самом Ленском крае. Несомненно, когда-то двигались большие массы народа, гоня перед собой многочисленные табуны конного и стада рогатого скота. Каждый народ события своей прошлой истории любит сжимать в единичные образы. Это, по-видимому, универсальный метод для сохранения в памяти народа общей схемы уже прожитой истории, присущий, главным образом, эпохе древнего номадизма.

Процесс постепенного образования якутского племени, его языка, материальной и духовной культуры, само собой разумеется, нельзя связывать с территорией современной Якутской республики. Это положение не нуждается в подробных доказательствах. Однообразие якутского языка, отсутствие в нем диалектологических различий и даже более или менее приметных говоров, несмотря на разбросанность его носителей на огромном пространстве, своеобразие и цельность религиозного мировоззрения якутов, их эпической поэзии и устных преданий, сложность и устойчивость психического склада якута и целый ряд особенностей их материальной и духовной культуры свидетельствуют о том, что якутское племя не является историческим новообразованием. Якуты, несомненно, народ древний, а культура их старинная. Достаточно взглянуть на огромный словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским и изданный Академией наук, чтобы убедиться в справедливости этого положения. Народная, бытовая культура складывается вообще очень медленным темпом.

Если якуты сложились в самостоятельную и многочисленную народность в глубокой древности, задолго до овладения ими бассейна Лены, то их переселение на север нельзя представлять себе в форме одного или нескольких нашествий немногочисленных людских ватаг. Библейская картина переселения этого народа, благосостояние которого заключается в многочисленных стадах и табунах домашнего скота, могла бы иметь место лишь в области степной или лесостепной полосы, где имеется постоянный запас корма, и, благодаря относительной мягкости климата, скот круглый год сам добывает себе пищу. В таежных областях Сибири подобные переселения мыслимы лишь при оленеводческом хозяйстве.

Изложенное убеждает нас в том, что переселение якутов в Ленский край должно было занять очень длительный срок. Нужно говорить не о массовом нашествии целого народа или его крупных отделов, а об эволюционном развитии якутской колонизации в Ленском крае при наличии южной метрополии. Постепенным почкованием начального ядра первых колонистов при повторных наплывах людей из далекого юга якуты и могли постепенно распространиться по всей шире Вилые-Ленской речной области. Задние ряды теснили передних, которые, углубляясь дальше, открывали новые обширные районы, удобные для хозяйственной эксплуатации. При таком понимании истории якутских переселений на Лену, идею перелета якутов из Верхолениских степей сразу в центральный район Якутского округа на расстояние 2500 км, конечно, необходимо откинуть, как несерьезную фантазию. Мифологическое представление прошлых судеб якутского племени должно заменить научным. Изложенный процесс истории развития якутских переселений на Лену переворачивает вверх ногами понятия и представления старых якутоведов. Они говорят: «Жили-были якуты на западной стороне Байкала в Приангарском крае, но в одно несчастное время нагрянули с востока воинственные буряты и отобрали у них насиженные земли; якуты — давай бог ноги, в верховьях Лены соорудили плоты и, сев со скотом, поплыли вниз, авось, да найдем земли, где будет возможно поселиться и продолжать свое скотоводческое хозяйство; и вот, наконец, в области средней Лены несчастные беглецы завидели многочисленные острова и удобные берега, высадились со скотом и снова зажили, не выходя за пределы Якутского округа до прибытия русских завоевателей».

Раньше думали, что Якутский округ есть метрополия якутов в пределах Ленского края, а поселения в Вилуйском и Олекминском округах — их позднейшие колонии, образовавшиеся силою казацкого натиска. А в живой дей-

ствительности было совсем наоборот: Вилюй есть исходный пункт древнейшего якутского обитания, а поселения Якутского округа — колонии новейшего образования.

## Глава II РАННЯЯ СТАДИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ВИЛЮЯ

Как могла развиваться вилюйская скотоводческая колония у прибайкальских якутов? Ответ на этот вопрос мы можем получить из истории оленных якутов.

В составе южных якутов мы обнаружили довольно значительную группу скотоводческого населения, которая издавна перемешалась с якутами-оленеводами. Это будут якуты Вилюйского округа, входящие в состав двух старых улусов, Верхневилюйского и Средневилюйского. По переписи 1917 г. общая численность населения этих двух улусов равнялась 27 тысячам д. об. п., т. е. около одной трети якутского населения всего Вилюйского округа. В дальнейшем изложении мы будем условно обозначать занятую ими территорию «северным Вилюем» (фактически было бы правильнее назвать её «восточным В.»), а их самих—«ранними вилюйчанами».

В северном Вилюе мы обнаружили роды, соименные с названиями родов оленных якутов: югюлээт, кююлэт, боотулу, хатыгын, кэлтээки, чорду, джооху и дулгаан. Два рода сологоон тоже обнаружены по соседству с северным Вилюем в пределах того же Вилюе-Ленского плоскогорья. Общую численность этих якутов, по названиям своих родов выступающих в роли связующего элемента между северными и южными якутами, мы определили, приблизительно, около 4000 душ. В пределах северного Вилюя, наверное, имеется немало и других родов, которые в раннюю историческую эпоху сожительствовали с оленеводами, но не дали на север своего оленеводческого ответвления. Эти роды могли переселиться с юга с конным и рогатым скотом или обзавестись ими от поздних переселенцев, ввиду чего им незачем было покидать северный Вилюй вслед за оленеводами.

В составе якутов Вилюйского округа ранние вилюйчане как по своему экономическому быту, так и по материально-духовной культуре занимают совершенно особое положение. Среди них и в настоящее время имеется немало хозяев, которые держат оленей совместно с конным и рогатым скотом. Но их исконное оленеводство, наверное, с очень давних пор идет к посте-

пенной ликвидации, заменяясь якутским скотом. По показанию одного бывалого якута Верхневилюйского улуса Ив. Ив. Чиряева, в б. Мастахском улусе, приблизительно, одна четвертая часть домохозяев держала домашних оленей. Немало оленей имелось и в Оргетском наслеге. В Баппагайском наслеге Средневилюйского улуса до недавнего времени были богатые оленеводы. Например, лично мне известны Евдоким Васильев с братом, которые на оленях даже возили почту и пассажиров по Вилюйскому тракту. Расспрашивая глубоких старцев или сверяясь в архивных документах, относящихся к северному Вилюю, мы, наверное, установили бы наличие значительных оленных стад у коренного вилюйско-якутского населения. Вилюйское оленеводство быстро ликвидировалось со времени возникновения ленских приисков, ибо якутские купцы скупали оленей для перепродажи их в приисках, где на оленях возили лесной материал. Скупщики оленей забирались даже в район озера Есей, Чиринды, Сюрюнгды и т. д., откуда олени перегонялись на Бодайбо.

Ближайшее сродство ранних вилюйчан с оленными якутами ещё более рельефно обнаруживается в рыболовческом промысле, сильно развитом как у первых, так и у последних.

Современный Вилюй в целом, хотя и показывает картину господства скотоводческого хозяйства, но тем не менее, по сравнению с Якутским округом, рыболовство и охота занимают более почетное место в его народном хозяйстве. Но что ещё важнее, чем глубже будем уходить в далекое прошлое, тем более они преобладали. Якутяне и теперь представляют своих вилюйских собратьев, по преимуществу, рыбаками. Весьма популярная среди них ругательная кличка вилюйчанина «сымасыт», т. е. рыбак, питающийся запасами озерной рыбы. Нарком здравоохранения Якутской республики А. Ф. Бояров в своем докладе на 5-м съезде Советов говорил:

«Сыма пользуется нехорошей известностью и так как питаются ею исключительно в Вилюйском округе, то это дало повод некоторым шутникам называть всех вилюйчан «сымасытами», т. е. питающимися сымой... Жители Якутского округа и верховьев Вилюя относя свысока и пренебрежительно к лицам, питающимся сымой»<sup>5</sup>.

Эта экономическая характеристика вилюйского якута, вероятно, создавалась в глубокой древности и имела в виду, главным образом, ранних вилюйчан, где рыба и теперь играет очень важную роль в их пищевом режиме.

---

<sup>5</sup> См. 5-й. Всеякутский съезд Советов. Бюллетени съезда. Стр. 162—163.

Доктор П. А. Колпакова, на отчет которой мы ссылались раньше, посетившая часть улусов северо-восточного Вилюя, так описывает их население в отношении преобладающей пищи.

«Мастахский улус... Население живет очень бедно и крайне грязно... Питается рыбой из озер, свежей, вяленой хохту (сушеная мундушка), мороженой рыбой, часто прокисшей, если она заготовлена впрок слишком рано осенью, рыбными консервами: сыма (заквашенная особым образом в молоке вареная мундушка) и агаран, заквашенная вареная мундушка в кислом молоке...»

«Пятый район — Средневилюйский — низменная песчаная равнина с огромным количеством озер. Население этого улуса живет несколько культурнее и зажиточнее, чем на Мастахе... Питается так же, как и на Мастахе, главным образом, рыбой: вяленой, мороженой, квашеной...<sup>6</sup>»

Сельскохозяйственная перепись 1917 г., при всей явной неточности её данных, дает возможность получить приблизительное представление о степени развития рыболовства в Вилюйском и Якутском округах.

Ежегодная добыча рыбы в трех южных округах определяется в количестве 100403 пудов. Из них 82528 пудов добыто в Вилюйском округе, 15150 пудов в Якутском и 2725 пудов в Олекминском. Орудия лова распределяются в следующем порядке:

В Вилюйском — сетей 7621, неводов 684, морд 90111.

В Якутском — сетей 2696, неводов 636, морд 12120.

Таким образом, Вилюйский округ, имея половину населения Якутского округа, имеет ежегодную добычу рыбы почти в четыре раза больше, чем в последнем, по количеству рыболовных морд превосходит его в семь раз, по количеству сетей — в три раза.

Сводные таблицы по округам ещё не дают правильного представления о действительности. Если обозреть данные по улусам, то оказывается, что все вилюйское рыболовство сосредоточено в трех северных улусах, а именно, в Верхневилюйском, Средневилюйском и Западновилюйском (Удюгэйский и Мастахский). Мы даем ниже сводную таблицу о состоянии рыболовства по всему Вилюйскому округу и по трем его северным улусам.<sup>7</sup>

<sup>6</sup> Матер. Комиссии по изуч. Авт. Респ. Вып. 10. Стр. 112 и 113.

<sup>7</sup> См. М. П. Соколов. Якутия по переписи 1917 г. Стр. XI, VIII, 41, 55, 14—15.

	Добыто рыбы	сетей	морд	неводов
По Вилуйскому округу	82528	7621	90111	684
По 3-м северным улусам	69160	6242	81009	448

Вилуйские данные о состоянии рыболовства, несомненно, уменьшены во много раз по сравнению с цифрами Якутского округа, ибо в последнем преобладает общественная ловля неводами, легко поддающаяся учету и общественному контролю, а на Вилую на первом месте стоит индивидуальная добыча сетями и мордами. Упомянутый выше Чиряев говорил нам: «У нас на Вилую (разумеет северный В.) рыболовных сетей очень много, почти у каждого хозяина бывает по 50—70 сетей». Это показание, хотя тоже преувеличенное в обратную сторону, по всей вероятности, имеет в виду группу более зажиточных хозяев. Если у жиганских якутов обеспеченность сетями на каждое хозяйство мы определили в среднем 4,5 сети, то в скотоводческом районе ранних вилуйчан она не может не быть выше в два или три раза, т. е. 10—15 сетей на хозяйство. В официальных же данных количество сетей показано едва-едва по одному на хозяйство.

Из улусов Якутского округа рыболовство больше всего развито по Намскому улусу. Ниже мы даем сравнительную таблицу по всем улусам Якутского округа вместе взятым и отдельно по одному Намскому:

Добыто рыбы	сетей	неводов	морд
По Намскому улусу 3885 пуд.	636	118	3481
По всем остальным улусам 12885 пуд.	2696	548	12120

Таким образом, в Намском улусе сосредоточено немного меньше одной трети всей добычи рыбы и одна четвертая часть рыболовных снарядов округа, тогда как пропорционально населению должно было быть отношение как 1 к 8. Иными словами, в Намцах рыбачат в два раза больше, чем в других улусах. В территориальном отношении Намский улус, собственно говоря, является продолжением северного Вилуя. Он захватывает значительную часть вилуйского озерного района.

Итак, три северных вилуйских улуса и по своему современному состоянию являются, по преимуществу, рыболовческими. Рыба в питании населе-

ния этих улусов до сих пор занимает очень почетное место. В начальную же эпоху развития якутской колонизации, когда скотоводство ещё не прошло подготовительную стадию и выражалось в мизерных цифрах, ловля озерной рыбы, несомненно, составляла главное хозяйственное занятие первых колонистов.

У северных якутов почти повсеместно практикуется вилюйский способ консервирования рыбы под названием «агаран»: «кислая и протухшая рыба, сложенная в устроенные для того ямы ещё с лета; ею любят лакомиться все жители от Жиганска вниз по Лене, для чего квасят самую лучшую рыбу»<sup>8</sup>. У северных оленеводов сушеная рыба называется «поорча», а у ранних вилюйчан «буорса».

К культурным признакам древнего рыболовческого быта, как мы отмечали раньше, относятся конические шалаши «холомо», заваливаемые дерном, существующие как у оленных якутов, так и в северном Вилюе. По народным преданиям и даже по воспоминаниям стариков, холомо было очень распространенным типом зимнего жилья в пределах всего Вилюя. Рыбаки Жиганского улуса в теплое время года живут в куполообразных шатрах, крытых лиственничной корой — «хатырык отуу». На Вилюе шалаши, крытые древесной корой, тоже служили жилищем бедноты в летнее время и вывелись из употребления на памяти многих стариков.

Разбираясь в особенностях языка оленных якутов, в обычаях и нравах, а также и в шаманистическом ритуале, мы опять-таки констатировали целый ряд моментов, которые сохранились у ранних вилюйчан.

Наиболее характерным признаком духовной культуры северных якутов, как нам известно, является их самобытный героический эпос. Поэтому лучшим доказательством совместного жительства ранних вилюйчан с оленными якутами было бы обнаружение у последних элементов оленекского хосунного эпоса.

Нам удалось добыть значительный материал по легендарному эпосу южного или юго-западного Вилюя, в пределах которого живет свыше 50-ти тысяч вилюйчан. Это будет якутское население четырех бывших улусов — Хочинского, Сунтарского, Нюрбинского и Мархинского. Среди них циркулируют совершенно однородные сказания с общими легендарными именами, сюжетами и мифологическими мотивами. Это обстоятельство свидетельствует об общности происхождения и исторической судьбы населения южно-

---

<sup>8</sup> См. Э. К. Пекарский. Слов. 146 ст. со ссылкой на статью Хитрова.

го Вилюя, которое выделяется нами в особую группу, т. н., «поздних вилюйчан». Героический эпос поздних вилюйчан ранним вилюйчанам не известен. Основываясь на этом весьма характерном моменте, мы должны историю колонизации Вилюя якутами делить на две самостоятельные стадии — раннюю и позднюю.

Что касается местного легендарного эпоса ранних вилюйчан, то дело его собирания, очевидно, составит задачу будущих исследователей. Нам удалось установить лишь тот факт, что в пределах северо-восточного Вилюя героические сказания не сложились в один разработанный цикл, объединяющий многие наслеги и роды. Отсутствие общих легендарных героев свидетельствует о том, что ранние вилюйчане не выступали в качестве организованной общественной силы. Если значительное по численности и территориальному распространению население держит в своей памяти имена одних и тех же легендарных героев, рассказывает о них более или менее однородные мифологические сюжеты, то это обстоятельство, по нашему мнению, является одним из бесспорных признаков существования в данном районе всеми признанной общественной власти. Граница распространения цикла однородных сказаний поможет нам установить основное ядро того населения, силою которого поддерживалась данная общественная организация. Герой народных легенд, как общее правило, является идеологическим пережитком существовавшей в данной среде и довольно устойчивой общественной организации со своим представителем верховной или подчиненной власти.

У якутов и других скотоводческих народов орган верховной или подчиненной власти в устных легендарных сказаниях обычно фигурирует со званием предка или прародителя того населения, которое находилось под его управлением. Отсюда следует: если устные генеалогические сказания народа о своем происхождении не переходят за пределы одного маленького рода или наслега, то это и значит, что его прошлая общественная организация ограничивалась одним родом или совокупностью двух-трех родов, ныне образующих наслег.

В противоположность этому, если много родов нынешних наслегов работали идею общего для всех предка- прародителя, от сыновей которого, якобы, происходят отдельные наслеги и роды, то мы вправе признать, что вся совокупность данных наслегов и родов когда-то создала одно обширное территориальное объединение с единой властью во главе. В этом отношении поздние вилюйчане очень сильно отличаются от ранних. Все якуты улусов Хочинского, Сунтарского, Нюрбинского и Мархинского признают себя потом-

ками общеизвестных героев-предков, трех братьев: Быркынгаа-Боотура, Босхонг-Бэлгээти и Тойук-Булгудах. Быркынгаа-Б. представляется обычно старшим и главенствующим, а остальные братья играют при нем подчиненную роль. Несколько позже мы займемся подробным разбором легендарного эпоса поздних вилюйчан с точки зрения его исторического значения. В данный момент для нас важно установить глубокую разницу в степени развития героического эпоса северного и южного Вилюя. Поздние, вилюйчане имеют легендарных героев не только улусного, но даже окружного масштаба, тогда как у ранних, по-видимому, совершенно отсутствуют герои-предки, выходящие за пределы одного наслега или рода.

В пределах северного Вилюя с уст самого местного населения нам удалось записать лишь легенду о предке обширного Оргетского наслега Верхневилюйского улуса Кюрэнчэ-Боотуре (Беглец-богатырь)<sup>9</sup>. К этой легенде примыкает рассказ о Тюрбуй-Боотуре, записанный нами с уст одного глубокого старца Мархинского улуса Самсонова. (Ему 83 года)<sup>10</sup>. Хотя Самсонов возводит Тюрбуй-Боотура в звание предка нескольких наслогов б. Верхневилюйского улуса, но этот источник мы признаем ненадежным, ибо сам сказитель принадлежит к поздним вилюйчанам и является одним из лучших знатоков их героического эпоса. Кроме того, его собственный наслег «Юёдэй», по всей вероятности, включает в себя очень многих беженцев порусской эпохи из наслега Юёдэй же Намского улуса, расположенного вблизи г. Якутска. При восстаниях кангаласцев юёдэйцы, наверное, принимали ближайшее участие и потому при ликвидации восстаний они должны были спастись бегством на Вилюй.

Имя Кюрэнчэ-Боотура известно и в б. Мастахском улусе, наряду с каким-то Бадара-Хара. Сказания о таких мелких героях, популярных в узко ограниченном кругу, несомненно, существуют, но, чтобы зафиксировать их, нужно было бы объездить многие наслеги и роды северного Вилюя. Пока мы располагаем лишь двумя сказаниями о Кюрэнчэ-Б—ре и Тюрбуй-Б—ре, из которых более важным мы признаем первое, как добытое из местного источника.

Кюрэнчэ-Боотур, по-видимому, один из самых популярных героев ранней стадии в истории вилюйской колонизации. По сюжету легенды, он представляется ранним насельником края и занимается рыболовством. В легенде

---

<sup>9</sup> См. «Эллэйада». § 216.

<sup>10</sup> Там же, § 259.

нет никаких указаний на то, чтобы он обладал конным или рогатым скотом, хотя и рисуется «отборным удалцом из якутов». Характерно и то, что он сам непосредственно не борется с местными тунгусами, а лишь принимает участие в их междоусобных распрях в качестве союзника одной воюющей стороны. В этой войне он добывает себе жену-тунгуску.

Для нашего исторического исследования весьма интересно то, что легенда о Кюрэнчэ-Боотуре является простой переработкой основного сюжета известного нам оленекского хосунного эпоса в борьбе Юнгкээбиля и Чэмпэрэ. Сюжет легенды таков:

«Кюрэнчэ-Б. был одинок, не имел ни жены и ни детей. В союзе с одним тунгусом, семью которого истребили какие-то враждебные тунгусы, он нападает на последних. Один ловкий тунгус, выскочив через дымовое отверстие шатра, побежал. Кюрэнчэ гонится за ним. Тот прыгает через речку. В этот момент стрела Кюрэнчэ переломила его ногу. Раненый тунгус почему-то отрывает и ест кусок своего подбрюшного жира. Кюрэнчэ с товарищем истребляют всех тунгусов, за исключением одного седого старца и одной женщины, на которой Кюрэнчэ женится. Кроме того, случайно уцелел ребенок, спрятанный матерью в подполье. Позже упомянутый тунгусский ребенок, воспитанный дедом, приходит мстить за истребление своих людей. Кюрэнчэ умоляет тунгуса помириться с ним, ибо он, де, женился на его матери, но тунгус предпочитает быть убитым, чем мириться со своим кровным врагом. Кюрэнчэ убивает тунгуса». (Элл. § 326).

Нельзя сомневаться в том, что эта легенда воспроизводит все наиболее характерные черты сказаний об Юнгкээбиле в их ранней редакции (месть сына за убийство отца), сохранившейся у якутов Анабара, озера Есей, илимпейских тунгусов и у кондагир в верховьях Ниж. Тунгуски. (Сказание о Нургаабыле).

Каков же исторический смысл легенды о Кюрэнчэ-Боотуре?

По нашему мнению, эта легенда является отражением начальной стадии в истории развития якутской колонизации на Вилюе, целиком ещё занятом северными якутами-оленеводами, фигурирующими в легенде под названием «тунгусов». Напоминаем привычку современных вилюйчан называть по-якутски говорящих оленеводов севера тунгусами.

Судя по легенде, якуты ещё не выступают самостоятельно, живут совместно со старожилками-оленеводами, из их среды берут себе жен, занимаются, главным образом, рыболовством, вероятно, совместно с охотой. Увеличившись численно, они могли принимать участие и в распрях местных

оленеводов, обуславливая победу одной из враждующих сторон. Здесь, очевидно, мы имеем дело не с массовым переселением якутских родов со своим скотом, а с постепенным наплывом разнообразных изгоев тогдашнего феодально-деспотического общества. Это должно было быть нечто вроде южнорусской степной вольницы, набиравшейся, главным образом, из беглых крестьян, преступников, дезертиров, послушников царской воли и т. д.

По данным русской истории, выделение русской степной вольницы является одним из видов проявления классовой борьбы, формой протеста обездоленных и угнетенных слоев русского общества в эпоху сложения московского абсолютизма. В Москве крепла царская власть за счет умаления привилегий и вольностей старого боярства, отчасти и именитого купечества (Новгород Великий), на почве кормления служилого дворянства ухудшалось положение тяглого крестьянства, постепенно переводимого в состояние крепостного рабства. Одновременно за рубежом южных окраин государства «вниз по матушке по Волге», в области «тихого Дона» спасались обиженные и оскорбленные и свивала себе гнездо стихийная сила протеста угнетенных классов, давшая разиновщину, возмущение Булавина, пугачевщину и т. д. Позже побежденная степь из бунтующей и революционной силы превратилась в оплот русского империализма и монархического режима (казачество).

Как видно из якутских народных преданий, аналогичный процесс совершался внутри якутского общественно-политического организма в эпоху его существования около Байкала в Приангарском крае, но лишь в обратном направлении, т. е. самовластие повелителей якутского народа, нажимая на свои низы и окраинные роды, гнало свою непокорную вольницу вглубь беспредельной северной тайги. Само собой разумеется, что магнаты скотоводческого быта держали в своих руках южные степные просторы, где паслись их тысячные табуны и стада разнородного скота, а придавленная ими народная масса больше тяготела к таежной полосе, ибо она могла существовать и пропитываться разными промыслами — охотой, рыболовством, собиранием съедобных корней, сосновой заболони и т. д. Исход якутской промысловой вольницы на север облегчался также направлением главного водного пути — Лены. Очень удобные для эксплуатации скотоводами Братские степи, начинаясь в 25-и км от г. Иркутска у д. Хомутовой, широкой столбовой дорогой ведут до самой Качугской пристани в верховьях Лены, где и теперь все едущие в Якутский край садятся на лодки, карбаза, плоты и пароходы, которые беспрепятственно могут двигаться по ленским водам вплоть до берегов Ледовитого океана. Мы знаем, что поэтическая фантазия якутского народа свое

переселение с юга на север облекла в красивый художественный образ: праотец якутов Элэй-Боотур, прибыв по безводным степям к верховьям Лены, сел верхом на плывущую по реке коряжину и на таком импровизированном коне прибыл к месту своего будущего поселения. Некоторые сказители при этом добавляют:

«Когда он плыл, сидя верхом на бревне, его отражение на воде принимало очертание человека, едущего верхом на коне сплошь белой масти». (Элл. § 44). По некоторым вариантам, умирающий отец Элэя советует ему, прежде чем сесть на плот или бревно, рубить деревья и щепы бросать в реку, чтобы живущие далеко ниже люди по приплывающим щепкам заранее узнали о его прибытии.

Если владельцы диких табунов конного скота и не могли совершить столь идиллическое плавание вниз по Лене, то ватага промышленников, беглых рабов или иных изгоев якутского общества, конечно, должна была соблазняться возможностью легкого путешествия на плотках до жилых пунктов вниз по Лене. Оленеводы Вилюя, говорящие по-якутски, могли быть ближайшей целью их путешествия. Беглецам нужно было доплыть до Мухтуи или Ньюи, где должны были попадаться крайние пункты охотничьей территории оленеводов Вилюя. Беглецы, покидая навсегда якутские улусы, могли уводить из вольно пасущихся тоёвских стад жирных быков и коров, чтобы иметь провизию в пути, а также и верховых коней. Сплавить последних на плотках, конечно, не представляло никакой трудности. По окончании водного пути беглецы на этих конях должны были совершить путешествие через тайгу в южный Вилюй.

Имя раннего легендарного насельника северного Вилюя — «Кюрэнчэ» (от глагола «кюрююр» — тайком убегать, учинять побег) — «беженец» нужно толковать как собирательный образ.

Один из легендарных предков якутов Верхоянского улуса носит точно такое же нарицательное имя «Кюрюёчэй» — беглец. (См. Элл. § 212). На реке Омолое, впадающей в Ледовитый океан между Леной и Яной, под 70° северной широты, мы находим часть якутов Верхоянского улуса, выходцев из разных наслегов, которые обзавелись оленями и ведут тунгусский образ жизни, но частично сохранили и свой якутский скот. Подавляющее большинство из них принадлежит роду борогон, т. е. является несомненными выходцами из Борогонского улуса Якутского округа. О своем происхождении эти северные борогонцы рассказывают следующую легенду:

«В Якутском крае когда-то в далекую старину жили два человека, одного из них звали Чокуйа, а другого — Мангыс. Последний был шаман. Однажды они косили траву горбушами. В это время шел дождь. Как-то случайно горбуша у Чокуйа сорвалась из рук и порезала насмерть его тетку. Боясь ответственности за этот проступок. Чокуйа с шаманом Мангыс и ещё с третьим товарищем бежали на дальний Север... От этих беженцев и размножились якуты Борогонского наслега Верхоянского улуса. От упомянутого шамана произошел один род, который теперь называется эльгэс». (Элл. § 211).

В Верхоянском улусе существует самостоятельный наслег Эльгэс (офиц. Эльгетский); кроме того, в бассейне Индигирки мы находим один маленький улус — Эльгетский. По преданиям верхоянцев, предком всех родов «эльгэс» называется некто Эльгэс-Ороону, который, якобы, «прибыл первым из Якутского края с двумя товарищами». Он же открыл Абый, т. е. территорию Эльгетского улуса. (Элл. § 210).

Очевидно, приведенный выше сюжет о беглых преступниках когда-то имел отношение к предкам эльгэсских родов Верхоянского улуса.

Образование якутской скотоводческой колонии по Яне, несомненно, относится к более поздним временам, когда главная масса якутов уже переселилась в Якутский округ, а развитие беженчества на Вилюй к оленеводам из прибайкальских якутских кочевий имеет в виду древнейшую эпоху. Поэтому в легенде о вилюйском беглеце «Кюрэнчэ» причина его бегства уже забылась за давностью времени. Но тем не менее, рассуждая по аналогии, мы вправе допустить, что и раннее беженчество на Вилюй часто вызывалось теми же причинами. Легендарные образы беглецов на дальние окраины — Кюрэнчэ, Кюрюёчэй, Мангыс, Чокуйа и Эльгэс-Ороону — нужно рассматривать не как воспоминание об единичных исторических личностях с приведенными именами, а как сборные типы, отражающие длящееся социальное явление одного и того же порядка. В этом мы убеждаемся ещё и потому, что имена Кюрэнчэ и Кюрюёчэй являются не собственными именами, а нарицательными кличками, которые одинаково приложимы ко всяким беглецам. Следовательно, и сюжеты народных легенд нужно толковать не как летописное сообщение об единичном факте. Если в легенде говорится, что Чокуйа случайно зашиб насмерть свою тетку, то отсюда ещё не значит, что все беглецы Верхоянского края обязательно должны быть убийцами своих теток. Легендарный сюжет нужно рассматривать только как намек на типические признаки житейских фактов. Случайному убийце своей тетки, если он был представителем привилегированного класса, вряд ли нужно было спасаться

бегством в дальний Верхоянск. Иное дело, если убийца был бесправный кулут (раб), хамначчыт (батрак) или рядовой простолюдин, а потерпевший принадлежал к правящей верхушке.

Вряд ли мы ошибемся, если признаем, что единичные беженцы на дальние окраины в подавляющем большинстве случаев подбирались из низшего слоя населения, бедного и обездоленного. В числе их могли быть рабы-хамначчыты из иноплеменников, захваченных во время войн. Даже их ближайшие потомки, пока будут живы воспоминания об их происхождении, не могли бы пользоваться одинаковыми правами с прочим населением. Мы отмечали выше, что в Предбайкалье якуты должны были столкнуться с монгольскими племенами, часть которых, оторвавшись от своих главных отделов, очутилась в якутском зажиме... Эти элементы, образовавшие среди победителей «атах ага ууса», т. е. последние, худые, бесправные роды, конечно, дадут и большой контингент беженцев на дальние окраины. Каждый победитель, если он дарует жизнь побежденным, прежде всего старается подсесть их жизненные силы или выражаясь по-былинному, захватить в свои руки «душу» противника, которая обычно живет в его движимой собственности — в скоте. Отобрав у побежденного врага весь его наличный скот, древний якут должен был бы сказать: «Ну, теперь я сюрюн-кутун тосуттум, сир сырайдаатым, буор харахтаатым», т. е. «Сломал его душу-мощь, оставил его с поникшей головой и со взором, устремленным на землю». Вот почему иноплеменные примеси, лишившись своего скота, в силу крайней необходимости должны были кормиться промыслами или образовать кадры пастухов тоёнских стад. В начальный период их объёкучения, когда были ещё живы воспоминания об ожесточенной борьбе с ними, когда политика господствующего класса все ещё была проникнута враждебным чувством к инородным элементам, бегство последних на дальний север нужно рассматривать как простой и естественный выход из их тяжкого положения.

В легендах якутян<sup>11</sup> сохранились довольно ясные указания на то, что Виллюй в древности служил местом убежища для лиц, навлекших на себя гнев якутского царя Тыгына. Так в одной легенде рассказывается, что Тыгын заподозрил Быркынгаа-Боотура, предка виллюйчан, в краже своего знаменитого коня. Призвав его к себе, Тыгын отобрал у него сорок верховых коней в уплату «четырех главных частей туши» (украденного коня) и сказал ещё:

---

<sup>11</sup> Якутяне — якутское население быв. Якутского округа.

«А что касается платежа остальных, мелких частей туши, то об этом мой приговор узнаете по прошествии праздника, ибо в эти дни, когда взирает на нас святое божество и возвратился сам Уордаах-Джёсёгёй (бог — покровитель конного скота), будет грешно окровавить людей, подвергая их телесному наказанию».

Услышав этот приговор, Быркынгаа-Б. говорит своим людям:

«Чем здесь, подвергаясь телесному наказанию, позволять кромсать наше тело и портить нрав, лучше бежать. Пусть наши дети плачут, а жены остаются. Тайком мы проберемся туда, где Вилюй изливается тремя протоками, где перелетной дичи видимо-невидимо, а разная рыба на берегах рек и озер просто гниет».

«И вот все (сорок человек)... бежали по направлению летнего восхода солнца, взяв на плечи седла и захватив с собой луки».

По дороге эти беглецы разграбили одного богатого якута, который отказался дать им провизию, говоря:

«Грабителям и ослушникам якутского царя я не намерен оказывать какое-либо содействие, куда направились, туда и идите».

Легенда заключается следующими словами:

«... эти сорок человек взяли жен из местных тунгусов и расплодили четыре вилюйских улуса». (Элл. § 86).

О бегстве на Вилюй социально угнетенного элемента говорит ещё одна легенда, сохранившаяся в памяти ранних вилюйчан. В Жемконском наслеге Средневилюйского улуса есть один род под названием маганы. Предок этого рода происходит из якутов Якутского округа. Там у одного богатого человека он служил в качестве оруолдьут, т. е. в числе домашних слуг, челяди. Богач был старик. Когда он умер, его три сына решили похоронить вместе с отцом живыми семь голов конного скота и упомянутого раба в качестве стремяного. Раб верхом на хозяйском знаменитом скакуне Хастырхай-Мангаас был отправлен на поиски табунов, из которых надлежало отобрать коней для похорон. Любовница раба, встретив его у ворот предупредила, что хозяева собираются похоронить его вместе с отцом. Тот, не слезая с лошади, ускакал и прибыл на Вилюй. «Три брата гнались за ним три дня и три ночи, но не могли догнать». (Элл. § 325).

Хотя современные носители этой интересной легенды и склонны бегство своего предка-раба приурочить к поздней русской эпохе, ибо дают ему православное имя Филипп, но, несомненно, сюжет её идет со времен глубокой древности, ибо в русское время вряд ли якуты могли соблюдать упомя-

нутый обычай. Сказители, вероятно, механически приурочили легенду к личности более позднего потомка беглого раба.

Итак, мы приходим к выводу, что в период жительства якутоскотоводов в Предбайкалье отдаленный Вилюй, насе ленный обьякученными оленеводами, должен был привлекать к себе довольно значительное количество беглецов из среды бедных и угнетенных слоев якутского населения. Вслед за ними могли уходить на Вилюй окраинные якутские роды, образовавшиеся из иноплеменников, необеспеченных в достаточном количестве домашним скотом, пастбищами и лугами и снискивающих себе пропитание, по преимуществу, охотой и рыболовством. Так постепенно должна была вырасти на Вилюе самостоятельная якутская колония. Ясно, конечно, что эти изгои якутского общества должны были существовать, главным образом, за счет рыболовства и охоты, но могли держать в незначительном количестве конный и рогатый скот, приведенный ими из метрополии. Относительно якутского конного скота мы знаем, что он почти повсеместно в пределах Якутской республики отлично приспособился к суровому климату и может перезимовать, добывая себе пищу подножным кормом. Рогатый же скот нуждается в теплой стойке и в запасах сухого корма в течение 7—8 месячной зимы. Поэтому у ранних колонистов Вилюя должен был преобладать конный скот, ибо древние скотоводы не могли сразу привыкнуть к запасанию сена. С другой стороны, чтобы рогатый скот не околел на морозе, нужно было постоянно держать его в своей юрте.

Среди легендарных героев северного Вилюя, наряду с Кюрэнчэ, мы называли Тюрбуй-Боотура. Он представляется более поздним пришельцем и застаёт на Вилюе Кюрэнчэ — «дряхлого и отупевшего старика». Этот старик и его люди были страшно напуганы его прибытием и, выдав за него свою дочь, сделали его зятем. Тюрбуй-Боотур приезжает верхом на коне. До отыскания Кюрэнчэ он убивает одну женщину и её мужа, ехавшего верхом на коне «бело-молочной масти, с мечом и луком в сайдаке». (Элл. § 259). Легенда о Тюрбуй-Б-ре, очевидно, отражает конец ранней эпохи в истории колонизации Вилюя, когда начали переселяться небольшие роды.

Что касается особенностей материальной и духовной культуры ранних вилюйчан, то она, как мы неоднократно отмечали раньше, должна была характеризоваться смешением с бытом северных оленеводов, которые, по видимому, оставались политическими хозяевами края, ибо неимущие и разрозненные беглецы с юга, разбросанные по бесчисленным рыбным озерам Вилюйского края, не могли представ лять из себя хорошо организованную

силу, могущую претендовать на власть. Господству оленеводов могли положить конец лишь поздние вилюйчане, переселявшиеся компактными и организованными группами, возглавляемыми своими испытанными вождями.

Культурный облик современного северного вилюйчанина, конечно, значительно разнится от той картины, которую мы могли бы наблюдать в переходную эпоху от оленеводства к якутскому скотоводству. С того времени ранние вилюйчане разбогатели якутским скотом и культура их, несомненно, сильно качнулась в сторону преобладания собственно якутских элементов. Кроме того, знакомясь с общественностью современного северного Вилюя, нетрудно заметить в ней тонкую прослойку поздних выселенцев из Якутского округа, которые в эпоху якутской самостоятельности поселялись среди отсталых старожилов края для организации местного управления. Из этих маленьких воевод, присылавшихся из центра для «кормления», т. е. эксплуатации окраинного населения, образовался свой местный тоёнат, твердо хранящий общезаконные традиции и симпатии к ленским якутам. Их потомки прекрасно помнят общеизвестные легенды об Омогое, Эллее и Тыгыне. Они даже относятся несколько свысока к населению юго-западного Вилюя, считая себя более чистыми носителями якутской культуры. Кроме того, в истории заселения якутами территории Якутского округа был довольно длительный период, когда должно было развиваться значительное беженчество в северо-восточный Вилюй. И эти поздние переселенцы должны были сильно воздействовать на культурный облик раннего вилюйчанина.

### **Глава III**

## **ВИЛЮЙ КАК КОЛОНИЯ ПРИБАЙКАЛЬСКИХ ЯКУТОВ**

Мы знаем, что в очень раннюю историческую эпоху переселился на Вилюй народ, хотя и очень смешанного происхождения, но в достаточной мере объакученный и имеющий в своем составе якутские роды, воспринявшие тунгусский образ жизни. Вслед за этим оленеводческий Вилюй становится местом убежища различных беглецов и изгоев, выделяемых якутским феодально-деспотическим обществом. Натурализация этого элемента на Вилюе в дальнейшем должна была повести к развитию там и начатков якутского скотоводческого хозяйства. Приглядываясь к условиям своей новой родины, якут-скотовод не мог не задаваться мыслью акклиматизировать здесь, преж-

де всего, конный скот, легко переносающий зимнюю стужу и подножное кормление. Единичные удачные опыты завоза коней, конечно, должны были вызвать повторение их в большем масштабе, ввиду чего со временем возможность размножения там конного скота станет достоянием ходячей народной мудрости. Это обстоятельство не могло не усилить контингент переселенцев на Вилюй.

Укрепление скотоводческого хозяйства на Вилюе и дальнейший рост там якутской колонизации, завершившейся позже переселением на Лену всего якутского племени, свидетельствуют о том, что обитатели Вилюя находились в оживленных сношениях с прибайкальскими якутами. Эти связи могли существовать издревле со времени переселения на Вилюй объякученных оленеводов. Последние за время близкого сожительства с прибайкальскими якутами не могли не вступать с ними в товарообмен, обусловленный структурой их охотничьего быта и потребностью в продуктах скотоводческого хозяйства с его более развитым ремеслом и начатками добывающей промышленности (плавка руды, добывание соли).

1. древних якуто-тунгусских взаимоотношениях мы можем судить по той картине междуплеменного торгового общения, которая существовала в районе Байкала и верховьев Амура в момент русского завоевания, согласно показаниям исторических актов.

«А по Киренге живут многие тунгусы..., а соболи продают в Браты на животину и просо».

«Серебро в Браты идет из Мугал, а покупают братские люди то серебро у Мугал на соболи»<sup>12</sup>.

«Идет серебро из китайского государства в Мугалы, а из Мугал в Браты и иные во все орды».

«Просо сеют брацкие, люди по Ангаре и соляные де ключи по верх Тунгуски, сказывают, есть, и соль варят в котлах».<sup>13</sup>

«Да на той де, государь, Шилке реке у князца Ладкая... под улусом близко серебрянная руда... Даурские князцы Ладкай с товарищами плавят серебро... И то де у них серебро расходуется по многим волостям и по улусам в продаже, а продают де, государь, серебро на соболи, а соболи, государь, у них на Шилке реке покупают китайские люди на камки и на всякие товары...»

<sup>12</sup> См. Доп. к Ист. Акт., т. II, акт № 89 от 1640 г., стр. 247 и 248.

<sup>13</sup> См. Там же, акт № 91 от 1641 г., стр. 251.

«А на усть де, государь, Шилки реки живут килорцы (тунгусы), а торгуют де они с китайскими людьми».

«Да на Шилке же де, государь, реке у князца Ладкая и у иных князцей по улусам пашут хлеб рожь и ячмень... и то де они хлеб продают на Витим реку князцу Ботоге и иным князцам, и тунгусские де, государи, люди у них покупают же на соболи».

«... а падет Цыпирь река в Витим реку.., а живут де на том Цыпирском озере тунгусские неясачные люди, шунилцы и чипчягильцы и иные роды.., а продают де, государь, те тунгусские люди соболи на хлеб и на скот и на серебро меняют на Шилке ж реке, и у тунгусских де людей и шелегинцев круги и пуговицы серебрянные, и он де, государь, Максимко то серебро у тунгусов видел».

«...и оне де тунгусы (живущие по Верхн. Ангаре) основали на Ламе (т. е. около озера Байкал) у брацких людей и что у них было соболей, и те соболи продали в Браты...»<sup>14</sup>.

Картина товарообмена и экономических связей между разными племенами, живущими вокруг Байкала и в верховьях правых притоков Лены и Амура, устанавливаемая приведенными документами в первой половине XVII стол., конечно, не является новинкой, создавшейся лишь к моменту прихода русских. Она, наверное, столь же стара, как и древний Китай, мощное влияние которого не могли не чувствовать искони веков мелкие племена бассейна Амура, Южной Сибири, через ряд посреднических звеньев и население бассейна Лены. Следовательно, и якуты в прибайкальский этап своей истории включались в подобную же цепь торгово-экономических связей. Чтобы понять роль якутов-скотоводов, нужно поставить их на место братьев (бурят) или дауров верховьев Амура. Тогда получается следующая картина: из Китая идет в Монголию серебро, камка и всякие товары, а из Монголии те же товары расходятся в разные орды, в том числе и к якутам. А якуты, выражаясь словами цитированных актов, «меняют де, государь, китайские камки, серебро и всякие товары у тунгусских людей на соболи». Кроме того, якуты, как скотоводы, должны были выменивать у тунгусов соболи ещё на «животину» и на «просо», добавляют акты про бурят. Само собой разумеется, что якуты обмененные соболи должны были переотправлять через Монголию же в Китай в качестве эквивалентной валюты за камку, серебро и пр.

<sup>14</sup> См. Там же, акт № 96 от 1641 г., стр. 259 и 260.

Но имеется ли у нас достаточное основание, чтобы реставрировать древние тунгусо-якутские взаимоотношения по бурято-тунгусским начала XVII стол.? Разве у якутов сохранились какие-либо данные, которые свидетельствовали бы о длительном занятии торговлей, о знакомстве их с китайскими тканями, с серебром?.. Вправе ли мы даже заикнуться о том, чтобы предки современных якутов могли быть столь культурны, что даже сеяли просо и торговали хлебом?

Однако, как бы ни казались парадоксальными все эти положения в отношении древних якутов, мы не можем отказаться от них.

1. Что якуты в деле торгового обмена с окружающими их охотничьими племенами не только не отстают от бурят, но даже превосходят их, это положение, надеемся, не нуждается в представлении подробных доказательств. Сметливость и ловкость якутских торговцев, а также эксплуатация ими тунгусов, давно стали притчей во языцех в этнографической литературе. Ещё Фишер отметил, что якуты «любят торги и не мало радовались, что получили случай менять свой скот и мягкую рухлядь на другие, по их мнению, необходимо нужные товары».<sup>15</sup> А знаменитый путешественник, академик Миддендорф, если не ошибаемся, был автором не то похвального, не то ругательного прозвища якутов «сибирскими евреями», подхваченного многими позднейшими их бытописателями:

«Если мы затем обратимся к характеристике умственных особенностей якутов, то прежде всего нас поражает необыкновенная склонность и превосходная способность к торговле. В этом отношении невольно является сравнение с иудейским народом, и мы готовы были бы назвать «...» северо-восточной Азии, если бы они в весьма многих отношениях не отличались от «...» другими, не менее характерными особенностями»<sup>16</sup>.

Акад. Шренк, коснувшись тунгусо-якутских торговых связей, тоже не воздерживается от сопоставления якутов с известным коммерческим народом китайской Манчжурии, даурами:

«Вслед за тунгусами, и частью заманивая их за собой, переходят через Становой хребет и предприимчивые торговцы из якутов, которые иногда даже надолго поселяются в китайских границах, по Бурее, Зее и их притокам. Миддендорф считал, что в его время около 25 торговцев из Якутска разъезжали то по сию, то по другую сторону Зеинского и Буреинского хребтов...

<sup>15</sup> См. Фишер. Сиб. истор. СПб., 1774 г, стр. 358.

<sup>16</sup> См. Миддендорф. «Путеш. на сев.-вост. Сиб.». Ч. II, отд. IV. «Коренные обитатели Сибири». Стр. 767. Нецензурное слово, употребленное автором, заменено у нас многоточием.

Как за русскими тунгусами тянутся якуты, так с другой стороны за китайскими бирарами и манегирцами—дауры. Движимые также торговыми интересами, они с Амура поднимаются вверх по Бурее, Зее и их притокам... Таким образом, здесь, вследствие вторжения оленных тунгусов в область бираров и манегирцев, происходит встреча и других, далеко друг от друга живущих народностей, якутов и дауров».<sup>17</sup>

Якуты-пушники в погоне за соболями забирались и на Шантарские острова и на Сахалин. Мы не говорим об их посреднической роли по скупке разной пушнины в пределах обширного Якутского края, включая часть Туруханского севера, района озера Есей, бассейна Ниж. Тунгуски и Охотского края. Мы знаем и купцов-мануфактуристов из среды якутов чуть не с миллионным оборотом, закупавших товары непосредственно в Москве и в Нижнем Новгороде (фирмы Эверстова и Никифорова).

Очевидно, якуты торговали соболями значительно раньше бурят и своей коммерческой выучкой они обязаны, по всей вероятности, очень древней дружбе и торговому обмену с тунгусскими племенами. Если дело обстоит так, то наша гипотеза, что между прибайкальскими якутами и вилюйскими оленеводами долго существовали взаимоотношения «метрополии» и «колонии» с регулярным товарообменом, получает очень веское подтверждение в преобладающих способностях и навыках современных якутов. Мы говорим, конечно, о господствующем классе якутов, а не обо всей их массе. Между прочим, по адресу бурят нам лично не приходилось встречать в литературе какие-либо указания на их особо выдающиеся торговые способности, хотя они, по сравнению с якутами, на ходятся в более благоприятных условиях в смысле развития торговли и торговых привычек. (В дорусскую эпоху близость к Китаю, а в период порусской истории близость к торговым центрам России и проживание вблизи магистрали старого Московского тракта, позже и Сибир. жел. дор. пути).

Регулярная торговая связь прибайкальских якутов со своей вилюйской колонией, по нашему мнению, является одной из основных предпосылок последующих переселений якутов в бассейн Лены, ибо она могла дать народу исчерпывающую информацию о качестве и количестве его колонизационных фондов, физико-географических условиях края, его естественных богатствах и т. д. Дорогие собольи шкурки, реализуемые с огромным барышом на китайском рынке, должны были очень рано познакомить якутов с Ленским бас-

---

<sup>17</sup> См. Шренк. Об инор. Амур. края. стр. 39.

сейном. С другой стороны, они же могли усилить поток промышленной вольницы, оседавшей в Ленском крае...

2. Знакомство якутов с китайскими фабрикантами устанавливается их языком, в котором южное название китайской шелковой ткани «торго» является весьма популярным украшающим эпитетом в песнях и в богатырских былинах. Например, зеленая поверхность земли передается словами — «торго кюёгэ», «торго кырса» — шелковая зелень, шелковая мурава; темно-зеленый отлив лесов и растительности страны — «торго томоон дойду», «торго-голонон кёстёр» — шелком отливающая страна и т. д. В былинах словом «торго», как украшающим эпитетом, даже злоупотребляют, передавая им понятие совершенства и красоты во всяких предметах и качественных отношениях: «торго тотто», дословно — шелковая сытость со значением — обилие всякой снеди, «торго биин» — острое лезвие, «торго джирим тюттэ» — как шелк мерцающий дымокур, «торго сиигин сииктэ» — проследи все швы, слои на шелку — в смысле досконально исследовать, знать. (Часто встречается в шаманских гимнах-алгысах.)

В словаре Пекарского в фразеологии к слову «торго» приводятся ещё «торго тэсиин» — узорчатый повод (правильнее, конечно, шелковый повод), «торго сэрии» (о траве) — цветное войско, т. е. травянистый покров сравнивается с многочисленным войском в шелковой одежде. В былинах встречаются богатыри, разодетые в шелк — «торго-тарга тангастаах Дыразбынай Си-лээхти».

В быденном и разговорном языке в центрах Якутского края «торго» — особый род бумажной ткани русского произ водства, получивший широкое распространение в массах благодаря своей дешевизне. Иными словами, в начальный период русского завоевания слово «торго» употреблялось со значением — привозная ткань, материя вообще. В языке якутов сохранились многочисленные следы такого словоупотребления: «торго тангас, бумаагы торго, кёлёпюне торго, торголоох сон, кённюёс торго» и т. д.

Северные якуты и тунгусские племена до сих пор употребляют слово «торго» в широком значении — привозная ткань вообще. У тунгусов по Ниж. Тунгуске и илимпейских «туорга» (*моя запись*), у тунгусов по Витиму «торга» — аршинный товар, мануфактура. (См. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926 г., стр. 144). Титов, зарегистрировав у витимских тунгусов слово «торга», задается вопросом, не происходит ли оно от русского «торг». Безусловно, нет, ибо слово «торго» у турецких и монгольских племен существует со времен глубочайшей древности и употреблялось для обозначения китай-

ского шелка: торка (джаг., шорск., сагайск.), торо, торка (алт., телеут.), торго (сагайск., кюарск.), торго (лебед., татар.), торгу (уйгур., джаг.) — шелк, шелковая материя<sup>18</sup>. Урянхайский язык — торгу — шелк, шелковая материя<sup>19</sup>. У бурят «торгон» — шелковая ткань<sup>20</sup>, у монголов «торга» — то же<sup>21</sup>.

Ясно, конечно, что русский «торг» по своему историческому возрасту не может состязаться с древностью китайского шелка. Вот почему, если нужно усматривать лингвистическое родство между русским корнем «торг» (торговля, торговать) и «торго» алтайских наречий, то как раз в обратном порядке, т. е. русское понятие и слово «торг» не ведет ли свое начало от древних гуннов, хозар и болгар, которые занесли в южнорусские степи слово, образовавшееся в окружении древнего Китая?

Наличие слова «торго» у северных якутов и у тунгусских племен, обитающих в бассейне Ниж. Тунгуски, ещё более подкрепляет нашу гипотезу о посреднической роли прибайкальских якутов в торговле Китая с охотничьими племенами северо-восточной Сибири.

3. Об очень давнем знакомстве якутов с серебром нет надобности много распространяться. Мы не имеем определенных данных о том, что якуты до прихода русских могли сами выплавлять серебряную руду, но что у них серебро имелось в большом количестве во внутреннем обращении и шло на всякого рода украшения и наряды, не подлежит никакому сомнению, ибо иначе не могли бы существовать особые кузнецы «кёмюс ууса» — серебряных дел мастера. Повсюду в области материальной культуры, где возникает надобность в украшениях, якут не обходится без серебра, возьмем ли мы мужскую и женскую одежду, конскую сбрую, деревянную и кожаную посуду и домашнюю утварь. Якутское слово «кёмюс» является общетурецким «кумуш».

Древние якуты были знакомы и с золотом — «алтан» на всех турецких диалектах<sup>22</sup>. Алта-алтан у монголов. Это слово у современных якутов получило новое значение — медь, но в песнях и былинах оно употребляется со значением золото. Возьмем для примера ходячие песенные обороты:

«Кёмюс туюстээх кюөрэгэйим.

Алтан туюстээх далбарайым!»

<sup>18</sup> См. Радлов. Опыт словаря... т. 3, стр. 1183—1184.

<sup>19</sup> См. Катанов. Опыт исслед. урянх. яз. Прил. 228 стр.

<sup>20</sup> См. Подгорбунский. Рус.-монг.-бурят. слов. Стр. 332.

<sup>21</sup> См. Бимбаев. Слов. Стр. 160.

<sup>22</sup> Радлов. Там же, т. I, стр. 405.

«Среброгрудая пташечка моя,  
Златогрудый птенчик мой!»  
или «Алтан унгуохпун  
арангастаар,  
Кёмюс унгуохпун кётёгёёр».  
«Золотые кости мои на могильный помост вознеси,  
Серебряные кости мои ты под ними!»

С. Ястремский в своих переводах якутских былин слово «алтан» также переводит через золото.

4. Переходим к последнему вопросу — о следах знакомства якутов с земледелием и хлебом. Что ко времени русского завоевания земледелие было знакомо многим племенам Южной Сибири, Урянхайского края и бассейна Амура в историкоэтнографической литературе не вызывает сомнения. О древности хлебопашества говорят многочисленные археологические остатки, находимые в Минусинском крае, около озера Байкал и в верховьях Амура: жернова, сошники и даже следы оросительных сооружений.<sup>23</sup> Историк бурятского народа М. Н. Богданов пишет: «Земледелие в пределах Бурятии — весьма древнего происхождения. От доисторических времен сохранились следы оросительных сооружений. В XVII в., как мы отмечали выше, казаки доносили московскому правительству о вновь открытой «Братской земле, что хлеб у них (братов) родится просо» или «...а хлеб сеют просто...»<sup>24</sup>.

Если якуты до бурят (или оттеснив их) проживали около Байкала, то знакомство их с земледельческой культурой не представляло бы ничего особенного.

Древнейшим злаком, известным турецким и монгольским племенам, по-видимому, является просо — тараан (алт., телеут.), таран (бараб., тат.), тараган (тел., куманд.), тары (тобол., каз., тат., кирг., команы), таруу (тел.), терик (таркс., тат.) — ибо слова пашня, пахать, сеять, земледелец образуются от того же корня. Тары (уйг., алт., тел.) — пахать, тари (джаг.) — пахать, сеять, тери — (тарск., т.) — пахать. Тарык, тарыклык, тараир (уйг.) — пашня, тарик (джаг.), тарим (от.), тарлаг, тарлау (сагайск., тобол., казан., кирг., коман.),

<sup>23</sup> Литература об археол. остатках древнего земледелия в русском Забайкалье, в Баргузине и проч. указана у Шренка. Об инор. Амур. кр. 167—168 стр.

<sup>24</sup> См. М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926 г., стр. 89.

тарла (осм., адер., крым.) — тоже. Таранчи (джаг., тар.) — земледелец, тарыкчы (уйг.).<sup>25</sup>

Тот же корень мы находим и в монгольских наречиях: тараа — хлеб, пашня, посеы<sup>26</sup>, тария — нива, пашня, посев, тариячи — земледелец, пахарь<sup>27</sup>, у бурят тараан — хлеб на поле, пашня — тараалан.<sup>28</sup>

Якуты, переселившись в бассейн Лены, конечно, не могли бы сохранить слово «таран» в его прямом значении — просо, хлеб, пашня и т. д., ибо при отсутствии самого предмета не может быть и ясного понятия о нем, но зато не исключена возможность бытования того же слова в каком-либо переносном значении. И, действительно, мы находим в якутском языке слово «тараан» со значением многочисленное потомство: «тарааннаах киси» — человек с большим потомством. Здесь слово «тараан» обрело новое значение, ибо «хлеб» не может служить образцом естественного размножения от одного семени. Утраченное значение «просо — хлеб» более ярче выступает в ходячей поговорке «тараан буолан таргаммыт, юрээн буолан юккюрээбит» — (он) как тараан распространился. (Вторая часть фразы — поэтическая тавтология). Тараан, как символ размножения, есть уже бесспорный хлеб. Теперь мы с большей уверенностью можем утверждать, что предки якутов когда-то кушали просяную кашу и выменивали просо на тунгусских соболей.

Кстати о каше. Самая обыденная пища старинных якутов, в особенности бедноты, носит название «юёрэ» — род каши или похлебки. Юёрэ — общее название «каша», она определяется точнее в зависимости от того, какой род съедобной пищи составляет гущину каши. По-пекарскому, якуты различают следующие виды юёрэ:

Бэс юёрэ — похлебка в виде лапши из сосновой заболони.

Тиит ” — окрошка из лиственничной заболони.

Балык ” — рыбный суп.

От ” — похлебка из съедобных трав.

Сыма ” — похлебка из квашеной рыбы.

Юют ” — похлебка из пресного молока.

Эт ” — похлебка из крошеного мяса.

Ытыйыы ” — похлебка из разного крошева.

<sup>25</sup> См. Радлов. Опыт слов. Т. 3, стр. 846—851.

<sup>26</sup> А. Руднев. Матер. по говорам Вост. Монголии. Спб., 1911 г., стр. 124.

<sup>27</sup> Бимбаев. Слов.

<sup>28</sup> Подгорб. Слов. Стр. 204.

Пекарский установил и первоначальное тюркское значение слова «юёрэ», а именно, «югрэ, юрэ» — суп из мелкой крупы, жидкая каша. (Слов. 3148 ст.). Это общетюркское значение якутского слова «юёрэ» — суп из мелкой крупы, само по себе достаточно устанавливает, что разновидности якутской каши ответвились из древней мучной или крупяной каши.

Наши читатели, может быть, все ещё сомнительно покачивают головой, никак не соглашаясь с тем положением, чтобы предки якутов когда-либо могли удостоиться чести кушать просяную кашу. Однако, со всякими сомнениями необходимо покончить, ибо Э. К. Пекарскому, при всей исчерпывающей полноте его лингвистических изысканий, не удалось зарегистрировать ещё один вид «юёрэ», который существует в преданиях и в других произведениях народной словесности якутов. Это именно «тараан юёрэ». На мой вопрос, что это за «юёрэ», старики наставительно поясняли: «Так, мол, старинные якуты называли «бэс юёрэ» — кашу из натолченной или нарезанной сосновой заболони». (Западно-Кангал. ул. и южный Вилюй). В данном случае память старикам, конечно, слегка изменила и не могла не изменить. Но мы невольно поражаемся большой памятью якутов, ибо они в понятии «тараан юёрэ» сохранили точное название «просяной каши».

Вот почему, оказывается, якуты до недавнего времени с особым рвением запасали сосновую заболонь, высушивали, толкли её в ступах в муку, варили кашу... и воображали, что едят просяную кашу своих отдаленных предков. По степени популярности позднего суррогата мы можем судить о том, в какой мере просяная каша в Прибайкалье была в широком употреблении у якутов.

Итак, мы имеем вполне достаточное основание утверждать, что в эпоху проживания якутов около Байкала картина международной торговли и обмена китайских фабрикатов на собольи шкурки ни в коем случае не могла уступать тому порядку, который застали русские завоеватели в первой половине XVII стол. Даже напротив, посредническая роль якутов в международной торговле того времени должна была быть более интенсивной, чем у поздних бурят, ибо якуты имели обширную промысловую колонию на Вилею и, как выходцы из южных степей, наверное, имели постоянные и прочные связи с манчжурскими и китайскими торговыми центрами.

Объякученные оленеводы, переселившись на Вилею, не могли прерывать свой привычный торг с прибайкальскими якутами, ибо он затрагивал самые жизненные интересы охотничьего населения. Соболиные шкурки сами по себе не могли представлять ценности для оленеводческого народа.

Если спрос на них родился для удовлетворения запросов отдаленного китайского рынка, то продолжение соболиного промысла имело бы смысл лишь при наличии торгового посредника. Затем оленеводы должны были нуждаться в постоянном возобновлении своего охотничьего инвентаря, главным образом, железного оружия и орудий. Привыкнув в прошлом опираться на производство южных якутских кузнецов, они и по переселении на Вилюй не могли бы обойтись своим собственным, более примитивным производством. Они могли иметь кузнецов, умеющих производить текущий ремонт, но выплавка железной руды и массовое производство новых вещей вряд ли им было доступно. Тот, кто привык ловить рыбу сетями из белого конского волоса, не может удовлетвориться сетями из тальникового лыка. Опять-таки рождается необходимость товарообмена с южными якутами.

С другой стороны, и сами прибайкальские якуты, вытеснив свое оленеводческое ответвление на дальний север, не могли не ощущать большого недостатка в охотничьем сырье.

Такие товары, как мягкая ровдуга, лосина, шкуры оленей, заячьи и беличьи шкуры в те времена, несомненно, принадлежали к категории «ширпотреба». Мы не говорим уже о прекращении их посреднической роли в торговле соболиными шкурками, которые доставлялись объякученными оленеводами. Иными словами, прибайкальские якуты со своей стороны должны были стремиться к продолжению прежнего экономического обмена со своими оленеводами, переселившимися на Вилюй.

При наличии оленней тяги регулярное общение Вилюя с южной якутской метрополией не представляло бы никакой трудности. От Качугской пристани в верховьях Лены до Сунтара — всего лишь 1622 км.

Чтобы охватить расселения современных якутов, нужно их центра и поселений описать окружность радиусом в 1500 км, но и тогда наиболее удаленные жилые пункты останутся за пределами этого круга с диаметром в 3000 км. Например, от г. Якутска до Среднеколымска — 2315 км, от Якутска до озера Есей — около 2000 км, а поселения туруханских якутов — по Хатанге, Анабару и на Таймыре ещё дальше. При таком размахе колонизационных способностей якутов мы не находим ничего невероятного в том, что они в древние времена, живя в верховьях Лены, поддерживали постоянную связь со своими вилюйскими оленеводами. Вилюйские якуты до недавнего времени постоянно ездили на оленях к озеру Есей для скупки там оленей и пушнины, преодолевая расстояние около 2000 км в одном направлении. Туда же выезжали и якуты Мытахского и Одунинского наслегов Западно-

Кангаласского улуса. Не меньший размах имели торговые разъезды и якутских пушников, из центра Якутского округа совершавших наезды на Индигирку, Колыму, в Охотск, в Удский край и на Неман (название района в верховьях Зеи и Бурей, левых притоков Амура).

Кроме того, разрешая вопрос о наличии проторенных дорог между южными якутами и Вилюем, мы должны иметь в виду ещё одно обстоятельство, которое должно было облегчить общение между ними. К моменту прихода русских казаков кочевья бурят-скотоводов не простирались вниз по Лене ниже устья р. Куленги (недалеко от с. Качуг). К якутскому народу, раскинувшему свои отряды вплоть до берегов Ледовитого океана, на восток до Колымы, на запад до Таймырского полуострова, нельзя применять бурятские масштабы. Размах современного расселения якутов и овладение ими льдистыми пространствами северо-восточной Сибири сами по себе служат доказательством того, что не только сами якуты, но и их скот прошли весьма суровую школу приспособления к самым неблагоприятным географическим и климатическим условиям. Большая предприимчивость и инициативность, очевидно, искони были господствующими чертами якутского национального характера. Без этих качеств якуты не сумели бы заселить обширные просторы «гиблого края» с его трескучими морозами и вечной мерзлотой, не утрачивая взаимных связей, степной культуры и хозяйственных обыкновений.

Из изложенного вытекает, что якуты-скотоводы в период заселения ими Приангарского края отнюдь не топтались на одном месте там, где кончаются Бурятские степи. Их последующая передвижка на север ясно свидетельствует о том, что они и тогда забросили свои крайние жилые пункты вниз по Лене намного севернее бурят. О местах тогдашнего расселения якутов по системе рек и речушек верхней Лены и правых притоков Ангары с захватом и верховий Ниж. Тунгуски, по нашему мнению, нужно судить по расселению русских крестьян, ведущих здесь скотоводческо-земледельческое хозяйство при наличии сильно развитого охотничьего придатка. Там, где мы находим теперь небольшие крестьянские деревушки, заброшенные среди тайги по берегам рек, могли жить и якуты-скотоводы, сильно налегая на охотничий промысел. Если реставрировать картину распространения якутов в то отдаленное время, когда главная масса их занимала южные уезды б. Иркутской губ. (Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский и Верхотенский уезды), по современному русскому масштабу, то окажется, что небольшие оазисы якутско-скотоводов, распространяясь вниз по Лене, по Илим, по Киренге и верховьям Ниж. Тунгуски, почти смыкались с территорией вилюйских оленеводов.

Река Киренга, по-видимому, имеет достаточно пастбищ и лугов, чтобы питать население небольшого якутского наслега. Ниже г. Киренска долина самой Лены значительно расширяется и образует на протяжении нескольких десятков километров хорошие луговые места. (Отсюда в царские времена постоянно возили на Бодайбо сено). Тут же под боком мы находим долину верхнего течения Ниж. Тунгуски, тоже с прекрасными луговыми местами. От г. Киренска до деревни Подволочной на Ниж. Тунгуске всего 90 км. От Подволочной по руслу Тунгуски до села Эрбогачон считается 450 км. На этом протяжении живут крестьяне б. Преображенской волости во многих селах, деревнях и выселках. (Ныне эта волость называется Преображенским подрайоном, если не переименована ещё). Жилых пунктов насчитывается до Эрбогачона 36. Населения в них было около 3 800 д. об. п.

Вот список населенных пунктов Преображенского подрайона: 1. д. Подволочна, 2. Лиственнична, 3. в. Антоново, 4. в. Байкал, 5. д. Соснино, 6. в. Федорково, 7. в. Болваненко, 8. д. Лагашино, 9. д. Гажинка, 10. в. Жумун, 11. Амбарская, 12. с. Непа, 13. д. Данилова, 14. с. Мартынова, 15. д. Потемино, 16. в. Кокорина, 17. Верхне-Калинина, 18. д. Боковиново, 19. Хахалина, 20. д. Нижн. Калина, 21. д. Юрьево, 22. с. Преображенское, 23. д. Мога, 24. д. Красноярово, 25. д. Жданова, 26. в. Порог, 27. с. Ерема, 28. в. Борок, 29. д. Лушки, 30. Кривое, 31. с. Оськино, 32. в. Камешок, 33. д. Курья, 34. Нюнук, 35. д. Анкула, 36. в. Шивера. Дальше с. Эрбогачон.

По словам одного очень сведущего старожилы этого края, опрошенного мною, особенно обширны луга около Соснино, Лагашино, Гажинки и Непы. К сожалению, в данный момент мы лишены возможности установить количество скота у крестьян Преображенского подрайона. Во всяком случае, колониционная емкость долины верховий Ниж. Тунгуски и применительно к якутскому скотоводческому хозяйству представляется не маленькой. Она, по всей вероятности, раза в три-четыре превосходит реку Чону, где ныне по соседству с описанной долиной Ниж. Тунгуски обитает один якутский наслег. (В Чонском насл. Хочинского улуса в 1917 г. значилось 546 д. об. п.). От с. Эрбогачон до начала поселений вилюйских якутов по р. Чоне считается всего 90 км. В настоящее время чонские якуты стали проникать в долину Ниж. Тунгуски и селиться ниже русских выселков. При моем проезде через Ниж. Тунгуску якутских переселенцев там было 3-4 семьи (в 1925 г.), а теперь их, наверное, больше.

Описанные места до начала якутских переселений на Лену могли прокармливать небольшое количество окраинных якутских родов, сдвигавшихся

вниз по Лене от земельной тесноты на юге. Якуты-скотоводы почти повсеместно привыкли селиться хуторами в одну, две, три четыре юрты в одном пункте. Эти навыки обуславливают чрезвычайную разбросанность якутских поселений, но зато дают им возможность использовать каждый клочок удобной земли. Поэтому в эпоху занятия якутами верховьев Лены, мы вправе допустить наличие довольно сложной сети мелких жилых пунктов как по её главному руслу, так и по мелким боковым речкам, где имеются небольшие луга и пастбища. Точно также и водная система Илима могла приютить особую группу окраинных якутских родов.

Поселения якутов-скотоводов, сдвигаясь вниз по долине Лены, после заполнения луговых мест ниже г. Киренска должны были перекинуться в долину р. Нюи, где мы и теперь находим значительную группу якутов-скотоводов, из которых при Советской власти образовался Ленский округ.

Таким образом, самые северные ответвления якутов-скотоводов в ту историческую эпоху, которую мы назвали ранней стадией колонизации Вилюя, должны были продвинуться по двум направлениям — по Ниж. Тунгуске и по Нюе, почти вплотную к вилюйским оленеводам. Это обстоятельство не могло не облегчить сношение южной метрополии с вилюйской колонией и усилить утечку лишнего населения вглубь Вилюя как летом, так и зимой. Торговые караваны могли проходить значительную часть пути даже на верховых конях, сменяемых в пунктах проживания оседлых якутов. В те времена должны были существовать особые выючные тропы с промежуточными опорными пунктами. В летнее время путь на Вилюй, конечно, облегчался благодаря использованию дарового передвижения вниз по Лене до Нюи.

Торговый интерес прибайкальских якутов в оленеводческо-промысловом Вилюе должен был сосредоточиваться, главным образом, в сборе дорогой пушнины. Мы позволим себе в подтверждение нашей гипотезы привести один весьма интересный легендарный сюжет, сохранившийся у поздних вилюйчан. Рассказывается, что у Быркынгаа-Боотура, одного из трех братьев прародителей вилюйских якутов, после переселения на Вилюй родились два сына — Тюмюк и Эчик. Эчик позже едет в Якутский край (сказитель, конечно, понимает Якутский округ) и, прожив там в работниках у старика Хангаласа, он увел с собой дочь-красавицу. Старик Хангалас в данном случае, несомненно, олицетворяет главу большого Кангаласского улуса, который, по народным легендам, признается родовой вотчиной общеякутского царя Тыгына.

Эчик возвращается в родной Вилюй и поселяется около озера Чонгкууда. Однажды осенью, когда Эчик проживал в местности Боруу, прибыли три сына старика Хангаласа. «Увидев свою сестру, они были поражены ее видом и бедностью всей домашней обстановки. Она страшно похудела, была одета в короткое пальто из шкуры теленка, совсем не прикрывавшее её ног; ноги были босы, не имела и «джабака»,<sup>29</sup> чтобы прикрыть свои волосы. Жили в круглом шалаше «холума», заваленном дерном, и питались исключительно рыбой...». Братья спрашивают у сестры:

«Где твой муж, куда он отлучился?» Она говорит: «Наверное, на охоте». Вечером Эчик вернулся домой. Братья спрашивают у него:

«Зачем же ты увел нашу сестру?» Эчик внес две кожаных сумы, перетянутых веревкой, подбросил их к но-

гам трех братьев и сказал: «Вы беседуйте не со мной, а вот с этими пустяками». «Старший брат в гневе одним пинком разодрал сумы. Оттуда вывалились шкуры чернобурых лисиц и соболей...».

«Братья, пожив и отдохнув несколько дней, поехали обратно, навьючив на трех верховых коней разную пушнину с нежной белой и черной шерстью». (Элл. § 246).

Сюжеты народных легенд, как мы отмечали раньше, интересны тем, что в них находит свое отражение не единичное событие, а типическое и часто повторяющееся явление. Поэтому в качестве научно-исторического источника, они нередко принесут больше пользы, чем даже летописные сообщения, в которых могут описываться и случайные явления.

В приведенном сюжете оттеняется большой контраст материальной культуры метрополии и вилюйской колонии. После переселения якутов на Лену культура Якутского и Вилюйского округов, конечно, не могла быть столь контрастной. Очевидно, этот сюжет идет с того отдаленного времени, когда сопоставлялась якуты-скотоводы Прибайкалья и отсталые обитатели далекого промыслового Вилюя.

Одновременно историк, интересующийся причинами древних переселений якутов с юга на север, на основании приведенного легендарного сюжета, должен будет укрепиться во мнении, что первые якуты-колонисты, забирающиеся в вилюйскую даль, могли увлекаться, по преимуществу, пре-

---

<sup>29</sup> «Джабака» — старинная высокая, меховая изнутри и снаружи, шапка, закрывающая уши. Э. К. Пекарский. Слов. якут. яз. 763 стр.

увеличенными слухами о её богатых промыслах, где «рыба гниет по берегам озер», а лисицы и зайцы бегают по дворам...

Рассмотренная легенда, в связи с бросающейся в глаза коммерческой выучкой якутов, убеждает нас в том, что они в прибайкальский этап своей истории очень долго, весьма возможно, в течение пяти-шести столетий, упражнялись в эксплуатации пушного богатства сначала верховьев Лены, потом бассейна Вилюя с прилегающей к нему Нижней Тунгуской и, наконец, территории Якутского округа. Попытаемся уяснить значение пушной торговли в деле дальнейшего развития якутской колонизации в бассейне Лены, начало которой положили объякученные оленеводы и якутская беглая вольница.

Правые притоки Лены — Витим и Олекма искони веков имели тунгусское население, находящееся в торговых связях с верховьями Амура, где оперировали выходцы из Северной Манчжурии. Близость к центрам манчжурского империализма, применявшим систему объясачения мелких племен, в связи с легкостью доставки китайских фабрикатов и деятельность довольно развитой сети частной торговли, должна была вызвать истощение соболей в области правых притоков Лены. Поэтому мы вправе утверждать, что в ту эпоху бассейн Вилюя, область среднего течения Лены и Амгино-Ленского плоскогорья имели более нетронутое пушное богатство.

Пушные операции прибайкальских якутов в бассейне Лены, как всякое живое явление, должны были пройти разные стадии органического роста. Эксплуатация вилюйских оленеводов, находящаяся сначала в руках северного окраинного ответвления якутов, по мере обнаружения больших выгод, должна была перейти в якутские центры и вызвать усиленный приток промышленного элемента. Якутские охотники могли вливаться лишь по старым проторенным путям ранних вилюйских колонистов, ибо в деле своего питания и передвижения они имели в налаженном хозяйстве последних готовую опору.

Пушному промыслу и торговле на Лене, как бы сильно они ни были развиты, мы не можем придавать значение основной причины будущих якутских переселений на север. Эти причины нужно искать на юге в общих условиях существования и образования якутской народности. Мы остановимся на них в следующих главах, а более подробно — во втором томе наших очерков.

Развитие ленского пушного промысла и тяга на север подвижного промышленного элемента в истории якутских переселений важны как предварительные условия, облегчавшие будущие массовые сдвиги народа. Уход на север объякученных оленеводов и бродячей вольницы мог образовать за-

метную течь в окраинных якутских родах в том же направлении, но они не в состоянии были вызвать обратное движение, чтобы давать южным якутам ясную информацию об условиях жизни на Лене, об объеме её колонизационных фондов. Эту задачу могло выполнить лишь развитое торговое общение севера с югом. Кроме того, мы не исключаем возможности возникновения среди прибайкальских якутов и своеобразного отхожего промысла вглубь Лены для временной охоты. Эти якутские аргonautы за мягкой и ценной пушниной, проведя на Лене несколько лет бродячей жизни, могли возвращаться к себе на родину. Эти бывалые люди преувеличенными рассказами о своих приключениях, богатствах края, возможности осесть там с якутским скотом и т. д., должны были обрабатывать в известном направлении якутское сознание и общественное мнение. Вместе с тем старые неопределенные слухи о богатой и тихой Лене постепенно должны были превращаться в ясное и практическое знание о ленских далях, без чего целый народ, привыкший кормиться от рогатого и конного скота, не мог бы сдвигаться с насиженной родины, где леса, горы и доли, реки и озера были полны заветных воспоминаний.

Второе важное значение якутского пушного промысла в бассейне Лены заключается в том, что многочисленные отряды охотников должны были выполнить роль разведчиков и ходоков, которые задолго до переселения скотоводов открыли все важнейшие уголья обширного края, годные для эксплуатации скотоводческим народом. Каждый человек, осведомленный по экономической географии Якутского края, конечно, знает, что в его необъятных просторах полезная для скотоводства площадь представляет ничтожный процент. Она разбросана маленькими клочками или даже точками среди необозримой тайги. Даже простой процесс выявления их предполагает очень длительный срок и затрату значительного труда на практическое ознакомление со всеми медвежьими углами, которые в дальнейшем приняли небольшие группы якутских переселенцев. Вот почему довольно численный скотоводческий народ, неожиданно столкнувшийся вглубь Ленского бассейна, рисковал бы потерять 90% своего скота прежде обнаружения годных для хозяйственной эксплуатации уголков. Если этого не случилось, то якуты всецело обязаны этим своим охотникам и рыбакам, которые пунктами своих разбросанных поселений заранее, так сказать, маячили поздним переселенцам, где им можно обосноваться.

Мы думаем, что обширные колонизационные фонды Якутского округа были открыты в период расцвета пушного промысла и торговли со стороны

Вилюя. Вместе с этим открывался самый важный период в истории якутских переселений, а именно, прямое движение из Предбайкалья вниз по Лене вглубь отдаленного Якутского округа. Эти страницы переселений якутов на Лену должны были последовать вслед за заполнением Вилюя скотоводами.

Единичные и массовые переселения якутян могли совершаться в летнее время на плотах. Рогатый скот и верховых коней перевозить на плотах, конечно, не представляло большой трудности. Для этого достаточно было обеспечить небольшим запасом корма, заготовленным заранее в верховьях Лены или по пути в определенных пунктах. В некоторых местах могли и останавливаться на несколько дней, чтобы откормить скот или запастись свеженакошенным сеном. Многочисленные табуны конного скота было бы мудро поместить на плоты. Их должны были гнать по старым проторенным путям древних вилюйских переселенцев, выбирая определенное время года, удобное в смысле обеспечения скота подножным кормом или до снега свежими пастбищами. В южном Вилюе отощальным табунам должны были давать передышку и возможность откормиться. Выше по Лене долина Нюи и Петропавловский район ниже г. Киренска, обеспеченные лугами, тоже могли служить опорными пунктами для переселенцев. Другая дорога на Вилюй идет по долине Ниж. Тунгуски с поворотом от современного Эрбогачона на Чону. Эти места, имевшие в начале развития вилюйской колонизации свое старожильческое население, в эпоху повальных якутских переселений могли и опустеть, ибо не имело бы смысла оседать там, где проходящие толпы будут постоянно поедать заготовленные запасы сена и истощать пастбища.

При изучении преданий якутов об их древних переселениях нужно иметь в виду то, что более поздние исторические факты обычно заслоняют древнейшие. При этом нужно отличать предания якутян и вилюйчан. Первые, переселившись большей частью на плотах в позднюю эпоху, само собой разумеется, не могут дать нам материал, освещающий ранние этапы колонизации Вилюя. Иное дело — предания вилюйских якутов: они при надлежащем критическом подходе дают очень много данных, подтверждающих наши общие гипотетические предположения.

Не надо упускать из виду, что памятники народной легендарной истории, хотя и могут свидетельствовать о прошлой жизни, но они — источники весьма своеобразные и постоянно нуждаются в серьезных исправлениях во многих подробностях и деталях. Рассмотрим один конкретный пример.

Вилюйчане свои древние переселения сплошь и рядом путают с фактами позднейших исторических взаимоотношений Якутского и Вилюйского

округов, а именно, с явлением беженчества из первого в последний. Это должно было случиться при заключительном потоке якутян из Предбайкалья, вызвавшем бегство старожилов Якутского округа обратно на Вилюй, а частью на восток в Амгино-Ленское плоскогорье. Новые переселенцы, пользуясь превосходством своего оружия, конечно, предпочитали отбирать готовые и насиженные угодья, чем искать в неизвестной стране свободные колонизационные фонды. Кроме того, упорная борьба центрального якутского улуса (Кангаласского) с русскими казаками, сопровождавшаяся жестокими усмирениями повстанцев, тоже развила беженчество на Вилюй, хотя и не столь значительное, как представляется это старым якутоведам. Вот почему вилюйчане всю свою легендарную историю повернули лицом к Якутскому округу, не различая ранних и поздних беженцев, прибывших с разных сторон. По их современным понятиям, все легендарные герои прошлого бежали из Якутского округа: ранние — от притеснений якутского царя Тыгына, а поздние — от насилий русских завоевателей.

Но, однако, при внимательном изучении героического эпоса поздних вилюйчан легко обнаруживается анахронистичность их легендарных представлений. Дело в том, что древнейшие насельники Вилюйского края и прародители народа Быркынгаа-Боотур, Босхонг-Бэлгээти и Тойук-Булгудах, хотя и бегут на Вилюй, якобы, из Якутского округа, но какими-то судьбами плывут на плоту вниз по Вилюю и нападают с юга на старожилов края — тунгусов, обитающих в современной Нюрбе. (Элл. § 307). Другие сказители, стараясь по-своему объяснить элементы древних сказаний о раннем заселении южного Вилюя, заставляют своих предков сначала бежать из Якутского округа в Олекминский край, а потом приводят их в район Хочинского и Сунтарского улусов, совершенно не задевая население северо-восточного Вилюя. (Элл. §§ 244, 283 и 305). Таким образом, легендарное сознание поздних вилюйчан подтверждает наш основной тезис, что колонизация Вилюя шла по течению реки сверху вниз и что северные вилюйчане переселились раньше юго-западных. С другой стороны, устанавливается и тот факт, что старинные предания вилюйских якутов подверглись новой обработке со времени перемещения якутян из Прибайкалья в Якутский округ.

Знакомясь с героическим эпосом поздних вилюйчан, нетрудно убедиться, что они историческое бытие своих предков привыкли ориентировать, опираясь на личность центрального героя общеякутских сказаний Тыгына, представляемого повелителем всего народа. Названные выше патриархи вилюйчан раньше живут совместно с Тыгыном и его народом. Следовательно,

где пребывает якутский Тыгын, там же должно быть и местожительство вилюйских героев. Вот почему с переселением Тыгына из Прибайкалья на Лену и ось вращения вилюйской легендарной истории должна была переместиться в Якутский округ. Кроме того, вилюйчане, как представители первобытного скотоводческого народа, целиком проникнутого идеями патримониального родового быта, должны интересоваться, прежде всего, своими родственными связями с народом. Территория, занимаемая им в тот или другой исторический период, конечно, есть вопрос второстепенный. Поэтому, если главный отдел якутов, когда-то выделивший из своей среды предков вилюйчан, позже в силу каких-то причин очутился на Лене в пределах Якутского округа, то на каком основании носители вилюйских легенд имели бы право отрицать свое родство с якутянами? Иными словами, при доказанности позднего перемещения южной метрополии в Якутский округ легендарное воспоминание вилюйчан об их исторических связях с якутянами отнюдь не противоречит нашей гипотезе о переселении их прямо из Предбайкалья.

Однако, переселение прибайкальских якутов в область средней Лены в вилюйских легендах получило своеобразное отражение. У вилюйчан сохранилось воспоминание о том, что якутский царь Тыгын с войском преследовал их предков вплоть до Вилюя и после перестрелки через реку или речку ушел обратно. (Элл. §§ 242, 266, 270, 283, 299 и 306). В сюжете погони Тыгына и победоносной борьбе с ним вилюйчан мы усматриваем позднейшее извращение рассказов о прохождении тыгыновых отрядов через южный Вилюй на Лену. «Если Тыгын какими-то судьбами добрался до Вилюя и не осел здесь, то, значит, он вернулся назад, испугавшись наших героев». Так должно было рассуждать позднее поколение легендистов. Вот что значит нечленораздельная устная историография. Легенда, как общее правило, не может соблюсти правильной исторической перспективы ни во времени и ни в территориальном размещении давно прошедших событий: позднее мешается с ранним, дальнее — с близким. Современники событий, например, эпохи переселения Тыгына из Приангарья на Лену, конечно, прекрасно понимали суть всего совершающегося, но их поздние потомки при устной передаче преданий не могли не спутать исторический горизонт, мешая старое и ветхое с новым. Нашествие русских, проведя в легендарной памяти народа ещё более свежие и сильные борозды, должно было окончательно затемнить контуры давно прошедших исторических событий. Беглецы, нахлынувшие из Якутского округа, должны были перемешаться с более ранними героями.

В преданиях поздних вилюйчан ко всему Вилюю присваивается весьма характерное название «Кыйаар», что в переводе значит — беспредельная, безграничная даль. Приведем наиболее характерные места из наших записей.

Жена Быркынгаа-Боотура говорит:

«Тыгын, наверное, не снесет этой обиды и убьет тебя. Нам лучше заранее бежать в Кыйаар». В те времена, как рассказывают, Вилюй называли «Кыйаар», добавляет от себя рассказчик. (Марх. ул., Элл. § 240.)

Другой сказитель выражается несколько иначе:

«В те времена Вилюй считался далекой окраиной — «Кыйаар сир». (Марх. ул., Элл. § 242.)

В третьем рассказе встречаем ту же характеристику:

«Нам необходимо бежать отсюда Кыйаарга. Так называли Вилюйский край». (Нюрб. ул., Элл. § 269.)

В четвертом варианте сами герои перед бегством на Вилюй говорят: «Когда мы открываем дальнюю дорогу, когда предстоит пред нами господин дальний путь...» (Хочин. ул., Элл. § 299.)

В сказаниях вилюйчан, подобная же характеристика Вилюя вкладывается в уста и других героев. Тыгын, убиваемый русскими, перед смертью успел сказать:

«Если бы с нами был мой брат, уехавший в Кыйаар, я бы так не умер». (Мар. ул., Элл. § 264.)

В другом случае враги Тыгына, узнав о прибытии к нему на помощь вилюйского героя Быркынгаа, говорят:

«Вот досада! Прибыл к ним старший брат, живущий на краю земли». (Сунт. ул., Элл. § 280.)

Герой ранних вилюйчан, Тюрбюй-Боотур, тоже «ехал верхом из Якутской стороны в Кыйаар». (Элл. § 259.)

В легендах якутян понятие о Кыйаар встречается, но оно непосредственно не увязывается с Вилюем. В одном рассказе этим словом характеризуются беспредельные просторы тунгусских кочевий — «Кыйаар тунгустара». (Кангал. ул., Элл. § 79.) По легенде якутов Таттинского улуса, один вояка, некто Кэнгис-Боотур, потерпев поражение в одной битве, со стыда удаляется в Кыйаар — беспредельную даль и поселяется там в глухой тайге. (Элл. § 195.)

Приведенные характеристики Вилюя — беспредельная даль, далекая окраина, край земли, откуда не может добыть своих врагов даже сам царь якутов Тыгын, не приложимы к Вилюю со стороны Якутского округа. Они бы-

ли бы уместны лишь в устах прибайкальских якутов. Среди обитателей древнего Прибайкалья отдаленная вилюйская окраина, действительно, могла слыть беспредельной далью, краем земли, своего рода тартарары, попасть куда ещё можно (по Лене), но откуда нет возврата. Позже, когда появилась цепь промежуточных якутских поселений по Лене и поездки на Вилюй взад и вперед стали заурядным явлением, приведенная характеристика Вилюя, вероятно, уже казалась устарелой. В настоящее время сообщение между Якутским и Вилюйским округами не представляет никакой трудности и возможно во всякое время года. Дорога пролегает по равнинной местности, где не имеется никаких естественных преград. Окраинные же поселения якутян непосредственно смыкаются с жилыми пунктами Верхневилуйского и Средневилуйского улусов.

Более сильное доказательство того, что старожильческое население Вилюя переселялось не из Якутского округа, а прямо из Предбайкалья, заключается в относительном расположении ранних и поздних вилюйчан. Последние занимают юго-западную часть Вилюя, а первые — его северо-восточную часть, непосредственно примыкающую к Якутскому округу. Если бы древние переселения вилюйских якутов совершались из Якутского округа, то более примитивный отдел их оттеснялся бы поздними выходцами вверх по Вилюю. Сравнив героический эпос ранних и поздних вилюйчан, нетрудно убедиться, что последние по своему культурному развитию, сплоченности и общественной организации стояли намного выше ранних вилюйчан, которые до сих пор сохраняют ясные признаки культурного и этнического родства с северными оленеводами. Отсюда получается бесспорный вывод: якуты северо-восточного Вилюя переселились задолго раньше юго-западных вилюйчан.

Формулируем наши заключительные выводы. По поводу перехода якутов из зоны южного скотоводческого хозяйства в зону северного оленеводства, мы настаиваем на правильности нашего конститутивного положения, что перемещение большого скотоводческого народа на такое дальней расстояние могло совершиться безболезненно лишь при условии почкования колоний от основного ствола народа, который в своей главной массе очень долго оставался неподвижным. Ранние колонизаторы края переселялись на Вилюй и в силу крайней необходимости, чаще без скота и каких-либо средств к существованию, ввиду чего они должны были вести паразитическое существование за счет местных оленеводов с их примитивными промыслами. Позднее вольные колонисты-промышленники, несомненно, прибывали обеспеченными как провизией и средствами передвижения, так и всеми не-

обходимыми орудиями промысла. Прибыльная пушная торговля должна была усилить и завоз якутского скота как для нужд промышленных артелей, так и в качестве валюты, взамен ценной пушнины, вывозимой из колонии.

Необходимым условием органического роста северной колонии мы признаем наличие оживленного сношения её обитателей со своей метрополией, ибо при допущении полного отрыва ее от материнского ядра не могло быть никакого роста. Колония росла от постоянного прилива новых сил в виде людей и скота. Если в колонии от неблагоприятных климатических условий и неумения пришельцев приспособиться к местной обстановке погибала часть скота, то южная метрополия могла доставить новые кадры его. Если бы переселение якутов на Лену совершилось катастрофически, пусть даже в два-три приема, с окончательным отрывом уходящих и остающихся, то первые вряд ли сумели бы сохранить в целости свой скот и всю свою культуру.

Якутский язык, как неоднократно отмечалось лингвистами, несмотря на чрезвычайную разбросанность своих носителей на огромной территории, не образовал диалектологических различий, нет в нем даже слишком обособившихся говоров. Их обычаи и нравы, устное народное творчество и религиозные представления дают одну цельную картину с едва заметными лишь для опытного глаза вариациями и тонкими переходами. Как мы указали раньше, исключение от этого правила составляют одни оленные якуты полярного Севера, численность которых едва составляет 3,5% всего якутского населения. Все это свидетельствует о том, что переселение народа в начальной стадии совершалось исподволь, из года в год, из века в век в порядке медленного почкования. Конечно, могли быть отдельные периоды усиления потока переселенцев, когда обрывались значительные массивы и неслись на север, но и эти волны, по-видимому, на новых местах находили уже подготовленную почву в смысле отыскания новых колонизационных фондов или заполучения от старожилов уже насиженной территории. Новые пришельцы, неожиданно столкнутые вниз по Лене, могли бы и погибнуть, если бы они не находили на месте своих соплеменников, уже освоившихся с местными условиями. Старожилы, даже и лишившись своих угодьев в пользу пришельцев, могли находить выходы из создавшегося положения, ибо долгое проживание на месте должно было закалить как их самих, так и их скот. Они должны были сдвигаться и тесниться, занимая и культивируя окраинные места.

Цельность всей якутской культуры, полная сохранность всех её существенных элементов заставляют нас высказаться за очень длительный срок

развития якутской колонизации на Лене с необходимыми интервалами во времени, чтобы передние ряды могли расчистить дорогу для идущих сзади в смысле выработки полезных хозяйственных навыков, изучения края, обнаружения её скрытых богатств, пищевых запасов и т. д. Гипотетически мы можем признать, что темп якутских переселений постепенно нарастал, шел *crescendo*. Каждая новая волна переселений могла происходить с силой, превосходящей предыдущие, если же интервалы были значительны, то легко переносили наплыв новых людей и скота, которых нужно было прокормить.

Само собой разумеется, переселение скотоводческого народа в гиблую страну, как бы оно ни было растянуто на сотни лет, не является условием для его процветания. Оно, несомненно, должно было сопровождаться частичной ломкой хозяйственного быта. Те навыки, которые были усвоены раньше, не могли годиться на новой родине. Народу нужно было перевоспитать себя, отучиться от старых привычек и приобретать новые. Резкая перемена климата должна была сопровождаться усиленным падежом скота.

С переселением на север якуты лишились стад многочисленных баранов, для которых климат Якутского края был абсолютно непереносим. В якутском языке мы находим следы бывшего обладания стадами баранов. Так, например, в якутском языке мы находим название войлока, в производстве которого, как известно, главную роль играет овечья шерсть. У степных халха-монголов войлок — «ишигэй», у бурят — «игхигэ, эгхэгэ, гхиги, гхэги»<sup>30</sup>. Слово «исэгэй» известно и якутам, но с несколько измененным значением. Старики-якуты по поводу этого слова, часто встречающегося в религиозных алгысах (молитвы) и в преданиях, обычно поясняли: «Это — запутавшаяся шерсть, когда грива или хвост коня образуют клубки». Часто говорят — «исэгэй буолбут сиэл-лээх» — имеет гриву, запутавшуюся в клубок. Но нередко в молитвах этому слову придают ещё значение какой-то божественной благодати, которая символизируется в белом скотском волосе или шерсти. Пекарский в своем словаре слово «исэгэй» регистрирует со значением «всклокоченный, запутавшийся, переплетшийся» (о скотской шерсти)<sup>31</sup>. Ясно, что исэгэй — название забытой кошмы, которая в быту степных народов незаменима. Характерно и то, что якутское название войлока более сходствует со словом степных монголов, нежели бурят.

<sup>30</sup> См. Подгорбунский. Там же, стр. 39.

<sup>31</sup> См. Пекарский. Слов. якут. яз. Стр. 963.

Остальные турецкие племена барана называют «хой» (кхой). В якутском языке сохранилось турецкое название барана в очень популярной поговорке «Кёй курдук элбэх». Так говорят, когда хотят выразить удивление по поводу множества чего-либо: «О, великое множество, точно кёй». Но было бы напрасно спрашивать у якута, что это за «кёй», служащий мерилom множества. Но тот, кто видал на юге стада баранов, наверное, не удивится тому, что многоголовые стада баранов могли наделить скотоводческие народы приведенной поговоркой. «Кёй», по-видимому, есть нечто иное, как палатализи-рованная (смягченная) форма древнего «хой». (Здесь м. б. повлияло смешение с понятием «кёй салгын»). В другой поговорке «Хой баса тыл» — неразумные, не идущее к делу слово, мы находим более точный пережиток названия барана. Таким образом, древняя ругань «Эх ты, баранья башка» до сих пор живет, приблизительно, с тем же значением.

Вопрос о том, какую часть народного богатства могли составить у прибайкальских якутов стада их баранов, можно бы разрешить, обратившись к составу стад современных монголов. По данным, добытым монгольской экспедицией Центросоюза (Союз сибир. коопер.) 1991 г., во Внешней Монголии в среднем на одно хозяйство приходилось 7,1 лошади, 1,5 верблюда, 1,7 рогатого скота и 44 овец и коз».<sup>32</sup>

Майский пишет, что в Монголии при раскладке податей разные виды скота переводятся к одной условной единице, а именно, на быков. Причем лошадь приравнивается быку, верблюд двум быкам, баран одной десятой быка<sup>33</sup>. По такому расчету 44 барана должны быть приравнены 4,5 быкам или почти тем же 7 головам рогатого скота. Иными словами, у современных номадов стада овец по своей ценности и удельному весу в хозяйстве почти равняются рогатому скоту. Бурятские цифровые данные о соотношении разных видов домашнего скота мы считаем не характерным и для той эпохи, о которой идет речь. Со времени прихода русских как бурятское землепользование, так и формы хозяйства претерпели большие изменения, что не дает нам возможности сравнивать их хозяйство со стародавним якутским.

Итак, одна утрата баранов у древних якутов при переселении их на среднюю Лену дает уже убыль одной трети богатства, что, в конечном итоге, не могло не ослабить прирост населения.

---

<sup>32</sup> См. И. Майский. Современная Монголия. Иркутск, 1921 г., стр. 124.

<sup>33</sup> Там же, стр. 125.

Это переселение не могло также не вызвать большого сокращения и падежа конного и рогатого скота, как при преодолении трудного пути, так и по прибытии на новую родину с её резкими климатическими отличиями, с разницей в качествах травы и воды. Старожилы колонии могли иметь пастбища и луговые места, рассчитанные только на их собственный скот. Ясно, конечно, что до поры до времени старожилы и новые переселенцы должны были продовольствоваться весь свой скот лишь на старом, уже выявленном и приготовленном фонде, рассчитанном на меньшие потребности. Затем, как мы знаем, старожилы, обычно, сгонялись новыми пришельцами вглубь дикой и некультивированной страны. Очевидно, массовые переселения скотоводческого народа в условиях и обстановке Ленского края по их роковым последствиям нужно расценивать как наивысшие формы стихийных бед, сопровождающихся неизбежным обнищанием и вымиранием. Вот когда якуты должны были научиться кормить свой скот мерзлыми тальниками взамен сена. Эти встряски хозяйства Ленской колонии, при неожиданных наплывах в значительных массах новых переселенцев, должны были наносить народу в целом такие уроны, которые вряд ли возможно было залечить в какие-нибудь 10—20 лет. Если народ лишился в баранах одной трети своего богатства, а в рогатом и конном скоте, вместе взятом, ещё одной трети, в итоге этих потерь остается лишь одна треть того, что имелось раньше. Но и это процент убыли богатства мы находим очень оптимистическим, особенно в эпохи переселения из Предбайкалья целых улусов. Вероятно, бывали и такие моменты, когда экономические потери старожилов и новоселов выражались в более ужасающих процентах. Для номадов скот есть все — основной нерв их жизни. Сократился он наполовину, значит, в скором будущем сама жизнь подведет уравниательные итоги. Народ вымрет почти на такой же процент от недоедания, умножения болезней и обостренных форм борьбы за существование и т. д. Допустить же, что массовые переселения якуты переносили без всяких последствий, что все это сходило с них, как с гуся вода, конечно, было бы с нашей стороны явным недомыслием.

Мы должны признать, что переселения якутов на север в позднюю стадию, когда сдвигались с места целые улусы, несомненно, сопровождались колоссальными потерями в народном благосостоянии, не только приостановками роста населения, но и каскадными падениями и явлениями общего регресса. Вопрос о том, могли ли якуты позже наверстать целиком все свои утраты, весьма проблематичен. Можно бы ещё согласиться с тем, что они могли приостановить резкие падения тонуса своей жизни, но думать, что они

на новом месте начали благоденствовать, значило бы забывать элементарные факты из области экономической географии Восточной Сибири и ту простую истину, что кони и коровы питаются травой, растущей в большем изобилии на юге, чем на севере с её подпочвенной мерзлотой и кратким вегетационным периодом. Так, например, историк проф. Н. Н. Козьмин пишет:

«История тюрков дает многочисленные примеры, когда небольшое племя усиливалось... и, наоборот, народ после перенесенного разгрома низводился до размеров небольшого племени... напротив, сахалар-якуты превратились в особый народ на наших, можно сказать, глазах»<sup>34</sup>. В другой работе он же пишет про якутов: «Но это был небольшой народ и, предоставленный самому себе, он не мог выдержать борьбу за свою самостоятельность против бурят...»<sup>35</sup>. Очевидно, по мнению проф. Козьмина, если всех якутов с их скотом переселить ещё дальше на север за Полярный круг, то они стали бы ещё более благоденствовать.

Нет ничего мудреного в том, что народы, которые передвигались от холода к теплу, от сухих и континентальных мест в более влажные, легко перенеся невзгоды начальной эпохи, начинали, действительно, благоденствовать. Так, например, турки-османы, включив в свой состав много миллионов оседлых туземцев, образовали обширную монархию, хотя по своей численности и удельному весу в эпоху древних кочеваний по степям, может быть, они далеко уступали предкам якутского племени. (Основное ядро осман — турки-огузы, которые в первой половине XIII века под начальством хана Сулеймана перекочевали из Хорасана (провинц. Персии) в Малую Азию, насчитывали лишь 50 тысяч человек).

По затронутому вопросу наш вывод таков: больше данных говорит за то, что якуты до своего переселения на дальний север были народом более многочисленным, физически здоровым, рослым и богатым, чем они есть теперь.

Если переселение якутов на Лену было растянуто на долгий срок и поддается периодизации, то и основные причины, вызвавшие их, должны быть весьма разнообразными. Его начальные фазы могли происходить при одной исторической обстановке, срединные при другой, а заключительные фазисы ещё при иных условиях. Вот почему мы признаем абсолютно неверным и не продуманным весьма часто повторяющееся заявление историков: вот, мол,

<sup>34</sup> Н. Н. Козьмин. «Д. А. Клеменц и историко-этногр. исследования в Минусинском крае».

<sup>35</sup> Его же. «К вопросу о переселении бурят в Прибайкалье». В «Очерках истории бурят-монгол. народа» М. Н. Богданова. Стр. 27.

якуты около XIV—XV вв. нов. э. под давлением бурят или монголо-бурят двинулись на Север и заняли места на среднем течении Лены, оттеснив старожилов края тунгусов. Если бы якуты в полном составе когда-либо вздумали переселяться на север, в неведомую для них тунгусскую территорию, то их жалкие остатки влачили бы существование рыбаков и охотников, наподобие современных карагассов или северных оленных якутов. Народ в целом не может не обладать чувством самосохранения и простым здравым смыслом, чтобы не кидаться за своими стадами в такие дебри. Если пред народом возникают иногда такие трагические моменты, то массы обычно предпочитают признать власть победителей, хотя бы они были иноплеменниками, а вожди её, когда нельзя ожидать милости победителей, погибают в неравной борьбе или бегут одни с небольшой кучкой своих ближайших приверженцев.

Массовое переселение якутов из Предбайкалья в бассейн Лены мы не можем и представить себе без предварительного образования там их вилюйской колонии, сложившейся путем эволюционного процесса в течение очень долгого срока. Объякученные оленеводы занесли на Вилюй якутский язык и якутское культурное влияние, а ранние и поздние вилюйчане — якутский скот. Вилюйские якуты задолго раньше массовых переселений должны были выработать все те приемы и отличительные признаки местного хозяйства, которые мы наблюдаем у якутов и теперь. Кроме того, они, несомненно, развили и расширили торговые связи Вилюя со своей южной метрополией и местный пушной промысел, в результате чего южные якуты получили исчерпывающую информацию об условиях жизни на Севере.

Вот почему, когда на юге в монгольских степях эра владычества турецких племен уже приблизилась к полному закату и началось возвышение монголов, байкальские якуты в два-три приема с интервалом в 150—200 лет в полном составе переселились на Лену, на территорию современного Якутского округа. Но и эти заключительные переселения, по-видимому, носили характер планомерной эвакуации, а не панического бегства, ибо в героическом эпосе якутов мы не находим никаких следов страшного военного поражения. Окончательный исход якутов из Предбайкалья совершился несколькими десятилетиями раньше выступления на историческую арену знаменитого Чингис-Хана, т. е. до начала XIII в. нов. эры. Доказательству этого положения будет посвящена отдельная глава во втором томе наших очерков.

В процессе образования вилюйской колонии необходимо подробно остановиться на массовых переселениях поздних вилюйчан, положивших начало и колонизации Якутского округа.

## Глава IV

### ПОЗДНЯЯ СТАДИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ВИЛЮЯ

#### I. СМЕШЕНИЕ КОРЕННЫХ ВИЛЮЙЧАН С ЯКУТЯНАМИ

Мнение якутоведов, что вилюйские якуты переселились из Якутского округа, убегая от русских, не выдерживает серьезной критики. Оно ещё имело бы под собой кое-какое основание, если казаки начали завоевание Ленского края со стороны Якутского округа и наступали на Вилюй, задержавшись несколько лет на Лене. Фактически дело обстоит как раз наоборот. Ещё Миллер и Фишер по рассмотрении исторических актов, относящихся к истории завоевания Ленского края, достоверно установили, что впервые нащупали якутов мангазейские казаки, оперировавшие в районе Ниж. Тунгуски: «Мало-помалу распространяя далее свои открытия, в 7128 (1620) году нашли они несколько тунгусов в верхних местах реки Вилюя, которые сообщили им первое, хотя весьма темное, известие о якутах, по Лене». «Первый их приход к якутам воспоследовал в 7138 (1630) году. Их было 30 человек, и они пошли под предводительством Мартына Васильева Нижней Тунгуской вверх, а после Вилюем вниз до Лены, где, от живущих там якутов, взяли первый ясак, следующего года возвратились в Мангазею».<sup>36</sup>

В 1632 г. той же дорогой «воспоследовало из Мангазеи вторичное отправление на Лену» Степана Корицова.<sup>37</sup> Ещё через два года попадает на Вилюй через Мангазею же боярский сын Воин Шахов и оперирует там со своим отрядом в течение семи лет.<sup>38</sup>

А походы енисейских казаков вниз по Лене в самый центр Якутского округа, как известно, начинаются с лета 1632 г.

При такой картине развития русских завоеваний якуты не могли массами спастись на Вилюй, ибо это значило бы лезть из огня да в полымя. Но при дальнейшем развитии завоевательных операций казаков Якутский округ стал очагом восстаний, которые организовывались, главным образом, князьями Кангаласского улуса. Восстания оказались неудачными, ибо скоро обнаружилась старинная родовая вражда князей Амгино-Ленского плоскогорья с кангаласскими. Первые предпочли признать власть завоевателей, ибо этим

---

<sup>36</sup> Фишер. Сибир. истор. Стр. 360—361.

<sup>37</sup> Там же, стр. 362.

<sup>38</sup> Там же, стр. 371—372.

маневром они сохраняли свое привилегированное положение и фамильное богатство. Это обстоятельство не только заранее обрекало на неудачу восстания кангаласцев, но и, поводомому, вызвало внутреннюю междуусобную борьбу. Историк Фишер, ознакомившись по актам, извлеченным проф. Миллером, с первыми якутскими восстаниями, пишет:

«... Галкин предложил якутам милость и прощение в их преступлении, ежели они, впредь пребывая в покое, оставят все неприятельские помышления и с ненарушимою верностью будут платить положенный на них ясак...» «... Некоторые склонились на оное и остались на прежнем месте. Другие, полагаясь на свои силы, пребывали в упорности своей, между сими особливо оказали себя якуты Кангаласской волости, как спустя два или три года после того Якутский острог вновь осадили; и хотя они не могли ничего ему сделать, но другим образом причинили несказанный вред, и особливо весьма худо поступали с собратиею своею якутами, которые пребывали в ненарушимой к россиянам верности». (368 стр.).

Вот в эти-то периоды ликвидации кангаласских восстаний в исторических актах отмечено несколько случаев бегства на Вилюй небольших групп якутов Кангаласского улуса. Раньше мы указали на бегство в Оргоцкую волость (Ергюёт... Верхневилуйского улуса) князца «кангаласского роду Сахейко с сыном Тоглойко», которые уходят, «убив двух человек служилых людей». После усмирения второго восстания кангалассцев бежит на Вилюй одна группа якутов, по-видимому, воинский отряд, и «Галкин, гоняясь за ними со 150 человеками семь дней, не мог нагнать их». (Фишер. 368 стр.). Да «в 40-х гг. XVII ст. вследствие насилий первого якутского воеводы Головина якуты во главе с князем Бойдоем в количестве 200 человек убежали в Вилюйские горы».<sup>39</sup>

Вот все документальные данные, касающиеся бегства якутов на Вилюй за время усмирения их восстаний. Охотно соглашаемся, что может быть найдется и ещё десяток случаев единичного и группового бегства, не зарегистрированного письменными данными. Но тем не менее все это совсем не похоже на повальное переселение целыми наслегам и родами, в результате которого одна треть всего якутского населения очутилась в пределах Вилюйского округа. Повторяем, в положении якутов массовое переселение на Вилюй не имело никакого смысла, ибо это не спасало их от ясака и поддан-

---

<sup>39</sup> Доп. к Акт. Истор. 1848 г., т. III. Стр. 36—37. (Цитируем по статье Г. А. Попова «Расселение якутов в XVII и XVIII ст.» Изв. Якут. отд. Русс. геогр. общ., т. III, стр. 43).

ства завоевателям. Могли бежать лишь те роды, которые оказались в самом центре военных действий, в частности, население Сайсарской равнины, где теперь стоит г. Якутск. (Сайсарской равниной мы называем весь левый равнинный берег Лены, заключенный между двумя мысами северным и южным Ытык-Хайа, протяжением около 50 км). Кроме того, могли уходить в дальние места остатки разбитых отрядов, чтобы, смешавшись с населением окраин, избежать суда и расправы «за измену и шатость». Да и это спорадическое бегство развивалось не только в сторону Вилюйского округа, но и в Жиганск, Верхоянск, на Индигирку и дальше в Колымск, на Оймякон и т. д.

Как увидим дальше, по преданиям самих якутов, коренное якутское население Вилюйского округа образовалось не от порусского беженчества, а от беглецов эпохи владычества легендарного царя якутов Тыгына.

В настоящее время все якутское население Вилюйского округа, за исключением северных оленеводов, определяется в 79 037 д. об. п.<sup>40</sup> Из этого числа нетрудно выделить якутов Якутского округа, примешавшихся к кореным вилюйчанам в разные исторические эпохи. У якутов, сохранивших сильные пережитки родовой организации, название рода может служить одним из главных признаков принадлежности их к тому или другому отделу народа. Располагая роды вилюйчан и якутян в два параллельных ряда, мы можем легко установить родовые названия, исключительно свойственные тому и другому отделу. Это будут коренные вилюйчане и якутяне. Роды же, оказавшиеся как на Вилюе, так и в Якутском округе, очевидно, составят переходящий элемент. Допустим даже, что все родовые названия Вилюйского округа, имеющие свои параллели в Якутском, изобличают переселившихся в разные эпохи на Вилюй якутян. Ниже мы приводим статистические данные об этих родах, по материалам переписи 1917 г.<sup>41</sup>

#### І. КАНГАЛАССКИЕ РОДЫ НА ВИЛЮЕ

##### А) В Хочинском улусе:

1. Нахарский наслег - 937 д. об. п.
2. 1-й Нерюктейский наслег - 1708 — „ — 2645 душ.

##### Б) В Сунтарском улусе:

1. Кангаласский наслег - 1761 — „ —

<sup>40</sup> Г. А. Попов. Якутский край. Вып. II. Население и народности Якутского края. 1926 г., стр. 8.

<sup>41</sup> М.П. Соколов. Якутия по мат. переписи 1917 г. Вып. I-II.

2. Хоринский наслег - 608 —,, —
3. 2-й Нерюктейский наслег - 433 — „ —

В) В Нюрбинском улусе:

1. Кангаласский род в Егельжинском наслеге -182 —,, —
2. Род нахара в Сюльском наслеге - 64 —,, —
3. Мальжегарский наслег - 1239 —,,  
— 1485 душ.

Г) В Мархинском улусе:

1. 1-й Кангаласский наслег - 1520 душ.
2. 2-й Кангаласский наслег - 1000 — „ —
3. Сатинский наслег - 224 —,, —
4. Бестяхский наслег - 1289 — „ —  
4033 души.

Итого в Кангаласских родах юго-запад. Вилюя — 10965 душ.

Д) В Верхневилюйском улусе:

1. Кангаласский род во 2-м Чочуйском наслеге - 211 душ.

Е) В Средневилюйском улусе:

1. Жемконский наслег - 993 — „—
2. Кангаласский род в Кырыкайском наслеге - 52 — „ —
3. Род хахсык в Модутском наслеге - 180 —,, —  
1225 душ.

Ж) В Западновилюйском улусе:

1. Род хахсык в 1-м Батулинском наслеге - 226 —,, —
2. Род нахара во 2-м Кулятском наслеге - 31 —,,—
3. Род нахара в 1-м Угулятском наслеге - 168 —,, — 1  
Хоринский наслег - 434 —,, — 2 Хоринский  
наслег - 124 —,, —

983 души.

Итого кангаласских родов в северо-восточном Вилюе 2419 душ.

В пределах всего Вилюйского округа кангаласских родов 13 384 души.

## II. РОДЫ НАМСКОГО УЛУСА НА ВИЛЮЕ

В Средневилюйском улусе:

1. Модутский наслег за искл. хахсыт. рода 53 души.
2. Атамайский род во 2-м Тогуйском наслеге 129 —,,—

В Верхневилюйском улусе:

3. В трех Юёдьюгейских наслегах 3671 — „ —
4. Род бётюнг во 2-м Чочуйском наслеге 59 — „ —
5. Намский наслег 1002 — „ —

В Мархинском улусе:

6. Одейский наслег (Юёдэй) 1235 — „ —

Итого в намских родах на Вилые 6149 душ.

### III. РОДЫ С УЛУСОВ АМГИНО-ЛЕНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ

1. В Средневилюйском улусе:

Борогонский род в наслеге того же названия 198 — „ —

Борогонский же род в Кокуйском наслеге 118 — „ —

Мегинский род в Мукучинском наслеге 85 — „ —

2. В Мархинском улусе:

Род ёспёк в наслеге Хорула 204 — „ —

Тот же род в Асыкайском наслеге 59 — „ —

3. В Нюрбинском улусе:

Род мэнгэ в 1-м Бордонском наслеге 225 душ.

4. В Сунтарском улусе:

Род ботурусский в 1 Жарханском наслеге 388 душ.

5. В Хочинском улусе:

Род легойский во 2 Жарханском наслеге 251 душа.

Род алданский в Сунтарском наслеге 242 — „ —

Итого в родах с улусов Амг.-Ленского плоскогорья 1770 душ.

Во всех вилюйских родах, имеющих параллели в Якутском округе, в настоящее время числится 21 293 души.

В числе родов Якутского округа мы включили население трех Юёдьюгейских наслегов б. Верхневилюйского улуса, так как с лингвистической точки зрения имя Юёдьюгэй идентично с названием наслега Юёдэй в Намском улусе. (Выпадение срединного «г» есть явление обычное в турецких

наречиях). Раннее проживание юёдьюгэйских родов в Якутском округе подтверждается и наличием Юёдьюгэйского наслега в Эльгетском улусе на р. Индигирке.

Таким образом, сравнением родовых наименований Якутского и Вилюйского округов устанавливается, что из 80-ти тысяч душ современных вилюйчан 60 тысяч должны быть показаны как коренные вилюйчане, а 20 тысяч как максимальное число якутян, позже переселившихся на Вилюй. Фактически количество якутян, конечно, значительно меньше этой цифры, ибо в составе их крупных родовых объединений не могли не попадать мелкие туземные роды. В виде исключения могли быть и такие случаи, когда небольшой род якутян, возглавляя подавляющую массу более отсталых аборигенов, образовал новую административную единицу, присвоив ей свое родовое название. Но мы не будем вносить поправку в указанную цифру. Пусть все 20 тысяч будут признаны бесспорными якутянами. Однако, при доказанности ранней колонизации Вилюя якутами-скотоводами, вправе ли мы переселение всех вилюйских якутян приурочить только к эпохе русского завоевания? Конечно, нет, ибо роды якутян легко могли застревать на Вилюе при их переселениях из Прибайкалья. Кроме того, могли бежать на Вилюй и ранние колонисты Якутского округа при наплывах новых волн с юга.

Большая половина якутян, осевших на Вилюе, принадлежит родам обширного Кангаласского улуса. Интересно то, что из них 11 тысяч душ расселились в пределах юго-западного Вилюя, и только 2 тысячи в северо-восточном Вилюе. Если бы эти кангаласцы бежали из Якутского округа, то большинство их мы обнаружили бы в северо-восточном Вилюе, сопредельном с Якутским округом. Это обстоятельство свидетельствует о том, что роды Кангаласского улуса застряли на Вилюе при переселениях с юга, а не из Якутского округа. Затем, в пределах южного Вилюя мы находим два Нерюктейских и один обширный Нахарский наслег. Соименные с ними наслеги в Якутском округе расположены на правом берегу Лены. Так как массовое переселение со скотом могло совершаться в летнее время, то упомянутые нерюктейцы и нахарцы никоим образом не могли бы попасть в юго-западный Вилюй, ибо для этого им пришлось бы преодолеть трудную переправу через широкую Лену.

В Олекминском округе имеются тоже два Нерюктейских наслега с 2420 д. об. п. Таким образом, всех нерюктейцев, вилюйских и олекминских, насчитывается 4561 д., а в Восточно-Кангаласском улусе Якутского округа в трех Нерюктейских наслегах число душ равняется едва лишь 1487. Иными слова-

ми, главная масса нерюктейцев осела в южном Вилюе и в Олекминском округе, и лишь одна четвертая часть их добралась до Якутского округа. Больше данных говорят за то, что нерюктейцы и нахарцы попали на Вилюй и Олекму при поздних переселениях якутян из Предбайкалья. Основное ядро олекминских якутов, несомненно, составилось из остатков последних переселенцев из Предбайкалья, в своей массе проследовавших в Якутский округ. Это будут нерюктейцы, мальжегарцы и часть нахарцев. И относительно четырех крупных вилюйских наслегов с наименованиями Хангалас, Бэстээх, Малдьагар и Хоро (в офиц. докум.— Кангаласский, Бестяхский, Мальжегарский и Хоринский) у нас нет никакой уверенности в том, что они попали на Вилюй лишь в эпоху русского завоевания, а не ранее. Порусскими беженцами на Вилюй с большей вероятностью могут быть признаны лишь мелкие вкрапления кангаласских родов в наследи коренных вилюйчан и ранних кангаласских переселенцев. Тем более роды Намского улуса и улусов правого берега Лены, обнаруживаемые среди коренных вилюйчан, в своем большинстве могли образоваться из беженцев, хотя и Якутского округа, но дорусской эпохи. Дело в том, что новые волны переселенцев из Прибайкалья должны были вливаться в долину самой Лены, выталкивая из её пределов колонистов-старожилов.

Что же касается коренных вилюйчан, то они, вне всякого сомнения, в Якутском округе никогда не жили, а переселились на Вилюй непосредственно из Предбайкалья. Основываясь на изучении героических сказаний коренных вилюйчан, колонизацию Вилюя мы разделили на две эпохи, раннюю и позднюю. Если ранняя эпоха характеризовалась постепенным наплывом небольших групп вольных и невольных переселенцев в течение очень длительного срока, то колонисты поздней эпохи, вероятно, нахлынули большими массами. К этому выводу мы приходим потому, что легендарные герои поздних вилюйчан представляются прародителями весьма многочисленных родовых объединений, как, например, жарханцев (10451 душа), бордонцев (7442 души) и т. д. Кроме того, эти герои ведут борьбу с Тыгыном, легендарным якутским царем. Так как Тыгын в вилюйских легендах является олицетворением всех якутян, то и герои поздних вилюйчан, очевидно, представляют за весь вилюйский отдел якутского народа.

В вилюйском вопросе мы наталкиваемся на второй серьезный пробел якутологии царского периода, порожденный великодержавным верхоглядством на культурную жизнь малых народов. Как старые якутоведы не имели отчетливого представления о разделении якутского племени на две само-

стоятельные культурно-хозяйственные группы — на северную оленеводческую и южную скотоводческую, точно так же до сих пор отсутствует правильная классификация якутов-скотоводов на два крупных отдела, на якутян и вилюйчан. А между тем это деление, по-видимому, искони было присуще и якутскому народному самосознанию. Научная якутология базируется исключительно на материалах, добытых в пределах Якутского и отчасти Верхоянского округа, а Вилюйский округ в этнографическом отношении остается почти не изученным. Знаменитая Сибиряковская экспедиция совершенно игнорировала население Вилюйского округа, хотя, как мы знаем, там живет больше одной трети всего якутского племени. Мы несравненно больше знаем о культурном облике верхоянского якута (по «Верхоянскому сборнику» И. А. Худякова), а вилюйчанин и Вилюй все ещё остаются *terra incognita*.

Этнографическая литература о вилюйских якутах ограничивается двумя устарелыми работами: Кларка «Вилюйск и его округ»<sup>42</sup> и Маака «Вилюйский округ Якутской области»<sup>43</sup>, не считая несколько статей и заметок ещё менее сведущих авторов. Первый автор был полицейский чин, исправник, а второй — натуралист, пусть даже и знаменитый. Оба не владели якутским языком и мера их понимания в вопросах якутской культуры вряд ли превышает познания рядовых казаков, служивших им переводчиками. Мы до сих пор не имеем ни одной опубликованной богатырской былины вилюйских якутов (запись Маака в счет не идет), нет ни одного сборника, посвященного их мелкому фольклору, мы не имеем понятия и об остатках их дохристианских верований. (За исключением одной ысыаховой песни по крайне неудовлетворительной записи Миддендорфа). Говор вилюйских якутов остается тоже не изученным.

Вот это отсутствие точных знаний о духовной культуре вилюйских якутов, о своеобразии их областного типа, до сих пор служит главной преградой в деле уяснения различных этапов в древних якутских переселениях из Прибайкалья на север. Само собой разумеется, мы не можем винить старых работников-якутоведов в указанном пробеле наших научных знаний о культурных отличиях очень крупного отдела якутского племени. Это обстоятельство лишь характеризует отсутствие плановости в накоплении этнографического материала и господство счастливого случая в деле изучения быта мелких народов. Последние в деле изучения своего быта, можно сказать, питались

---

<sup>42</sup> Зап. Вост. Сиб. отд. Русс. Геогр. общ. 1864 г., VII, 91 — 165 стр.

<sup>43</sup> Спб., 1887 г., ч. 3.

лишь теми жалкими крохами, которые случайно падали со стола великодержавной науки. Некоторую долю нареканий можно было бы направить лишь по адресу руководителей Сибиряковской экспедиции, которые имели полную возможность часть своих научных сил уделить изучению вилюйских якутов.

Однако, установление элементов духовной культуры коренных вилюйчан в настоящее время представляет нелегкую задачу, ибо указанная выше 25% примесь к ним поздних переселенцев из якутян, безотносительно к вопросу о том, откуда они прибыли на Вилюй, не могла не создать картину полного смешения мира вилюйского и якутского. Якутяне, явившись на Вилюй в качестве грозных завоевателей и представителей господствующего отдела своего племени, вероятно, заняли повсеместно командующее положение среди коренных вилюйчан. В юго-западном Вилеуе мы находим весьма полные и интересные варианты сказаний о прародителях Омогое и Элэе, несомненно, занесенные ранними кангаласскими переселенцами, о борьбе якутского царя Тыгына с русскими, пришедшими на Вилюй с порусскими беженцами из Сайсарской равнины. За вычетом этих сказаний, свойственных центральным якутянам, у поздних вилюйчан остается весьма содержательный и богатый цикл местных преданий, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем.

## **2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТОВ ПО ИХ ЛЕГЕНДАМ**

Зимой 1925 г. нам удалось записать девять разных вариантов генеалогических сказаний вилюйских якутов: два в Сунтарском улусе, четыре в Мархинском, один в Нюрбинском и два в Хочинском. (Элл. §§ 278—281, 240, 242, 244, 296—307, 268—270 и 266). Первоначальными носителями этих сказаний по-видимому, были многочисленные роды, носящие общее название «джаархан», разбросанные по всему юго-западному Вилеуе. В настоящее время сохранились пять наслегов с названием Джаархан с числом душ 10451 (по данным 1891 г.), но в старину их было, несомненно, больше, ибо от них постепенно выделялись новые административные единицы, присвоившие иные родовые названия, например, наследи Тюмюк, Таркай и Хорула в Мархинском улусе, Кугдаар и Токос в Сунтарском улусе, Торбуох и Хадан в Хочинском. До переселения на Вилюй джаарханцы, по всей вероятности, жили одной компактной массой и составляли большой улус, главенствующий над всеми вилюйчанами.

Джаарханские герои в легендах представляются прародителями всех якутов современных четырех улусов юго-западного Вилюя — Мархинского, Нюрбинского, Сунтарского и Хочинского, т. е. 45000 душ населения.

Историческое значение можно придавать лишь тем легендам, в отношении которых доказано, что они являются продуктом случайной фантазии единичных рассказчиков, повторяются с большим постоянством в разных местах и многими сказителями. Типические, т. е. часто повторяющиеся, элементы легенды и составят самый важный научный источник, в котором нашла то или другое отражение историческая действительность. Вот почему необходимо просмотреть основные сюжеты всех записанных нами вариантов, сравнивая их друг с другом.

### 1—2 СУНТАРСКИЕ ВАРИАНТЫ (Элл. § 278—283)

А) На Вилюе до прихода якутов живет иноплеменный народ «тумат». Праматерь вилюйских якутов происходит из этого неякутского племени, зовут её Джаардаах, она отличается мужеством, красотой и даже наряду с мужчинами участвовала в лучном бою. Её хотят убить свои люди. Она бежит. По другому варианту — туматы истребляются тунгусами и девушка спасается от них бегством. Она плывет на плоту вниз по р. Вилюю.

Б) Добравшись до Лены, девушка находит жительство якутов. Отец Тыгына, по другому варианту — сам царь Тыгын, принимает девушку к себе наложницей («оджолуун Джахтарынан»). От неё рождается четыре сына: Быркынгаа- Боотур, Тойук-Булгудах, Босхонг-Бэлгэтии и Ала-Кырсын (в др. вар.— вместо последнего Ырыа-Боотур). Сыновья — отборные мужи, искусные борцы и хорошие охотники за исключением одного, который был калекой от рождения.

В) Сыновья Джаардаах не уживаются с Тыгыном, который был сыном главной жены. Быркынгаа в драке окровавил его лицо. (По др. вар.— им завидуют сыновья других жен Тыгына). Старуха-мать советует сыновьям бежать на Вилюй: «Нам здесь не дадут житья, бежим на мою родину».

По одному варианту — братья с матерью бегут через Олекминский край, по другому — «собрались около 20 человек и тайно бежали».

Г) Тыгын посылает в погоню за беглецами войско. Начинается перестрелка. По одному варианту — после короткой перестрелки Тыгын возвращается назад. По другому — его войско уничтожено беглецами, он посылает

новое войско, но братья, по совету матери, бегут из Олекминского края в Хочинцы, т. е. в южный Вилюй.

Д) На Вилюе братья истребляют старожилов-туматов, а по другому варианту — побеждают тунгусов, живших в Хочинцах, и вынуждают их к бегству. Затем один из братьев отправляется вниз по Вилюю воевать с тунгусами, жившими около Нюрбы. Последние, по совету шамана, заранее бегут на запад.

Е) От названных братьев размножились Жарханские наслеги Хочинского, Сунтарского, Нюрбинского и Мархинского улусов, а также наслеги Хадан и Бакамда Хочинского улуса.

Главным героем вилюйчан представляется Быркынгаа-Боотур, старший сын Джаардаах. Он поселяется на Нюрбе, воинственные омондонцы его прямые потомки — «люди с упрямыми и жестокими нравами».

Ж) Интересно то, что якутский царь Тыгын, ведя войну с каким-то иноплеменным народом, (по одному варианту — с борогонским Бэрт-Хара. Борогон — название улуса в Якутском округе), зовет на помощь Быркынгаа-Боотура, уже переселившегося на Вилюй. Бырк.-Б-р пришел и враги Тыгына были побиты. Быркынгаа перед сражением издает крики ворона, взывает к божествам и машет над головой остро отточенной пальмой: тогда с неба «вспрыскивало кровавым дождем» или «на острие его пальмы упал с неба сгусток крови». Так будто бы делали старинные якуты.

Тыгын одарил Быркынгаа скотом, людьми и дал в жены одну красивую девушку.

(О борьбе Тыгына с народом есех-ууса борогон и о двухкратной военной помощи предка вилюйчан, его брата Быркынгаа, говорится еще в одном мархинском варианте, который мы не включили в свой пересказ ввиду его краткости). (Элл. § 237).

З) Весьма любопытный момент в вилюйских сказаниях представляет из себя чудесного выздоровления брата-калеки во время боя с войском Тыгына. Он «распорол живот своей тетки и съел жир с ее печени и сердца, после того его нога оказалась вполне здоровой», он неожиданно превращается в страшного воина и начинает истреблять войско Тыгына.

Один из сунтарских сказителей, 70-летний старик, передает легенду со слов своего умершего отца.

### **3. ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ МАРХИНСКОГО УЛУСА (Юёдюгейский. Элл. § 240).**

А) Сказитель знает сюжет о тунгусах нюрбаахы, живших около озера Нюрба и истребленных другим тунгусским племенем. Из бойни спаслась одна девушка, которая добралась до Якутского округа и зашла в дом одной богатой старушки. Сын последней полюбил эту девушку и женился на ней. Но сказитель этот сюжет не увязывает с праотцами вилюйских якутов.

Б) Вилюйский герой Быркынгаа-Боотур был сыном Сар-Бая от младшей жены, а Тыгын — сыном от старшей жены.

В) Однажды Тыгын ведет войну с каким-то народом хаан-хангынай и просит брата Бырк.-Б-ра помочь ему. Последний не оказывает просимой помощи. Тыгын стал бить его. Бырк. в драке окровавил у Т-на лицо.

Г) Бырк.-Б. был женат на женщине из племени тумат. Она советует мужу: «Тыгын не снесет этой обиды и убьет тебя. Нам нужно бежать в Кыйаар, в беспредельную даль. («Так в те времена называли Вилюйскую страну»). «Быркынгаа, взяв жену, мать и немного скота, бежал на Вилюй».

Д) Бырк.-Б. около Нюрбы убивает одного человека по имени Кэтит-Ойогос-Кэтирэй, которого он называет своим «кровным врагом из хаан-хангалас — из ханских кангаласцев».

Бырк.-Б., убив врага, «вытащил сердце и печень его, зажарил и съел, приговаривая: «Вот уже как съедаю сердце и печень третьего человека».

Е) От убитого осталась жена с грудным ребенком. Бырк.-Б. берет ее второй женой. Сына этой женщины звали Сююлэ-Беге. Позже последний взял жену из Нюи и народил восемь сыновей. От младшего из них произошел Сюльский наслег в Нюрбинском улусе, а от других братьев семь наслегов Хочинского и Сунтарского улусов. От самого Б.-Б-ра потомства не было.

Сказителю 83 года. Он по происхождению не коренной вилюйчанин, а якутянин.

#### **4. ВТОРОЙ МАРХИНСКИЙ ВАРИАНТ (Кангаласский. Эл. § 245.).**

Б) Предками вилюйских якутов считаются два брата. Быркынгаа и Босхонг-Бэлгээни. Последний был калекой от рождения и до 30-летнего возраста не мог ходить и говорить. Они были детьми младшего сына Элэй-Боотура (мифический предок всех якутов) Енчех-Енюгея от его второй жены, тунгуски по имени Лэглэйиэхе. От первой (старшей) жены родился Тыгын.

В) Во время нашествия русских Тыгын просит у Быркынгаа перо орла. Последний не дал. Мать Бырк. советует ему бежать, «ибо Тыгын не забудет

обиду и взыщет». Кроме того она видела дурной сон: «Наша страна была залита кровью и я была в страшном смятении». Бегут на Вилюй.

Г) За ними гонится войско Тыгына.

3) Пospешно снимаясь с лагеря, калеку бросают на произвол судьбы. Когда подошло войско, калека неожиданно вскочил с криком. Он вырывает с корнем растущую лиственницу... «Войско Тыгына, увидев его, испугалось и пошло назад».

Сказителю 30 лет, по происхождению кангаласец.

## **5. ТРЕТИЙ МАРХИНСКИЙ ВАРИАНТ (Омолдонский. Элл. §§ 242, 243 и 260).**

А) До прибытия якутов на Вилюе живут тунгусы- нюрбогаты.

Б) Предки вилюйчан Быркынгаа-Беге и Босхонг-Бэлгэтии — братья Тыгына, но от другой матери. Тыгын считался властелином. Сын Тыгына Чаллаайы-Беге и зять Бэрт-Хара постоянно воевали и истребляли людей. Их подвигами Тыгын заслужил себе большую славу. Тыгын имел привычку убивать своих сыновей, «опасаясь, что они по силе и славе могут превзойти его самого».

В) Мать Быркынгаа советует сыну «искать другое место для жительства», ибо Тыгын «скоро придет убить тебя». Братья с матерью бегут на Вилюй, который считался тогда «далекой окраиной».

Г) Тыгын с зятем Бэрт-Хара и с войском гонится за беглецами. Быркынгаа по дороге в одном месте повесил железное стремя на пень и пробил стрелой пятак стремени. Тыгын, увидав эту примету, испугался и вернулся назад.

Д) Быркынгаа, добравшись до Вилюя, взял жену из тамошних тунгусов-нюрбогатов и родил трех сыновей — Таркая, Оноху и Омолдоона. Оноху — предок Сюльского наслега. Омолдоон родил девять сыновей, от которых размножились люди девяти наслегов. Таркай — предок Таркайского наслега.

## **6. ЧЕТВЕРТЫЙ МАРХИНСКИЙ ВАРИАНТ (Кангаласский. Элл. § 244).**

А) До прибытия якутов на Вилюй около Нюрбы жили тунгусы-нъялбаахы. (Искажение имени нюрбаахы).

Б) Предками вилюйских якутов считаются четыре брата — Быркынгаа-Боотур, Кулугур, Нуоральдыма-Бэлгэтэ и Тойук-Булгудах. Они были братьями

Тыгына, но от другой матери, родом из племени тумат, которая жила наложницей у отца Тыгына. Последний родился от старшей и законной жены.

В) Однажды мать братьев советует им: «Бегите на жирный Вилюй, ибо старший брат ваш не даст житья».

Г) Братья «переселялись по тайге через Хочинцы. Два брата остались жить в Хочинцах, третий брат — на Сунтаре, а Быркынгаа — в урочище Чаппангда».

Д) Братья истребили на Нюрбе тунгусов-нъылбаахы. Кроме того Быркынгаа там же убил одного человека, а жену его с 3-месячным ребенком взял к себе.

Е) От Быркынгаа родились Таркай и Омолдоон. У последнего было 17 сыновей. (Очевидно, каждый из них — предок отдельного наслега. От упомянутого выше 3-летнего мальчика размножился Сюльский наслег).

## **7. ПЕРВЫЙ ХОЧИНСКИЙ ВАРИАНТ (Бордонгский. Эл. § 296—303).**

А) На Нюрбе до якутов жили 10 домов тунгусов-нюрбочанов, которые из тальниковой коры вязали сети и пи тались рыбной ловлей. Однажды пришли люди из племени тумат (20 домов) и истребили всех нюрбочанов. От побоища спаслась одна девушка. Она села на берестяную ветку и поплыла вниз по Вилюю с одной тальниковой сетью.

Б) Доплыв до Лены, она по приплывающим щепкам со следами рубки решила, что выше по реке живут люди, и поплыла вверх. Доплыв до жительства Мунньана, отца Тыгына, осталась жить у него, «присматривая за скотом». Мунньан сделал ее женой-коровницей. От нее родились три сына: Тойук-Булгудах, Босхонг-Бэлгэти, глухой и немой от рождения, и младший Сюрюк-Быркынгаа, и еще одна дочь.

После смерти отца дети коровницы «остались жить у Тыгына в качестве его скотников», «кормились, охраняя его скот».

В) Братья были хорошие охотники, «отличались силой и молодечеством».

Сын Тыгына Чаллаайы-Беге опасается, «что эти потомки тунгусов, видимо, будут стойки и неуловимы на войне» и берет с них обязательство, что «они не восстанут» против него. Сам Тыгын, обвиняя братьев в плохом присмотре за его скотом, набросился на Тойук-Булгудаха с пальмой. Последний, вырвав пальму из рук Тыгына, избил его тыльной стороной пальмы.

Мать советует сыну:

«Тыгын, собрав своих сыновей и войско, погубит всех нас. Лови скорей лошадей... бежим... в мои родные места».

Братья, по совету матери, берут 10 коней, одного жеребца и четырех кобыл, «чтобы, когда они ожеребятся, питаться их удоем».

Г) Тыгын с отрядом из 40 всадников гонится. Когда Тыгын нагнал, Тойук-Булгудах умоляет его, величая «повелителем и старшим братом», отпустить, ибо «я уходил не с мыслью посрамить твое имя и умалить твой сан».

Тыгын открывает стрельбу... Младший брат Быркынгаа все стрелы Тыгына ловит на лету. Братья не желают убивать Тыгына и показывают ему лишь свою меткость: Т.-Булгудах прострелил мягкий кончик большого пальца Тыгына. Последний восхищается молодечеством братьев и говорит: «Дети мои, вы решили правильно, что уходите, верно, нам не ужиться вместе». Примирившись, он отдал им из пригнанного скота коней и кобыл и сказал:

«Если повезет вам в борьбе с племенем тумат и устроитесь там своим хозяйством, приходите ко мне взять из рогатого скота».

Братья едут дальше. Дорогу указывает им старуха-мать. Добрались до Нюрбы.

Д) Там жили туматы в сорока шатрах. Братья нападают на них ночью и избивают всех. Спасся бегством лишь один из туматов. Стали жить, «овладевая оленями убитых».

Е) Быркынгаа имел трех сыновей: старший Торбуох, средний Таркай и младший Омоллоон. Таркай был «замечательный охотник».

Потомство Быркынгаа образовало наслеги — Торбоховский (Хочин. ул.), Таркайский, Омолдонский, Накаас (на Нюрбе).

Ж) На следующее лето братья отправились «к своему старшему брату Тыгыну... Получили от него и пригнали с собою 20 голов рогатого скота».

З) Брат-калека, привезенный на Вилюй, чудесно выздоравливает при следующей обстановке. Из якутской стороны прибыл новый беженец, некто Бордонг. Он рассказал, что «пришли русские люди, истребили наших родичей, Тыгына... Я бежал от этой войны». Бордонг спрашивает у братьев: «Как вы приехали в этот край, а я прибыл с невероятными трудностями». Братья отвечают ему: «Да и мы пробрались с огромным трудом».

Калека пальмой отрубил голову коня Бордонга и напился крови, струившейся из его горла... «обрел речь и стал слышать».

Вслед за Бордонгом «беспрерывно стали прибывать беглецы на конях».

И) От Бордонга, женившегося на сестре братьев, произошли Бордонгские наслеги.

Сказителю 62 года, он слышал легенду от глубокого старца Константина Ачыясова (Торбоховского наел.), умершего 95-ти лет от роду. Последний рассказывал со слов своего деда Афанасия Ачыяса, умершего, достигнув 120-летнего возраста.

#### 8. ВТОРОЙ ХОЧИНСКИЙ ВАРИАНТ (Чонский. Элл. §§ 304—307).

А) На Вилюе у озера Нюрбы живут тунгусы в 40 шатрах. Праматерь вилюйчан происходит от тунгусов, живших около озера Есей и истребленных одним пришлым народом. (В роли этого народа у рассказчика выступают нууча — русские).

Б) Одна 15-ти летняя девушка, попав в плен, убегает. Она, найдя верховья Вилюя, плывет по ней до Лены. Там находит местожительство отца Тыгына. Так как она была очень красивая, отец Тыгына сделал ее своей побочной женой. Ее звали Джаархан (т. е. название джарханских родов происходит по ее имени). Она родила несколько сыновей, из которых известны Босхонг-Бэлгэти и Тойук-Булгудах. Тыгын же — сын старшей жены.

В) «Когда отец умер, Тыгын стал обижать и всячески притеснять своих братьев, сыновей матери-тунгуски. Ужиться с ними было невозможно».

«Старуха Джаархан говорит сыновьям:

«Теперь, когда отец ваш умер, Тыгын не даст житья. Нам необходимо бежать на реку Вилюй...» «В старые годы, плывя по ней, я заметила, что там обилие дичи и зверя».

Она советует ехать не прямо на Вилюй, а через Олекминск и потом свернуть на Вилюй.

«Весь многочисленный конный скот, который имели, погнали с собой...

Настала зима, и конный скот погиб по дороге, будучи не в силах добывать корм из-под снега. Осталась лишь одна пегая кобылица».

В Олекминском крае «набрили на одно рыбное озеро и остановились здесь, чтобы запастись пищей. Наловили рыбы, засушили впрок и сами наелись».

Г) Тыгын с сыновьями Чаллаайы, Бетюйэ-Сююрюк, всего в составе семи человек, гонится. В одном месте Тыгын нагнал бегущих и начинает обстреливать их через речку Джэрбэ. Тойук-Булгудах ловит все стрелы руками. Тыгын, исчерпав весь запас стрел, возвращается.

Братья, идя по речке Кэмпэндээйи (где добывается каменная соль), нашли Вилюй. Сделав плот, плывут вниз. Мать советует:

«Там ниже я видела большое озеро, разыщем его и будем жить, пропитываясь рыбой».

Мать при плавании определяет каждую речку, впадающую в Вилюй ибо раньше, засучив из своего волоса нить, отмечала узлами устье каждой речки.

Д) Наконец, добрались до Нюрбы. Братья ночью нападают на тунгусов, живущих в 40 шатрах, и истребляют их. Часть тунгусов, бросив оленей, убегает.

«Братья овладели стадами оленей убитых и ушедших тунгусов».

Е) По совету матери, братья возвращаются вверх по Вилюю и «поселились по озерам в пределах современного Хочинского улуса».

3) Выздоровление брата-калека происходит при следующей обстановке. Беглецы оставили его в Олекминском крае, ибо пегая кобыла под его тяжестью «остановилась в изнеможении». Братья, думая, что калека умер, возвращаются с намерением похоронить его. Калека уже сидел на суку дерева и обрел речь, тогда как раньше был немой. Его посадили на кобылу и вернулись в свой табор. Здесь калека каким-то образом «достал пальму, распорол живот одной тетки и нализался ее крови. После этого он выздоровел, стал говорить как следует и владеть ногами...», «стал необычайно силен и проворен в беге».

Сказителю 70 лет, якут Чонского наслега Тимофей Попов.

## **9. НЮРБИНСКИЙ ВАРИАНТ (Элл. §§ 268 — 270).**

А) Вилюй раньше принадлежал народу туман (вариант имени тумат). Из их среды во время междоусобной войны бежит одна женщина, имея при себе одну рыболовную сеть. Плывет по Вилюю на берестяной ветке.<sup>44</sup>

Б) Добравшись до Лены, она находит отца Тыгына и сделалась его побочной женой. Она родила трех сыновей: старший Быркынгаа-Боотур, средний Кулугур-Бэргэн и младший Босхонг-Бэлгээти. «Они были очень бедные люди», а Тыгын же был сын от законной жены. Быркынгаа-Б. ловил рыбу мордами.

В) Однажды Тыгын, встретив Быркынгаа-Боотура, идущего домой «осмотрев свои рыболовные морды», стал укорять его:

«Зачем это вы нарушаете границы моих земель» и начал бить Б.-Б-ра рукояткой своей волосяной махалки... и кулаками. «Быркынгаа отобрал махалку и, защищаясь, поранил его лицо».

---

<sup>44</sup> Веточка — лодочка.

Мать советует бежать «Кыйаарга» — в беспредельную даль... «на мою родину. Раньше якуты так называли Вилюйский край».

«Они имели одну единственную корову с теленком. Теленка закололи на мясо, а корову повели на поводу. Младшего брата-калеку навьючили на корову и по дороге кормили ее молоком».

«Добрались до Вилюя... Стали жить, промышляя себе пищу охотой, рыбной ловлей и выскребая сосновую кору».

Когда братья уже поселились на Вилюе, вдруг «пришло войско Тыгына. Началась перестрелка... Продолжалась три дня и три ночи. Жены их из сосновой коры готовили пищу и приносили мужьям, пока они были заняты стрельбой. Стрелялись, стоя на противоположных берегах реки».

«Быркынгаа поет песню, которая дает воодушевление в битве. В этот момент на острие его копья упал сверху сгусток крови. В это же время происходит чудесное исцеление калеки, который присоединяется к воюющим братьям (см. ниже «3»). Войска Тыгына стали ослабевать...» «Увидев калеку в рядах братьев, Тыгын струсил и возвратился обратно в Якутский край».

Е) Один из братьев остался в теперешнем Верхневилуйском улусе, двое других пошли вверх по Вилюю и «там на озерах Муосаны, Чаппангда пропитывались охотой». Быркынгаа поселился в Сунтарском улусе, от него произошли наследи: Джаархан, Кугдаар, Токос, Бутукай, Тирэгэ, Тيوبэй- Джаархан.

От Босхонг-Бэлгээти произошли наследи: Джаархан, Этисиилээх, Тюмюк, Хорула, Тонгуо, Ууну. Босхонг-Б. имел двух сыновей — старший Таркай, младший Омолдоон.

3) Чудесное выздоровление брата-калеки (Босх.-Б.) происходит во время битвы его братьев с войском Тыгына. Он, «выхватив с шестка нож для выскребания коры, одним взмахом разорвал живот ей (одной из теток) и вытащил сердце с печенью. Съел их и, приложившись к текущей крови, стал пить глотками». Тотчас же он получил способность двигаться и присоединяется к сражающимся братьям. Это обстоятельство решает победу над войсками Тыгына.

И) Позже переселился из Якутского края один человек по имени Наахара и поселился в местности Быар. С ним ведет борьбу второе поколение вилюйских героев — Омолдоон, сын Босхонг-Бэлгээти. В происшедшей битве Омолдоон одержал победу и противники помирились. Наахара, по обычаю того времени, «в знак изъявления покорности, выдал девицу в полном брачном наряде». Затем, боясь Омолдоона, переселился в пределы Хочинского улуса.

«После победы Омолдоон вернулся домой, привязав к торокам окровавленные головы убитых противников и держа на острие копья их сердце и печень».

Мы привели содержание основной части вилюйского героического эпоса. К ней тесно примыкают ещё две группы легенд, являющихся побочными ответвлениями вилюйского цикла. Это — сказание о воинственном Омолдооне и о Тюлюен-Шамане, прародителе якутов, носящих общеродовое название Бордонг.

### **3. ЛЕГЕНДЫ О ВОИНСТВЕННОМ ОМОЛДООНЕ**

Вилюйские легенды об Омолдооне интересны для нас потому, что они сохранились и в Амгино-Ленском плоскогорье Якутского округа, свидетельствуя о ранней колонизации этого края выходцами из Вилюя. Сказание об Омолдооне записано нами в семи вариантах. Он герой по преимуществу мархинский. (Пять вариантов в Мархинском ул., один вар. в Нюрбинском и один в Хочинском. Эл. §§ 243, 271, 244, 266, 247, 238 и 303). Здесь мы вкратце передадим наиболее популярные элементы сюжета, не вдаваясь в мелочи.

Омолдоон — младший сын Быркингаа-Боотура, при смерти отца остается малолетним на попечении своего старшего брата Таркая. Последний при смерти отца намеревался было похоронить Омолдоона вместе с ним в качестве сопровождающей жертвы, но умирающий отец воспрещает это, ибо, де Омолдоон «размножит большое потомство и станет праотцем людей».

Омолдоон в детстве был большой озорник и творил всякие шалости. За это невзлюбила его тетка, жена Таркая, и нередко била мальчика. Таркай сделал Омолдоону игрушечный лук и посоветовал ему: если тетка опять начнет обижать, то выстрелить из этого лука в ее колено. Семилетний Омолдоон так и поступил, но, поранив тетку, испугался сам и сбежал из дому. Он набрел на каких-то тунгусов, которые кормились на Нюрбе рыбной ловлей. Омолдоон выстрелил из своего игрушечного лука и тунгусы, подумав, что пришло целое войско, убежали. Мальчик поселился в их жилье, воспользовался их запасами и стал рыбачить. (По другому варианту, он женится на тунгуске и поселяется вместе с ними. Потом истребляет их и, собрав их оленей, возвращается на родину). Он понаделал себе игрушечные дома, загоны и скот из камышей. Старший брат после долгих поисков обнаружил его место-

пребывание, подкравшись, поймал его и насильно привез домой. (В одном варианте сообщается, что мальчик нашел жилище древнего человека «холума» и прожил там целое лето).

Омолдоон возмужал и женился. Сначала был беден, имел всего-навсего четыре коровы и жил, «поедая отборный скот из стада своего старшего брата» (Таркая). (Элл. § 303). Поэтому последний откочевал подальше от него через речку Марху. По хочинскому варианту, и другой брат Торбуох, опасаясь Омолдоона, переселился в Хочинцы. Позже Омолдоон разбогател и народил много сыновей. Чаще говорят о девяти сыновьях Омолдоона, а, по словам некоторых, он имел 16—17 сыновей.

Сыновья Омолдоона почитаются предками целых наслегов. Об его сыновьях говорится: «Не знали равных себе соперников и первенствовали во всем крае». (Элл. § 248).

По одной легенде, убив внука своего дяди Таркая, они говорят про себя: «Теперь на хребте обширного Вилюя нет человека, который посмел бы идти против нас». (Элл. § 249). Между прочим, по именам его сыновей устанавливается, что наслег с названием Хангалас и Бэстээх признаются потомками Омолдоона (Элл. §§ 243, 244, 238, 247 и 266) или вообще Быркынгаа-Боотура (Элл. § 246). Оба наслег, как мы указывали раньше, должны быть выходцами из среды якутян.

За Омолдооном установилась слава непобедимого воина:

«Куда бы он ни приходил, везде выходил победителем» (Элл. § 238). Между прочим, он убивает одного витязя, живущего на Лене около Мачи (село Нохтуйск). Он имел будто бы обыкновение возвращаться с поля битвы, привязав окровавленные головы убитых неприятелей к торокам своего седла. Поэтому об его прямых потомках сложилась весьма популярная поговорка: «Ездящие с окровавленной человеческой головой на тороках великие (или грозные) омолдонцы». (Элл. §§ 243, 271, 266, 238 и 303).

Существует и другая поговорка, которая характеризует богатое и привольное житье: «Житье Омолдоона, пиршество Таркая».

Между прочим, эта поговорка известна повсюду и среди якутов Якутского округа<sup>45</sup>. В Амгино-Ленском плоскогорье, по-видимому, не знают имени Таркая, но среди кангаласцев и намцев поговорка в ходу в вилюйской форме.

---

<sup>45</sup> См. А. Е. Кулаковский. «Якутские пословицы и поговорки». Сбор. трудов науч. иссл. об-ва «Саха кэскилэ». Вып. II, стр. 43.

В Мархинском улусе (в Кангаласском наслеге) нами записана в двух вариантах красивая легенда, свидетельствующая об упорной и длительной вражде между потомками двух сыновей Быркынгаа-Боотура, Таркая и Омолдоона. (Элл. §§ 248—252, 253—254). Сын Таркая старец Боруллоу имеет единственного сына по имени Тоторбот. Омолдоон, тоже глубокий старик, имеет девять сыновей. Обе семьи рисуются владельцами многочисленных табунов конного скота. Владения их, по-видимому, разделяются большою рекой, но сказители, перенося все легендарные события на территорию своего Вилюя, приурочивают эту реку к речке Мархе. Сыновья Омолдоона угоняют табуны Боруллоу. (По одному вар., сын Боруллоу пригнал к себе табуны Омолдоона, в отместку чего сыновья последнего угоняют к себе табуны Боруллоу). Тоторбот, сын Боруллоу, нагоняет похитителей при переправе через Марху. Здесь происходит бой. Тоторбот убил одного из братьев, последние в свою очередь тяжело ранили Тоторбота и оставили его, признав мертвым. Дальше выступает на сцену отец Тоторбота, старец Боруллоу, едущий верхом на рыжем быке. Его крик слышен на расстоянии 35 верст. Он совершает поход к местожительству своих противников, убивает двух из них и вынуждает своего брата Омолдоона заплатить выкуп за преступление своих сыновей. Тоторбот оказался лишь тяжело раненым и постепенно выздоравливает. Боруллоу, по примеру других героев юго-западного Вилюя, съедает сердце и печень убитого им сына Омолдоона. Эта легенда имеет отчетливый колорит глубокой древности, но сказители приурочивают описанные события и лица к эпохе русского господства.

Наряду с легендой о богатом Таркае и бедном Омолдооне мы встречаемся с точно таким же мотивом в сказании о Тюмюке и Эчике. (Элл. § 246). Первый из них — богач, а второй — бедняк. На эту легенду мы раньше ссылались по вопросу сбора пушнины на Вилею прибайкальскими якутами.

Оба героя также представляются сыновьями древнейшего прародителя вилеичан, Быркынгаа-Боотура.

Эчик поехал в Якутский край и, прослужив в работниках у старика Хангаласа, похитил у него красавицу дочку. Возвратившись на Вилею, он поселился с женой около озера Чонгууда: «Жил в круглом шалаше «холума», заваленном дерном, и питался исключительно рыбой. Молочной пищи и скотского мяса они никогда и не видали». «Они раньше выпрашивали у него (брата Тюмюка) по 3—4 головы скота на племя, но по нужде употребляли на пищу». Однажды жена Эчика с большим смущением обращается к свекру с просьбой:

«Чтобы я могла кормить моего ребенка, уделите мне из имеющих сосцы». Старик Тямюк, сжалившись над своим маленьким племянником, просимую корову дал, но его жена сопровождает этот подарок грозным предостережением: «Если вы заколите эту корову, не смейте больше являться к нам с просьбой. Она размножит вам скот, даст большое племя. Только попробуйте коснуться до нее ножом или топором! За это свекор взыщет с вашего тела и крови».

Три сына старика Хангаласа, прибывшие на Вилюй в поисках своей сестры, уgomонились, получив от Эчика очень много дорогой пушнины. Своему племяннику, сыну Эчика, они дали имя «дочерний отпрыск кангаласцев Харбаанча». Все роды 2-го Кангаласского наслега Мархинского улуса, якобы, и размножились от десяти сыновей Харбаанча. По одному варианту сказаний об Омолдооне, Кёмнёркёй-Харбаанча представляется старшим сыном Омолдоона. (Марх. ул., Элл. § 247). В нюрбинском варианте предком Кангаласского наслега почитается один из сыновей Омолдоона Тьюнгюнююр. (Элл. § 266). Эти легенды интересны в том отношении, что происхождение вилюйских кангаласцев связывается не с порусскими беженцами из Якутского округа, а с ранними переселенцами, уходящими от притеснений Тыгына.

Перейдем теперь к циклу сказаний бордонгцев.

#### **4. ЛЕГЕНДЫ О ПРЕДКАХ БОРДОНГСКИХ РОДОВ**

Герои джарханцев, по мысли носителей эпоса, представляют за весь вилюйский народ и в сказаниях о них мы имеем попытку объяснить первое появление якутов на Вилюе. Но мы знаем, что якуты жили на Вилюе и до появления джарханцев. Это — ранние вилюйчане, населяющие нижнюю половину бассейна Вилюя. Несмотря на тенденцию отвечать за весь Вилюйский округ, джарханские мифы и по своему содержанию не выходят за пределы юго-западного Вилюя. Если же внимательно изучить легендарные сказания бордонгских родов, то легко обнаруживается, что они когда-то образовывали совершенно самостоятельный цикл, принципиально отличный от джарханского. Так как разные циклы героического эпоса, по нашему мнению, создают презумпцию об обособленных волнах нашествия якутов на Вилюй, то нам необходимо остановиться на особенностях и бордонгских мифов. Более полная редакция их нами записана в трех вариантах: два в Нюрбинском улусе (Элл. §§ 267, 272—276) и один в Мархинском (Элл. § 257).

Прародителем бордонгских родов и первым переселенцем на Вилую представляется неизменно Тюлюён-Шаман, имеющий бубен с шерстью. В отличие от джарханских героев Тюлюён-Шаман бежит на Вилую, поссорившись с неким Кургумар-Боотуром и, будучи побит им (в двух вариантах) или Быркынгаа-Боотуром (один вар.). В одном варианте сообщается, что Кургумар-Боотур и Тюлюён-Шаман состояли зятьями Тыгына. (Элл. § 272).

Шаман переселяется на Вилую с женой и двумя малыми детьми, Хантагар-Быгый и Суор-Боллой. По мархинскому варианту, он наделяется пятью сыновьями, в число которых входят и джарханские герои, Быркынгаа-Боотур и Босхонг-Бэлгэтии. По этому варианту, сыновья шамана точно так же, как и джарханские герои, нападают на племя ньурмагаат, которое жило на Нюрбе, питаясь рыбой, и истребляют его. Во главе ньурмагаатов стоит витязь по имени Ёрюкюёчэй. Последнего убивают оригинальным способом: опускают особую бронебойную стрелу наверх и «стрела, взвившись ввысь, упала прямо вглаз Ёркжюёчэя, который сидел, глядя наверх». Победители тотчас же разрезали ему живот и вытащили печень. Сопровождая один из них волчьим воем, а другой криком ворона, печень эту съели». (Элл. § 258).

В нюрбинском варианте сюжет борьбы с местным вилюйским народом отсутствует.

В бордонгских мифах особое внимание уделяется рассказу о мести сыновей шамана. Вопреки запрету родителей, сыновья шамана отправляются в Якутский край, отыскивают стан Кургумар-Боотура (в одном вар. Быркынгаа-Боотура) и, напав на него ночью, убивают. При этом, убегая на Вилую, парни издают волчий вой и крики ворона. (Элл. §§ 257 и 267).

Характерно то, что и позднейшие герои бордонгцев чаще представляют-ся шаманами. Таковы знаменитый шаман Джаарын и Оноху. (Элл. §§ 275, 276, 277 и 309), рассказы о которых дополняют цикл бордонгских сказаний.

Бордонгские роды, как и джарханцы, живут весьма разбросанно по всему юго-западному Вилую. В настоящее время можно насчитать до девяти наслегов, из которых семь носят название Бордонг, а два выделились из них. Бордонгцы по своей численности немногим уступают джарханцам. В Нюрбинском улусе в четырех Бордонгских наслеге (включая Сюльский), по данным переписи 1917 г., было 3645 душ. Из бордонгских же родов, судя по названию Суор и Джаарын, образовался и Нюрбинский наслег. В Сунтарском улусе в двух Бордонгских наслеге значится 2249 душ и в Хочинском улусе во 2-м Бордонгском наслеге и в трех родах Хаданского наслеге, носящих родовое прозвище бордонг, около 1600 душ. В общем число бордонгцев, могу-

щее быть установленным в настоящее время, не меньше восьми тысяч душ об. п.

Несмотря на то, что джарханские герои, по легендам, изображаются первыми пришельцами на Вилюй и победителями туземного народа, мы должны признать, что бордонгские роды переселились на Вилюй раньше джарханских. К этому выводу мы приходим по следующим данным.

1. В то время, как джарханцы отходят на Вилюй под давлением самого якутского Тыгына, легендарный предок бордонгцев бежит, будучи побит зятем Тыгына Кургумар-Боотуром или даже джарханским героем Быркынгаа-Боотуром. Иными словами, бордонгцы должны были отойти на север до наступления основной массы якутов.

2. Преобладание среди бордонгских героев шаманов свидетельствует о более архаическом общественном строе, возглавляемом шаманами. Это явление могло сохраниться лишь среди самых дальних и окраинных частей якутского племени.

3. В бордонгских мифах мы находим следы борьбы бордонгцев с ергетскими родами северо-восточного Вилюя. Один из потомков Тюлюён-Шамана, Оноху, воюет с Ёсёх-Ёргюёджей (Элл. § 275), тот же Ёргюёджей представляется главой ньурмагаатов, истребленным сыновьями того же шамана.

4. Джарханский герой Быркынгаа после своего переселения на Вилюй убивает около Нюрбы одного человека, которому дается имя Кэтирэй. (Элл. §§ 240 и 244). А Кэтирэй считается внуком прародителя бордонгцев Тюлюён-Шамана. (Элл. §§ 267, 272 и 270). Жену Кэтирэя с малолетним ребенком Быркынгаа оставляет у себя, по-видимому, в качестве второй жены. Ребенку легендисты дают имя Сююлэ-Багдарыын и считают его прародителем Сюльского наслега Нюрбинского улуса. В цикле бордонгских сказаний Сююлэ-Багдарыын значится внуком Тюлюён-Шамана. (Элл. §§ 273, 274 и 277). Очевидно, герои джарханцев застали на Вилюе бордонгцев и вели с ними борьбу.

Это обстоятельство подтверждается и легендами якутов Амгинского улуса Якутского округа о воинственном Омоллооне, который в джарханском цикле фигурирует в качестве младшего сына Быркынгаа-Боотура. Омоллоон Якутского округа имел столкновение с вилюйским богатырем Сююлэ-Беге и одержал над ним победу. (Элл. § 205). Иными словами, сюжет борьбы джарханских героев с бордонгскими сохранился даже в памяти амгино-ленского ответвления джарханцев.

Как мы отметили выше, герои бордонгского цикла представляются большею частью шаманами. Следовательно, противниками джарханских героев должны были выступать шаманы. В сказаниях якутов Амгино-Ленского плоскогорья об Омоллооне основной сюжет вращается вокруг его борьбы с шаманом Быйанг-Тюнгюлгю. Омоллоон убивает этого шамана. Сыновья последнего совершают поход к местожительству Омоллоона и убивают его брата Эрилики-Куомая. (По борогонскому варианту — убивают самого Омоллоон-Боотура. См. доп. к Элл. § 24). Причем, это убийство совершается тем самым приемом, как в бордонгском цикле сыновья Тюлюён-Шамана убивают Ёрюкюёчя: Эрилики-Куомай, убегая от своих преследователей, бросается в озеро и «при каждом выстреле нырял точно утка», «сыновья Быйанга пригласили шамана и попросили спеть песню, призывая духа смертоубийства. После этого ту самую стрелу, которой был убит их отец шаман, пустили, не целясь, вверх. Стрела при своем падении вонзилась в затылочный позвонок Эрилики-Куомая. Последний тут же умер». (Элл. § 201). (По борогонскому вар.— сыновья Байанга при такой же обстановке убивают самого Омоллоона).

По баягантайскому варианту — врагу Омоллоона дается имя Быйанг-Тэгилгэ, а его брату Ючюгэй-Мюлюйэ.) (Доп. к Элл. § 30). В связи с этим, мы должны прийти к выводу, что бордонгские легенды о мести сыновей Тюлюён-Шамана, убивающих Быркынгаа-Боотура или Кургумар-Боотура, врага своего отца, и легенды якутов Амгино-Ленского плоскогорья о мести сыновей шамана Быйанг-Тюнгюлгю в цикле сказаний о воинственном Омоллооне представляют из себя варианты одного и того же древнего мифа. Очевидно также, что имя легендарного предка бордонгцев «Тюлюён-Ойун» и врага Омоллоона якутян шамана «Тюнгюлгю» (или Тенгюлю, а в баягантайском варианте — Тэгилгэ. (Доп. к Элл. §§ 24 и 30) суть извращения одного и того же мифологического имени. По борогонскому варианту сказаний об Омоллооне, мегинский шаман Быйанг находится в родстве с курбусахским родом Борогонского улуса. В Курбусахском наслеге мы находим род ярин, очевидно, джаарын, т. е. один из родов вилюйских бордонгцев.

Так как якуты Амгино-Ленского плоскогорья своего воинственного Омоллоона локализируют в Бологурских наслегегах Амгинского улуса, то приходится признать, что основное ядро бологурцев составляли вилюйчане, которые попали в Якутский округ со стороны Вилюя или ж непосредственно при их переселениях из Предбайкалья. Среди бологурцев мы находим род оджолуун; оджолуунский же род имеется во 2-м Чакырском наслеге Амгин-

ского улуса. В том же улусе в 1917 г. был наслег Оджолуун. В Ботурусском улусе также есть род оджолуун в Ожелуно-Хатылинском наслеге.<sup>46</sup> Род оджолуун существует в Сюльском наслеге Нюрбинского улуса, а также и во 2-м Кангаласском наслеге Мархинского улуса.<sup>47</sup> Род чакыр, образующий несколько наслегов Амгинского улуса, есть и на Вилюе, среди бордонгцев Сунтарского улуса.<sup>48</sup>

Мы укажем еще на одно сходство в легендах якутян и вилюйчан об Омоллооне. Якутяне дают Омоллоону лишнее прозвище Бороху, что значит «обжора». Это прозвище дает Омоллоону шаман Тюнгулгю, ибо он в несколько приемов съел целое стегно мяса, поданное ему шаманом. (В боргонском сказании «Бороху-Сороху Баатыр» — обжора, ненасытный богатырь. См. доп. к Элл. § 24). В цикле джарханских легенд мы встречаем то же прозвище, но в варианте «Тоторбот». Такое имя было дано сыну Боруллоу, так как он в пору своей возмужалости был очень обжорлив и не насыщался. (Элл. § 248). Вилюйский «Тоторбот» принадлежит к серии тех же джарханских героев и является противником девяти сыновей воинственного Омоллоона. Мы видим, что в пределах одного героического цикла однородный традиционный образ или эпитет чрезвычайно легко переходит от одного героя к другому.

V. Наконец, в бордонгской легенде о мести сыновей Тюлюён-Шамана чувствуется влияние героического эпоса якутов-оленоводо-вод. В последнем малолетний сын убитого витязя воспитывается старым дедом или бабушкой, которые скрывают от мальчика имя убийцы его отца. Наконец, по настоянию мальчика, дед или бабушка называют имя кровного врага. Мальчик, получив это сведение, идет мстить. В бордонгском сказании происходит то же самое: «Сыновья Тюлюён-Шамана часто справлялись у матери о причине смерти своего отца, но она все время отмалчивалась». (Элл. § 257) или «парни-подростки стали выпытывать у матери, о чем говорил отец. Мать накричала на детей» (Элл. § 272) или «парни отпрашивались ехать в Якутский край, но отец уговаривал, говоря так: «Вы еще молоды, напрасно погубите себя. Если даже я не мог осилить его, куда же вам тягаться с ним». (Элл. § 267). Однако, парни добились своего, узнают имя обидчика и самовольно отправляются мстить за обиду отца.

<sup>46</sup> Соколов. Там же. Вып. II, стр. 48, 50 и 46.

<sup>47</sup> Там же, стр. 72 и 76.

<sup>48</sup> Там же, стр. 78.

Неожиданное ночное нападение парней на своего врага тоже напоминает сюжеты оленекского эпоса.

Раньше, в главе 2-й, мы удостоверились, что ранние вилюйчане в легенде о Кюрэнчэ-Боотуре (предок якутов Ергетского наслега) усвоили почти все существенные элементы оленекского хосунного эпоса, что доказывает длительное сожительство населения северо-восточного Вилюя с оленными якутами. Точно также и носители цикла легенд о Тюлюён-Шамане обнаруживают следы соприкосновения с миром оленекского хосунного эпоса в пределах Вилюя или в более раннюю историческую эпоху в районе Прибайкалья. Весьма возможно, что бордонгцы сродни северным якутам-оленеводам и по этническому происхождению.

Во всяком случае для нас ясно, что коренное население юго-западного Вилюя когда-то делилось на два самостоятельных отдела. Во главе одного из них стояли роды бордонг, а другого — джархан. Причем, бордонгцы занимали более окраинное (северное) положение и раньше джарханцев отступили на Вилюй, тогда как последние некоторое время оставались в сожительстве с якутиями Тыгына. Если бордонгцы попали на Вилюй раньше, то сюжет борьбы с местными оленеводами и рыбаками нюрбагаат или нюрба-чаан (север, якуты) должен был заключаться в цикле бордонгских сказаний. Джарханцы, явившись позже и одержав победу над бордонгцами, могли перенять от последних этот сюжет истребления или изгнания местных оленеводов.

В настоящее время бордонгцы и джарханцы территориально не обособляются друг от друга и обнаруживают картину сильного смешения между собой и чересполосности своих владений. Вот почему джарханцы резко не отделяют себя от бордонгцев и весьма часто своих собственных героев возводят в звание прародителей тех и других. Это смешение, всего вероятнее, произошло в пределах Вилюя.

Сравнительное изучение героического эпоса коренных вилюйчан дает нам возможность делить их на три крупных отдела: северновилуйский (ранние вилюйчане), средневилуйский (во главе с бордонгцами) и южновилуйский (во главе с жарханскими родами). В связи с этим и история колонизации Вилюя должна быть разделена на три периода, ибо эти три отдела, всего вероятнее, переселялись на Вилюй последовательно один за другим.

Любопытно отметить здесь, что якутяне почему-то привыкли представлять себе якутское население Вилюйского округа трехсоставным. В легендах

и в разговоре часто говорят: «юс Бюлюю» — три Вилюя, понимая под этим названием обычно состав его населения.<sup>49</sup>

Некоторые сказители пытаются объяснить это выражение ссылкой на то, что будто бы река Вилюй впадает в Лену тремя протоками. Толкование явно надуманное и нежизненное. Точно также было бы не менее искусственным толкованием увязка этого выражения с тремя вилюйскими зимовьями по-русской истории, тем более, что Нижне-Вилюйское зимовье просуществовало не особенно долго. Правильнее будет признать, что это представление о вилюйчанах традиционное и повторяется по привычке со времен глубокой древности, когда вилюйские якуты действительно делились на три самостоятельных отдела, независимые друг от друга. Трехсоставность всего вилюйского народа нашла также отражение в числе сыновей его легендарной прародительницы. Как видели выше, она обычно наделяется тремя сыновьями: Быркынгаа-Боотур, Босхонг-Бэлгэтии и Тойук-Булгудах. Весьма возможно, что в древнейшую историческую эпоху ранние вилюйчане были слитны с северными оленными якутами.

## 5. ОСОБЕННОСТИ ВИЛЮЙСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Мы прежде остановимся на некоторых мифологических мотивах и сюжетах в героическом эпосе вилюйчан, в которых обнаруживается их культурное своеобразие и самобытность, выделяющие их в особый отдел якутского племени.

Обращает на себя внимание обычай вилюйских героев издавать перед боем крики ворона и волчий вой. Так герой ранних вилюйчан Кюрэнчэ-Боотур до битвы «стал высоко подпрыгивать и пальмой разрубать молодые листовенницы. При этом он издавал крики ворона». Дальше он же, прежде чем убить тунгусского витязя, «обуянный гневом издал крики ворона и выстрелил» (Элл. § 326).

Этот мотив отчетливее сохранился в бордонгском цикле в сказании о сыновьях Тюлюён-Шамана. Одержав победу над своим противником, братья «беспрерывно воют по-волчьи и издают крики ворона» (Элл. § 267). То же самое повторяется и в двух других вариантах: «Быркынгаа издавал волчий вой, а Суор-Боллой — крики ворона и оба говорили: «Это мы — сыновья Тю-

<sup>49</sup> См. Г. В. Ксенофонов. «Христос. Шаманизм и христианство». Иркутск, 1929 г., стр. 24 — в легенде Намско-го улуса, а также «Эллэйада». § 204.

люён-Шамана, имеющего бубен с шерстью» (Элл. §257). Убив вождя старожил Вилюя нюрмагатов, они «тотчас же разрезали ему живот и вытащили печень. Сопровождая один из них волчьим воем, а другой криком ворона, печень эту съели» (Элл. § 258).

Эти мотивы не чужды и циклу джарханских сказаний. Сказитель Сунтарского улуса говорил: «В древности якуты имели обыкновение перед самым сражением издавать крики ворона с восклицанием «ойдоо, ойдоо...» Затем махали над головой блестяще отточенными боевыми пальмами. Тогда будто бы вспрыскивало с неба кровавым дождем. «Быркынгаа-Боотур, прибыв на помощь к Тыгыну, пред боем сделал то же самое» (Элл. § 280).

В нюрбинском сказании сообщается, что брат-калека «неожиданно вскочил на ноги, издал крики ворона и, бросившись на тетку, растерзал ее. Кровью ее намазал свои суставы. Затем, вырвав с корнем огромную ель и размахивая ею, пошел сражаться» (Элл. § 266).

По мархинской легенде, один из героев — Тоторбот пред нападением на врагов, издав три раза крики ворона, закричал: «Ах, воры-мошенники! Видимо, пришел черед разговаривать с вами только с оружием» (Элл. § 249).

Этот фольклорный мотив от вилюйчан перешел с небольшим изменением и к северным якутам. В оленекском хосунном эпосе витязь, преследуя своего противника, «беспрерывно лаял по-собачьи», а другой издает «крики сокола или лебедя» (олен. хос. эп. I, III и VI вар.). В одном варианте вилюйский мотив сохраняется без изменения: «Юнгкээбил, преследуя врага, не переставая выл по-волчьи». На вопрос своего противника он поясняет: «Ты убегаешь от меня подобно раненому дикому оленю, а я гонюсь за тобой, точно волк. Я не могу догнать тебя и пожрать, поэтому с досады и вою». (Там же, вар. IV).

Смысл и значение волчьего клича и крика ворона современные якуты не понимают. Но тем не менее нельзя сомневаться в том, что этот военный обычай стоит в связи с культом предков. Дело в том, что среди якутов повсюду распространено мифологическое представление, что волк и ворон являются сыновьями древнего божества Улуу-Тойона. В культе якутского черного шаманства это божество играет очень важную роль: он — отец всех черных шаманов. Кроме того, души умерших шаманов представляются лета-

ющими в образе воронов. Поэтому черные шаманы во время своей мистерии должны издавать крики ворона, показывая этим явление душ предков.<sup>50</sup>

Очевидно, издавание криков ворона и волка до или во время боя когда-то имело смысл шаманского действия, т. е. призыва душ своих умерших предков. Иными словами, интересующий нас фольклорный мотив является пережитком того отдаленного времени, когда военные вожди одновременно исполняли и жреческие функции, считая себя потомками древних шаманов. Один из джарханских героев, Боруллоу, желая защитить труп своего сына от ворон, обращается к богу Улуу-Тойону со следующими словами:

«Эй, живущий там Хара-Суорун Владыка («Черный Ворон» — одно из вторых наименований Улуу-Тойона), не позволяй трогать труп моего дитяти своим шаловливым сыновьям. А вы, вороны, если тронете его, знайте, он вашей же плоти, если нападете на него, он вашей же крови!» (Элл. § 250).

В легендах Якутского округа описанный мотив — издавание воином криков ворона или воя волка — отсутствует.

Между прочим, интересно отметить здесь то, что подражание волчьему вою, по русским летописям, приписывается половцам, которые во второй половине XI в. и в XII в. кочевали в южнорусских степях.

«Накануне ожидаемой битвы с венграми, Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков». «Завтра, сказал Боняк, мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось: Боняк, говорит современный летописец, сбил угров в мяч, как сокол сбивает галок».<sup>51</sup>

Общий источник вилюйских и половецких легендарных воспоминаний о волчьем вое, воодушевляющем к битве, нужно искать в турецком населении древней Монголии. Приблизительно с половины VI в. нов. эры в степной Монголии подвизаются два народа турецкого происхождения, а именно, — уйгуры и тюрки. И оба эти народа по мужской или женской линии производили себя от волков. По уйгурской легенде, царская дочь выходит замуж за волка и родила сына. «Потомство от них размножилось и составило государство: по сему-то люди любят продолжительное пение или воют подобно волкам».<sup>52</sup>

<sup>50</sup> См. Ксенофонов. «Легенды и рассказы о шаманах у якутов и т. д.». Иркутск. 1929 г., стр. 23, 30 и 47, а так-же в его же «Христос...», стр. 25. Вопрос о почитании разных птиц, в частности ворона, мы подробно излагаем в работе «Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о прародителях народа».

<sup>51</sup> См. Н. Костомаров. Русская история. Т. 1, стр. 35. Изд. журн. «Вестник знания».

<sup>52</sup> См. Иак. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. 4.1, стр. 248— 249. Спб. 1851.

По легенде народа тюрк, их предок-мужчина женится «на волчице и народил от нее десять сыновей, из которых каждый составил особый род».<sup>53</sup>

Как уйгурские, так и тюркские ханы в воспоминание своего происхождения выставляли знамя с волчьей головой.

Вторая, не менее характерная особенность героического эпоса вилюйчан — допущение антропофагии, т. е. поедание человеческого тела. Этот мотив точно так же свойственен как вилюйчанам, так и северным якутам. У последних, как мы знаем, витязи-победители вкушают костный мозг своего поверженного врага. Вилюйские герои предпочитают есть сердце и печень побежденного противника. Так, по мархинской легенде, старец Боруллоу, убив двух своих племянников в отместку за убийство сына, говорит брату Омоллоону:

«Затем вынь сердце и печень одного убитого сына и дай мне на острие рожна. Съем, тогда лишь разойдется мой гнев» (Элл. § 253).

Быркингаа-Боотур, победив кровного врага Кэтирэй, тоже съедает его сердце и печень, говоря: «Вот уже как съедаю сердце и печень третьего человека» (Элл. § 240).

В бордонгском цикле Быркингаа и Суор-Боллой, убив старожилу Вилюя Ёрюкюёчея, «разрезали ему живот и вытащили печень... и съели» (Элл. § 258).

Воинственный Омолдоон после победы над Наахара, который переселился на Вилюй из Якутского края, «возвратился, держа на острие копья сердце и печень врагов» (Элл. § 271). Другой сказитель по адресу его девяти сыновей, одержавших победу над Тоторботом, вставляет в уста одного персонажа следующее выражение: «Девять сыновей грозного чудовища Омолдоона, говорят, уже сосут сердце и печень нашего дитяти» (Элл. § 250).

В сказаниях ранних вилюйчан этот мотив также фигурирует хотя и не в отношении своих героев: «Раненый тунгус стал отрывать и есть из своего подбрюшного жира» (Элл. § 326).

Кроме того, в цикле джарханских сказаний антропофагия встречается в сюжете чудесного исцеления воина-калеки и неожиданного обретения им богатырской силы (Элл. §§ 266, 269, 270 и 305). Этот миф сохранился и у якутян (ранних, среди которых должны быть вилюйские примеси), хотя и в несколько иной композиции (см. Элл. § 87 и доп. к Элл. §§ 4 и 16). При сравнении мифа в обработке вилюйчан и якутян легко обнаруживается разное от-

---

<sup>53</sup> Там же, стр. 256—257.

ношение тех и других к антропофагии. Калека вилюйчан исцеляется, убив свою тетку и «нализавшись ее крови» или «съев жир с ее печени и сердца», или «вытащил сердце и печень, съел их и, приложившись к текущей крови, стал пить глотками». Лишь в одном варианте он, «растерзав тетку, кровью ее намазал свои суставы». Калека якутян исцеляется, слегка порезав ножом ногу матери и намазав свои колени каплями ее крови.

В героическом эпосе якутян мотив поедания человеческого тела, по видимому, давно перестал быть популярным. Мы встретились с ним в виде исключения лишь у одного сказителя, по словам которого сын Тыгына Бечеке съедает сердце убитого им ребенка, разделив его на девять частей. «Это значило будто бы воспринять мужество убитого, когда удавалось dokonать искомного врага» (Эл. § 84).

Антропофагию в мифах, конечно, было бы смешно и наивно рассматривать, как отражение недавно бытовавших обычаев самих якутов. Этот мифологический мотив констатирован учеными у многих старейших и культурных народов Старого Света. Русский ученый Л. Воеводский даже посвятил этому вопросу большую монографию в 389 стр.<sup>54</sup>

В частности, поедание сердца устанавливается историческими документами при человеческих жертвоприношениях у тунгусского народа нюй-чжи, властвовавшего над Китаем до монголов. Иакинф Бичурин в «Истории четырех ханов из дома Чингиса», по летописям юаньской династии (Чингис-Хана в Китае), описывает падение власти нюй-чжи. В этом труде мы находим рассказ о принесении в жертву одного нюйчжинского генерала Цуй-Ли: «Лю-Бо-Юань вынул нож и заколол его... Тысячи голосов закричали: изрубить в мелкие части еще мало... И так, вывесив голову его напоказ, принесли его в жертву государю Ай-Цзун... Некоторые вырезали у Цуй-Ли сердце и сырое ели».<sup>55</sup>

Там же описывается казнь генерала Цзя-Юй, принесенного в жертву тени генерала Миао-Дао-Жунь, изменнически убитого первым: «Чжан-Же.., связав его, вырезал сердце и принес в жертву тени генерала Миао-Дао-Жунь».<sup>56</sup>

Здесь, по религиозному символизму, вырезание сердца и поднесение его тени умершего, несомненно, означает и поедание его духом.

---

<sup>54</sup> «Каннибализм в греческих мифах». СПб., 1874 г.

<sup>55</sup> См. Бичурин. История четырех ханов из дома Чингиса. стр. 243—244.

<sup>56</sup> Там же, стр. 98.

Между прочим, в вилюйских легендах и в оленекском хосунном эпосе встречается сюжет самоубийства героев, которые не хотят пережить гибель почитаемых ими лиц. И история манчжурских нун-чжи при падении их власти пестрит массовыми случаями добровольной смерти членов царствующего дома, генералов и офицеров, которые иногда говорят: «Великий человек умирает, но не покоряется»<sup>57</sup>, «умереть осталось моим долгом»<sup>58</sup>. Когда нунчжинский государь повесился, «Хушаху, услышав о сем, сказал офицерам: «Мой государь уже преставился, для чего же я сражаюсь? Бросившись в Жу-Шуй, последую за моим государем». (Бросился и утонул). Вслед за ним кончают жизнь самоубийством три советника государя, четыре генерала и 500 офицеров — «все умерли вслед за ними»<sup>59</sup>.

Про такие случаи китайский историк с удовлетворением отмечает: «Можно сказать, что они выполнили усердие в служении государю, и в минуту опасности не искали спасения».<sup>60</sup>

В одной верхневилюйской легенде мы встречаемся с аналогичным случаем самоубийства соратников якутского царя Тыгына, убитого русскими: «В войне с русскими участвовали зять Тыгына Чаллаайы-Боотур и сын Кенче-Кутукай... Они прибыли сюда на Вилюй... Здесь оба они покончили жизнь самоубийством, сказав: «Зачем нам одним оставаться в живых?». «Один умер, бросившись на свое копье, другой же утонул» (Элл. § 323).

В одном варианте оленекского хосунного эпоса (2-й есейский вар.) рассказывается:

«Один тунгус сказал: «Если мертв знаменитый Юрэн-Витязь, то зачем же мне оставаться в живых? Заодно прикончите и со мной». Затем он вступил в неравный бой и был тут же застрелен из лука.

В булунском варианте той же легенды рассказывается про самоубийство старухи-матери, которая умирает, чтобы доставить умершему сыну косу его убийцы: «Взяв аркан для ловли оленей, она удавилась. Взятая коса была у ней за пазухой. Так она отправилась к сыну-кузнецу с косой Чэмпэрэ» (олен. хос. эп. § 1...).

По анабарскому варианту — старший брат Юнгкээбиля тоже удавливается, чтобы рассказать ему на том свете о совершившейся мести над его убийцей (олен. хос. эп. § 7).

---

<sup>57</sup> Там же, стр. 145, 288

<sup>58</sup> Там же, стр. 255.

<sup>59</sup> Там же, стр. 235—236.

<sup>60</sup> Там же, стр. 145.

В этих фольклорных и религиозных мотивах мы находим следы родства вилюйских якутов и их северного оленеводческого ответвления с манчжурскими тунгусами. (О родстве вилюйчан с манчжурами подробно см. главу «Табалыыра-Бэргэн»).

Но самая важная особенность героического эпоса коренных вилюйчан заключается в том, что им был совершенно чужд весь цикл сказаний об Омое и Эллее. Этот цикл принадлежит якутянам и занесен на Вилюй, вне всякого сомнения, позднейшими эмигрантами из среды последних. Циклу омоое-эллеевских сказаний коренные вилюйчане могут противопоставить лишь джарханские мифы о старухе Джаархан /или Джаардаах/, имеющей нескольких сыновей. Легендарный эпос якутян характеризуется господством мифологического образа мудрого праотца целого народа (отец Элэя и сам Элэй), а в эпосе вилюйчан на первом плане мудрая праматерь народа. Предок якутян Элэй-Боотур бежит с юга по совету и в сопровождении своего слепого отца, который служит ему путеводителем. А праотцы вилюйчан бегут по совету своей матери, которая направляет их на свою старую родину и указывает им дорогу туда.

Еще более важным представляется дальнейшее расхождение мифологии якутян и вилюйчан. Якутяне своего Элэя наделяют званием культурного героя и религиозного реформатора. Он, якобы, впервые преподавал якутам веру в светлых богов-небожителей и учредил летний праздник «ысыах». Вилюйские же патриархи являются только хорошими воинами и меткими стрелками. В связи с этим приходится признать, что коренные вилюйчане до смешения с якутянами не были знакомы с белой верой якутов, не знали летних кумысных праздников и не имели понятия о так называемых «айы ойуна», т. е. о белых шаманах. Надо заметить, что население Средневилюйского улуса и в настоящее время незнакомо с якутскими ысыахами.

Итак, основываясь на своеобразии и особенностях героического эпоса вилюйского ответвления якутского племени, мы приходим к выводу, что современные якуты-скотоводы образовались из смешения двух частей, из которых коренные вилюйчане по своему первоначальному этническому происхождению, очевидно, не были якутами, со времен глубокой древности подвергались в сильной степени процессу якутизации. Их мифологические и религиозные представления до сих пор носят на себе печать большой отсталости и грубости. Культурные особенности вилюйчан не могли образоваться в пределах их современной родины; даже, наоборот, именно на Вилюе из-

давно начался процесс постепенной ликвидации всех признаков культурной отсталости вилюйчан ввиду массового смешения их с якутами.

Этот общий вывод подтверждается и содержанием героических сказаний джарханцев, выступающих в роли основного и командующего ядра всего вилюйского народа.

## **6. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИЛЮЙСКИХ СКАЗАНИЙ**

Чтобы понять исторический смысл вилюйских сказаний, необходимо вспомнить здесь то, что говорилось нами ранее по вопросу о методах расшифровки легендарных сюжетов (ч. II, гл. III, 3).

При устном повествовании о событиях своей племенной жизни люди, переживающие стадию раннего феодализма, всегда должны игнорировать народные массы, подчиненные тем или другим главенствующим семьям. Поэтому исторические взаимоотношения важнейших подразделений народа в легендах неизбежно будут превращаться в столкновения немногих семей правящих феодалов. Современники событий, конечно, понимали, что герои тех или других рассказов не простые люди, а вожаки больших или мелких административных подразделений народа. Но это обстоятельство обычно ускользает от внимания всех последующих поколений, ввиду чего при ретроспективном взгляде на прошлое сквозь дымку легендарных воспоминаний массовые события, как общее правило, должны замещаться злоключениями немногих лиц. Аналогичных *lapsus linguae* мы можем наблюдать даже в приемах повествования старых историков, например: «Суворов в Северной Италии нанес поражение Моро и Макдональду, затем стремительно набросился на Жубера» или «Аттила на Каталаунской равнине три дня бился с Аецием» и т. д. Если подобные рассказы воспринимать без пояснения, что Суворов, Моро, Макдональд, Аттила, Аеций не простые индивидуумы, а вожди многочисленных войсковых частей, то в представлении отдаленного потомства грандиозные исторические события, в которых принимали участие многие тысячи людей, тоже превратятся в приключения немногих избранных героев.

Следовательно, давно прошедшие исторические сдвиги якутского племени, вызвавшие отступление на север довольно значительной его части, в устной памяти народа должны сохраниться в масштабе во много раз уменьшенном.

В сюжетах джарханских легенд, если подходить к ним с указанной поправкой, совершенно ясно подчеркивается двухсоставность якутского племени. Во главе отдела, представляемого основной и главной массой якутов, стоит Тыгын. О нем мы будем говорить подробно в следующем томе наших очерков. Но мы уже знаем, что, по понятиям современных якутов, где бы мы их ни взяли, Тыгын является царем и повелителем всего якутского племени. Он исчезает с якутского горизонта лишь со времени нашествия русских. За спиной Тыгына, конечно, должен стоять подчиненный ему народ — якуты (саха) в собственном смысле этого слова. Его основное ядро — население современного Якутского округа. Меньшую и подчиненную половину якутского племени представляют вилюйчане, возглавляемые единокровными братьями Тыгына от другой матери — не якутки.

Современные вилюйчане, несмотря на проявление своего местного патриотизма, дают в наши руки вполне достаточный материал и ясные намеки о существовании своеобразного якутского «великодержавия»: с одной стороны великоякуты, а с другой малоякуты. Эта идея проходит красною нитью во всех записанных нами вариантах с разных точек зрения. Первая реальная база этих взаимных трений заключалась, по-видимому, в их разном этническом происхождении. Чистокровным якутам Тыгына противостоят вилюйчане — полутунгусы или полутуматы. По вопросу этнического происхождения патриархов вилюйского народа сказители разбиваются на две группы: четверо из них утверждают, что мать их была из племени тумат (вар. I, II, VI и IX), а трое считают ее тунгуской (вар. IV, VII, VIII). Если к последней группе присоединить те показания, по которым сами вилюйские герои женятся на тунгусах (Элл. §§ 326, 242, 86 и 303), то сторонников полутунгусского происхождения вилюйчан будет гораздо больше. Некоторые сказители и «туматов» смешивают с тунгусами-оленеводами (Элл. § 300), но мы имеем одно показание, по которому туматы представляются скотоводами наподобие самих якутов: «Язык их он едва понимал. Они имели скот и кормили его, скашивая одну большую поляну». (Элл. § 309).

Существование трений между двумя отделами якутского народа на почве национального неравенства и угнетения обнаруживается в словах, вкладываемых в уста сына Тыгына, по адресу вилюйских патриархов: «Эти потомки тунгусов, видимо, будут стойки и неуловимы на войне» (VII вар.). Дальше Чаллаайы опасается, как бы они не восстали.

По сказаниям, рисуются с одной стороны богатый скотовод Тыгын, а с другой совсем бедные люди, служащие батраками, или скотниками, у кото-

рых на всю семью имеется одна единственная корова с теленком (вар. IX), причем теленка даже приходится заколоть на пищу. Предки вилюйчан остаются жить у Тыгына «в качестве его скотников». Один из братьев в ответ на укор Чаллаайы в тунгусском происхождении говорит: «За собой мы не знаем иной вины кроме того, что кормимся, охраняя твой скот. Мы изъявляем покорность, а соперничать с тобой и не помышляем» (Элл. § 298).

Можно согласиться с тем, что в отношении целого отдела якутского племени этот порядок взаимоотношений является гиперболой, но тем не менее он весьма показателен. Хотя мы имеем утверждения и противоположного характера, что у братьев-вилюйчан имелся «многочисленный конный скот», «старуха Джаардаах разбогатела скотом, что сыновья других жен общезякутского праотца даже стали завидовать им», все же нужно признать, что вилюйчане и до своего переселения на север не были обладателями большого скотоводческого богатства, вполне обеспечивающего их существование. По преданиям, рогатым и конным скотом они одолжаются у своего старшего брата Тыгына. Знатоки легендарной истории Вилюя своих отдаленных предков чаще изображают бедными охотниками и рыбаками, которых отдаленный Вилюй приманил к себе своими богатыми промыслами:

«Добрались до реки Вилюя, стали жить, промысля себе пищу охотой, рыбной ловлей и выскребая сосновую кору» (Элл. § 269).

«... И поселились по озерам в пределах современного Хочинского улуса» (Элл. § 307).

«... и там на озерах Муосааны, Чаппангда пропитывались охотой» (Элл. § 270).

«... Набрили на одно рыбное озеро и остановились здесь, чтобы запастись пищей. Наловили рыбы, насушили впрок», «... прожили еще некоторое время для просушки рыбы» (Элл. § 305).

Даже во время жаркой битвы герои подкрепляются сосновой корой и рыбьей ухой:

«Началась перестрелка, которая продолжалась три дня и три ночи. Жены их из сосновой коры готовили пищу и приносили мужьям, пока они были заняты стрельбой». Дальше упоминается о рыбьей ухе, которую разлил калека-брат (Элл. § 270).

Мать вилюйских героев, советуя сыновьям бежать на Вилюй, говорит: «В старые годы, плывя по ней (*по р. Вилюю*) я заметила, что там обилие всякой дичи и зверя» (Элл. § 305). По другому варианту той же легенды в ее уста вкладываются такие слова: «Постройте большой плот, поплывем вниз. Там

ниже я видела большое озеро. Разыщем его и будем жить, пропитываясь рыбой» (Элл. § 307). Да и она сама даже в период своего девичества бежит из родного края, имея при себе одну рыболовную сеть (вар. VII и IX), а ее соплеменники «из тальниковой кожурь вязали сети и питались рыбной ловлей» (Элл. § 296).

Вилюйские сказители нередко рисуют своих героев за рыбной ловлей: «Кюрэнче-Боотур в темень междулунья пошел с сачком ловить рыбу. Сачок был величиной с мотню невода...». За рыбной ловлей нападает на него враждебный тунгусский витязь (Элл. § 326).

Известный своим молодечеством и меткостью в стрельбе старик Мохогор, герой мархинских кангаласцев, был занят высматриванием своих сетей и настолько увлекся этим делом, что не заметил приближения к нему удальца Тоторбота, пришедшего с нарочитой целью «посрамить громкую славу Мохогора» (Элл. § 252 и 154).

Приведенный легендарный материал убеждает нас в том, что более примитивной мифологии коренных вилюйчан соответствует отсталость экономическая и смешанность их этнического происхождения. А все это в совокупности предполагает очень длительное раздельное существование двух отделов якутского народа и занятие ими более или менее обособленных географических областей.

Мы раньше останавливались на вопросе о том, что коренное население Вилюя переселилось не из Якутского округа, а из Приангарского края. В подтверждение этого положения можно еще привести дополнительные доказательства. В рассмотренных нами легендах мы находим следы воспоминаний о гибели скота при переселении: «Настала зима и конный скот погиб по дороге, будучи не в силах добывать корм из-под снега. Осталась лишь одна пегая кобылица» (вар. VIII). Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует о переселении вилюйчан из теплого юга на холодный север. Точно так же и «неимоверные трудности», преодолеваемые беглецами на пути до Вилюя (вар. VII), говорят о том, что первоначальные легенды складывались в эпоху переселений из Предбайкалья, а не из Якутского округа.

О том же свидетельствует и борьба первых переселенцев с местными тунгусами, проходящая красной нитью во всех вилюйских легендах. В сказаниях Якутского округа ни праотец Омогой, переселяющийся первым, и ни позднейший Элэй, как правило, не ведут борьбу с тунгусами. Отсюда ясно, что всю тяжесть борьбы с оленеводами Ленского бассейна вынесли на своих плечах предки вилюйчан и что якутяне переселились значительно позже, ко-

гда ни якуты- оленеводы и ни собственно тунгусы уже не оказывали никакого сопротивления.

Старожилам Вилюя, оленеводам и рыбакам, над которыми одерживают победу джарханские герои, в легендах дается родовое название «нюрбагаат, нюрмагаат» (иногда нюрбачаан и ньылбаахы), производимое от имени большого озера Нюрба (левый берег Вилюя выше устья р. Мархи). В настоящее время на месте этого озера обширная блюдообразная равнина, где проживают несколько якутских наслегов и русские крестьяне в селениях Александровском и Антоновском. (Здесь же в селе Нюрба — центр Нюрбинского улуса). В пределах Якутского округа в бассейне р. Сини мы находим небольшой наслег, сохранивший родовое название «нюрбаганочинский»<sup>61</sup>. Раньше они были оленеводами, ввиду чего среди местных якутов они слывут бывшими тунгусами. Родовое название нюрбаганочинцы бесспорно свидетельствует о том, что они когда-то проживали около озера Нюрбы и являются остатком тех самых рыбаков и оленеводов-нюрбагаатов, которые были потеснены вилюйскими якутами. Само собой разумеется, если вилюйчане двигались из Якутского округа, то нюрбаганочинцы не могли бы отступить из Нюрбы навстречу волнам якутских переселенцев и очутиться в бассейне р. Сини. Путь отступления легендарных нюрбагаатов от Нюрбы на Синю в пределы Якутского округа ясно доказывает, что старожильческое оленеводческое население Вилюя было потеснено якутами со стороны верховьев Лены и Вилюя и уходило от них в северном и восточном направлениях.

Легенды вилюйчан вскрывают пред нами раннюю стадию в развитии их хозяйственного быта, который характеризовался, главным образом, отсутствием или крайним недостатком рогатого скота. Напомним воинственного Омолдоона, имеющего четырех коров, и бедного Эчика, вымаливающего по одной корове от старшего брата Тюмюка. Очевидно, современный легендист, который утверждает, что у предков вилюйчан при переселении погиб весь конный скот от зимней стужи и невозможности добывать корм из-под снега, ошибочно воспроизводит сюжет старых сказаний. Мы раньше уже касались этого вопроса и знаем, что ранние колонисты Вилюя при переселениях из Предбайкалья должны были лишиться полностью стад баранов. Во вторую очередь неизбежным представляется и массовый падеж рогатого скота, пригнанного сразу из Южной Сибири в зону оленеводческого хозяйства. Южно-сибирские скотоводы (буряты и минусинские татары) до недавнего времени

---

<sup>61</sup> Соколов. Там же, вып. II, стр.12.

весь крупный рогатый скот круглый год держали на подножном корму. Тем более древние якуты, проживая в области Прибайкалья, не могли запастись сеном для коров и быков. Но, как мы знаем, переселение в бассейн Лены вынудило их повсеместно перейти к кормлению всего рогатого скота сухим сеном в течение всей зимы и содержанию его в теплом хлеву. Было бы нелепо утверждать, что такая резкая перемена в хозяйственных навыках якутов родилась сразу с первых же годов их переселения на север. Несомненно, древние якуты очень долго хранили свои южные хозяйственные привычки и не переходили к летней сенокосной страде. Следовательно, благодаря недостатку в запасах сухого сена с наступлением трескучих морозов пригнанный с юга рогатый скот нужно было бить на мясо. Нужда и горе лишь постепенно должны были научить их запасать сено для немногих дойных коров, вводимых на зиму в теплую юрту. Кроме того, содержание рогатого скота должно было иметь естественный предел в размерах сенокосных угодий.

Ленский край того отдаленного периода, когда там впервые появились якуты-скотоводы, в смысле обеспеченности сенокосными угодьями нельзя было бы и сравнивать с его современным состоянием. Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем, что почти 90% всех наличных луговых угодий в пределах поселений якутов образовались в результате приложения весьма упорного человеческого труда по культивированию совершенно дикого края. Долины скашиваемых теперь травянистых речек в те времена должны были представлять из себя сырые заболоченные места, засоренные и заглохшие от накопившейся ветоши, опавших листьев и наносных деревьев. Лишь по мере уборки этой завали и обнажения почвы для согревания ее солнечными лучами постепенно могли образоваться луга, годные для хозяйственной эксплуатации.

Второй род сенокосных угодий у якутов составляют забереги озер или все дно их по выпуску воды. Скашиваемые забереги тоже являются продуктом культивирования края хозяйственной деятельностью человека, направленной на осушение. Там где возможно, якуты стараются выпустить хотя бы часть озерной воды, в результате чего обнажившаяся часть дна, содержащая значительный слой осевшего ила, образует самые лучшие покосы с весьма доброкачественной травой (т. н. аласной). Кроме того, в местах древних якутских поселений, благодаря систематическому выжиганию леса, происходит постепенно общее осушение края. В выжженных местах снег рано тает и испаряется, подвергаясь иссушающему действию ветров. Это обстоятельство,

уменьшая сток весенней воды, точно также способствует постепенному высыханию озер и образованию травянистых заберегов.

Якуты прибегали к выжиганию леса для образования зимних и летних пастбищ. Лесные пожары уничтожают толстый слой накопившейся хвои, листьев и древесных стволов, которые мешают всходам свежей травы, а уничтожение лесной зелени и листвы открывает землю для действия солнечных лучей. И земля начинает производить нужную для скотовода траву. Иными словами, якут своей хозяйственной деятельностью способствует замене древесной растительности травянистой.

Затем якуты выжигают лес для образования сухостоя (курунг), предпочтительно употребляемого ими для топлива. Около усадеб, где лесные пожары могут представлять опасность для жилья или для сенных зародов, якуты уничтожают крупный лес подсеканием деревьев. Немало деревьев, вероятно, погибло от снятия коры, практикуемого якутами издревле для запаса их съедобной заболони.

По поводу иссушающей роли обезлесения нужно иметь в виду, что уничтожение леса в начальные годы вызывает обратное явление, т. е. переполнение озер весенней водою, ибо освобождается много влаги, которая раньше задерживалась ростом и тенью леса. В дальнейшие годы озерные котловины начнут постепенно высыхать, обнажая вокруг каймы скашиваемых заберегов. Иногда же в результате лесных пожаров образуются особые лесные озера, называемые якутами «тыымпы», очевидно, от таяния подпочвенной мерзлоты. При изобилии в Якутском крае лесных просторов это явление не приходится рассматривать, как ощутительный хозяйственный ущерб.

Борьба с лесом, несомненно, отняла у якутов немало труда и времени, пока заметное осушение края в течение веков отразилось на площади пастбищ и озерных лугов.

Третий вид якутских покосов, так называемые ётёхи (в переводе — старое жилье-пепелище) представляет из себя хозяйственные угодья, которые уже в чистом виде образовались путем расчистки леса и удобрения земли скотским навозом. Дело в том, что вокруг усадебного места и внутри изгородей, где кормится скот, с течением времени накапливается изрядный слой навоза, благодаря чему земля начинает производить хорошую траву. В интересах увеличения площади этих сенокосных угодий старинные якуты имели привычку из года в год переносить с места на место свои изгороди для кормежки скота или даже селиться на новом месте.

Бытописатели бурят давно обратили внимание на существование у северобайкальских бурят особых покосных угодий, называемых ими «утуг». По определению И. И. Серебренникова, «утуги — особые покосы, располагаемые на приусадебных землях и притом таких, где урожаи травы повышаются путём культурной деятельности человека, а иногда и искусственного орошения»<sup>62</sup>. Бурятский «утуг» и якутский «ётёх», вне всякого сомнения, однородны не только с хозяйственной точки зрения, но и по первоначальному лингвистическому значению того и другого слова, ибо «ютэг», «етюг», — по-монгольски значит — навоз, назем, место, где стоял скот.<sup>63</sup>

Наконец, самые ценные якутские покосы — заливные луга на многочисленных островах Лены. И эти луга не даны в природе в готовом виде и тоже образовались благодаря приложению человеческого труда, а именно, расчистке частых тальниковых зарослей и уборке наносного хлама...

Только очень наивные люди могут воображать себе, что Якутский край в своем девственном виде сразу мог быть использован, якобы, примитивными скотоводами, которые нашли здесь готовые сельскохозяйственные угодья.

Из изложенного ясно, что со времени появления в бассейне Лены первых колонистов-скотоводов до того момента, когда якутское скотоводческое хозяйство приняло свои современные формы, прошел очень длительный подготовительный период по культивированию дикого края, выработке целого ряда новых хозяйственных навыков колонистами, практическому изучению обширной страны и постепенному выявлению ее скрытых производительных сил. Очевидно также, что начальная стадия скотоводческого хозяйства в бассейне Лены должна была вылиться в форму табунного коневодства, ибо конный скот повсеместно, не исключая и приполярные широты, прекрасно приспособился к местным суровым условиям и может существовать, как и в Южной Сибири, исключительно подножным кормом.

Легенды вилюйчан наряду с нуждой в рогатом скоте устанавливают и наличие богатых табуновладельцев. У внука легендарного праотца вилюйчан Быркынгаа, старика Боруллоу, имеется 22 косяка с жеребцами. По-видимому, немало конного скота и у его брата Омолдоона с девятью сыновьями.

Бытописатели якутов, касаясь вопросов развития их скотоводческого хозяйства, хотя и высказываются за преобладание в раннюю эпоху коневодства и за позднее размножение рогатого скота, но этот эволюционный процесс они не связывают с этапами постепенного развития Ленской колоний якутов,

<sup>62</sup> И. И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925 г, стр. 80.

<sup>63</sup> Бимбаев. Рус.-монг. слов., 40 стр.

а признают как бы общим законом развития якутской экономики вообще. Такое представление, конечно, неправильно, ибо в пределах Южной Сибири не могло быть никаких предпосылок для более раннего развития коневодства. Даже, наоборот, в исторической последовательности рогатый скот приручен раньше коня и, следовательно, мог и должен был распространяться раньше конного. В отношении же эпохи появления якутов на Лене раннее распространение и развитие коневодства, как мы уже говорили, обусловлено большей выносливостью коня в отношении зимнего холода и отсутствием в крае лугов. Следовательно, здесь речь идет не об особенностях якутского хозяйства вообще, а о более раннем завозе коня на Лену. Такая последовательность в развитии форм скотоводства в пределах средней Лены легко устанавливается особенностями и современного хозяйства якутов. До недавнего времени якутские табуны круглый год ходили на воле, добывая себе корм из-под снега. Крепкие копыта дают им возможность разгребать глубокий снег. При этом, по понятиям якутов, чем толще снег, тем лучше, ибо тогда кони не мерзнут. Толстый снежный покров дает коню много работы и он согревается от собственного усиленного движения.

Каково могло быть состояние хозяйства виллюйских и ленских колонистов в более ранние эпохи, может характеризовать хозяйство колымских якутов. По сохранившимся статистическим данным, у колымских якутов в 1837 г. было конного скота 6693 головы, а рогатого 576 голов. В дальнейшем вследствие заразы и гололедицы скот сократился в числе и в 1841 г. состояло налицо конного скота 2967 голов, а рогатого 255 голов. Это при наличии 2471 души об. п., т. е. приблизительно на 500 хозяев. В среднем на одно хозяйство приходится по 13 голов конного скота и 1 корова. Фактически распределение скота у колымчан не могло быть равномерным. Вероятно, преобладали крупные коневоды.<sup>64</sup>

В. Серошевский совсем не понимает основную причину эволюции форм якутского хозяйства от конного скота к рогатому. По его мнению «вначале этот переход был вызван, между прочим, недостатками свободных пастбищ и кочевьев. Дело в том, что лошадь требует пастбищ значительно более обширных».<sup>65</sup>

Было бы правильнее, если бы он сказал: рогатый скот нуждается в луговых местах, площадь которых возрастала чрезвычайно медленно, а конный

---

<sup>64</sup> См. «Важнейшие промыслы и занятия жителей Колымского округа». Извлечение из отчета старш. советн. Якут. обл. управл. Д. И. Меликова. Памятная книжка Якут. обл. за 1896 г. Вып. I, стр. 130.

<sup>65</sup> См. Якуты. Стр. 268.

скот — только в пастбищах, летних и зимних, образование которых не требует большого труда. Серошевский проглядел естественную последовательность в развитии якутского хозяйства на Лене в зависимости от большей выносливости и неприхотливости конного скота, а также и непривычки древних якутов запасать сено для рогатого скота. Кроме того, он не знает и того, что усиленное размножение якутами рогатого скота за последние два столетия является очень простым последствием русского завоевания. Никто, конечно, не может отрицать того очевидного положения, что до прихода русских у якутов существовал свой собственный и самобытный общественно-политический строй. Его мы можем характеризовать как феодально-патриархальный быт с небольшой кучкой привилегированной знати и многочисленным, обездоленным и эксплуатируемым народом. (Об общественной организации якутов мы говорим здесь лишь мимоходом). Исторические привилегии знати прежде всего выражались в исключительном праве собственности на все лучшие луговые участки и преимущественной эксплуатации общественных пастбищ. Вот почему в дорусскую эпоху размножение рогатого скота было доступно лишь представителям правящего класса, обеспеченного лугами. Средняцкие и бедняцкие хозяйства могли эксплуатировать общественные пастбища и небольшие клочки лугов, не привлекающие внимания общественных акул, так называемые «тирбэгэ», или разысканные где-либо в дальних местах. Русское завоевание положило конец древнему поземельному праву якутов: историческим правам якутских знатных родов был противопоставлен интерес фиска-равномерно распределить подати и повинности на новых подданных с обеспечением возможности их своевременной уплаты. Отсюда увязка платежа государственных повинностей с землепользованием и признание всех сельскохозяйственных угодьев общественной собственностью. Хотя якутская знать и в порусских условиях отвоевала для себя значительные преимущества в вопросах землепользования, но это было лишь жалкою тенью того, что существовало когда-то. Во всяком случае русская власть наделила покосными угодьями всех плательщиков ясака и податей. Ясно, конечно, что вместе с лугами масса якутского плебса получила возможность размножать рогатый скот, как более удовлетворяющий нужды и потребности каждой семьи. Умножение мелких собственников скота и разрушение крупных неизбежно должно было повести к предпочтительному размножению рогатого скота и сокращению коневодства. Таким образом, новое нарушение соотношения между конным и рогатым скотом обусловле-

но уничтожением «священной» земельной собственности старой якутской аристократии и демократизацией порядков землепользования.

Установив переселение вилюйчан из Приангарского края, мы вместе с тем подходим к не менее важному историческому вопросу: не занимало ли вилюйское ответвление якутского племени самостоятельно всю область Предбайкалья, где русские завоеватели застали так называемых северо-байкальских бурят? Если дело обстояло так, то якутяне со своим Тыгыном раньше должны были населять территорию забайкальских бурят. Тыгын со своим народом, отступая пред натиском каких-то врагов на северо-западную сторону Байкала, должен был стеснить вилюйчан и вызвать их дальнейший отход на Вилюй. Ввиду того, что в легендарной памяти народа массовые события замещаются судьбою властвующих семей, то изложенный исторический вывод мы должны вычитывать, так сказать, между строк.

Мотивы бегства вилюйских героев сказители легенд излагают так:

1, 2 вар.: Сыновья старухи Джаардаах «не уживаются с Тыгыном», «им завидуют сыновья законных жен».

5, 6 и 7 вар.: Мать советует детям: «Бегите на жирный Вилюй, ибо старший брат не даст вам житья», «ищите другое место для жительства, ибо Тыгын скоро придет убить тебя» и «Тыгын, собрав своих сыновей и войско, погубит всех вас».

9 вар.: В этом варианте сохранился более ясный намек на земельное утеснение. Тыгын говорил предкам вилюйчан: «Зачем это вы нарушаете границы моих владений».

3 и 4 вар.: В этих вариантах причина бегства вилюйчан еще более приближается к исторической действительности. Тыгын ведет войну с каким-то неприятелем и просит у предка вилюйчан помощи. Из-за отказа последнего возникает ссора и драка. Прародителю вилюйчан опять-таки советуют: «Тыгын не снесет этой обиды и убьет тебя, нам нужно бежать в беспредельную даль». В другом варианте военная помощь символизируется в даче перьев орла, иначе говоря, подкрепить стрелками. (Орлиными перьями оперялись боевые стрелки). Из-за отказа дать перо орла тоже возникает ссора между Тыгыном и главой вилюйчан, а мать вилюйских героев видит дурной сон: «Наша страна была залита кровью и я была в страшном смятении».

По многим вариантам, притеснения Тыгына сопровождаются побоями. Вилюйские герои в единоборстве хотя и могут одолеть Тыгына, но боятся его сыновей и войска. Под сыновьями Тыгына, очевидно, нужно подразумевать удельных князей, которые по приказу своего сюзерена и старшего родствен-

ника могут собраться со своими воинскими отрядами. Боясь объединенных сил якутян (всей родни Тыгына) или потерпев от них ряд поражений, вилюйские герои со своим народом были вынуждены спасаться бегством на Вилюй, в недостижимую даль. Но это бегство легендисты, руководствуясь своим местным патриотизмом, комментируют чуть ли не как победу своих героев над Тыгыном и его воинством. По этой же причине в вилюйских сказаниях мы не можем найти прямое указание на утрату их предками своей насиженной территории, ибо фиксация внимания на подобных фактах была бы равносильна сознанию, что «наши герои» когда-то потерпели серьезное поражение. Но тем не менее этот факт огромной исторической важности целиком просвечивает сквозь тонкую пленку местного патриотизма. Очищение вилюйчанами всего Предбайкалья, по всей вероятности, совершилось не сразу, а с большими интервалами и передышками. Наше предыдущее исследование дает нам возможность наметить приблизительно четыре эпохи последовательных сдвигов вилюйчан.

I. Переселение основной массы вилюйского народа в Приангарский край (или в Предбайкалье) сбрасывает в бассейн Вилюя объякученных тунгусов с примесью якутских и монгольских родов, занимавших северные окраины страны. На севере появляется оленеводческая колония вилюйчан. Проходит очень длительный срок передышки.

II. Хронический наплыв единичных беженцев и небольших родов якутян создает земельную тесноту в Предбайкалье, благодаря чему из тех же северных окраин образуется постоянная течь на Вилюй небольших ватаг и родов, уходящих на север к объякученным оленеводам. Так накапливается та часть коренного населения Вилюя, которая была названа нами ранними вилюйчанами.

III. Переселение на Вилюй бордонгских родов, очевидно, было вызвано появлением в Предбайкалье многочисленной группировки якутян. Весьма возможно, что в эту историческую эпоху джарханские роды были вынуждены очистить пред якутянами левый берег Ангары и занять территорию между Ангарой и верховьями Лены, в свою очередь оттеснив бордонгских шаманов вглубь Вилюя. Ангара, замерзающая лишь на три зимних месяца, могла до поры до времени отсрочить окончательное вытеснение вилюйчан на север.

Бордонгские роды в своем легендарном воспоминании о бегстве на Вилюй еще не упоминают самого Тыгына. Они бегут от побоев какого-то зятя Тыгына. (Как убедимся во втором томе, под «зятьями Тыгына» нужно подразумевать второстепенных удельных князей, не принадлежащих к фамилии

самого Тыгына). Очевидно, сам Тыгын со своими сыновьями, правителями главных уделов (улусов), еще оставался за Байкалом.

IV. Наступает эпоха полного очищения Предбайкалья от вилюйчан и джарханские роды устремляются на север вслед за бордонгцами. На этот раз легендарная память бегущих сохранила имя Тыгына, как главного виновника их бегства на Вилюй. Нужно думать, что основное ядро якутян в этот момент уже распрощалось со своими забайкальскими владениями и переселилось в Приангарье. В связи с этим якутяне форсируют Ангару и вынуждают джарханцев к бегству.

Таким образом, в бассейне Вилюя происходит новое территориальное объединение всех частей вилюйского народа. Одновременно и в Предбайкалье собираются воедино все роды и улусы якутян.

В героическом эпосе вилюйчан нужно обратить внимание на один постоянный элемент, который чрезвычайно показателен. Это то обстоятельство, что борющиеся стороны сталкиваются у реки, которая как бы служит границей их владений, или одна сторона, чтобы напасть на своего противника, должна переправиться через реку. Так сыновья Тюлюён-Шамана, чтобы отомстить за обиду отца, переходят через реку вперед и назад (Элл. §§ 257 и 267). Джарханские герои перестреливаются с Тыгином через речку Джэrbэ или через Вилюй (вар. 8 и 9). Тоторбот и сыновья Омолдоона сражаются у переправы через речку Марху. Омолдоон своим грабительством вынуждает своего богатого брата Таркая откочевать за речку Марха. Не вправе ли мы в этом легендарном мотиве усматривать отголосок частых военных столкновений противников, живших когда-то по обеим сторонам Ангары? Река Ангара, делящая Предбайкалье на две более или менее равные половины, в древности, конечно, могла служить естественной пограничной межей для двух крупных подразделений народа, враждующих между собой. И якутские легендарные сказы до сих пор не могут отделаться от той глубокой борозды, которую когда-то наложила на их строй Ангара. Утратив представление о ней, сказители должны замещать ее другими речными персонажами.

Монгольские примеси в составе северных оленных якутов и ранних вилюйчан дали нам основание утверждать, что аборигенами Предбайкалья были монголы-ойраты, сожительствовавшие с тунгусскими племенами. Отсюда вытекает, что предки вилюйских якутов в Предбайкалье были пришельцами, которые в еще более раннюю историческую эпоху вытеснили отсюда ойратов, главным образом, угэлэт и тумат. Героические сказания джарханских родов подтверждают наш вывод о том, что туматы Жиганского и

Усть-Янского улусов по своему происхождению не якуты, а монголы. В пределах юго-западного Вилюя понятие о каком-то исчезнувшем иноплеменном народе «тумат» (в одном вар. «туман») является весьма популярным, хотя конкретное представление о нем часто путается. Ввиду того, что устное воспоминание народа не может дать ни хронологической и ни пространственной перспективы прошлой истории, туматы- монголы в героическом эпосе вилюйчан превратились в старожилов Вилюя. Но, однако, большинство сказителей аборигенами Вилюя признает «тунгусов» (по нашей теории — по-якутски говорящие оленеводы). Исчезновение туматов сказители объясняют тем, что они истреблены предками вилюйчан (7 вар.) или ранее их прибытия какими-то тунгусами (вар. 2). Есть единичное показание, согласно которому туматов истребляет даже беженец порусской эпохи.

По вопросу о матери джарханских героев, как мы уже отмечали, показания расходятся: одни сказители признают ее тунгуской, а другие туматкой. Причем, интересно то, что герои, по совету матери, от притеснений Тыгына бегут на ее родину. По одному варианту, на туматке был женат и глава джарханских героев — Быркынгаа-Боотур.

Для историка важно, конечно, не то — в какой конкретной обстановке мысля туматов те или другие сказители, ибо это в значительной мере может зависеть от случайной фантазии каждого из них. Знаменателен сам по себе тот факт, что в памяти вилюйского народа сохранилось воспоминание о племени тумат, находившемся в определенном отношении к их предкам. Из элементов этой легенды наиболее устойчивым и постоянным представляется тот, в котором рассказывается, что предкам вилюйчан досталась земля, где раньше проживали туматы. У якутов Якутского округа никаких легендарных воспоминаний о народе тумат не сохранилось. Значит при древних переселениях якутского племени через Предбайкалье на север вилюйчане шли впереди якутян. Вот почему вилюйчане унаследуют землю сначала от туматов, а потом от тунгусов, а якутяне, передвигаясь вслед по готовой дорожке, не сталкиваются ни с теми и ни с другими.

На этом мы можем закончить разбор исторического значения данных вилюйского героического эпоса. Когда вилюйчане переселились в Предбайкалье? Ответить на этот вопрос нельзя, не ознакомившись с важнейшими событиями и фактами из истории древнетурецкого народа, занимавшего когда-то обширные монгольские степи. Точно также и даты постепенного отступления якутов на Вилюй не могут быть установлены до ознакомления с происхождением и историческими этапами основного ядра якутского племени

(якутян). Задние ряды толкали передних и якутское племя постепенно отступало в ленские дали. Таким образом, двигательный мотор якутской истории работал сзади.

## **Глава V**

### **СВИДЕТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ИСТОРИИ О ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТАХ**

Разобранный нами материал легендарной истории, хранящийся в памяти самого вилюйского народа, позволяет нам считать довольно прочно установленными следующие основные положения:

1. Задолго раньше до выступления на историческую арену знаменитого Чингис-Хана, когда монгольские племена были малы и незначительны и занимали северо-восточное лесистое и гористое окаймление степной Монголии, одна половина современного якутского племени захватила Западное Прибайкалье, оттеснив монголов-элотов (угэлэт) и туматов, входивших в состав ойратских поколений.

2. Эти якуты очень рано распространились на север в бассейн р. Вилюя, оттеснив туда свое оленеводческое ответвление, говорящее по-якутски и составленное из смешения тунгусов, монголов и якутов.

3. Приангарские якуты, в которых мы усматриваем предков коренных вилюйчан, по своим культурно-этническим и историческим корням тяготеют к основной массе якутов, обитавших за Байкалом на востоке или юго-востоке под властью каких-то тыгынов.

4. Причем западнобайкальские якуты (или «северобайкальские», как принято говорить, в литературе об иркутских бурятах) в общеп якутском центре были известны как союз трех административно-родовых группировок. (Напоминаем — «Юс Бюлюю» и трех сыновей старухи Джаархан, праматери всех вилюйчан).

Здесь мы получаем возможность покинуть зыбкую почву исторических умозаключений, основанных на анализе легендарного материала, и опереться на более точные и надежные данные датированной и документированной истории центральноазиатских народов.

В древнетурецких надмогильных надписях знаменитых князей и ханов, найденных в Монголии в долине р. Орхона и датированных 731 и 734 годами н. эры (годы смерти князя Кюль-Тегина и его брата Бильгэ-Хана, в честь которых

составлены интересующие нас надписи), между прочим, два раза упоминается народ, называемый юч-курыкан — три курыкана.<sup>66</sup> В обоих случаях юч-курыканы упоминаются наряду со многими другими народами, которые входили в то или другое политическое соотношение с народом тюрк, занимавшим в то время центральные монгольские степи.

В первый раз речь идет о многих народах, пославших своих представителей для выражения соболезнования по поводу смерти знаменитого предка тюркских ханов Бумын-Хана (или Истеми-Хана). Во второй раз курыканы упоминаются среди народов, с которыми пришлось бороться Ильтерес-Хану, отцу Кюль-Тегина и Бильге-Хана. Причем в оба раза название курыкан приводится между именами народов кыргыз и отуз-татар, как бы определяя этим его промежуточное положение между названными народами. Отношение народов кыргыз и отуз-татар среди туркологов и ориенталистов больших сомнений не возникает. Кыргызы есть тот самый народ, который занимал степи Минусинского края даже при появлении там русских завоевателей, а об отуз-татарах Пл. Мелиоранский пишет: «Жили к востоку и юго-востоку от Байкала; ничто не мешает думать, что они доходили до Буир-Нора. Пока не доказано противное, мы, соглашаясь с Бартольдом, считаем их, этих татар, предками монголов Чингис-Хана».<sup>67</sup> Это мнение можно признать общепринятым в науке.

И относительно юч-курыкан орхонских надписей в исторической науке точно устанавливается, что это есть тот же самый народ, который описан в китайских летописях танской династии под названием «гулигань» (гуриган-курыкан, ибо китайцы в иностранных словах звук «р» обычно передают через «л»). Китайский историк точно определяет местожительство этого народа:

«Гулигане кочевали по северную сторону Байкала... Земли гулиганевы на север простирались до моря (здесь разумеется Ледовитый океан)».<sup>68</sup> Мелиоранский пишет: «Юч-курыкан'ы мало известны; по китайским источникам они жили к северу от Байкала, на запад их владения простирались до страны кыргызов. Имя этого народа звучит очень близко к монгольскому слову ягненок, а потому может быть это — народ монгольского племени».<sup>69</sup> Это мнение

<sup>66</sup> См. Пл. Мелиоранский. «Памятник в честь Кюль-Тегина». Перевод большой надписи п. п. 4 и 14. Зап. Вост. отд. Импер. русск. арх. общ. т. XII, вып. II и III за 1899 г., а также W. Radloff Die alttürkischen jinschriften der Mongolei Dritte Lieferung s. 440, 441, 449 и 451.

<sup>67</sup> Мелиоранский. Там же, стр. 100.

<sup>68</sup> Иакинф Бичурин. Собрание сведений и т. д. Ч. I, стр. 440.

<sup>69</sup> Мелиоранский. Там же, стр. 100.

о монголизме гулигань основано на недоразумении, ибо по китайским летописям, совершенно ясно и бесспорно устанавливается их принадлежность к группе турецких народов, позже известных под общим названием уйгуров или ойхоров (у китайцев).

Позволим себе привести небольшие цитаты из китайских летописей:

«Предки дома ойхор были хунны. Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами: почему при династии Юань-Вэй еще называли их гаогюй или чиле, ошибочно превращенное в теле. Поколения их суть: юаньге, сеяньто, кибиюй, дубо, гулигань, доланьге, пугу, баегу, тунло, хунь, сыге, хусе, хиге, адэ, байси — всего пятнадцать поколений. Они рассеянно обитали по северную сторону великой песчаной степи. Юаньга, т. е. ойхор еще называлось уху, уге».<sup>70</sup>

О языке гаогюйских поколений китайская история в другом месте говорит: «Язык не сходен с хуннским, но есть небольшая разница».<sup>71</sup> В истории дома Тхан приводится подробно описание всех поименованных гаогюйских поколений, в том числе и гулигань.<sup>72</sup> Из этого описания видно, что гаогюйцы занимали почти всю современную Внешнюю Монголию, русское Забайкалье и Приангарский край. Гулигане же были самым северным ответвлением гаогюйцев и жили несколько обособленно от остальных поколений, занимая южные пределы быв. Иркутской губернии к западу от Байкала, но тем не менее они входили в состав общетурецкого государства с политическим центром в бассейне Селенги и Орхона. Гулигане, по китайским летописям, «имели 5 000 строевого войска», «страна производила превосходных лошадей».<sup>73</sup> Сообщение историка, что земля гулигань простирается до Ледовитого океана, намекает на то, что они уже тогда имели сношение с дальним Вилу-ем или «беспредельной далью» якутских легенд. В словах китайского историка мы находим и фактическое доказательство того, что гулигане бывали на дальнем севере, ибо он пишет:

«По переходе за море Байкал на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что баранья селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет». (Там же в пунк. о гулигань). Очевидно, здесь речь идет о белых ночах Ленского края. О полярном дне с его незаходящим солнцем люди срединного царства еще не знают.

---

<sup>70</sup> Бичурин. Там же, стр. 373.

<sup>71</sup> Бичурин. Там же, стр. 248.

<sup>72</sup> Бичурин. Там же, стр. 426—442.

<sup>73</sup> Бичурин. Там же, стр. 440.

Какой же другой турецкий народ мог бы проживать в указанную эпоху о Приангарском крае, который имел бы связь с дальним севером, где летом дни длинные и ночи короткие, как не якуты? Теперь мы знаем, что китайский историк название «гулигань» позаимствовал из общетурецкого центра, где приангарские турки еще в сороковых годах VIII стол. были известны под названием «юч-курукан». В этом названии «три-курукана» мы находим еще основание для отождествления их не совсем якутским племенем, а с трехсоставным вилюйским отделом их.

Сведения китайских историков нельзя смешивать с легендами и мифами, ибо в 629 г. н. э. все турецкие племена, обитавшие в восточной половине Монголии, Забайкалье и Предбайкалье (упомянутые гаогюйцы или теле), сами добровольно подчинились Китаю и были разделены на несколько округов. Историк пишет: «После сего явились одиннадцать телеских поколений (т. е. начальники поколений со своими родственниками явились к китайскому двору) и представили, что Сеяньто не повиновался великой державе и через то сам навлек погибель на себя... Все желают поддаться сыну неба и просят установить у них чины дома Тхан. Указано приготовить большое угощение и представить старейшин. Несколько из них получило при этом случае чины дома Тхан. (т. е. китайские). В следующем 630 г. они опять явились ко двору».<sup>74</sup>

Дальше сообщается о разделении всего подчинившегося турецкого народа на шесть губернаторств, по кит. ду-ду-фу, что значит правление главноуправляющего, и семь округов, называемых по кит. чжеу. Яснее сказать, шесть первостепенных и семь второстепенных. Во всех аймаках их же «старейшины поставлены с военными китайскими титулами». В летописи приводятся китайские названия всех вновь учрежденных областей. Тринадцать областей «для сосредоточения управления» подчинены особому Яньжанскому наместническому правлению. Приводится даже имя китайского наместника по управлению новыми турецкими подданными. Между прочим, курыкане-гулигане образовали округ под названием «Сюань-Кюе-Чжеу», который «в 662 г. был переименован в Юйву и подчинен Байкальскому наместническому правлению»<sup>75</sup>.

Мы имеем даже точное указание, что старейшина гулигань в числе одиннадцати старейшин представлялся китайскому двору: «Как скоро гулиганьцы приехали ко двору, то указано отправить военного сановника Кхан-Суми с

---

<sup>74</sup> Бичурин. Там же, стр. 375.

<sup>75</sup> Бичурин. Там же, стр. 440.

благодарным ответом. Главный его старейшина Сыгинь вслед за посланником представил лошадей. Император выбрал десять отличных под названием тысячелийных, которым даны были громкие названия. Император с честью принял посланника его».<sup>76</sup>

О гулиганьских лошадях сообщается особо: «С головы похожи на верблюда, сильны, рослы; в день могли пробегать по несколько сот ли» (ли — полверсты). Как видим, и выносливость якутских лошадей, о чем так часто говорят и пишут многие современные бытописатели якутов, не ускользнула от внимания древних китайцев. При наличии столь близкого соприкосновения китайцев с представителями гулиганьского народа, мы были бы не вправе проявлять излишний скептицизм и по поводу сообщения китайского историка, что владения гулигань простирались до Ледовитого океана. Не получают ли наши исторические выводы по поводу раннего переселения обьякученных оленеводов из Предбайкалья на Вилюй документальное подтверждение в цитированных местах китайских летописей?

В. В. Радлов в своих популярных очерках по истории и этнографии турецких племен под общим заглавием «Aus Sibirien» знакомил немецкие ученые круги с данными китайских исторических летописей. Не мудрствуя лукаво, он пересказывал их содержание по указанному выше труду монаха Иакинфа Бичурина (ч. I), сопровождая их лишь небольшими комментариями. По поводу гулиганей автор пришел в общем к совершенно правильному выводу о несомненном тождестве их с якутами, которые должны были состоять из смеси уйгуров с тунгусами:

«Не может быть сомнения в том, что здесь под гулигань нужно понимать якутов, по всей вероятности, смешанный народ, образовавшийся из уйгуров и тунгусских племен».<sup>77</sup>

Это раннее воззрение акад. Радлова нуждается в существенной поправке в том смысле, что китайские гулигане должны быть отождествлены не с собственно якутами, а с их вилюйским отделом, который в описанную эпоху должен был значительно отличаться от последних. Позже, стараясь увязать историю с особенностями якутского языка, Радлов значительно уклонился от намеченного им самим пути разрешения якутской проблемы.

Почему вилюйские якуты, проживая в Приангарском крае, были известны в общетурецком центре под названием «юч-курыкан» (или куракан-

---

<sup>76</sup> Бичурин. Там же, стр. 440.

<sup>77</sup> Радлов В. В. Aus Sibirien. Т. 1., с. 134.

куркан) и каково значение этого имени? Ответ на эти вопросы мы попытаемся дать позже в связи с уяснением этнического происхождения вилюйских якутов.

## Глава VI

### «БАРГУДЖИН ТУКУМ»

#### (Якуты и монгольские племена)

Возможно ли согласовать с данными истории монголов изложенные выше выводы о древнейших взаимоотношениях якутов с монгольскими племенами в пределах Предбайкалья? К сожалению, древняя история монгольских племен, и предшествующая эпохе знаменитого завоевателя Чингис-Хана, (т. е. до начала XIII в. н. э.), покрыта мраком неизвестности. Нам определенно известно, что до середины IX ст. все обширные монгольские степи находились во владении разных племен турецкого языка и происхождения. С середины IX ст. до конца XII ст. — три с половиной века в истории монгольских степей можно характеризовать как переходную эпоху между двумя историческими эрами, древним — турецким и новым — монгольским. Эта переходная эпоха тоже остается слабо освещенной документальными данными. Современная историческая наука об этническом происхождении народов, населявших в этот период монгольские степи, не дает однообразного и точного ответа. Но больше данных говорит за то, что Монголия все еще оставалась в руках мелких турецких племен, которые были не в состоянии объединиться в одно государственное целое и оказывать, по примеру предшествующей истории, могущественное влияние на судьбы народов, живущих в окружении Монголии. (С этими вопросами мы подробно ознакомимся во 2-м томе очерков). В этот-то период слабости турок, по-видимому, и происходил процесс постепенного объединения монгольских племен, которые готовились перейти из роли окраинных, угнетенных и эксплуатируемых народов в положение державных властителей всей Монголии под эгидой чингисовой династии.

Якутские легендарные отзывы о туматах и, как увидим дальше, о других монгольских племенах, безусловно относятся к той отдаленной эпохе, когда имя монголов было абсолютно лишено внушительности, силы и какой-либо тени их позднейшего величия. Легендарные монголы якутов к степям Монголии, конечно, не могут иметь никакого отношения. С ними сталкиваются

лишь якутские авангарды, они живут в смешении с тунгусскими племенами, по-видимому, занимаясь охотой, рыболовством и отчасти скотоводством. При отсутствии политического объединения даже многочисленный народ не может играть серьезной роли в международном общении. То обстоятельство, что монголы якутских сказаний выступают под кличками отдельных племен — туматы, югюлээты, доказывает, что монголы того времени жили разрозненно под протекторатом чуждых племен.

Относительное расположение и точное местожительство разных отделов монгольского народа устанавливается документальными данными лишь в истории постепенного сложения Монгольской империи чингизидов. Для встречной проверки показаний якутского героического эпоса, конечно, не лишены значения и эти данные. Но прежде чем перейти к разбору этого материала, мы позволим себе остановиться на вопросе о современных бурятах, которые, на первый взгляд, должны были бы находиться в самых ближайших взаимоотношениях с якутами за время проживания их на юге. Малоосведомленные в бурятском вопросе лица нередко пытаются ограничить древние якуто-монгольские взаимоотношения лишь сопоставлением бурят и якутов. Однако, такая постановка сложной научной проблемы якутомонгольских взаимоотношений далеко не соответствует исторической действительности.

## **I. СОВРЕМЕННЫЕ И ДРЕВНИЕ БУРЯТЫ**

Продолжателями якутской истории в Прибайкалье выступают буряты — самое северное ответвление монгольского племени, расселившееся по обе стороны озера Байкал.

«Ныне буряты разделяются на живущих в Иркутской губернии или северо-западной стороне Байкала — барга-буряты, и на забайкальских или живущих на юго-восточной стороне Байкала — монголо-бурят».

«Бурят насчитывается приблизительно 270 000 душ обоего пола, а именно: в Иркутской губернии до 100 000 душ и в Забайкальской области до 170 000 душ».<sup>78</sup>

Численное соотношение баргу-бурят и монголо-бурят показывается в тех же цифрах и в позднейших более обстоятельных работах. По переписи 1917 г., численность бурят быв. Иркутской губ. определена в 98 678 душ об.

---

<sup>78</sup> См. Больш. энцикл. слов. Брокг. 1891 г. Т. V. Статья «Буряты» — Ф. Шперк. 60—61 стр.

п., а по Забайкальской области примерно 172 157 душ, из которых 21 092 души составляют буряты-казаки.<sup>79</sup>

Надо заметить, что в эпоху русского завоевания название «бурят», по-видимому, не распространялось на забайкальских, которые «названы были этим именем русскими».<sup>80</sup>

Новейший знаток бурятского языка, истории и быта Бадзар Барадин в своей статье «Бурят-монголы» дает лингвистический и исторический анализ происхождения племенного названия «бурят» в следующих словах:

«Слово «бурят» есть позднейший вариант древнего слова «баргут». Собирательное для многих мелких, так называемых, лесных народов монгольского поколения, слово «баргут», имевшее смысл темный, дикий, в отличие от коренных монголов поколения Чингиз-Хана, подверглось лингвистическому изменению до слова «бурят» путем многочисленных перемещений, смешений племен и наречий»... «Постепенность изменений этого слова...

Баргут — бургут — бурут — бурат — бурят. Выражение «баргу-бурят» несколько не противоречит этому положению, так как это выражение, несомненно, явилось в позднейшее время»<sup>81</sup>.

Здесь автор развил краткий тезис Д. Банзарова, высказанный им еще в 1849 году в статье «Об ойратах и уйгурах»: «Бургуты-буряты или буруты».<sup>82</sup>

Составитель монголо-русского словаря Бимбаев тоже пишет: «Барго — грубо, невежественно. Монгольское племя баргуты».

Если считать правильным положение цитированных авторов, то бурятами в собственном смысле этого слова являются только добайкальские, т. е. иркутские буряты, потомки древних баргутов или бурутов, которые так были названы, несомненно, потусторонними степными монголами, ибо в те отдаленные времена северное лесное ответвление монголов не могло не быть более «диким и темным».

Мы предлагаем нашим читателям обратить особенное внимание на лингвистический анализ Банзарова — Барадина, ибо он, как убедимся в дальнейшем, дает возможность распутать темный исторический узел, имеющий решающее значение в деле понимания прошлых взаимоотношений бурят и якутов и их происхождения.

<sup>79</sup> См. И. И. Серебренников. Буряты и их хозяйст. быт и землепользование. Стр. 16.

<sup>80</sup> См. И. А. Подгорбунский. Буряты. Историч. очерк. Иркутск. «Епарх. вед.» за 1902 г.

<sup>81</sup> См. Журн. «Бурятияведение». 1927 г., № 3—4. Б. Барадин. «Бурят- монголы». Стр. 45.

<sup>82</sup> См. «Черная вера» и друг. сочин. Банзарова. Спб., 1891 г. Статья «Об ойратах и уйгурах», — стр. 82.

Стараясь разгадать основные моменты исторического прошлого якутов в эпоху пребывания их около озера Байкал, мы свернули к современным бурятам в надежде в их подразделениях, языке, быте и истории найти какие-либо полезные для нас указания. В самом деле, не вправе ли мы утверждать, что позднейшая история бурятского племени, занявшего места древнего расселения якутов, потекла по тому же самому руслу, по которому развивалась и самобытная история якутов?

Вот почему, чем витать в безбрежном просторе отвлеченных теоретических гаданий о том, как складывалась жизнь якутов около «священного» Байкала, не лучше ли историку якутов попытаться реставрировать прибайкальский этап их истории по известным нам образцам истории бурят? Мы берем на себя смелость утверждать, что буряты и якуты — первые в общемонгольском мире, а последние в общетурецком — в соответствующие исторические эпохи занимали совершенно однородную позицию и образовались в результате распада политического могущества монголов и турок в прилежащих степях Монголии. Разница заключается лишь во времени: история якутского народа разворачивается на несколько столетий раньше бурятской, ибо и турецкие племена, как властители степной Монголии, выступали задолго раньше до появления на исторической арене монгольских племен.

Процесс сложения современного бурятского народа нельзя оторвать от исторических судеб главного отдела монгольского племени, занявшего степную Монголию. Зависимость истории бурятского народа от общемонгольской до русского нашествия ощущалась, несомненно, сильнее, чем в эпоху русского владычества. По позднейшим бесспорным историческим фактам мы можем судить о ранних формах этой зависимости.

Историк бурят М. Н. Богданов пишет: «Вследствие потери самостоятельности, внутренних раздоров в пределах Халхи, поборов китайских чиновников и т. д. Монголия в течение всего XVIII в. продолжает выбрасывать более или менее значительные группы родов в пределы тогдашних русских островов. О бегстве бурят в Монголию нет более речи».<sup>83</sup>

Характерно то, что иногда перебежчики из Монголии водворялись среди бурят почти насильственно. По данным Бантыш-Каменского (Диплом. собр. дел между Росс. и Китайск. государствами. Стр. 203—204), некоторые перебежчики отвечали русским: «Хотя их всех смертью казнят и тела их выбрасывают за границу, но добровольно они в Мунгальскую землю не пойдут».

---

<sup>83</sup> См. «Очерки истории бур.-монг. нар.». Стр. 72.

Богданов, приведя эту выдержку, пишет: «Насколько значительны были цифры перебежчиков, можно судить по тем данным, которые приводятся у Бантыш-Каменского. В 1731 г. переселились более 1 500 юрт перебежчиков, которые рассеялись по рр. Алитане, Агуце, Борже и Онону. В 1733 г. тоже повторилось два раза... В 1734 г. в Нерчинский уезд под предводительством двух мунгальских тайшей перешли 935 юрт, в коих к военному делу способных было 2 150 человек».<sup>84</sup>

Известно, например, что буряты Селенгинского аймака почти в целом своем составе являются монголами, «бывшими подданными Сиан-Нойона, Сэпэн-Хана и Тушету-Хана»<sup>85</sup> «Селенгинские и урульгинские (ононские) буряты считают себя потомками хуху-монголов Чингис-Хана». «Во время прихода русских в Забайкалье, в пределах нынешнего Селенгинского уезда жили, действительно, монголы, имевшие связи с монгольскими княжескими дворами»<sup>86</sup>.

«Селенгинские — три табангутских — роды в начале 1690 г. перебежали из Монголии в Россию и потом снова ушли обратно в Монголию; после под предводительством Би тан-Дархана, Даян-Монгола, Заяту-Хошигучи и Идэр-Бодонгуна дворично около 1710 г. перешли в подданство России».<sup>87</sup>

В XVII в. из Халхи бежали в русское Забайкалье восемь родов монгольского племени хатагины.<sup>88</sup>

И среди северобайкальских собственно бурят есть немало монголов, поселившихся в разное время. Например, во время нашествия в Восточную Монголию западного калмыцкого хана Галдана перебежали из Монголии восемь родов хонгодор и поселились в пределах б. Иркутской губ. в Тунке и в Аларской степи.<sup>89</sup>

М. Н. Хангалов, один из лучших знатоков бурятского быта, дает список племен или «костей» иркутских бурят. Он насчитал 19 «костей». Причем 14 из них он сопровождает пометкой «вышли из Монголии».<sup>90</sup>

---

<sup>84</sup> Там же, стр. 73.

<sup>85</sup> Там же, стр. 74

<sup>86</sup> Там же, стр. 4.

<sup>87</sup> См. «Сказания бурят, записанные разными собирателями». Зап. Вост. - Сиб. геогр. о-ва по этногр. Т. I, вып. 2. 1890 г. Заметка Юмжап Лумбунова «Поколение селенг. бурят». Стр. 121.

<sup>88</sup> См. Разумов и Сосновский. «Население, значение рода у инородцев и ламаизм». Матер. Комисс. для ис-след. землевладения и землепользования в Забайк. обл. Т. VI, стр. 3.

<sup>89</sup> См. Подгорбунский. Буряты. Ист. очерк. Богданов. Там же, 62 стр. Также в статье Д. Д. Дамеина «Предание о происхождении аларских бурят». Бурятоведческий сборник. Вып. V. 1929 г. Стр. 58—61.

<sup>90</sup> См. «Сказания бурят и т. д.». Стр. 88.

Новейший исследователь быта и истории бурят П. П. Баторов пишет: «Соображаясь с разными устными преданиями, собранными мною по частям, я склонен думать, что все вышедшие из Монголии эмигранты назывались «бурят» и, собравшись в Восточной Сибири, составили бурятское племя, а впоследствии довольно прочно слились между собой».<sup>91</sup>

По поводу происхождения имени «бурят» Баторов ссылается на своего сородича Амагаева, который производит его от глагол «буряха», что будто бы означает «закусив удила, не слушаясь повода, таскать и безудержно бежать». «Поэтому все те люди, которые были беглецами из пределов Монголии были прозваны «буряжа гарасан бурият», т. е. «без удержу, самовольно ушедшие буряты».<sup>92</sup>

Гипотеза Амагаева, по существу говоря, является повторением просто-народных наивных этимологических рассуждений, наподобие того, что будто бы имя «киргиз» произошло от слов «кырк-кыз» — сорок девиц или племенное название «саха» (якуты) от «саах» — кал, навоз. (Теория Приклонского, повторяющего ругательское суждение русских обывателей).

По поводу происхождения имени «бурят» при наличии приведенной выше вполне научной гипотезы ученых бурят-лингвистов нет нужды, «не слушаясь повода, без удержу таскать», употребляя удачное выражение авторов новой гипотезы. Но тем не менее и покойный П. П. Баторов не совсем не прав в своем утверждении, ибо он имеет в виду бурятское племя в его современном составе, в котором «монголы», попавшие в разряд бурят, несомненно составляют подавляющее большинство. Баторов из числа монгольских беженцев исключает большую часть иркутских бурят, так называемых, эхирит-булагатов, которые и есть бывшие баргуты-буруты: «Сказаний о непосредственной связи с монголами у эхирит-булагатов нет. Также о бегстве их предков из Монголии в Восточную Сибирь никаких преданий не существует».<sup>93</sup>

Вот эти-то «эхирит-булагаты» и есть основное ядро «бурятского племени», существующего издревле. Разбираясь в легендах самого бурятского народа, нетрудно установить, что в древности имя бурят (бурут или баргут) прилагалось только к эхирит-булагатам.

---

<sup>91</sup> См. его статью «Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен». Журн. «Бурятияведение» № 2, 1926 г. Стр. 3—4.

<sup>92</sup> См. Баторов. Там же, стр. 3.

<sup>93</sup> Баторов. Там же, стр. 6

По варианту предания, записанного М. Н. Хангаловым у кудинских бурят, мифический герой Барга-Батур имеет трех сыновей: старший Илюдэр-Тургэн, средний Гур-Бурят и младший Хоредой-Морген. Далее сообщается, что Барга-Батур среднего сына Гур-Бурята оставил в Иркутской губернии в Тункинском ведомстве и сказал:

«Ты будешь царем этой местности. Твое счастье здесь. Гур-Бурят остался в Тунке. От него произошли северобайкальские буряты, принадлежащие к племени эхирит и булагат, т. е. тунгинские, китойские, аларские, балаганские, идинские, кудинские, капсальские, верхоленские, ольхонские и ленские буряты».

От старшего сына Илюдер-Тургена, оставленного около Тобольска, происходят калмыки, живущие в Южной России, а от младшего Хоредай-Моргена — «хоринские буряты на южной стороне Байкала и племена хангинцы и шараты на северной».<sup>94</sup>

Здесь мы видим, что имя Гур-Бурят присваивается только предку эхирит-булагатов, а забайкальские многочисленные хоринцы с этими собственно бурятами находятся в таком же отношении, как и русские калмыки.

Мифологическое самосознание южнобайкальских бурят точно также имя «бурят» локализирует только к эхирит-булагатам. По легенде, записанной Юмжац Лумбуновым «шаманка Асойхан... имела двух сыновей: старшего Бурядая, младшего Хоридаю». Бурядай рождает двух — Ихирита и Булагата. У Ихирита было восемь сыновей, от которых происходят буряты, обитающие к северу от Байкала в Верхоленском, Балаганском, Идинском и др. ведомствах. У Булагата было шесть сыновей... «У Хоридаю было одиннадцать сыновей, потомки которых теперь хоринцы и агинцы».<sup>95</sup>

Здесь опять-таки имя «Бурядай» не покрывает собой забайкальских хоринцев и агинцев, происходящих от Хоридаю.

Итак, старинные буряты как северобайкальские, так и югобайкальские, имя «бурят» относили лишь к эхирит-булагатам, главная масса которых живет в пределах б. Иркутской губ. и лишь незначительная часть — в Баргузинском крае и в районе нижней Селенги. (Кударинцы, переселившиеся в русскую эпоху из Верхоленских степей). Вместе с тем мы находим в легендарном сознании народа очень веское подтверждение гипотезы, что имя бурят произошло от «баргут-бурят», живущих на западном берегу Байкала:

---

<sup>94</sup> См. Сказания бурят. Стр. 112—113.

<sup>95</sup> Сказания бурят. Стр. 119—120.

«Ко времени прихода русских только северобайкальские буряты, в лице булагатов и икиритов, назывались бурятами (вариантом слова баргу) и то не все. Это наиболее распространенное среди лишь северных бурят племенное название стало общим названием для всех остальных племен — хоринцев и других, которые в то время носили каждое свое племенное название».<sup>96</sup>

Таким образом, теперешние буряты, оказывается, совсем не те буряты, которые существовали под таким названием не только в древности, когда около Байкала проживали якуты, но даже в эпоху русского завоевания, всего лишь триста лет тому назад. Бурятское племя в его современном составе нужно рассматривать, как историческое новообразование. Из 270 тысяч душ официальных бурят вряд ли и сто тысяч может быть причислено к потомкам древних бурутов — эхирит-булагатов. Их прямые потомки живут по преимуществу в двух теперешних аймаках — Эхирит-Булагатском и Бо-ханском. По официальным данным 1926 г.<sup>97</sup> значилось в них бурятского населения:

В Эхирит-Булагатском аймаке 24 399 д. об. п.

В Боханском аймаке 14 329 д. об. п.

Итого 38 728 д. об. п.

Население двух других аймаков северобайкальских бурят (в Аларском — 19 276 д., в Тункинском — 14 000 д.) — около 33 000 душ. Из них едва ли одна третья часть может быть причислены к коренным северобайкальцам. В пределах б. Иркутской губернии около 28 тысяч бурят остались вне Бурят-Монгольской республики. Мы не можем знать, какая часть из этих бурят может быть отнесена к потомкам древних эхирит-булагатов. Точно также трудно учесть небольшое количество северобайкальцев, эмигрировавших за Байкал за время порусской истории. М. Н. Зобанов в своей интересной работе «Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов»<sup>98</sup> пишет: «Основное ядро эхиритов можно наметить в пределах Эхирит-Булагатского аймака, а булагатов лишь отчасти в пределах названного аймака, но, главным образом, в пределах быв. Балаганского уезда. Большую часть бурят Иркутской губ., по-видимому, составляли булагаты и эхириты, перемешавшиеся с позднейшими выходцами из Монголии».

Если мы из общего числа бурят б. Иркутской губернии приблизительно третью часть отнесем за счет позднейших выходцев из Монголии, то корен-

<sup>96</sup> См. Барадин. Там же, стр. 51.

<sup>97</sup> См. Проф. Н. Н. Козьмин. «Бурят-Монгольская АССР» Геогр. и хозяйств. очерк. 1928 г. стр. 24.

<sup>98</sup> Верхнеудинск, 1929 г., стр. 8—9.

ных северобайкальцев, потомков древних бурутов, окажется не более 70 тысяч душ. Во всяком случае, подавляющее большинство современных бурятских родов считает себя больше монголами, нежели бурутами.

Баргу-буряты значительно отличаются от своих забайкальских собратьев и по наречию. Заявление Риттера, что «халхасцы и хоринские буряты только с трудом понимают живущих на север от Байкала баргу-бурятов, потому что их язык очень груб» (Землеведение Азии, т. V), — вряд ли справедливо в отношении хоринцев, ибо порусская история способствовала смешению добайкальских и забайкальских бурят, вызвав между ними оживленное культурно-экономическое общение: монгольские роды, переходя через Байкал, натурализовались среди бурутов, в свою очередь и последние уходили за Байкал и селились по соседству с хори-тумэтами и монголами. Как в двух сообщающихся сосудах вода стремится к одному уровню, так и в порусской Бурятии древнее языковое и культурное различие бурятского и монгольского отделов, несомненно, идет к постепенной ликвидации. Если взять эпоху Чингис-Хана, то язык бурятов, наверное, отстоял намного дальше от наречия забайкальских монголов.

Проф. Б. Я. Владимирцев в своей недавно изданной монографии «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия»<sup>99</sup> утверждает, что забайкальские бурятские говоры «приближаются на юге к халхаским» и что говор баргузинских бурят является переходным, близким как северной, так и южной группе».

Из изложенного явствует, что Предбайкалье и Забайкалье по своим топографическим и физико-географическим условиям не представляют из себя замкнутые и совершенно обособленные области. Тот и другой берег в монгольскую эру находятся в оживленном сношении и служат ареной жизни и деятельности двух половин одного бурято-монгольского народа. Добайкальские собственно буряты составляют меньшую половину народа и в культурном отношении в дорусскую эпоху, вне всякого сомнения, вполне оправдывали свое наименование баргуты — грубые, дикие и отсталые. Забайкальские буряты по языку стоят ближе к монголам и в культурном отношении тяготели к последним. Достаточно указать на один факт: все забайкальцы давным давно усвоили ламаизм, наступающий из степей Монголии, а добайкальцы до недавнего времени оставались грубыми шаманистами, за

---

<sup>99</sup> Ленинград, 1929 г. Введение и фонетика. Стр. 8.

исключением тункинских и аларских бурят. Принятие ламаизма забайкальскими бурятами относится к концу XVII века.<sup>100</sup>

Большое отличие констатируется между двумя половинами бурятского народа и в отношении героического эпоса. Добайкальцы до наших дней сохранили сказание о своем происхождении от быка-пороза, мифического Буха-Нойина (см. Элл. §§ 338—347), который, вступив в любовную связь с девицей, рождает двух мальчиков — Эхирита и Булагата (или одного из них), ставших прародителями всех северобайкальских бурят. Среди забайкальцев этот миф почти неизвестен.

Спрашивается, почему мы не можем распространять и на якутский период истории Прибайкалья распадение бурятского племени на два отдела, обусловленное прилеганием занятой ими территории с обеих сторон к озеру Байкал? Ведь это и есть, несомненно, отражение на человеческой истории окружающей физико-географической среды. Если в наше время органы Советской власти выдвигали проблему создания Лено-Байкальского района, представляющего собою вполне достаточно выявленное географо-экономическое единство, которое будет рано или поздно осуществлено и как административно-экономическое единство»<sup>101</sup>, то тем более в эпоху экстенсивного скотоводческого хозяйства та и другая сторона Байкала не могли не тяготеть друг к другу. Вот почему мы не можем ограничить древние владения якутов в эпоху их прибайкальской истории лишь северо-западной стороной Байкала. Нам трудно понять воззрения тех историков, которые отреклись от всякой попытки распространить якутскую историю за Байкал, как от чего-то святотатственного. Не надо забывать, что Байкал замерзает на целых пять зимних месяцев, образуя роскошный ледяной мост между обоими берегами. А река Ангара является ни чем иным, как средним течением и продолжением Селенги. Иными словами, Забайкалье и Добайкалье орошаются одной речной системой. Следовательно, наиболее простое и естественное понимание древних исторических путей передвижения якутского племени, по нашему мнению, должно заключаться в координировании их направлением Ангара-Селенгинской речной области. А перебрасывание праистории якутов из Ангары в бассейн далекого Енисея (Минусинский край или Урянхай) чрез обширные и труднопроходимые леса и горы является более искусственным толкованием их прошлых судеб. Если бы историки неопровержи-

<sup>100</sup> См. И. И. Серебренников. Цит. соч., стр. 40.

<sup>101</sup> См. предисловие к работе проф. К. Н. Миротворцева «Лено-Байкальский район». Изд. планов, хозяйство. Москва. Изд. Госплана СССР. 1928 г., стр. 6.

мо доказали, что за Байкалом и дальше в Монголии народы турецкого языка и происхождения никогда не жили, мы, пожалуй, примирились бы с наложением на якутов своеобразного табу на переход через озеро Байкал. Но авторы енисейских гипотез, как нам известно, даже и не утруждают себя попытками просмотреть страницы древнотурецкой истории.

Если с начала XIII века монгольские племена в разные бурные периоды своей истории постоянно выделяли беженцев в Забайкалье и Добайкалье, то почему же мы не можем допустить точно такой же процесс в эпоху турецкого владычества в Монголии? Прибайкалье, служащее местом убежища для беглецов из степной Халхи в период монгольской истории, не могло не играть той же роли и в более ранние исторические эпохи, ибо вся окружающая материальная среда, а также экономические и политические факторы оставались неизменными. Вот почему в аналогиях с более поздней историей образования бурят-монгольского народа мы находим ключ для верного понимания прошлых судеб якутского народа.

Как буряты делятся на добайкальских баргу-бурят и забайкальских монголо-бурят, точно также и якуты, проживая около Байкала, несомненно, делились на вилюйчан, потомков легендарной старухи Джаархан, и на якутян царя Тыгына, потомков легендарного Элэй-Баатыра, этого общетурецкого культурного героя.<sup>102</sup> Как забайкальские буряты называли своих добайкальских сородичей дикими и темными баргутами, точно так же и якуты Тыгына безусловно относились с некоторым пренебрежением к своим добайкальским вилюйчанам — малоякутам.

Как забайкальские буряты являлись носителями более высшей религии — ламаизма, а добайкальцы не расставались со своим шаманизмом, точно так же и якутяне Тыгына имели белых шаманов (айыы ойуна) и пробавлялись устройством весенних и летних ысыахов, кумысных праздников, а добайкальские вилюйчане жили при господстве культа черных шаманов. Надо заметить, что культ белых шаманов у якутов не допускает кровавых жертв, ограничивая почитание небожителей, богов и духов лишь подношением им белой пищи (кумыса, сора и масла) и посвящением живого конного скота, а культ черных шаманов построен на жертвоприношениях скота («кэрэх»). В якутских шаманистических легендах мы находим доказательства большего развития шаманского культа у вилюйчан. Якутяне, по записанным нами ле-

---

<sup>102</sup> См. работу автора «Опыт сравнит. изучения библ. и якут. мифов о прародителях народа».

гендам, при особо важных случаях вызывали из Вилюя знаменитых шаманов, которые своей мистерией воскрешают даже мертвых.<sup>103</sup>

Если численное соотношение бурят добайкальских и забайкальских выражается в цифрах — 100 т.: 170 т., то и отношение вилюйчан к якутянам — 89 т.: 145 т. мало разнится. (К вилюйчанам мы прибавили северных якутов, а к якутянам — население округов Олекминского, Верхоянского и Колымского). При этом необходимо учесть, что якуты с переселением на север не увеличились в своей численности, а значительно уменьшились.

Взаимоотношение якутян и вилюйчан по их экономическому быту в более раннюю легендарную эпоху мы определили: первые — богатые скотоводы, а последние при слабой обеспеченности скотом большое подспорье имели в рыболовстве и охоте. Точно такая же картина рисуется и при сравнении хозяйства бурят забайкальских и добайкальских. И. И. Серебренников, на монографию которого мы ссылались выше, по интересующему нас вопросу дает следующие материалы. Количество скота у иркутских бурят он определяет на сто душ в таких цифрах:

Лошадей - 100,9  
Рогатого скота - 171,3  
Овец - 145,3  
Коз - 43,2  
Свиней - 4,3  
Всего - 465,0

И дальше приводит сравнительные коэффициенты по состоянию скотоводческого хозяйства у забайкальцев:

«При сравнении этих данных с цифрами, относящимися к забайкальским бурятам, оказывается, что последние в общем богаче первых скотом приблизительно в 2,3 раза; в частности, богаче лошадьми в 1,5 раза, рогатым скотом в 2,5 раза, овцами в 2,9 раза и козами в 1,6 раза и держат относительно меньше свиней».<sup>104</sup>

По поводу состояния охотничьего промысла он пишет:

«В Иркутской губернии охотничий промысел имеет большее распространение, чем в Забайкальской области, и здесь буряты в сравнительно не-

<sup>103</sup> См. работу автора «Легенды и рассказы о шаманах и т. д». Издание «Безбожник». Москва. 1930 г., стр. 86—92.

<sup>104</sup> Там же, стр. 70—71.

давнее время относительно больше занимались этим промыслом, чем русские».<sup>105</sup>

Рыболовство бурят выражается, главным образом, в эксплуатации рыбных богатств Байкала, но тем не менее весьма характерно то, что этим промыслом как в Предбайкалье, так и в Забайкалье заняты по преимуществу северобайкальцы по происхождению. Серебренников констатирует наличие двух рыболовных районов. Один в быв. Ользонском ведомстве — «у берегов пролива, разделяющего остров Ольхон от материка»; здесь промышляют, конечно, добайкальские якуты, а в Забайкалье — «главная масса бурят-рыболовов была сосредоточена здесь в Кударинском ведомстве, расположенном по нижнему течению Селенги, около Байкала».<sup>106</sup> А кударинские буряты, как мы уже отмечали раньше, являются поздними переселенцами из Верхоненских степей, т. е. по своему происхождению баргу-буряты.

Итак, баргу-буряты даже при современных условиях и нивелирующем влиянии русской экономики и политики в 2,3 раза беднее скотом своих забайкальских собратьев, превосходят последних в виде развития охотничьего промысла и монополизируют в своих руках все байкальское рыболовство.

Если дело обстоит так, то рассмотренный нами героический эпос вилюйских якутов восстанавливает картину культурных и экономических взаимоотношений древних добайкальских вилюйчан и забайкальских якутян, в точности совпадающих с такими же отношениями двух отделов бурятского народа. И то и другое не будет ли той картиной общественно-экономических взаимоотношений, в которой находит свое отражение конституция внешней природы, вне зависимости от того, какого этнического происхождения и языка люди предостоят перед нею, турки или монголы?

Забайкалье по сравнению с Предбайкальем гораздо богаче открытыми степными местами, годными для эксплуатации в качестве пастбищ, при экстенсивном скотоводстве. Об этом мы можем судить по следующим цифровым данным о площади, находящейся под лесом. «В Иркутской губ. 76 млн. га покрыты лесом или почти 93% всей территории». «В Забайкальской губ. 19 млн. га или 48% всей площади».<sup>107</sup>

В число открытых мест в Забайкалье хотя и входят «места, принимающие полупустынный характер, с довольно бедным травянистым покровом»,

---

<sup>105</sup> Там же, стр. 149.

<sup>106</sup> Серебренников. Там же, стр. 146—147.

<sup>107</sup> См. Проф. Миротворцев. Лено-Байкальский район. Стр. 18.

иногда и «барханы», но тем не менее относительно большая обеспеченность Забайкалья удобными пастбищами не подлежит сомнению.

В условиях порусской действительности соотношение культуры баргу-бурят и монголо-бурят намного изменилось в пользу первых, которые раньше забайкальцев перешли к оседлости, развили у себя земледелие и более преуспевают в усвоении русской образованности, обычаев и нравов. Но эти преимущества обусловлены как раз их слабой обеспеченностью скотом, отчасти и более сильным стеснением от русской колонизации. Восстанавливая прошлое дорусской Бурятии, само собой разумеется, нужно тщательно исключать влияние новых факторов бурятской истории.

## **2. ПРИАНГАРСКИЙ КРАЙ В ЛЕТОПИСЯХ ИМПЕРИИ ЧИНГИСХАНИДОВ**

Вилюйские легенды о туматах как будто плохо согласуются с тем, что нам известно о позднейшем составе монгольского населения Предбайкалья. Если правильно наше предположение о занятии вилюйчанами Предбайкалья и столкновения их здесь со старожилами-монголами, то почему же в вилюйских сказаниях не сохранились воспоминания о бурятах и говорится о туматах, которые ныне отсутствуют в пределах Прибайкалья?

Однако, по имеющимся историческим материалам, нетрудно доказать, что в стране баргутов, т. е. в Приангарском крае, в древности проживали совместно с другими племенами и туматы. Образование могущественной монгольской монархии во главе с чингизидами сопровождалось огромными сдвигами и перетасовками монгольских племен передвигаемых в разные углы империи по стратегическим планам и политическим соображениям руководителей великомонгольского движения. Поэтому этническая карта Монголии и прилежащих к ней окраин, где раньше проживали монголы, в эпоху почингисовой истории, конечно, в корне изменилась и не могла быть похожа на ту, которая существовала в период слабости и ничтожества монголов. В вилюйских легендах, очевидно, мы имеем дело с древней картой расселения монголов, когда все стратегические плацдармы степной Монголии и ее командующие высоты находились в руках турецких племен.

Картина распространения монголов до возвышения чингизидов может быть восстановлена частично по сочинению знаменитого Рашид-Эддина (родился в 1247 г. и умер в 1318 г.), который по заказу властвующей в Персии

отрасли дома Чингиса и написал на персидском языке династийную историю под заглавием «История монголов. Собрание летописей». Этот автор, заставший приблизительно третье поколение деятелей Монгольской империи, в своем труде сохранил очень ценный исторический материал, правда, большею частью легендарного характера, но позаимствованный из уст выдающихся представителей монгольского правящего класса. При чтении его истории, конечно нельзя забывать, что мы имеем дело все-таки с персом, который сам не бывал в тогдашней Монголии и больше писал по слухам и легендарным отголоскам давно прошедших исторических событий. Поэтому по поводу тех или других утверждений Рашида нельзя заниматься буквоедством, как если бы мы имели дело с показаниями очевидца и современника излагаемых событий и фактов. В продолжение наших исторических очерков мы будем неоднократно обращаться к показаниям этого автора.

Рашид-Эддин касается Предбайкалья и его обитателей во многих местах своего труда и притом в таких скользких выражениях, которые позволяют мешать с ним соседние области. Приведем наиболее важнейшие цитаты, которые имеют отношение к интересующему нас вопросу. Мы пользуемся общеизвестным переводом Рашид-Эддина на русский язык И. Н. Березина (Спб., 1858 г.) с его же предисловием и примечаниями.

Вот, например, в следующих характеристиках мы узнаем обособленный Приангарский край, противопоставляемый Монголии по климату и бытованию более грубых шаманистических поверий:

«В стране Монголистан холода бывшие безмерно, в особенности в стране, называемой Баргуджин-Тукум...

...В тех областях сего рода мечтаний и фикций много (шаманистических поверий) и без числа шаманов знаменитых.., в особенности в стране, которая находится близ границы отдаленной обитаемости, и которую называют Баргу, а также Баргуджин-Тукум. Там шаманов больше».<sup>108</sup>

Центр тогдашней Монголии — Халха, бассейны рек Селенги, Орхона, Онона и Керулана. Ясно, конечно, что в подчеркнутых словах речь идет о северной окраине, где холодов больше. Современное русское Забайкалье для жителей тогдашней Халхи вряд ли могло быть «близ границы отдаленной обитаемости», тем более, если принять во внимание то, что Забайкалье — родина самого Чингис-Хана и его коренных монголов. По нашему мнению без больших колебаний можно согласиться с тем, что здесь под страной Бар-

<sup>108</sup> Рашид-Эддин. Сборн. летописей. История монголов. Русс. перев. с примечаниями И. Н. Березина. Введение. Стр. 142. Спб., 1858 г. Зап. Импер. арх. общ. т. XIV.

гу нужно понимать территорию, занятую и теперь баргу-бурятами или баргутами, т. е. Приангарский край.

Поэтому нам трудно согласиться с мнением упомянутого ранее бурятоведа и монголиста Б. Барадина:

«Бурят-монгольские племена в период объединения монголов Чингис-ханом обитали по преимуществу в лесных и горных районах нынешнего Забайкалья, называвшегося (главным образом, в северно-западной своей части) страной Баргу или Баргуджин».<sup>109</sup>

Барадин, как мы знаем, племенное название «баргу» сам приурочивает к современным эхирит-булагатам, живущим на северной стороне Байкала<sup>110</sup>, а страну Баргу без достаточных оснований отыскивает в северном Забайкалье.

Что под страной Баргу или Баргуджин нужно понимать нечто другое, как Приангарье, более проясняется в тех высказываниях Рашид-Эддина, в которых эта страна показывается смежной с территорией кыргызов, т. е. с южными пределами быв. Енисейской губернии.

Определяя местожительство двух племен булагачин и керемучин (по толкованию Березина, эти имена по-монгольски м. б. переведены — «ловцы соболей» и «ловцы белок». Прим. на стр. 255), историк пишет:

«Они обитали в пределах Баргуджин-Тукума и на краю страны кыргызов, близко один к другим»<sup>111</sup>.

Пределы Баргуджин-Тукума, раздвинутые до границ б. Енисейской губ., конечно, слишком далеки от Забайкалья.

В одном сообщении о границах распространения охотничьих лыж, употребляемых обитателями современного Урянхая, историк даже самих кыргызов помещает в Баргуджин-Тукуме:

«...Имеют о них (*лыжах*) понятие в особенности в стране Баргуджин-Тукум Хори, Кыргыз, Урасут, Теленгут и Тумэт употребляют этот способ»<sup>112</sup>.

Упоминаемые здесь племена урасут и теленгут (современные телеуты-алтайцы), по Рашид-Эддину, жили даже «по ту сторону кыргызов около одного месяца пути» — «в пределах страны кыргызов и Кем-Кемджинут в лесах».<sup>113</sup>

---

<sup>109</sup> Его статья «Бурят-монголы», стр. 45.

<sup>110</sup> Там же, стр. 46.

<sup>111</sup> Рашид-Эддин. Там же, стр. 88.

<sup>112</sup> Там же, стр. 92.

<sup>113</sup> Там же, стр. 88—89.

Как видим, у самого историка довольно расплывчатое представление о стране Баргу-Баргуджин, заключающее в себе целый ряд внутренних противоречий.

В одном месте, рассказывая о восстании племени тумэт против власти чингизидов, историк замечает:

«После 12 лет, в год барса, когда один тумэт, который занимал Баргуджин-Тукум, и Байлук, восстали по той причине, что они были близки к кыргызам...»<sup>114</sup>

Опять-таки Баргуджин-Тукум оказывается близким к владениям енисейских кыргызов.

Расплывчатость знаний Рашид-Эддина обнаруживается еще раз в другом сообщении о тумэтах, которые, по предыдущему утверждению, жили в пределах Баргуджин-Тукума:

«Жилище этого племени (*тумэт*) было близ Баргуджин- Тукума. Они тысячеплеменники и отдельная ветвь баргутов. Они обитали в пределах страны кыргызов».<sup>115</sup>

Руководствуясь приведенными указаниями историка, страну Баргу-Баргуджин никоим образом нельзя искать не только к востоку от Халхи, как это делает проф. Н. Н. Козьмин<sup>116</sup>, но и к востоку от озера Байкал. Правда, в одном месте историк, определяя еще раз расположение страны Баргуджин, употребляет двусмысленное выражение «по ту сторону Селенги» (говорится о племенах баргут, хори, тулас, тумэт, которые «также от них ответвились»):

«Эти племена близки один с другими. Жилище и обиталище их находится по ту сторону Селенги на краю места и земель, занимаемых монголами: его называют Баргуджин- Тукум. В тех пределах также обитали множество других племен, каковы: ойрат, булагачин, керемучин и другое племя, которое называется ойн-урянха, также было близко к тем пределам... Всех завоевал Чингис-Хан».<sup>117</sup>

Если ориентироваться от Персии, местожительства самого историка, то действительно выражение «по ту сторону Селенги», можно понять в том смысле, что Баргуджин- Тукум лежал к востоку от Селенги. Но в таком случае, мы получили бы бассейны рек Онона и Керулана, т. е. родину самого Чингиса.

---

<sup>114</sup> Там же, стр. 131.

<sup>115</sup> Там же, стр. 87.

<sup>116</sup> См. его статью «К вопросу о времени переселения бурят в Прибайкалье». В «Очерках ист. бур.-монг. нар.». Стр. 22—23.

<sup>117</sup> Там же, стр. 85—86.

Очевидно, в данном случае нужно исходить не от Персии, а из центра Халхи, ибо выражение «по ту сторону Селенги» принадлежит бесспорно не самому историку, а его осведомителю — монголу. Следовательно, здесь говорится о той стране, которая начинается за устьем Селенги по ту сторону Байкала и орошается р. Ангарой, являющейся продолжением той же Селенги. При таком толковании исчезает противоречие с предыдущими утверждениями историка о сопредельности Баргуджин-Тукума с владениями енисейских кыргызов.

Сам историк, плохо разбираясь в географии Монголии и сопредельных стран, в одном случае тоже пытается истолковать местоположение Баргуджин-Тукума в смысле «к востоку от Монголии»<sup>118</sup> по поводу бегства туда меркитского князя Тухта-Бики. Но в этом частном случае ошибку Рашид-Эддина, как увидим дальше, нетрудно обнаружить.

Тождество Баргуджин-Тукума с бассейном Ангары подтверждается еще двумя сообщениями историка.

Выше мы привели цитату, где сказано, что в Баргуджине среди прочих племен, жили и ойраты. В особом разделе, специально посвященной ойратам, историк дает описание их местожительства, ориентированное по рекам:

«Юрт и жилище этих племен ойратских было восьмиречье: в древности на тех реках обитало племя тумэт. Из того места выходят реки, все вместе соединяются и образуется река, которая называется Кем и после того впадает в Ангару-Мурен. Имена тех рек суть: Кокэ-Мурен, Он- Мурен, Хара-Усун, Ибей-Усун, Ухут-Мурен, Ух-Мурен, Харка-Мурен, Чаган-Мурен».<sup>119</sup>

Из приведенных названий рек самые главные и важные — Кэм и Ангара, вполне определены и не вызывают никаких сомнений. Как известно, Кэм — есть название верхнего Енисея в пределах Урянхайского края (Ха-Кэм, Улу-Кэм, Би-Кэм, Кэмчик — собственные имена верхних притоков Енисея), а слово «кэм» по-урянхайски значит — река.<sup>120</sup> У орхонских турок Енисей был известен под тем же названием. У минусинских татар «Ким» — собственное имя Енисея. (*Мои записи*). Ангара-Мурен, само собой разумеется, есть Ангара с прибавлением монгольского нарицательного имени «река». Таким образом, по буквальному смыслу приведенного места, ойраты должны были проживать в истоках Енисея в пределах Урянхайского края. Причем осведомители историка верхний Енисей до слияния его с Ангарой, признают не

<sup>118</sup> Рашид-Эддин. Там же. Ч. 2. «История Чингис-Хана до восшествия на престол». Стр. 111.

<sup>119</sup> Там же. Введение, стр. 78—79.

<sup>120</sup> Радлов. Опыт словаря. Т. 2, ст. 1202.

главной рекой, а притоком Ангары, текущей как бы до океана. Однако, можно предполагать, что в текст Рашид-Эддина река Кэм попала случайно и что здесь речь идет попросту о водной системе одной Ангары, у которой тоже можно насчитать не менее восьми мелких притоков.

Как бы ни толковать это место, Баргуджин-Тукум оказывается равно далеким от Забайкалья.

Есть еще одно утверждение Р.-Эддина, которое безусловно отмежевывает Баргуджин-Тукум от Урянхайского края, фигурирующего под другим названием:

«Кыргыз и Кем-Кемджиют суть две страны, одна с другой соединенные и каждая составляющая область. Кем- Кемджиют есть большая река. С одной стороны та страна имеет Монголию, одна граница на реке Селенге, где обитает племя тайджиют; одна сторона к большой реке, называемой Ангара-Мурен... Племена хори, баргут, түмэт, байлук, которые суть монгольские племена и которые обитали в Баргуджин-Тукуме, также близки к этой большой стране».<sup>121</sup>

Ясно, конечно, что Кем-Кемджиют, заключенный между Монголией, бассейнами Селенги и Ангары, сопредельный и соединенный со страной Кыргыз, есть не что иное, как Урянхайский край. В данном случае историк просто не отдает себе отчета в том, что Баргуджин-Тукум орошается Ангарой, ввиду чего они оба близки, т. е. пограничны как с Урянхаем — Кем-Кемджиют, так и со страной кыргызов.

Сопоставляя все приведенные цитаты, нетрудно понять, что сам Рашид-Эддин не особенно хорошо разобрался в своих источниках и дает спутанное описание, ибо ему пришлось ориентироваться не по точной географической карте, а по устным показаниям знатоков, которые не могли не быть туманными и расплывчатыми. Но тем не менее, игнорируя мелкие неувязки и противоречия, мы можем считать установленным, что по представлению осведомителей историка, страны Баргу, Баргуджин-Тукум, Кем-Кемджиют и владения кыргызов были смежны друг с другом, ввиду чего необходимо приравнять их Приангарью, Урянхайскому краю и южной части Енисейской губ. Иными словами, Баргу- Баргуджин есть ничто иное, как территория и теперь занятая баргутами или баргу-бурятами. К этому же выводу пришли и ранние комментаторы Р.-Эддина.

— Так, например, Дорджи Банзаров писал:

---

<sup>121</sup> Там же. Введение. 130 стр.

«Мы выше видели, что ойраты до Чингис-Хана, живя в Баргуджин-Тукуме, принадлежали к лесным народам. Таким образом, вероятно, они жили в лесах Южной Сибири».

Несколько ранее он говорит:

«Мусульманские и китайские летописцы упоминают об одной части Монголии, называвшей Баргуджин-Тукум... Под этим именем разумелось, по словам Рашид-Эддина, часть Северной Монголии, лежащая на запад от Селенги, иначе называемая Баргу».<sup>122</sup>

Алексей Бобровников, составитель грамматики монгольско-калмыцкого языка, еще ближе подходит к нашему мнению:

«Несколько более особенностей в языке по своему положению должны были получить обитатели холодной, лесистой и гористой страны Баргуджин-Тукума, пространства нынешней Южной Сибири от Селенги до Енисея. Здесь, по словам Рашид-Эддина, жили племена, называемые монголами лесными (ой-иргэн), каковы ойрат, булагачин, кэрэ-мучин, ойн-урянха, урасут, тэлэнгут, кэстэми и др. Ойраты, упоминаемые здесь, суть предки нынешних зунгарских и волжских колмыков».<sup>123</sup>

Из новейших авторов приблизительно такое же представление о местонахождении Баргуджин-Тукума имеет и известный ориенталист Г. Е. Грум-Гржимайло в своем капитальном и многотомном труде «Западная Монголия и Урянхайский край».<sup>124</sup>

«Тумэты — один из отделов баргутов-бурутов или баргу-бурутов, жили некогда в числе других монгольских племен в пределах страны киргизов, в Саянских горах, к востоку от реки Енисея в местности Баргуджин-Тукум».

В прим. 2, на стр. 11-й по поводу определения местожительства ойн-урянха автор дает несколько иную формулировку: «...В дочингисово время оно жило по соседству с ойратами, на окраине монгольских земель к северо-западу от Селенги, в местности, носившей название Баргуджин-Тукум». Впрочем, во 2-м томе своего труда Грум-Гржимайло пишет, что Баргуджин-Тукум, по Рашид-Эддину, страна к северу от Селенги (415 стр.).

Между прочим, академик В. В. Радлов свою оригинальную гипотезу о происхождении якутов построил на неверном истолковании местоположения рашид-эддиновского Баргуджин-Тукума и соседнего с ним Урянхая. Мы позволим себе попутно разобраться здесь в его заблуждениях.

---

<sup>122</sup> См. его статью «Об ойратах и уйгурах», там же. стр. 84 и 82.

<sup>123</sup> См. Грамматика монг.-калмыц. яз. Казань, 1849 г. Предисл. стр. IV.

<sup>124</sup> Т. 3. Вып. 1. Ленинград. 1926 г., стр. 16, прим. 3.

Он полагает, что «под местностью Баргуджин-Тукум, очевидно, разумеется страна восточнее Байкала, который принимает с востока реку Баргузин, вытекающую из озера Баргу, а также, наверное, речная область в верховьях Витима — правого притока Лены».<sup>125</sup>

Выше мы привели цитату из Рашид-Эддина, в которой он утверждает, что к пределам Баргуджин-Тукума «также было близко... племя, которое называется ойн-урянха», т. е. лесные урянхи или урянхайцы.

Если правильно понять Баргуджин-Тукум Рашид-Эддина, то близость к Приангарскому краю урянхайцев-сойотов, имеющих свое маленькое ответвление в Тункинском крае (долина реки Иркут) и в верховьях р. Оки (впадающей в Ангара), а также и карагассов, именуемых бурятами «уранкан»<sup>126</sup>, конечно, не представляет ничего особенного, ибо основная масса сойот-урянхайцев, вероятно, и тогда обитали в верховьях р. Енисея в стране, именуемой Рашид-Эддином Кем-Кемджиут. Но академик Радлов, перетащив Баргуджин-Тукум на восток от Байкала и к верховьям Витима, делает неожиданное научное открытие, что: «Лесные урянхи, как это ясно вытекает из описания Рашид-Эддина, суть охотничий народ — олениводы, живущие северо-восточнее Байкала»<sup>127</sup>, и посему они должны быть ни кем другим, как предками якутов, ибо последние именуют себя «ураангхай-саха».

Из всех описаний Рашид-Эддина более «чем ясно вытекало», что упоминаемые им лесные урянхайцы, живущие вблизи Баргуджин-Тукума, есть ничто другое, как урянхайцы. Что часть урянхайцев, а именно Точжинского хошуна, до сих пор занимается оленеводством и охотой, известно всем. Например, упомянутый выше Грум-Гржимайло пишет о них: «Точжинцы существуют, главным образом, за счет двух промыслов — оленеводства и охоты на зверя»<sup>128</sup>.

Тождество «ойн-урянха»<sup>129</sup> Рашид-Эддина с современными сойотами-урянхайцами Танну-Тувинской республики в историко-этнографической литературе является давно уста новленной истиной, которая осталась неизвестной лишь академику Радлову. Так, проф. Н. Ф. Катанов в предисловии к своему капитальному труду «Опыт исследования урянхайского языка» пишет об урянхайцах:

<sup>125</sup> См. Die jakutische Sprache и т. д., стр. 55.

<sup>126</sup> См. Подгорбунский. Русско-монг.-бурят. слов. Стр. 120.

<sup>127</sup> Радлов. Там же, стр. 55.

<sup>128</sup> Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, выпуск 1, стр. 50—51.

<sup>129</sup> В истории Рашид-Эддина часто упоминается другое племя «урянхит», стоящее очень близко к роду самого Чингис-Хана. Эти урянхиты действительно имеют близкое отношение к древним якутам. Но этим вопросом мы займемся во 2-м томе наших очерков.

«Персидский писатель Рашид-Эддин называет его урянхит, монах Гильем Рейсбрук — Orangey или Orengy, в китайской географии Мин-Ши и сочинении китайцев Чжан-Му и Хэ-Цю-Тао он назван улянха... Монголы и манчжуры в правительственных бумагах зовут уриангхай, за ними и я зову этот народ урянхайским или урянхайцами».<sup>130</sup>

Это тождество признает и новейший автор проф. Н. Н. Козьмин, приведя подробные выписки из китайских летописей Рашид-Эддина и Рубрука:

«Все старинные известия о тубинцах и урянхях весьма определенны и согласованы. Китайские летописи помещали тубо к западу от Косогола, в нынешнем Урянхае; это племя занималось ловлей рыбы, птиц и зверей. Особенно бросалась в глаза одна подробность их быта: «к ногам подвязывают лыжи, а подмышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на 100 вперед чрезвычайно быстро».<sup>131</sup>

То же самое сообщает Рашид-Эддин о «лесных урянхах», живущих в пределах страны кыргысов. «Так как в их стране много высоких гор и лесов, говорит он, и снега бывают большие, то они часто зимой охотятся, привязывая к ногам ремнями доски, которые они называют чана (лыжи), и упирая шестом в снег, при помощи этих досок, они бегают, как будто сидя на быках».<sup>132</sup>

Тождественные сведения мы находим у Рубрука. «К северу, говорит он о своем пути к ставке Мунко-хана на Орхоне, также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени керкисы. Живут там также оренгаи, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой быстротой, что ловят птиц и зверей».<sup>133</sup>

«Из приведенных сообщений видно, что урянхай и кыргысы, конечно, не одно и то же, но они жили в стране, находящейся под властью последних, в нынешнем Урянхайском крае».<sup>134</sup>

Из приведенных данных особенно важна ссылка на сообщение об урянхайцах монаха Рубрука, который был отправлен в Монголию королем Людовиком IX в 1253 г. Иначе говоря, Рубрук получил сведения об урянхайцах немного ранее Рашид-Эддина. Если Рубрук помещает своих оренгайев в стране

<sup>130</sup> См. предисловие, стр. 1 — 11.

<sup>131</sup> Козьмин ссылается на Иакинфа. Собрание сведений и проч. Ч. I стр. 447—448.

<sup>132</sup> Цитирует Рашид-Эддина по Риттеру. «Землеведение Азии», IV. Спб., 1877 г., стр. 668—669.

<sup>133</sup> Ссылка на Рубрука «Путеш. в восточные страны». Спб., изд. Суворина, стр. 134.

<sup>134</sup> См. Н. Н. Козьмин. «К вопросу о времени переселения бурят в Прибайкалье». Напечат. в «Очерках истории бурят.-монг. народа». М. Н. Богданов. Стр. 21.

народа «керкис», то тем самым точно устанавливается проживание их в пределах современной Танну-Тувы, именуемой Рашид-Эддином Кем-Кемджиют. Как мы знаем, и сам Рашид-Эддин заявляет: «Кыргыз и Кем-Кемджиют суть две страны, одна с другой соединенные». Нельзя сомневаться в том, что оба автора, являющиеся почти современниками, пишут об одном и том же народе, используя один и тот же источник, т. е. устные рассказы монголов. Заблуждение академика Радлова тем более странно, что он в своей работе приводит подробную выписку из сочинения Рашид-Эддина, относящуюся к лесным урянхит, в которой устанавливаются такие бытовые и лингвистические мелочи, как, например, употребление урянхайцами быков для вьючной перевозки кладей, их пристрастие к березовому соку, название своих шалашей «алачык», а лыж — «чана»:

«Во время перекочевки они вьют горных быков... Где они останавливаются — делают шалаши и корьевые юрты (алачык) из березовой коры (тоз). Они надрезают березу и пьют березовый сок как воду... Так как в их стране много гор и лесов и падает обильный снег, они охотятся зимою..., для этой цели они делают деревянные доски, которые они называют чана».<sup>135</sup>

Все эти факты, констатированные в быту урянхайцев в конце XIII века, могут быть признаны культурноэтническим паспортом и для современных сойот. Проф. Катанов, проживший среди урянхайцев около пяти месяцев для изучения их наречия, пишет:

«Лесные урянхайцы ходят на лыжах, называемых чана, и живут в шалашах, называемых алачык, до сих пор и также любят пить березовый сок. Рашид-Эддин говорит, что во время перекочевки они вьют скarb на быков, и это обыкновение сохранилось до сих пор»<sup>136</sup>. (стр. 324).

Между прочим, некоторые из этих фактов констатировал и сам Радлов в своей ранней работе «Aus Sibirien», описывая свою встречу с сойотами 4 июля 1861 г. около озера Кара-Кёл:

«Быков употребляют как для верховой езды, так и для перевозки клади, ибо считают для этой цели более пригодными, чем лошадей».

«Подобно двоеданцам они целую неделю летом на лошади, а зимой на лыжах бегают по негостеприимным хребтам и занимаются там охотой».<sup>137</sup>

Эти фактические данные об урянхайцах мы можем дополнить соответствующими справками о современных якутах. Якуты не имеют обыкновения

---

<sup>135</sup> См. Цитир. соч., стр. 54.

<sup>136</sup> См. Катанов. Там же. Приложение, стр. 324.

<sup>137</sup> Цитируем по Катанову. Там же. Прил. 383.

пить березовый сок. По крайней мере, ни один этнограф не устанавливает этого обстоятельства. Лыжи они имеют, как и многие народы севера, но называют их «ханьысар» или «туут» (обитые шерстью). Слово «алачык» для обозначения шалаша им тоже неизвестно, за исключением песенного эпитета к дому вообще — «аласа» (джиэ). Но это слово, утратившее свое значение, знатоки якутского языка обычно переводят через прилагательное имя — «жаркий», «уютный» (дом). Для верховой езды и под выюки якуты по преимуществу употребляют коней, а быков обычно запрягают в сани. В древности вилюйские якуты, весьма возможно, и возили выюки на быках, ибо у них сохраняется кое-где понятие о бычьем седле, но факт то, что этот способ перевозки кладей якутам давно не известен.

Академик Радлов заявляет: «Монголы ныне словом «уранхай» обозначают все турецкие племена севера, т. е. алтайцев, абаканских татар, сойот и карагассов, но однако ни один из этих народов так себя не называет и вообще не знает этого слова».<sup>138</sup>

Все эти утверждения Радлова тоже нуждаются в фактических поправках. Г. Н. Потанин пишет: «На первый вопрос: кто ты такой? Урянхаец отвечает обыкновенно: не тува, боясь быть не понятым, а уранга, т. е. называет себя именем, которое этому народу дают соседи-монголы»<sup>139</sup>.

У В. И. Вербицкого<sup>140</sup> мы находим сообщение, что калмыки-двоеданцы, кочующие в южной части Алтая по реке Чуе, впадающей в Катунь, именуют себя «урянхай».

Об урянхайцах, живущих в Западной Монголии около г. Кобдо, В. Ф. Ладыгин говорит тоже «зовут они себя урянха и делятся на 4 хошуна».<sup>141</sup>

Если верить Радлову, племенное название «урянхай» является весьма расплывчатым и не приурочивается к одному определенному турецкому народу. С этим положением, конечно, никак невозможно согласиться, поскольку мы не вправе отрицать существование вполне установившегося географического термина «Урянхайский край» и его по-турецки говорящего населения, больше известного под названием «урянхайцы», чем «сойот» или «туба». Сам академик Радлов во всех своих научных работах привык называть урянхайцев Танну-Тувы «сойонами», но это обстоятельство отнюдь не мешает многим десяткам, м. б., и сотням других ученых и исследователей до

---

<sup>138</sup> Радлов. Там же, стр. 53.

<sup>139</sup> Очерки северо-западн. Монголии. Ч. IV, стр. 931.

<sup>140</sup> Алтайские инородцы. Москва, 1893 г., стр. 6—7.

<sup>141</sup> «Этнограф, очерк». Изв. Имп. Русс. геогр. о-ва. Т. XXXV, стр. 633—648.

наших дней популяризовать имена «урянхайцы» и «Урянхайский край». (Например, Реклю, Гельмерсен, Клапрот, Шницлер, Вамбери, Лянье, Африканов, Катанов и мн. др.). И, конечно, не зря в наше советское время упомянутый выше географ, путешественник и ориенталист Г. Е. Грум-Гржимайло издал свой многотомный труд под заглавием «Западная Монголия и Урянхайский край». (3-й том вышел в 1926 году).

Впрочем, и самому академику Радлову, когда он был далек от изыскания генеалогических и исторических корней якутов-урянхайцев, было хорошо известно, что монголы имя урянхай по преимуществу присваивают соютам. По крайней мере, в русском переводе радловской статьи «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии»<sup>142</sup>, мы читаем:

«Монголы называют татар северо-западной Монголии урянхай. Те же племена известны у русских под именем саянцев, а у алтайцев и абаканских татар под именем сойонг; в научных сочинениях называют их то сойоны, то сойоты».

Итак, по поводу научного откровения академиком Радловым прямых предков якутского народа в лице лесных урянхитов Рашид-Эддина, мы вынуждены признать, что оно основано на явном недоразумении и поразительном игнорировании исторически сложившегося географического и этнического наименования «урянхай», связанного с эпохой монгольского владычества, а также на невнимательном и поверхностном ознакомлении с обрывками труда Рашид-Эддина. В защиту академика Радлова мы можем дополнительно сообщить, что теория отождествления лесных урянхов Рашид-Эддина с якутами, впервые была высказана В. Ф. Трощанским в его работе «Эволюция черной веры у якутов»<sup>143</sup>. Трощанский писал: «Рашид-Эддин говорит, что ойн-урянха (лесные урянхайцы) жили в Северной Монголии»<sup>144</sup>.

«Слово «ой» в якутском языке означает отдельно стоящий лес. По замечанию Банзарова, слово «ой», употребительное только у монголов, принадлежало некогда и тюркам. Таким образом, можно признать, что якуты принадлежали к ойн-урянха». (Стр. 13). Дальше Трощанский доказывает, что ойн-урянха должны были смешаться с хоринскими бурятами, ибо в составе якутов существуют роды «хоро». Радлов усвоил и это положение Трощанско-

---

<sup>142</sup> Томск, 1887 г. Перевод с нем. неизв. автора, стр. 11.

<sup>143</sup> Казань, 1902 г., стр. 12—17.

<sup>144</sup> Ссылка на Банзарова «Черная вера» и друг. статьи. Спб., 1891 г., стр. 82.

го о смешении якутов с хоринскими бурятами, впрочем, без прямой ссылки на его труд.

Трощанский, судя по его работе, не имел возможности ознакомиться с текстами самого Рашид-Эддина и почерпнул сведение об его ойн-урянха, несомненно, из названной ранее статейки Банзарова «Об ойратах и уйгурах».

Чтобы закончить вопрос о Баргуджин-Тукуме, нам остается ознакомиться еще с одним источником эпохи создания Монгольской империи, в котором имеется указание на эту местность. Это, так называемая, «Секретная история династии Юань» (династия Чингиса в Китае), первоначально написанная на монгольском языке, но ставшая известной по переводу на китайский язык под заглавием «Юань чао ми ши». По мнению специалистов, составление этого сочинения относится к 40-м годам XIII стол., ко времени царствования сына Чингис-Хана Огэдая. Перевод на русский язык сделан Палладием Кафаровым и опубликован в «Трудах членов Российской духов, миссии в Пекине»<sup>145</sup>.

Неизвестный автор обработал в форме связного рассказа народные легенды, относящиеся к Чингис-Хану и его мифическим предкам, родоначальникам всего монгольского народа. Мы имеем в виду подробно использовать этот исторический источник во 2-м томе наших очерков в связи с уяснением происхождения якутов. В данный момент ограничимся разбором одного места, которое уточняет наше знание о местонахождении Баргуджин-Тукума.

В «Юань чао ми ши» рассказывается один эпизод из жизни Чингис-Хана. Когда Темучин (первоначальное имя Чингис-Хана) был еще маленьким удельным князем, находящимся в вассальной зависимости от кераитского хана Тооирила (Тогрул или Ван-Хан), меркиты похитили у него жену Борте. Темучин упросил Ван-Хана и своего друга Чжамуху помочь ему выручить жену из плена. Все три союзника со своими воинскими силами сошлись в верховьях реки Онон в урочище Ботохан Боорчжи, чтобы предпринять поход на меркитов.<sup>146</sup> Меркиты же состояли из трех частей: Меркит Дайир Усунь со своим народом жил «между реками Орхуань и Селянге» (*т. е. между Орхоном и Селенгой*), местопребывание Меркит Тохтоа было на Килхо, притоке Селенги (р. Хилок в Верхнеудинском уезде, впадает в Селенгу справа), и Хаатай-Дармала занимал какое-то урочище Харачжикээр (53 стр.). Очевидно, меркиты владели всем течением Селенги и горно-таежным районом, заклю-

---

<sup>145</sup> Т. IV. СПб., 1866 г.

<sup>146</sup> Там же, стр. 54.

ченным между Косогол, Байкал и Селенга с глубоким тылом в Дархатском крае, долине Джиды, Хамар-Дабане и т. д.

Союзники, наступая с верховьев Онона, нападают на Тохтоа Меркит, переправившись через р. Хилок. «Здесь они захватили жен и народ Тохтоа». «А Тохтоа и Дайир Усунь с несколькими спутниками без всего бежали вниз по реке Селенге в Бархучжинь».<sup>147</sup>

Так как в этом сочинении мы имеем дело не с показаниями очевидца, а с пересказом народных преданий о делах «давно минувших дней»<sup>148</sup>, то при толковании те или другие места, конечно, нельзя понимать буквально. Мы должны использовать лишь общие мысли легенды, которые можно сжать в следующих простых положениях. Союзные войска блокируют меркитский народ с юга и юго-востока, со стороны верховьев р. Онона (где обитал Темучин) и верховьев р. Толы (район соврем. Улан-Батора, где была ставка кераитского хана), тесня меркитов к Косоголу, Хамар-Дабану и к южной части озера Байкала. И вожди меркитов, потерпев поражение, спасаются бегством в Баргуджин-Тукум, который должен находиться, само собой разумеется, где-то в глубоком тылу меркитов за Байкалом. Разве здесь Баргуджин-Тукум не является Приангарским краем?

Если согласиться с гипотезой проф. Н. Н. Козьмина, что Баргуджин-Тукум есть бассейн Онона и Керулана, то меркитским князьям пришлось бы спастись в логовище того самого медведя (Чингиса), который шел с твердым намерением растерзать их.

Еще один вопрос о лингвистическом истоке названия Баргуджин. Приурочивание страны, обозначаемой этим словом, к северо-восточной стороне Байкала, как мы знаем, академик Радлов подкрепляет ссылкой на наличие реки Баргузин. Даже больше того, и степь, и тайга, и город, и уезд, и даже ветер, дующий с восточного берега Байкала, действительно запечатлели на себе это самое имя. «Баргуджин» и «Баргузин», в самом деле, созвучие полное. Вряд ли найдется лингвист, который прошел бы мимо этого поразительного тождества. Еще Д. Банзаров в той статье, на которую мы неоднократно ссылались, сопоставлял эти имена. «Имя Баргу сохранилось доселе в названиях баргу-бурят и Баргузин (река, на которой стоит Баргузинск, город Иркутской губернии)»<sup>149</sup>.

<sup>147</sup> Там же, стр. 55.

<sup>148</sup> Акад. Бартольд даже называет это сочинение «богатырским эпосом». См. его статью «Образование империи Чингис-Хана». Зап. Вост. отд. Имп. русск. арх о-ва. Т. X, 1896 г., 105—119 стр.

<sup>149</sup> См. Банзаров. Там же, стр. 82. прим.

И мы не возражаем против того положения, что между названием г. Баргузинска со всеми его приложениями и историческим Баргуджин-Тукумом монгольских сказаний и летописей, имеется какая-то неразгаданная связь. Но по поводу глубокой исторической давности имени Баргузин, прилагаемого ко многим объектам в области северо-восточного берега Байкала, мы имеем основание усомниться. Спрашивается, не название ли Баргузинского острожка, поставленного в 1648 г., заразило все, что находится в его окружении?

А между тем лингвистическое происхождение этого русского географического названия устанавливается довольно просто. Дело в том, что русские казаки при завоевании Восточной Сибири как бассейна Лены, так и Ангары, имели обычно «вожами»-путеводителями местных тунгусов, которые, испытав положение малого и угнетенного народа у якутов и бурят, легко переходили на сторону русских и служили последним верою и правдою. Так, например, первые якутские воеводы проездом из Енисейска в Якутск составили в 1640 г. подробнейшую роспись рек, земель и племен от Енисея по Ангаре, верхней Лене и вокруг Байкала<sup>150</sup>. Самую подробнейшую информацию о кочевьях бурят, тунгусов и монголов в районе Прибайкалья дает воеводам тунгусский князец Можеуль, род которого бродил в верховьях Лены от р. Илги до Куленги. Да и по многим другим актам «вожами» казаков при объяснении бурят, как на севере якутов, служили тунгусы. Сами казаки, придвинувшиеся на восток из бассейна р. Енисея, из местных языков могли владеть только тунгусским. Вот почему многие географические имена и племенные названия порусской истории в Восточной Сибири часто обязаны своим происхождением этому случайному источнику. Возьмем, например, имя «якут», обязанное своим историческим бытием тунгусскому «йокуо», под таким названием якуты-саха были известны тунгусам. Это тунгусское имя тотчас же окопалось в названии острога, основанного казаками в самом центре Якутского края и приобрело полное право гражданства. Еще аналогичный пример — «Лена», имя третьей великой реки Сибири. Может быть, многие воображают, что это имя принадлежит самим якутам, населяющим в подавляющей массе бассейн Лены. Ничуть не бывало. В центральном Якутском округе очень трудно найти якута-простолюдина, который знал бы общепринятое название своей реки. Пишущему эти строки только на Вилюе по мере передвижения к его верховьям пришлось с удивлением встречать якутов, кото-

<sup>150</sup> См. доп. к Ист. Акт. Т. 2. №№ 88-90, стр. 243-248.

рым знакомо имя Лена. Очевидно, и в этом довольно громком имени мы имеем дело с каким-то тунгусским лингвистическим подарком. К сожалению, загадка этого географического названия, по-видимому, остается неразрешенной в науке.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что туземные народы Сибири вообще избегали давать собственные имена большим рекам, которые, по их древним религиозным понятиям, пользовались престижем особой святости. Как *sacre* многоводные реки обозначаются почтительно нарицательными именами — «бабушка», «госпожа» или просто «река», «большая река». Например, река Енисей у турецких племен слывет под названием «Кэм», «Ким», что значит река. Правые притоки Енисея, три Тунгуски, вне всякого сомнения, окрещены казаками. Река Яна у якутов тоже оставалась безымянной, ибо «Джаангы» — название не реки, а всей страны за Верхоянским хребтом. («Джаангы» в якутском языке является пережитком из тунгусских наречий и прежде всего значит — горный хребет, голец). Точно также и имя «Вилюй» («Бюлюю») обозначало не реку, а страну и ее якутское население. Вот почему большинство сибирских рек попало на карту под случайными наименованиями, подсказанными первой подвернувшейся ассоциацией порусского происхождения. Следовательно, связь географического имени «Баргузин» с туземным названием реки является более чем сомнительной. Что это слово по своему происхождению является тунгусским, не приходится сомневаться, но оно получило прочное бытие в период порусской истории лишь благодаря названию острога, основанного казаками, а не реки.

Теперь мы имеем возможность разгадать первоначальный смысл и значение этого весьма интригующего нас географического имени. Составитель «Тунгусо-русского словаря» Е. И. Титов у тунгусов рода киндигир, бродящих на север от Байкала, зарегистрировал такие речения:

«Амутбаргииджин» — за озером; «амут» значит озеро, а «баргииджин» — той стороной.<sup>151</sup> Русские казаки, конечно, не сразу перешли на восточный берег Байкала.

Они некоторое время должны были задержаться на западном берегу. По Фишеру, первые казачьи походы по Байкалу состоялись в 1643 г. Пятидесятник Курбат Иванов нападает на ольхонских бурят и снаряжает Скороходова с 36-ю человеками «идти вдоль Байкала до верхней Ангары и усмирить тамошних тунгусов». «Он пошел далее к р. Баргузину, то нашел других тунгусов,

---

<sup>151</sup> См. стр. 9 и 17.

коих не так легко победить было возможно, а именно степных тунгусов».<sup>152</sup>

Казачи на западной стороне Байкала задержались свыше десяти лет, причем наступают за Байкал через север, где на западном и восточном берегу обитали тунгусы. Ясно, конечно, что они со своими тунгусскими вожами и переводчиками шли... Куда? Да, в тунгусский «баргииджин», т. е. на тот берег озера Байкал. Западные тунгусы восточный берег Байкала, где в районе Баргузинских степей и тайги проживали тунгусы-скотоводы, м. б., с небольшой примесью монголов или бурят, на своем языке и в своей узкой среде должны были обозначать как потустороннее, т. е. Баргииджин. Таким образом, на основе лингвистической привычки тунгусских обитателей западного берега Байкала их восточное визави должно было получить новое крещение: и леса, и горы, и доли, и город, и река покрыло одно слово «Баргузин».

В итоге наших рассуждений получается сравнительно простой вывод: имя «Баргузин» есть ничто иное, как хорошо известное нам обобщающее географо-областное название «Забайкалье», только в переводе на северо-байкальский тунгусский диалект. Как мы теперь не можем обойтись без термина «Забайкалье», так и первые завоеватели края, по укреплении своей власти на западном берегу Байкала бросавшие жадные взоры на его восточный берег, безусловно ощущали потребность в таком обобщающем имени. Так как на первых порах международным и дипломатическим языком для завоевателей служило тунгусское наречие, то нужное слово проще всего было позаимствовать у тунгусов. В виде иллюстрации к изложенному приведем отрывок из одного акта того времени:

«В прошлом 173 (1665 г.) году, проведав накрепко и прослышав допряма от баргузинских иноземцев, ясачных тунгусских людей, про великую Селенгу реку и про отъезжих брацких людей, которые иноземцы великим государем изменили и отбежали от нижнего Брацкого и Балаганского острогов к мунгалам...»<sup>153</sup>

В этом абзаце наше внимание задерживают на себе три момента: во-первых, осведомителями обо всем Забайкалье выступают тунгусские люди, во-вторых, у нас нет уверенности в том, что эти «баргузинские иноземцы» обязательно должны равняться жителям реки Баргузина, а не того берега вообще, пока что ограниченного областью Баргузинского острожка, в-третьих, туземцы, отбегающие от великого государя в разные места, туземцы, систе-

<sup>152</sup> Фишер. Стр. 547-548.

<sup>153</sup> Цитируем по М. Н. Богданову «Очерк истории...» и т. д., стр. 53.

матически очищающие территорию, закрепляемую за завоевателями, не во всех случаях будут иметь возможность завещать русским местные географические названия. Вот почему обитатели Баргузинского острожка, «не проведя накрепко и не прослышав допряма», как именовали туземные люди реку, протекающую мимо своего острожка, могли назвать ее по-своему: острог Баргузин, пусть и река будет Баргузин.

В дальнейшем по мере изжития следов влияния на язык завоевателей тунгусских проводников по неведомому краю и локализации имени Баргузин за первым острожным округом на том берегу, вне всякого сомнения, должен был одержать победу русский синоним того же имени, т. е., «Забайкал-Забайкалье».

Таким образом, мы установили, что русский «Баргузин», как широко известный географический термин не древнее эпохи русского завоевания. Если до того немногочисленные тунгусы западного берега Байкала могли именовать в своем кругу его восточный берег «Баргуджином», то не могли оставаться в долгу восточнобережные тунгусы, для которых и западный берег Байкала был ничем иным, как тем же Баргуджином.

Но, однако, в изложенной новинке порусской истории, несомненно, старина местная сказывалась. Лингвистическое истолкование первоначального значения русского географического имени «Баргузин» устанавливает факт крупной исторической важности, а именно, то обстоятельство, что и древний Баргуджин монгольских исторических преданий должен был родиться в тунгусской среде. В период порусской истории понятие «Забайкалье» помещается на восточном берегу Байкала, ибо русские завоеватели двигались с запада на восток. А Баргуджин монгольских летописей существовал у степных монголов, когда народы-завоеватели двигались с востока на запад. Иными словами, для них наше Предбайкалье должно было слыть как Забайкалье и, наоборот, наше Забайкалье было у них Добайкальем. Значит, «Баргуджин» для обитателей древней Халхи был равносителен термину «Забайкалье, та сторона Байкала, его северо-западный берег». Здесь отчетливо разъясняется смысл тех мест в истории Рашид-Эддина, где говорится, что Баргуджин-Тукум находится «по ту сторону Селенги» или «на краю отдаленной обитаемости». В устах осведомителя персидского историка эти слова, несомненно, выражали понятие «Забайкалье», ибо область Селенги равнялась Добайкалью, но это обстоятельство историк, очевидно, плохо усвоил.

Вторая часть имени «Тукум» как будто не вызывает никаких сомнений. Банзаров придает этому слову значение «область». (В монгольском словаре

Бимбаева — «тухум» — полоса земли, проход). Банзаров первую часть «Баргуджин» переводит через «западный» (от монгольского слова «баруун» — правый, западный). В связи с нашим вышеизложенным анализом мы вынуждены отвергнуть толкование Банзарова, ибо «баруун» и «Баргуджин» слова разные и далекие друг от друга. Монголы Приангарский край привыкли именовать не западной, а северной стороной Байкала, поэтому термин «западная область» для него не подходит.

Как видим, вопрос с Баргуджин-Тукумом представляет из себя довольно сложную научную проблему. Разные ученые авторитеты толкуют это имя по-своему, используя отдельные выражения древних авторов и всякие привходящие обстоятельства. Безусловно прав был покойный бурятовед М. Н. Забанов, который говорит:

«К сожалению, местонахождение Баргуджин-Тукума до сих пор исследователями не установлено и это обстоятельство создает значительную путаницу в определении тогдашней территории бурят».<sup>154</sup>

Сам Забанов не берется за самостоятельное разрешение этой проблемы, хотя и догадывается, что Баргуджин есть Приангарье: «Если пределы Баргуджин-Тукума обозначить в Приангарье, приблизительно, в рамках теперешних южных пределов Иркутской губ., то, м. б., буряты уже тогда жили в своих теперешних пределах». Вслед за этим автор пишет: «Последнее слово по данному вопросу мы предоставляем нашим более квалифицированным специалистам и историкам-востоковедам, имеющим за собою стаж и опыт многих лет». К этому пожеланию присоединяемся и мы, ибо правильное разрешение этого вопроса очень важно не только для истории бурят, но и якутов.

Баргуджин-Тукум в монгольских преданиях играет очень важную роль. Обычно туда бегут из степной Монголии разбитые на войне герои или провинившиеся пред выше стоящими. Таким образом, Баргуджин-Тукум в истории воинственной Монголии играет роль места убежища для всех обиженных и обездоленных элементов. Это — своеобразное место добровольной ссылки. Мы уже раз заявляли, что исторические законы и факты, устанавливаемые для эпохи почингисовой Монголии, мы вправе распространить и на древнетурецкую Монголию. Поведение политика и тактика людей должны подсказываться физико-географическими условиями края, его топографией, путями сообщения, расположением гор, лесов и морей, а не наоборот. Сле-

<sup>154</sup> «Бытовые черты в эпических произведениях эхрит-булагатов». Стр. 22

довательно, Баргуджин-Тукум монгольских преданий, конечно, не переставал играть роль той же отдушины, места убежища и добровольной ссылки также и для народов древней турецкой Монголии. Вместе с тем мы можем уяснить и осмыслить процесс постепенного исторического сложения как бурятского, так и якутского племени. Как баргу-буряты, первоначально состоящие из немногочисленного и культурно отсталого ядра эхирит-булагатов, за время длительного существования степного Монгольского государства постепенно должны были пухнуть и расти от постоянного прилива беженцев из Халхи, точно так же и окраинные вилюйчане, обосновавшиеся в глубокой древности в Баргуджине-Приангарье, должны были принимать и растворять в себе непрекращающийся поток беженцев из восточных пределов степной турецкой Монголии.

Таким образом, население Приангарья в силу его исторической роли служить отдушиной для соседней Монголии, должно было постоянно испытывать на себе все перипетии его политических судеб, падения и величия заполняющих его воинственных народов. Каждая новая эпоха и важные перемены в судьбах степняков так или иначе должны были ощущаться приангарцами. Если народы степей, объединившись под единою властью, наступали на своих соседей и достигали благополучия, то приангарцам, конечно, жилось вольготно и привольно. Если монгольские степи раздирались междоусобными спорами сильных родов, то благополучию приангарцев приходил конец. А эти распри возникали в Монголии довольно часто и нередко принимали характер хронической болячки. В таких случаях побежденные роды или даже просто благоразумные элементы спасались бегством. Куда? Да в тот же самый Баргуджин-Тукум, за Байкал, в Приангарье, где жилось, относительно говоря, спокойнее. Но эти воинственные пришельцы, если они вливались большими массами и со своими наследственными вождями, конечно, не могли давать спуску отсталым туземцам. Во-первых, они, конечно, занимали самые лучшие места. Во-вторых, явившись из политического центра монгольских степей, где постоянно царил деспотизм господствующего класса, они неизбежно должны были проявлять те же замашки в отношении старожил, обращая их в своих безропотных подданных. Следовательно, политическая эксплуатация туземного и старожильческого народа, собирание с него пушной дани, а иногда и простое ограбление должны были процветать в тогдашнем Баргуджине.

Великое горе и подлинное светопреставление должны были навещать время от времени приангарцев., если там на старых властителей Монголии

наступал новый и сильный враг, намеревающийся занять обширные степи Халхи, являющиеся командующим стратегическим плацдармом всей Монголии. Если даже враг будет отбит после длительной и тяжелой борьбы, то поток беженцев в Приангарье, несомненно, нарастал во много раз больше против обычной нормы. А если наступающий враг одерживал полную победу, и в Монголии происходила смена господствующих народов и династий, то неизбежно в Приангарье нужно было ожидать коренной ломки старой налаженной жизни. Остатки разбитых владык степной Монголии не преминут нахлынуть в Приангарье неудержимой лавиной. Тут уже о милости и пощаде не может быть и речи: спасайся, кто может, или, как говорят якуты «атахха биллэр», т. е. предоставь решить дело ногам (их быстроте).

Разбираясь в причинах переселения якутов на север, мы раньше как то выразились, что «движущий мотор якутской истории был прикреплен назад». Вот тут-то мы и подходим вплотную к тому самому «пропеллеру», который гнал постепенно якутский народ в ленские дали. Следовательно причины всех крупных и основных сдвигов якутов на север кроются в истории древней степной Монголии, ибо все газовые вспышки, играющие роль толкачей, происходили внутри того самого мотора, имя которому «Монголия». Не изучив внутренний механизм этого мотора, условия его работы и известные этапы его истории, мы не сможем осмыслить прошлые судьбы якутского народа. Эту задачу мы откладываем до следующего тома наших очерков.

В самом центре якутского народа сохранились довольно интересные поговорки, которые знакомят нас с настроениями якутов древнего Предбайкалья. Их зафиксировал покойный этнограф и якутовед А. Е. Кулаковский:

1. «Бюлюю ологор дылы» — подобно вилюйскому житью-бытью (привольному и красному. Западно-Кангаласский улус.).
2. «Бюлюю тюгэгинээги кисини кынчарыйбыкка дылы» — подобно тому, как коситься на человека, находящего в глубине Вилюйского округа. О бессильной и безрезультатной злобе на отсутствующего.<sup>155</sup>

Зачем якутяне стали бы завидовать, якобы, «красному и привольному житью» вилюйчан, если это говорилось в пределах современного Якутского округа? Очевидно, эта поговорка сохранилась в виде пережитка и в современных условиях звучит большим анахронизмом. В ней мы ощущаем тяжелый вздох якутов Приангарья, который невольно вырывался у них при каждом новом нажиме воинственной Монголии. Люди, уставшие от военных

<sup>155</sup> А. Е. Кулаковский. «Якутские пословицы и поговорки». Сборн. «Саха кэскилэ». Вып. II. 1925 г., стр. 30.

тревог и внутренних междоусобий, которыми сопровождался каждый прилив новых беженцев, воображали себе спокойное житие на дальнем севере в глубине вилюйских дебрей. И эти вздохи, постепенно нарастая, в конце концов выливались в исторические решения — покинуть навсегда беспокойные берега Ангары и Байкала.

Вторая поговорка не менее анахронична, ибо современный Вилюй для якутян — не бог весть, какая даль. Верхоянск, Колымск, Оймякон, Жиганск отстоят куда дальше от центра Якутского края, хотя и не удостоились чести попасть в народные поговорки, как образцы недостижимых углов. Значит, опять-таки эта поговорка создавалась в Предбайкалье в эпоху существования Вилюйской колонии, характеризуемой, как нам известно, «Кыйаар» — беспредельная даль.

Если успели создаться такие красочные поговорки, то нужно полагать, что разобщенное существование вилюйчан и якутян, первых на севере, а вторых на юге, продолжалось очень долго, вероятно, несколько столетий.

### **3. СМЕНА НАРОДОВ В ПРИАНГАРСКОМ КРАЕ**

Вслед за твердым установлением в истории Рашид-Эддина географического термина Баргуджин-Тукум, как древнего названия Приангарья с общим значением «Забайкалье», мы можем легко определить и состав его населения в эпоху возвышения чингизидов. Оно было сплошь монгольским, а самые ближайшие к ним турки «лесные урянхай» оказались совсем не якутами, а урянхайцами-сойотами. (Напоминаем «чана» — лыжи и «алачык» — шалаш). Так как Приангарье рассматривается нами как последнее убежище якутов в Южной Сибири, то мы приходим к единственно возможному выводу, что последние остатки якутов эвакуировались в бассейн Лены несколько ранее эпохи возвышения монголов и появления их исторического Чингис-Хана, т. е., до начала XIII века.

Какие же монгольские племена обитали в тогдашнем Приангарье? По рассмотренным текстам Рашид-Эддина, чаще мелькают здесь тумэты, за ними баргуты, Хори, булагачины, керемучины, ойраты и один раз упоминается байлук.

Керемучин и булагачин звучат очень близко к известным нам именам «эхирит-булагат». Трудно сомневаться в том, что эти имена подверглись позднему истолкованию и дошли до ушей Рашид-Эддина осмысленными сообразно пониманию монголов Халхи. Собственные имена вообще плохо

запоминаются, без той или другой мнемонической зацепки трудно бывает удержать их в памяти. В самом деле, имя «булагат» могло произноситься правильно лишь в самом Приангарье, а в центре Монголии могли помнить его лишь по ассоциации с каким-либо известным словом или путать с созвучным словом. «Булагат» прежде всего ассоциируется со словом «булага» — «булаган» — соболя... Баргуджин-Тукум слывет как привольный край, где богатые охотничьи промыслы и откуда поступают дорогие соболя. И, конечно, неудивительно то, что проживающее там племя с соболиным именем в памяти центральных монголов переродится в «Булагачин», что по толкованию переводчика Рашид-Эддина Березина, имеет значение — «ловец соболей».<sup>156</sup>

Метаморфозой «булагата» в «булагачин» определяется дальнейшая судьба его близнеца брата «эхирита», для которого тоже нужно было подыскать близкое по ассоциации звуков охотничье прозвание. По монгольски белка — хэрмэн весьма созвучно с «э-хэрит», а отсюда один шаг до «хэрмэчин» или «кэрэмучин». (Березин там же: «Керемучин означает — ловец белок»). У самих северобайкальских бурят имена эхирит и булагат неразлучны, недаром в некоторых вариантах народных легенд родоначальники этих родов представляются близнецами братьями «ихири». (По-якут. «игирэ» — близнецы от турец. числит. два — ики-икки). И у Рашид-Эддина «булагачин и керемучин» неразлучны<sup>157</sup> и пишутся всегда рядом. Вот почему можно считать бесспорно установленным, что под этими двумя племенами разумелись именно предки современных эхирит-булагатов, составляющих и теперь большинство туземного населения Приангарья. От Ангары до родины Рашид-Эддина — приличная дистанция и нужно удивляться, что устная память тогдашних монголов донесла до ушей историка персидских гулагидов родовое прозвище маленького и окраинного народа очень мало искаженным. Булагачин вместо булагат. Можно ли упрекнуть мудрецов тогдашней Монголии за эту маленькую переделку «т» в «чин», чтобы чуждое слово не ускользнуло из памяти?

Современные эхирит-булагаты, со слов Рашид-Эддина, могут получить и более точные данные о местожительстве своих прямых предков в XIII веке и ранее. У него сказано прямо: «Они обитали в пределах Баргуджин-Тукума и на краю страны кыргызов»<sup>158</sup>. Историк дополнительно характеризует этот

---

<sup>156</sup> См. цитир. соч., стр. 255, прим.

<sup>157</sup> Там же, стр. 85, 88.

<sup>158</sup> Там же, стр. 88.

народ: «В этом государстве никто из них неизвестен, а также нет ведомых и славных мужей из этих племен».

Живут за Байкалом (в Приангарье) «на краю страны кыргызов» нельзя понять иначе, как проживание в лесистом и гористом водоразделе Ангары и Енисея, приблизительно в пределах современных Нижнеудинского и Канского округов. Действительно, это был район очень богатый соболями и белками.

Если в Приангарье раньше жили тумэты, хори и ойраты, то эхирит-булагаты не могли не тесниться на западной окраине Баргуджин-Тукума. Окраинное положение эхирит-булагатов легко доказывается своеобразием их мифологических и религиозных воззрений (например, производство себя от быка-пороза, Буха-Нойина и большая сохранность древнего шаманского культа), а также большими отличиями их наречия от остальных монгольских диалектов. Но мы вправе внести маленькую фактическую поправку в утверждение Рашид-Эддина. В страницы его истории, наверное, попало указание на исходное положение эхирит-булагатов, относящееся к дочингисовой эпохе, ибо с воцарением Чингис-Хана современное Забайкалье, несомненно, разредилось в своем населении. Монгольские племена, вовлеченные в походы чингисовых армий, должны были распространиться по всей ширине Монгольской империи. Следовательно, те племена, которые теснились в Баргуджин-Тукуме, могли перейти за Байкал и расположиться просторнее. Например, хори, которые фигурируют у Рашид-Эддина в качестве обитателей Баргуджин-Тукума, давно живут за Байкалом.

Проживание хоринцев в Приангарье доказывается приведенными ранее народными легендами о том, что Гур-Бурят, предок эхирит-булагатов, был родным братом Хоридай-Моргена, предка одиннадцати родов хоринских бурят. (По другому варианту — Хоридай и Бурядай). По преданию забайкальских бурят, записанному Ковалевским еще в 20-х годах XIX ст., общебурятский предок, монголо-туметский богатырь Баргу пришел с юго-запада и поселился на южном (восточном) берегу Байкала.<sup>159</sup> Сам М. Н. Богданов в другом месте пишет:

«А предания даже говорят, что хоринцы жили в старину на Ольхоне (остров на Байкале) и северной стороне Байкала»<sup>160</sup>. Кроме того, он же на основании актов эпохи русского завоевания устанавливает тот факт, что часть

---

<sup>159</sup> См. Богданов, стр. 2.

<sup>160</sup> Там же, стр. 48. На стр. 4-й автор приводит аналогичное предание тункинских бурят о хоринцах.

хоринцев жила в Предбайкалье даже в момент прихода русских, ибо «хоринцы» принимают участие в боях под Верхоленским острогом.<sup>161</sup>

Современные хоринцы делятся на две неравные группы: восемь агинских родов «агайн найман эсэгэ» и три рода, носящих название «хойто-хори» (в переводе «северные хоринцы»), составляющих Хоринский аймак<sup>162</sup>. Мы вправе допустить, что хойто-хори потому и названы «северными», что до прихода русских они оставались на северной стороне Байкала, тогда как агинские восемь родов переселились за Байкал в век Чингис-Хана или, м. б., и несколько ранее.

Указанное выше предание о происхождении агинцев интересно еще в том смысле, что связывает их происхождение с тумэтами. Современные агинцы уже забыли свое переселение из Приангарья, утратили также и понимание географического имени «Баргуджин», которое превращается у них то в название группы монгольских племен (хотя это понимание вполне закономерно, ибо название обособленной территории легко может превратиться в объединяющее имя для всех ее обитателей, ср. напр., «Бюлюю» — название страны и вилюйских якутов, как подотдела якутов), то в имя женщины — прародительницы.

«Агинские буряты свое происхождение приписывают монгольским племенам, жившим некогда в районе р. Селенги вблизи озера Байкала. Племена эти были известны под общим названием «Баргуджин-Тукум». Одна ветвь этих монголов именовалась тумэты; последние были очень богаты и знатны. Правитель тумэтского рода был Тайшин-Ноен. Слава и могущество его простирались далеко за пределы тумэтских кочевий. У него было три сына. Младшего из них звали Хоредой-Мэргэн, который имел трех жен. Первая жена по имени Баргудзин и т. д.<sup>163</sup>

Это доказывает проживание агинцев в Приангарском крае, древнее название которого в легенде превратилось в общее наименование всех монгольских племен, когда-то его населявших. Во-вторых, здесь мы находим доказательство и того, что в древнем Баргуджине господствующее положение занимали тумэты, которым подчинялись хори. (Легендарный предок одиннадцати хоринских родов Хоридай-Мэргэн оказывается в положении млад-

---

<sup>161</sup> Там же, стр. 47.

<sup>162</sup> См. П. К. Баторов. «Легенда о происхождении агинских бурят», «Бурятоведческий сборник». Вып. III—IV, 1927 г., стр. 71—72.

<sup>163</sup> См. Там же, стр. 71. Записано со слов бурята кости кубдуг Эринчи Сайсанова.

шего сына тумэтского властелина). Таким образом, легенда хоринских бурят вполне сходится со сказаниями вилюйчан о столкновении их предков с иноплеменным народом тумат. Если даже богатые скотом хоринские буряты находились в подчинении у тумэтов, то тем более окраинные эхирит-булагаты, ловцы соболей и белок, не могли быть независимыми от тумэтов. Следовательно, при столкновениях якутов с монгольскими племенами, последние должны были фигурировать под общей кличкой командующих тумэтов.

У современных северобайкальских бурят сохранилось довольно отчетливое легендарное воспоминание о подчинении их тумэтским властелинам. По Рашид-Эддину, фамильное прозвище главы тумэтов — «Тайтула-Сухар»:

«Тумэты было племя и войско чрезвычайно воинственное. Глава их Тайтула-Сухар пришел на службу к Чингис-Хану, подчинился и покорился. Когда Чингис-Хан занимался покорением страны Китайской, оставаясь там в продолжение 6 лет и возвратился назад, услышал, что тумэты вторично возмутились... Он (Ч.-Х.) отправил Бургул-Нойона... Они имели большие битвы и покорили племя тумэт, но Бургул-Нойон был убит в сражении, так как они были племя злодейское и злонамеренное, то множество из них убито»<sup>164</sup>.

М. Н. Хангалов среди балаганских бурят записал и опубликовал очень интересное предание о Сухэр-Ноене и Гэнэн-Худакте. Ознакомившись с содержанием этой легенды, в Сухэр-Ноене нетрудно узнать обобщенный образ вождей тумэтского народа, занимавшего степные районы Приангарского края и собиравшего пушную дань с охотников эхирит-булагатов. До разбора легенды бурят об их взаимоотношениях с тумэтами нам необходимо ознакомиться с историческими судьбами последних.

В настоящее время тумэты живут во Внутренней Монголии, где входят в состав Джосотуского сейма (два хошуна. Монгольский хошун равняется приблизительно якутскому улусу). Окитаившиеся тумэты, по словам А. Д. Руднева, имеются там же в Улан-Цабском сейме. Переселение тумэтов на юг, по видимому, произошло при Чингис-Хане, ибо они, по показаниям Рашид-Эддина и «Юань чао ми ши», неоднократно возмущались и были усмиряемы с большими жестокостями. Выселение их из Баргуджин-Тукума, вероятно, было одной из предупредительных мер, а также и наказанием. По Рашид-Эддину, тумэты и ойраты хотя и показываются в числе обитателей Баргуджин-Тукума, но из ряда его конкретных описаний видно, что ойраты за-

---

<sup>164</sup> Там же. Введение, стр.88.

нимали бассейн верхнего Енисея в пределах Урянхайского края, т. н., восьмиречие, образующее реку «Кэм»<sup>165</sup>. При этом историк заявляет: «В древности на тех реках обитало племя тумэт».

Проживание ойратов в Урянхае устанавливается также маршрутом монгольского войска, посланного Чингис-Ханом в 1207 г. для покорения енисейских кыргызов под начальством его старшего сына Джучи. Отряд выступил из Хэлиня (Каракорум), весной дошел до реки Кянь (Кэм).<sup>166</sup> Когда Джучи дошел до места Шихшит (река Шишкит, левый приток Хуа-Кэма в Урянхайском крае), ему покорились «ойра» (ойраты), тубасы (урянхайцы — «туба») и многие др. роды. «От ойра до кэргисы было пять переездов».<sup>167</sup>

Из «Юань чао ми ши» мы узнаем, что Чингис-Хан после подчинения обитателей Урянхия и киргизов южного Енисея отправляет другой отряд под начальством Бороула для покорения холи-тумат (хори-тумат). Бороул с отрядом попал в засаду и погиб. Ясно, конечно, что хори-туматы должны были жить на севере по соседству с Урянхаем в Баргуджин-Тукуме. До Бороула к туматам были отправлены еще хорчи и глава ойратов Худука-Беки, «как хорошо знавший лесной народ», и оба попали в плен к туматам. Усмиряет туматов только третий отряд, посланный под начальством Дорбо-Дохшина.<sup>168</sup>

Приведенные факты устанавливают проживание хори-туматов в Приангарском крае за озером Байкал, ибо подчинение добайкальских племен Чингис не мог бы отсрочить до завоевания Урянхайского края. Неудачи монгольских отрядов в борьбе с туматами, несомненно, обусловлены дальностью их местожительства, неизвестностью дорог и т. д.

Непосредственное соседство Баргуджин-Тукума с Урянхаем вытекает также из того факта, что вызывается идти на туматов глава ойратов Худука-Беки, как хорошо знающий лесной народ. Очевидно, в дочингисову эпоху ойраты Урянхия находились в деятельных сношениях с хори-туматами Приангарья.

Теперь ознакомимся с элементами бурятской легенды о Сухэр-Ноене. Так как туматы ушли в Монголию, а сами эхирит-булагаты из Канской и Нижнеудинской тайги придвинулись на восток и заняли степные места, бывшие ранее во владении туматов, то бурятская легенда, само собой разумеется,

---

<sup>165</sup> Там же, стр 78—79.

<sup>166</sup> Здесь «Юань чао ми ши» цитир. по прим. 498 переводчика.

<sup>167</sup> Юань чао ми ши, стр. 131.

<sup>168</sup> Там же, стр. 132.

своего Сухэр-Ноена помещает в Монголии, где, якобы, он находился в подчинении у монгольских ханов.

«Буряты, жившие по северную сторону Байкала, делали набеги в Монголию и угоняли у монголов скот, которого у бурят было мало, а также добывали здесь разные украшения, выменивая их на звериные шкуры».

Монгольские ханы, желая подчинить бурят, посылают двух лам, одного из которых зовут Гэнэн-Худакта, а другого Сухэр-Ноен. «Эти лица должны были подчинить бурят и прекратить их набеги на Монголию и угон скота».

Здесь совершенно правильно обрисовываются взаимоотношения охотников эхирит-булагатов со скотоводами-туматами. Буряты обоих названных лам представляют елетами, т. е. калмыками-ойратами, что тоже намекает на туматов, принадлежавших к союзу западных монголов.

«Сухэр-Ноен... был из племени елет... был батур, т. е. предводитель, отличавшийся необыкновенной силой. С того времени, как он приходил, по преданию балаганских бурят, прошло 16 или 17 поколений. При нем было триста вооруженных человек или телохранителей».

«Цель его прихода была покорить бурят, обратить в буддийскую веру и заставить их платить дань дорогой пушниной».

Легенда заставляет Сухэр-Ноена с его воинами путешествовать по всей Бурятии... «Во время своего пути Сухэр-Ноен совершил над бурятами разные жестокости, будто бы наказывая и предсказывая будущее... Буряты разбежались от него по лесам, уходили вглубь тайги, и Сухэр-Ноен не нашел в крае жителей»<sup>169</sup>.

Сказание о Сухэр-Ноене среди бурят очень распространено. Мне удалось получить от П. П. Баторова аларский вариант этой легенды. Здесь «Сукор-Нойин» представлен богатым скотоводом, у которого одна бурятка с двумя малолетними сыновьями-двойнями служит батраком и пасет стада его овец. Сукор-Нойин присваивает имущество этой вдовы. Ее сыновья, возмужав, выручают мать из неволи, и похитив тысячу голов конного скота у Сукор-Нойина, убегают на север в Бурятский край. Сукор-Нойин гонится за беглецами и тоже в разных местах творит всякие насилия над бурятами. Весьма возможно, что в лице двух братьев-близнецов когда-то фигурировали Эхирит и Булагат, легендарные прародители северобайкальских баргу-бурят.

<sup>169</sup> См. «Сказание бурят, собран. разными собирателями». Зап. Вост.— Сиб. отд. ИРГО по этн., т. I, вып. 2, стр. 108—112

В предыдущих главах в процессе работы над материалами якутского героического эпоса мы уже научились расшифровывать и уяснять исторический смысл сжатых и суммарных образов народных сказаний. Мы знаем также обычную анахроничность легендарных представлений во времени и в пространстве. Прилагая известные нам методические масштабы к бурятским сказаниям о Сукор-Нойине, мы приходим к следующим историческим заключениям:

1. Два отдела северобайкальского бурятского народа, олицетворенные в образе их предков-эпонимов, близнецных братьев Эхирита и Булагата, в древние времена в пределах своего Приангарского края жили под тяжелым гнетом богатого скотом тумэтского народа, олицетворенного в образе его княжеской фамилии—Сукор-Нойина.

2. Скотоводы-тумэты должны были занимать степные районы Приангарья, тогда как эксплуатируемые ими охотничьи племена, эхириты и булагаты, из которых они вербовали себе «батраков и пастухов», теснились в таежных и промышленных окраинах или, как гласят легенды самих бурят,— «разбежались по лесам... и уходили вглубь тайги».

3. Позднейшее обогащение скотом эхиритов и булагатов в связи с занятием ими освободившихся после тумэтов степных мест Приангарья в народных сказаниях переживается как обратное отображение возмужавшими братьями скота, ограбленного прежде у их бедной матери-вдовы властелинами тумэтского народа.

4. Бурятский народ в своих легендах не может уяснить себе переселение тумэтов куда-то вглубь степной Монголии и проецирует место развертывания событий своей собственной истории по месту позднейшего проживания тумэтов или же, представляя себя владельцем всех своих современных земель, допускает нашествие Сухор-Нойина с воинским отрядом, который учиняет разные насилия и жестокости над бурятами. В первом случае выселение тумэтов из Приангарья в легендарном сознании народа получает как бы обратное отображение в воображаемом бегстве бурят из степей Монголии в свой нынешний край.

5. Бурятские легенды удостоверяют также и тот исторический факт, что древние тумэты были в составе западных монголов-элэтов.

Таким образом, монгольские исторические летописи Рашид-Эддина, предания северобайкальских бурят и вилуйских якутов свидетельствуют вполне согласованно о проживании в Приангарском крае тумэтов или туматов, которые занимали здесь господствующее положение.

Мы имеем теперь ясное представление об этнической карте Южной Сибири и Урянхайского края в эпоху появления знаменитого завоевателя Чингис-Хана. Центральные степные части Приангарья занимают тумэты, имевшие в своём составе хори (предков современных хоринских бурят). В районе Нижнеудинского и Канского уездов живут предки Эхирит-булагатов. Урянхайский край (вероятно, и Прикосоголье) занимают ойраты совместно с туба-урянхайцами. В пределах южного Енисея властвуют кыргызы. Рашид-Эддин зафиксировал живое предание о том, что «в древности на восьмиречии, образуящем реку Кэм», т. е. в Урянхайском крае, до ойратов обитало племя тумэт. Здесь мы находим косвенное указание на то, что центральные части Приангарья были заняты каким-то другим народом, ввиду чего тумэты живут в Урянхое. Значит, при Рашид-Эддине еще помнили про переселение тумэтов из Урянхоя в Баргуджин-Тукум. Этим народом, освободившим Приангарье для тумэтов, могли быть только якуты, отступившие на север. Если мы предположим, что якуты Тыгына (якутяне) покинули Приангарье незадолго до появления Чингис-Хана, то оказывается, что они со всех сторон были окружены монголами: в Урянхое и в Прикосоголии жили тумэты и ойраты, лесистый водораздел Ангары и Енисея занимали эхирит-булагаты, а на восток от Байкала, само собой разумеется, находилось гнездо основного ядра монголов.

Мы раньше приводили список поколений, принадлежащих к составу дурбэн-ойратов. Кроме основных ойратских поколений к ним относят баргубурят и тумэт. Сообразуясь с местами расселения всех названных племен в эпоху возвышения Чингис-Хана, нетрудно понять, что секрет образования и обособления западных монголов заключается в якутской проблеме. Якуты когда-то в глубокой древности у озера Байкал разорвали линию монгольских племен на две части — западную и восточную. Но это обстоятельство в дальнейшем поставило якутов в крайне невыгодную позицию — между молотом и наковальней. Очутившись в зажиме между западными и восточными монголами, якуты, конечно, были вынуждены постепенно пятиться на север. И в классическом историческом сочинении Рашид-Эддина мы не нашли никаких следов пребывания якутов в Баргуджин-Тукуме.

До окончательной эвакуации на Лену якуты, несомненно, имели жестокие схватки с западными монголами, которые должны были нажимать на них с Урянхоя, Прикосоголья и с запада. Ойраты и тумэты не могли забыть, что якуты в период раннего засилья турецких племен отобрали у них древнюю родину Баргуджин-Тукум.

Характерно то, что названия некоторых ойратских племен у якутов превратились в ругательные слова. Мы знаем, что калмыков нередко именуют «элэт» по названию одного из их главных племен.<sup>170</sup> Урянхайцы это слово произносят «ёёлэт»<sup>171</sup>, что нужно рассматривать как стяжение более древнего «үгэлэт». «Елет, элет» якуты превратили в «илээт». Это — самая сильная ругань с весьма неопределенным содержанием. Э. К. Пекарский, по своим источникам, констатирует целый ряд разных непохвальных качеств, вкладываемых в это слово: злодей, шулер, жулик, шарлатан, распутник, расточитель, мот, мотыга, люди худой крови, худых предков.<sup>172</sup> Пекарский склонен образовывать якутское «илээт» от русского «ляд». Это, конечно, крайне искусственная теория, ибо «лад» даже в самой русской среде не особенно популярное и известное слово, тогда как якутское «илээт» известно каждому подростку.

Имя кровных врагов якутского народа легко могло превратиться у них в синоним самой крепкой ругани, в которой заключены «все качества» от злодея до распутника (-цы).

Мы знаем, что монгольские племена, жившие к западу от Байкала были известны также под общим названием «баргуты» или «буруты», что будто бы значило когда-то «дикий и темный человек». Знатоки бурятского языка говорят нам, что «бурут» есть ранний вариант имени «бурят». А в якутском языке слово «бурут»<sup>173</sup> точно также получило далеко не похвальный смысл. По грамматической конструкции ряда аналогичных глагольных образований, например, ыттыыр — кустуур, буруттуур, последнее слово, собственно говоря, имеет значение — «именовать кого-либо бурутом», что во всяком случае не обрадует того, к кому адресовано. Очевидно, древний якут, если желал обидеть кого-либо из своих соплеменников, говорил: «Эх ты, бурут». Обиженный, конечно, скажет: «Миигин буруттаата, бурукка холоото» — обозвал меня бурутом, сравнил с бурутом. В этих лингвистических фактах мы находим хорошую иллюстрацию древней национальной политики. Якуты в своих богатырских былинах все враждующие с ними племена называют «абаасы» — черти и бесы. Поэтому и не удивительно, что они имя самых окраинных монголов, с которыми приходилось часто враждовать, превратили чуть ли не в синоним понятия обида, словесное поношение. Описанное явление свиде-

<sup>170</sup> По словам Иак. Бичурина, западные монголы-ойраты по стране называются чжунгарами, по народности элютами, по союзу ойратами. См. «Историческое обозрение ойратов». Стр. 17.

<sup>171</sup> См. Катанов. Опыт иссл. урянх. яз. Прил., стр. 157.

<sup>172</sup> См. Пекарский. Слов., стр. 913.

<sup>173</sup> К сожалению, сущ. имя «бурут» в полном словаре Пекарского пропущено.

тельствует о том, что древние якуты соприкасались с предками северо-байкальских баргу-бурятов.

Мы имеем лингвистическое доказательство и того, что в составе якутов имелись небольшие вкрапления бурутов. В слове «бурут» конечное «т» может исчезать, например, «бурукка» (дат. п.) от «буру(т)ка». («Т» ассимилировалось с «к» окончания). Следовательно, и глагол «буруу-саа» — угнетать (Пекарский переводит не совсем точно — досаждать кому словами или поступком), преследовать, гнать кого, произошел от того же корня «бурут» или «буруут». (Слово «баргут» сначала должно перейти в «буруут» и позже в «бурут»). Иными словами, «буруу-суур» первоначально должно было значить поступать с кем-либо из своих соплеменников так, как если бы он был из бурутов, т. е. всячески обижать, постоянно давить и угнетать точно ино-племенника. Обижаемый и угнетаемый якут должен был сравнивать свое положение с участью единичного бурута, очутившегося в якутской среде, и, отстаивая свои права, он мог говорить: «Я тебе не бурут».

Итак, якуты не только соприкасались когда-то с баргу-бурятами, но даже имели в своей среде единичных бурутов, чтобы, глядя на их печальное положение, образовывать новые слова и понятия с определенным содержанием, списанным с натуры. Текущая история безусловно давала много случайностей, когда среди якутов могли очутиться бурууты в качестве ли военнопленных или добровольных беженцев, спасавшихся от своих по совершении разных проступков или преступлений.

Современные буряты известны якутам под именем «бырааскай» (см. словарь Пекарского). Для какого человека, мало-мальски знакомого с фонетикой якутского языка, должно быть ясно, что «бырааскай» есть якутское произношение русского наименования «братский» (Ср. якут. «быраат» от русского «брат»). Значит понятие о бурятах якуты получили только от русских.

У ранних авторов, слышавших отрывки якутских легенд о переселении Омогоя и Эллэя из-за верховьев Лены, очень часто встречаются ссылки на то, что, якобы, по рассказам самих якутов, их предки уплыли по Лене, потерпев поражение от братских. Иногда и сами якуты вклинивают в свои предания имя народа «бырааскай». Из приведенного выше лингвистического факта тождества «бырааскай» с русским «братский», а также целого ряда данных по истории монголов и их передвижений через Баргуджин-Тукум, ясно устанавливается, что имя бурят — бырааскай в якутских легендах есть позднейшая контрабанда. Русские обыватели и бывалые якуты свои собственные домыслы и предположения облачают в форму народных легенд. Записав с

уст простого народа подлинные предания во многих вариантах, мы утверждаем, что у самих якутов нет и не может быть никаких легендарных воспоминаний о народе с именем «бырааскай». Древние якуты имели дело с туматами-тумэтами, елетами-илээтами и с бурутами-баргутами.

Так как западные монголы были аборигенами Предбайкалья (понятие «абориген» мы употребляем здесь условно, ибо древнейшими обитателями Предбайкалья, вероятно, были тунгусы), то значительные примеси их к якутам можно ожидать лишь в якутских авангардах, т. е. среди северных оленеводов, где мы нашли роды тумат, югюлээт, или в северо-восточном Вилюе, население которого переселилось на север вслед за якутами-оленьеводами. Объякученных буруутов в настоящее время возможно было бы установить лишь по родовым названиям, сохранившимся параллельно у якутов и северобайкальских бурят.

Среди бурят булагатского поколения еще в эпоху русского завоевания выступает довольно многочисленная группа, т. н. батулинцев. Историк бурят Н. М. Богданов пишет:

«В Кудинских степях (долина р. Куды, впадающей в Ангару справа ниже г. Иркутска), как и теперь, жили булагаты. В том же районе жили, согласно цитированным актам, и батулинцы. Кудинские буряты считают себя потомками Батлая, внука или правнуку Булагата... Название «батулинцы» относится к предкам нынешних кудинских бурят, являющихся одной из ветвей булагатов»<sup>174</sup>.

Среди якутов есть тоже свои «батулинцы». Это довольно многочисленный наслег в северо-восточном Вилюе под названием «Боотулу». (В офиц. докум. «Батулинский»). По данным 1891 г. в этом наслеге числилось 1684 д. об. п., а по 10-й ревизии — 1505 душ.<sup>175</sup> Это слово подчиняется оканию и аканию. Акающие произносят «Баатылы». Роды боотулу имеются также среди северных якутов в Жиганском улусе (два наслега), в Усть-Янском улусе (один наслег) и среди якутов озера Есей.

В эпоху завоевания якутов в казачьих документах нередко упоминается «Батулинская волость» и в пределах Якутского округа, например, в челобитной Петра Бекетова.<sup>176</sup> В настоящее время сохранился лишь один батулинский род в Кильдемском наслеге Западно-Кангаласского улуса.<sup>177</sup>

<sup>174</sup> Богданов. Там же, стр. 47.

<sup>175</sup> См. Памят. книжка Якут. обл. за 1867 г., стр. 114 и Серошевский «Якуты». Прил., стр. 683.

<sup>176</sup> Столбцы Сиб. прик. 368 — в списке обясаченных князей в п. 18 значится «Нигокоя Батулинской волости».

<sup>177</sup> 116 душ об.п. См. Соколов. Якутия по переписи 1917 г., стр. 12.

Несмотря на то, что подавляющая масса «боотулу» живет среди ранних вилюйчан и якутов-оленьеводов, они почему-то удостоились чести попасть в легенды якутян и, по-видимому, по недоразумению смешиваются с якутами Баягантайского улуса. По варианту легенды об Омогое и Эллэе, опубликованному В. Приклонским, предком Баягантайского улуса признается единственный сын раннего переселенца на Лену Омогоя, Баарагай Батылы Кэлтэгэй Тобук, о котором сообщается: «Терпел нищету и питался добычею, которую приносила черная собака».<sup>178</sup>

В записанных нами вариантах за потомством Омогоя тоже присваивается иногда наименование «боотулулар — кэлтэгэй тобуктар» или вообще «боотулулар». Об их легендарном предке, единственном сыне Омогоя, сообщается «лишился скота и впал в крайнюю бедность». Потом он пропитывается у своих богатых родственников «в качестве прожизвалыцика»<sup>179</sup> или «боги через шамана ответили, что скота у него не будет и что он должен пропитываться охотой и рыбной ловлей»<sup>180</sup>.

Очевидно, бедность батулинцев и их занятие охотой и рыбной ловлей когда-то были ходячей поговоркой среди якутов. Эти ассоциации, вполне гармонирующие с обычной участью покоренных иноплеменников, в связи с наличием батулинцев или батлаевцев среди баргу-бурят, заставляют нас признать в якутских родах боотулу объякученных бурутов. Раннее переселение их на север и распыление среди якутов-оленьеводов и ранних вилюйчан тоже говорят за их монгольское происхождение.

Мы, конечно, не уверены в том, что нами выявлены без остатка все якутские роды монгольского происхождения. Но тем не менее факт обнаружения всех родов монгольского происхождения в одном определенном районе говорит за то, что эти примеси к якутам были не особенно велики и не выходят за указанные нами пределы, т. е. северных якутов и ранних вилюйчан. Если общая численность тех и других не превышает 35—45 тысяч душ, то по равном распределении этого населения между тремя этническими группировками (тунгусы, монголы и якуты) мы не можем определить монгольские вкрапления к якутам свыше 15 тысяч душ.

Остальные отделы якутского племени, которые вливались в Баргуджин-Тукум значительно позже, не могли бы получить значительные монгольские

---

<sup>178</sup> В. Л. Приклонский. Три года в Якутской обл. «Живая старина»- 1890 г. Вып. II.

<sup>179</sup> Эллэйада. §§ 236, 3, 174.

<sup>180</sup> Дополн. к Эллэйаде. § 5.

примеси, ибо монголы должны были эвакуироваться до их прихода, а их отрезанные части уже войти в состав передних якутских родов.

Наличие в составе северных якутов и ранних вилюйчан монгольских пленников в корне отвергает гипотезу о том, что якуты были коренными обитателями Предбайкалья и что северобайкальские буряты являются здесь поздними пришельцами. В исторической действительности произошло как раз обратное явление. Предки якутов, наступая из южных монгольских степей в современном Забайкалье, должны были вклиниться в среду монголов, имея ойратские поколения на западе. В дальнейшем якуты, перейдя через Байкал, оттесняют хори-туматов и элетов в Прикосоголье и в Урянхай, а эхирит-булагаты, оторвавшись от своей ойратской массы, застревают между Енисеем и Ангарой. Отступление якутов на север вернуло хори-туматов в Приангарье. Эпоха чингисовых войн перебросила туматов в Южную Монголию и увлекла хоринцев в привольные забайкальские степи. Вот когда эхирит-булагаты очутились в положении единственных господ Предбайкалья и постепенно должны были разбогатеть скотом, хотя до недавнего времени они сохраняли обычаи и замашки охотничьего народа. В эпоху занятия якутами

Предбайкалья они, вероятно, были очень немногочисленным народом. Позднее, когда власть чингизидов пошла на убыль и в Монголии начались междоусобные распри среди потомков Чингис-Хана, Приангарье опять превратилось в убежище для беженцев из Халхи. Так постепенно сложились северобайкальские буряты, которые в эпоху русского нашествия вряд ли превышали 100 тысяч душ.

Знакомясь с бурятским наречием, их героическим эпосом, былинами, шаманизмом и т. д., нетрудно убедиться, что бытовая народная культура у бурят в ее современном состоянии не едина и не однородна. Эхирит-булагаты по своим культурно-историческим традициям резко отличаются от хоринцев и агинцев, тем более от селенгинцев. Даже в пределах Приангарья бурятское население отдельных обособленных районов, как, например, Тунки, Алари, Балаганских и Кулинских степей, бурятские поселения около г. Нижне-удинска столь сильно разнятся друг от друга по языку, что нужно изучать их порознь. Так, например, известный монголист и тюрколог Н. Н. Поппе, составитель «Учебной грамматики якутского языка», посвящая специальную монографию говору аларских бурят, заявляет:

«Бурятских говоров много, все они в известной степени отличаются друг от друга, а потому они должны исследоваться более точно, более подробно,

чем языки, являющиеся на всей территории своего распространения едиными, во всяком случае более едиными, чем бурятское наречие. Исследователь таких, более единых, единообразных языков может ограничиваться лингвистическим исследованием одного-двух мест всей территории распространения этого языка и обобщить свои выводы на весь язык. Для исследования бурятских говоров такой метод неприемлем. Мы заранее должны разбить территорию его распространения на отдельные клетки и изучать каждую клетку в отдельности, чтобы по-настоящему изучить все существующие говоры, действительного количества которых мы даже не знаем».<sup>181</sup>

А по поводу языка якутов разных округов: Якутского, Вилюйского, Верхоянского, Колымского и Олекминского, невзирая на их огромную территориальную разобщенность, еще ни один лингвист не делал подобных заявлений. Якутское племя, за исключением северных оленных якутов, представляет собой монолитное целое. До настоящего времени, как мы знаем, языковеды даже не могут установить наличие каких-либо обособленных говоров в якутском наречии с ясными и устойчивыми фонетическими признаками, за исключением акающих и окающих. А установление культурной обособленности вилюйчан от основной якутской массы по их героическому эпосу и религии, как мы видели, представляет собой довольно сложную научную проблему. Все это свидетельствует о том, что якуты со времен глубокой древности выступали как самостоятельное и прочно сколоченное культурно-этническое единство. Поразительное однообразие якутского языка и бытовых признаков, несмотря на расселение этого народа на огромном пространстве, лишенном удобных путей сообщения, вне всякого сомнения, свидетельствует о том, что все существенные показатели якутской культуры окончательно оформились в незапамятной древности. Безграничная и сплошная тайга Ленского края не могла способствовать объединению людей и образованию однородной культуры. Наоборот, она разъединяла их, клала между отдельными частями народа непреодолимые преграды. Рядовой якут Верхоянского округа никогда не мог видеть и сталкиваться с якутянином, не говоря о вилюйчанине и олекминце. Значит, якуты стали разбредаться по всем диким углам и таежным дебрям своей современной родины, окончательно сложившись в «якута» в полном смысле этого слова, а в особенности в отношении их языка.

---

<sup>181</sup> Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. I. Ленинград. 1930 г., стр. 2—3.

Теперь мы вправе критически подойти к теоретическим построениям знаменитого тюрколога, академика В. В. Радлова о происхождении якутского языка и народа. Как мы излагали в своем месте, он утверждает, что якутский язык со всеми его лингвистическими особенностями является историческим новообразованием и что само якутское племя сложилось лишь после эпохи возвышения монголов в результате механического смешения монголов, тюрков и еще третьего этнического элемента «ни турецкого и ни монгольского происхождения». Этот третий элемент в составе якутского народа Радлов усматривал в «Ойн-Урянха» Рашид-Эддина, который, якобы, обитал на северо-востоке от Байкала. Таким образом, обособленное существование одной части якутов, признаваемой их основным и первоначальным ядром, констатируется документально еще в конце XIII в. нашей эры. До этой даты Радлов предполагает монголизацию этих урянхитов. Значит, к концу XIII века в якутском языке и культуре заключались «У + М» элементов. Причем, нужно иметь в виду, что это смешение и объединение урянхайских и монгольских начал происходит в лесах и непроходимых горных хребтах Витима и Олекмы. Дальше, рассуждает Радлов, в эпоху возвышения монголов несокрушимым натиском последних с востока из Приангарья вытесняется на север в область обитания урянхае-монгольского народа часть турецких племен, совершенно похожих на енисейских кыргызов, карагасс, сойот, и вот в области тех же лесных и горных дебрей на двухсоставный народ налегает новый турецкий слой и происходит окончательная консолидация якутского народа в новотурецкий тип из элементов «У + М + Т». По Радлову, последняя метаморфоза «отуречения» урянхае-монгольского народа произошла, приблизительно, с половины XIII столетия.<sup>182</sup> Но удивительнее всего то, что, по мнению академика Радлова, якутский язык к моменту прихода русских уже принял свои современные формы:

«Язык якутов еще в XVII веке был совершенно таким, каким представляется он нам теперь, что доказывается напечатанным Николаем Витценом в Амстердаме текстом молитвы «Отче наш».<sup>183</sup> Иными словами, в течение 300—400 лет, истекших после появления Чингис-Хана, произошло полное слияние урянхайских, монгольских и турецких элементов в одно монолитное и однородное единство. И все это происходит в такой обстановке, где, казалось бы, ничто не побуждало носителей элементов «у», «м», «т» ко взаим-

---

<sup>182</sup> Радлов. Там же, стр. 55—56.

<sup>183</sup> Там же, стр.2.

ным столкновениям и смешениям. Вряд ли можно усомниться в том, что урянхайцы, монголы и турки, очутившись в указанном географическом районе, оставались бы прозябать каждый в своей трущобе. Если с западной стороны Байкала двигались на север турки-скотоводы, то им незачем было бы беспокоить оленеводов и охотников бассейна Витима и Олекмы, ибо скотовод должен пасти своих коров и лошадей совсем не там, где бродят оленеводы и охотники. С другой стороны, и последним не было нужды обращать внимание на турок, передвигавшихся с конями и коровами по травянистым местам бассейна Лены.

Мы знаем, что даже при гораздо более благоприятных условиях в смысле возможности интенсивного взаимного общения, при удобных путях сообщения, при скученном в городах и селах земледельческом быту, общности интересов и т. д., могут существовать рядом друг с другом разные языки, нации и культуры. Например, татары, цыгане, евреи, русские, финны, латыши et cetera живут бок о бок вот уже сколько столетий, не образуя общего для всех языка, культурной мешанины и не утрачивая своего наречия и культурной физиономии. Но почему-то в диких таежных хребтах на северо-восток от Байкала должно было произойти описанное чудо образования нового языка и культуры из принципиально отличных начал урянхайского, монгольского и турецкого в течение каких-либо трех-четырёх столетий. Конечно, мы знаем факты поглощения одним народом другого, но это явление обычно имеет место лишь при стечении целого ряда благоприятных обстоятельств.

Вернемся к вопросу о бурятах.

Проф. Н. Н. Козьмин, один из больших знатоков истории бурят и монголо-турецких племен в целом, не разобравшись в вопросе о Баргуджин-Тукуме и его населении в век Чингис-Хана, усматривает в бурятах позднейших пришельцев из верховьев Амура и хребтов Хингана, куда он передвигает и Баргуджин-Тукум. Он думает, что монгольские племена начали эмигрировать на север, в частности в Приангарье, лишь по прошествии блестящего периода Монгольской империи, когда кончились завоевания и возможность обогащаться за счет других народов, приблизительно с начала XIV века при преемниках императора Хубилая. О появлении бурят в Прибайкалье он пишет: «Всего вероятнее, что это переселение происходило в первой половине XIV века». Об якутах он пишет: «Но это был небольшой народ и предостав-

ленный самому себе он не мог выдержать борьбу за свою самостоятельность против бурят, имевших в тылу опору в монгольских племенах...»<sup>184</sup>.

Мы не в состоянии что-либо возразить маститому сибиреведу и ориенталисту, кроме ссылки на вышеизложенное о Баргуджин-Тукуме по Рашид-Эддину и «Юань чао ми ши». Впрочем, у проф. Козьмина мы находим и такие дельные замечания: «Надо думать, что в эпоху Чингис-Хана бурятская народность еще не сформировалась».<sup>185</sup> А мы знаем, что в эпоху появления Чингис-Хана якутов уже не было в Приангарском крае. Очевидно, они ушли на север совсем не под натиском бурят, которые существовали тогда в лице лишь маленького охотничьего племени эхирит-булагатов. Проф. Козьмин о бурятах того времени пишет:

«Их основное занятие — рыболовство и охота. Это обстоятельство как нельзя более согласуется с народными преданиями бурят. Один из их легендарных предков Хоридай получил в удел от отца лесистые и гористые места, удобные для охоты. Предания цикла зэгэтэ-аба настолько многочисленны и крепки были в народной памяти, что давали возможность М. Н. Хангалову воссоздать подробную картину общественного и семейного быта звероловческой эпохи»<sup>186</sup>.

По поводу мнения М. Н. Хангалова о звероловческом прошлом северобайкальских бурят и получении их предками в удел «лесистых и гористых мест» и мы можем от себя прибавить тоже, что все это «как нельзя более согласуется» с нашим толкованием соответствующих мест Рашид-Эддина о проживании эхирит-булагатов, ловцов соболей и белок, на гористом и лесистом водоразделе Енисея и Ангары, «на краю страны кыргызов».

М. Н. Хангалов, безусловно, был большой знаток преданий, обычаев и нравов своего народа. Поэтому его общие фактические предпосылки о господстве в быту северобайкальских бурят охотничьих интересов, обычаев и замашек в сравнительно недавнем прошлом не могут быть игнорированы историками.<sup>187</sup>

Проживание эхирит-булагатов при Чингис-Хане на западной стороне Байкала подтверждается их принадлежностью к составу ойратских поколе-

---

<sup>184</sup> Цитир. соч., стр. 25—27.

<sup>185</sup> Там же, стр. 22.

<sup>186</sup> Там же, стр. 22.

<sup>187</sup> М. Н. Хангалов свои воззрения об охотничьей артельной организации бурят изложил в двух своих работах: 1) «Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят». Изв. Вост. Сиб. отд. Ирго. Т. XIX, № 3. 1888 г., 1—26 стр. и 2) в статье «Общественные охоты у северо-байкальских бурят — зэгэтэ-аба — охота на росомах». Ма-тер, по этногр. России. Т. I. Спб., 1910 г., стр. 129—154.

ний, которые в своей главной массе в то время жили в Урянхайском крае. Вопрос об ойратстве баргу-бурят был поднят еще в середине прошлого столетия Д. Банзаровым в его статье «Об ойратах и уйгурах» и в настоящее время может считаться решенным в положительном смысле. Пишущий эти строки еще в 1920 г. в своих докладах по истории якутов, развивая взгляды Банзарова, утверждал, что когда-то якуты под натиском ойратов были вынуждены очистить левый берег Ангары и сосредоточиться между Ангарой и Леной и, что буряты, по свидетельству Санан-Сэцэна, в центре Монголии причислялись к ойратам.<sup>188</sup>

П. П. Баторов в своей статье «Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен» высказывается за ойратство эхирит-булагатов:

«Судя по всем легендарным сведениям эхирит-булагатов и их ветвей — аша-абагатов, готов, шаралдаев, куркутов и проч., надо признать, что они произошли от олетов-калмыков, так как сказаний о непосредственной связи с монголами у эхирит-булагатов нет... На основании существующих и поныне старинных песен у кудинцев, вспоминающих далекие отсюда страны Алтай, Хан-Кухей, Кэнтэй.., можно думать, что отдаленные предки эхирит-булагатов когда-то жили или скитались по всем тем местам, т. е. по Алтаю».

Взгляды Баторова полностью усвоил и дальше развивает М. Н. Забанов в своей работе, на которую мы выше ссылались. («Бытовые черты и пр.»). Свои выводы Забанов формулирует в следующих словах:

«По-видимому, ойраты или олеты были в тесной связи и общении с эхирит-булагатами (их предками), почему в легендах последних встречаются признаки, присущие монголам-ойратам, вроде титула хун-тайши или названия «олет» и т. д. Может быть, самый сюжет о Буха-Нойоне сложился под ойратским влиянием».<sup>189</sup>

«Упоминание Алтая и Хухэ в эпосе эхирит-булагатов является отголоском тех отдаленных времен, когда эхирит-булагаты... жили среди западных ойрат-монголов, кочевали и охотились по Алтаю и Хухе».<sup>190</sup>

Работы Баторова и Забанова интересны для историка в том смысле, что они на основании фольклорного сознания самих эхирит-булагатов устанавливают факт тесного общения их предков с элтами-ойратами. Но где, в ка-

---

<sup>188</sup> См. жур. «Бурятияведение». 1928 г., № 1—2. «Основные тезисы докладов Г. В. Ксенофонтова на тему «Происхождения якутов».

<sup>189</sup> «Бытовые черты и т. д.», стр. 16.

<sup>190</sup> Там же, стр. 17.

кой местности западные монголы и баргу-буряты соприкасались друг с другом? Чтобы объяснить принадлежность эхирит-булагатов к составу ойратов, совсем не нужно поселять их где-то далеко на западе около Алтая, ибо сами ойраты там являются пришельцами с востока. Упоминание Алтая в эпической поэзии эхирит-булагатов было бы проще объяснять заносом былинных сюжетов и традиций из степной Монголии, Богатырствующие народы всегда жили там и, конечно, совершали походы во все стороны, в том числе и на Алтай. Ц. Ж. Жамцаранов, лучший знаток былинного эпоса монгольских племен, в своей статье «Заметки о монгольском героическом эпосе» пишет:

«Во всех бурятских и монгольских улигэрах (былины, соответствуют якут. «олонгхо») есть определенный географический центр, куда тяготеют, так сказать, события. Таким центром служит Алтайский район, расширяясь во все четыре стороны, но, главным образом, на восток (оз. Байкал) и запад (моря: Аральское, Черное, Красное (Каспийское?) А. Р.), а также Индию. Впрочем, необходимо оговориться, что название морей и стран носят слишком общий, нарицательный характер, так что трудно установить точно, где находятся описываемые в улигэре горы и моря».<sup>191</sup>

Если упоминание Алтая в былинах есть общемонгольская черта, то главный довод названных авторов по поводу признаков проживания эхирит-булагатов около Алтая, само собой разумеется, отпадает. Общение эхирит-булагатов с ойратами в древние времена разъясняется довольно просто. Сами ойраты, отделившись от восточных монголов, могли передвигаться на запад, не по степям Монголии, которые были заняты еще турецкими племенами, а через таежный и гористый север — через Баргуджин-Тукум. При проникновении якутов из-за Байкала элеты и тумэты отступили в Урянхайский край, а эхирит-булагаты отстали от них, будучи прижаты к западным окраинам Приангарья. Если элеты и тумэты не проживали в древности в Приангарском крае, то мы не обнаружили бы их части (роды югюлээт и тумат) среди северных оленных якутов и ранних вилюйчан. Таким образом, якутские материалы опять-таки находят подтверждение в преданиях северобайкальских бурят.

Воинственные ойраты не могли оставить якутов в покое. Борьба за возврат Баргуджин-Тукума, вероятно, носила очень длительный и хронический характер. В известную историческую эпоху, как мы знаем, вилюйских якутов в Приангарском крае сменили якутяне. Вместе с тем, якутяне должны были

<sup>191</sup> См. Образцы народной словесности монгольских племен. Петрогр., 1918 г. Вып. III. Введ. XXI стр.

унаследовать старинную вражду с ойратскими племенами. Переселение якутян на Лену и постепенная колонизация ими территории современного Якутского округа, по всей вероятности, является отражением борьбы за Баргуджин-Тукум. Этот вопрос надлежит рассмотреть при изучении исторических судеб основного отдела якутского племени.

## Глава VII

### «ТАБАЛЫЫРА-БЭРГЭН» (К вопросу об этническом происхождении вилюйских якутов)

В героическом эпосе якутов мы нашли отчетливые следы разделения их на два крупных отдела — якутян и вилюйчан. Когда-то их отдаленные предки должны были резко отличаться друг от друга по экономическому быту, этническому происхождению, материальной культуре, религиозным и мифологическим представлениям. При сдвигах якутов на север с длительными остановками в ряде промежуточных пунктов должно было происходить постепенное смешение и неразрывное слияние якутян с вилюйчанами. Вилюйчане шли вперед, якутяне двигались за ними следом. Массовому переселению якутян, несомненно, предшествовали небольшие авангарды из их среды, которые раньше натурализовались среди вилюйчан. Дальше, с наплывом якутян всей массой, вилюйчане передвигаются на новые места, но, однако, часть их, застряв на старой родине, будет поглощена якутянами. При новых передвижках получится повторение тех же самых явлений смешения наседающих сзади якутян с вилюйчанами. Чем дольше тасуют карты, тем основательнее перемешиваются все масти, подобранные сначала по группам. Точно также и якутский народ, прошедший очень длительный исторический путь, должен был потерять первоначальный естественный распорядок своих составных элементов.

Переходя от героического эпоса якутов к их богатырским былинам и народным песням, мы можем также констатировать два племенных наименования: ураангхай и саха. Пред историком возникает вполне естественный вопрос: не соответствуют ли эти наименования тем двум отделам якутского народа, которые отчетливо разграничивались друг от друга в исходный момент его исторического существования?

Конечно, современные якуты не смогут указать нам, кто из них «ураангхаец» и кто «саха». Это понятно, если принять во внимание все исторические перетасовки, перенесенные якутами. Но тем не менее можно попытаться угадать первоначальные племенные названия якутян и вилюйчан, используя кое-какие пережиточные данные.

I. Мы знаем, что якутяне превосходят вилюйчан не только численно, но и культурно, первые признают себя настоящими «саха», а вторые побочным и второстепенным отделом его. У якутян сохранился чистый скотоводческий быт, а у вилюйчан в прошлом было преобладание охоты и рыболовства. Эти факты сами по себе говорят о том, что культурно-экономические признаки якутян должны были постепенно одерживать победу над вилюйскими. При смешениях двух этнических и культурных группировок, по правилу, слабая сторона уступает сильному и принимает защитную окраску, т. е. рекомендуется по названию господствующего элемента. Так малоазиатские греки, бывшие когда-то под властью восточного Рима, Византии, эмигрировавшие в южнорусские города на вопрос об их национальности к теперь не без гордости отвечают «роме», т. е. римлянин. И у древних якутов создавалась аналогичная обстановка. Поэтому мы думаем, что первоначальное этническое обозначение вилюйчан постепенно должно было устаревать и, так сказать, выходить в тираж, уступая место племенному названию более сильных якутян. Подходя с этим масштабом к известным нам племенным названиям, мы устанавливаем следующие факты.

«Ураангхай есть старинное название якутского племени»<sup>192</sup>, а «саха», бесспорно, есть современное племенное самоопределение якутов. Иными словами, устаревшее название «ураангхай», сохранившееся только в эпической поэзии и в песнях, когда-то должно было соответствовать вилюйскому отделу якутов, когда последний занимал свою обособленную территорию и не перемешался основательно с «саха». Победа «саха» знаменует собою и постепенное забвение имени «ураангхай». Общий закон жизни — сильное выживает, а слабое вымирает — применим и к народным именам.

II. В якутском героическом эпосе мы находим доказательство того, что ураангхай из среды якутов при переселениях на север шли в авангарде и были ранними колонистами бассейна Лены.

По легенде, записанной мною в Западно-Кангаласском улусе Якутского округа, первым переселенцем на Лену был некто по имени «Ураангхай» —

<sup>192</sup> Э. К. Пекарский. Словарь, стр. 3061.

«Хаадыат». «Прибыв сюда, он повел войну с тунгусами, был побит ими и уменьшился в численности». После него переселяются Омогой, Кюп-Бюкээтэп и Джаппан-Быраадай, которые, «поженившись на дочерях туземного народа, разбогатели» (Элл. § 25).

Среди вилюйских якутов на Чоне тоже бытует аналогичное предание, записанное мною с уст 70-тилетнего старца Тимофея Попова:

«По преданию, древнейшим предком якутов был человек по имени Ураангхай-Саха». Якуты размножились от его младшего сына, переселившегося на Лену (Элл. § 293).

По ботурусскому варианту легенды об Омогое и Эллэе, о первом из них говорится, что он был «из племени ураангхай». По указанию своего шамана, он первым переселяется с семьей на Лену. Вслед за ним прибывают еще 60 семей, очевидно, из того же народа (Элл. § 180).

По другому варианту, записанному в одном из Мальжегарских наслеггов Западно-Кангаласского улуса, Омогой-Баай ведет войну с народом ураангхай и, будучи побежден им, бежит на Лену. Здесь он находит одну женщину, которая была родом ураангхайка и тоже бежала с юга от войны. Омогой женится на ней (Элл. § 29).

В одном вилюйском варианте легенды об Омогое и Эллэе, записанном в Мархинском улусе моей сотрудницей Сусанной Жирковой, умирающий отец Эллэя, советуя сыну плыть вниз по Лене, говорит ему: «Доберешься до места, где живут урянхайцы» («ураангхайдаах дойдуга» (Элл. § 229).

В верхневилуйском варианте тоже содержится аналогичное место: отец Эллэя также советует сыну плыть по Лене, где в низовьях живет народ «ураангхай-саха», которые, де, будут смотреть на Эллэя, «как на своего повелителя и начальство». В продолжение рассказа старожилы Лены называются просто «ураангхаями» (Элл. § 317).

Во всех приведенных местах героического эпоса якутов сквозит мысль о том, что ранние переселенцы на таежный север когда-то были отличаемы от остальных якутов, как «урянхайцы». Причем, мы должны отметить разницу в употреблении слова «ураангхай» вилюйскими якутами. У них в обыкновенном прозаическом повествовании «ураангхай» нередко заменяет слово «человек». Например, даже о трех русских, приплывших вниз по Лене, говорится как об «урянгхаях» (Элл. § 262), то же об Эллэе. («Манньык джю-сюннээх ураангхайы кerdюбют»), (Элл. § 230). У якутян, в прямом повествовании слово «ураангхай» со значением «человек» почти не встречается, хотя в некоторых окостеневших оборотах речи, в крылатых выражениях и в поэзии оно упо-

требуется наряду с нарицательными именами «киси» (человек) и «сах» (якут). И этот особенный оттенок в значении слова «ураангхай» на Вилюе говорит за то, что древний вилюйчанин более привык считать себя урянхайцем.

Сочетание имен «ураангхай-сах» или «сах-ураангхай» как правильно заметил Серошевский, встречается «в торжественных оборотах речи, в сказках (былинах — олонгхо), молитвах».., «причем ураангхай относится к саха, как общее к частному, как племенное к родовому»<sup>193</sup>.

Этот способ обозначения своей национальной принадлежности, несомненно, родился в условиях международного общения и политического быта древнетурецких племен. Основания возникновения этого сложного имени современный якут, конечно, забыл, но общий смысл его, по нашему мнению, совершенно правильно угадан покойным якутом-лингвистом С. А. Новгородовым, который сочетание «сах-ураангхай» переводит «якут-молодец».<sup>194</sup>

Почему древний якут гордился своей принадлежностью к урянхайцам? Посильный ответ на этот вопрос мы дадим несколько позже.

III. В «Верхоянском сборнике» И. А. Худякова мы находим рассказ под заглавием «Урааныкаан огонньор»<sup>195</sup>. Нельзя сомневаться в том, что в этом имени мы имеем более древний вариант слова «ураангхай». Урааныкаан-старик представляется рыбаком и имеет трех дочерей. К старику приходят женихи, а он каждому из них отвечает:

«Мое дитя питается вонючей рыбой да сухими зайцами, что будет из нее видного-путного?»

Этот рассказ в Якутском округе неизвестен. Но мне удалось записать подробный текст «Старика Урааныкаана», в точности совпадающий с верхоянским сюжетом, с уст якута Оргетского наслега Верхневилуйского улуса Иннокентия Кондакова: «Жил-был старик Урааныкаан, имел жену Ураан-Талба и дочь Ураан-Чабык... и т. д.». По моим рас опросным данным, эта народная повесть о старике урааныкаане известна и в Жиганском улусе.

На основании приведенных данных, мы должны придти к выводу, что рассказ «Урааныкаан огонньор» принадлежит к циклу народного фольклора ранних переселенцев на Лену, которые по преимуществу были рыбаками и охотниками.

---

<sup>193</sup> Якуты. 203 стр.

<sup>194</sup> Пекарский. Слов., стр. 3062.

<sup>195</sup> Стр. 89—95.

Таким образом, мы находим след существования особого племени «урааныкаан», так сказать, потонувшего в якутской стихии. Основное ядро древних «урааныкаанов» когда-то должно было состоять из рыбаков и охотников.

IV. Среди северных оленных якутов, которые, как нам известно, этнически и культурно находятся в тесной связи с вилюйским отделом якутского племени, при совершении их шаманских мистерий мне пришлось наблюдать следующее любопытное явление.

Первые сцены камлания заключаются в изображении явления духов древних шаманов, предков данного шамана, силою и помощью которых он совершает свои подвиги. Каждый дух, вселившись в шамана, обычно сердится, почему, де, потревожили и призвали его важную особу, чуждается собравшейся публики, неведомой для него обстановки и грозит разными бедами. В этот момент, по принятому ритуалу, полагается умолять духа, чтобы он успокоился и угомонился: «присутствуют, де, его собственные потомки, у которых изменились обычаи и нравы»... Помощники шамана громко кричат: «Ураангхайдарбыт, ураангхайдарбыт» — «Мы урянхайцы, урянхайцы». Правда, иногда говорят «сахаларбыт», но это, наверное, позднейшее нововведение, отражающее структуру смешанного народа и быта.

Так как религиозные идеи, культовые понятия и ритуал вообще отличаются большой косностью и консерватизмом, мы вправе видеть в описанной сцене отголосок глубокой древности, когда урянхайский народ существовал самостоятельно и имел свою собственную религиозную культуру. Мы отмечали раньше, что вся система якутского черного шаманства первоначально принадлежала вилюйчанам, которые не были знакомы с ысыахами и культом белых шаманов якутян (саха). Следовательно вилюйский народ до смешения с якутянами именовал себя урянхайцами.

В одном варианте оленекского героического эпоса северные якуты почему-то называются «урянхайцами»:

«В то время у урянхайцев было обыкновение: труп, завернув в кору дерева, прикреплять к лиственнице. Так и сделали». (См. Олен. эпос. VIII, 3-й устьянский вариант, § 12).

Правда, сказитель не северный якут, а якутянин, временно проживающий на севере. (Иннокентий Прокопьев, якут Тулагинского наслега Мегинского улуса). Поэтому, весьма возможно, что в данном случае мы имеем дело с привычкой южных якутов (саха) отличать себя от северян, как урянхайцев.

V. У якутов сохранилась весьма популярная и распространенная поговорка: «Саха саара, ураангхай буура». Смысл поговорки — наилучший, отборный из людей. Э. К. Пекарский эту поговорку зарегистрировал в форме «Саха саардара, ураангхай буурдара» (т. е. во множ. ч.) и переводит — царь якутов, наибольший урянхайцев.<sup>196</sup> Однако, это выражение в его древнем и прямом значении нужно переводить несколько иначе. «Буур» значит — самец оленя, называют и самца лося. (См. Пекарский. Слов. «буур — самец (олень, сохатого и дикого барана). Уяснив во второй части поговорки значение слова «буур», нетрудно восстановить к старинное значение утраченного якутами слова «саар» У южносибирских тюрков сохранилось слово «чар, шар» — кладенный, рабочий бык.<sup>197</sup> Это слово является общим для турок и монголов, ибо «цар, чар, шар» у монголов и бурят тоже кладенный бык, вол<sup>198</sup>.

Следовательно, интересующую нас поговорку в ее первоначальном значении нужно было переводить дословно так: «(То же что) у саха — вол, а у урянхайцев — олень-самец».

Иными словами, самое ценное и важное в древнеякутском быту представлялось в образе рабочего вола, а у урянхайцев в образе их ездового оленя-самца. Поговорка, несомненно, весьма архаическая и сохранившаяся в виде редкого пережитка. В итоге вышеизложенного мы приходим к выводу: когда-то в глубокой древности первичное ядро народа урааныкаан или ураангхай состояло из оленеводов.

VI. Теперь мы попытаемся разобраться в семасиологии имени «ураангхай». Прежде всего, необходимо установить первоначальную форму этого имени, чтобы определить его возможное значение. Мы раньше ссылались на слова проф. Я Ф. Катанова, что коренные обитатели Танну-Тувинского края, говорящие по-турецки, у монголов и манчжур известны под именем «уриангхай»: «Монголы и манчжуры в правительственных бумагах зовут уриангхай».

Ничего нельзя возразить против того положения, что якутская форма «ураангхай» в точности совпадает с монголо-манчжурским произношением. С другой стороны, наряду с именем ураангхай, мы констатировали в фольклоре верхоянских якутов и ранних вилюйчан имя «урааныкаан». Откидывая долготы, которыми якуты вообще злоупотребляют, мы получаем «уранкан».

<sup>196</sup> Словарь, стр. 564

<sup>197</sup> У телеутов, алтайцев, лебед. татар, качинцев. Слов. Радлова. Т. 3, 1859 ст. Т. 4, 950 стр. У урянхайцев тоже «чар-шар». Катанов. Опыт иссл. урянх. яз. Прил. 301 стр.

<sup>198</sup> См. Подгорбунский. Слов., стр. 20. А. Д. Руднев. Мат. по говор. Вост. Монголии, стр. 153 и 157.

В фольклорном пережитке нужно видеть первичное произношение этого имени, свойственное его носителям, тогда как форма «ураангхай» могла родиться в процессе международного общения с монголо-манчжурскими племенами. Карагассы-оленеводы, бродящие на северной стороне Саянского хребта, и теперь называются нижнеудинскими бурятами «уранкан».<sup>199</sup>

Итак, при определении семасиологии имени ураангхай мы имеем основание исходить из его древнего варианта «уранкан».

Однако, и вариант «уранкан», м. б., не совсем точно воспроизводит его первичное смысловое произношение, ибо каждое собственное имя или даже новое нарицательное слово обычно имеет тенденцию видоизменяться, чтобы отличаться от того сочетания обыденных слов, которые дали начало имени. Возьмем простой пример, якутское нарицательное имя «олоппос» — стул. Семасиология этого имени ясна: «олох-мас» — дерево, чурбан для сидения. Это сложное имя, превратившись в нарицательное имя особого предмета, Эволюционирует в «олоппос», чтобы не походить на выражение «олох-мас». Точно такие же фонетические передвижки Могло пережить и имя «уранкан».

По поводу происхождения имени «ураангхай» Е. К. Яковлев приводит народную этимологию, бытующую среди монголов. «Один сойотский лама считает слово «уранхай» за исковерканное монгольское «оронхой», что значит «оборванный, презренный» — эпитет, могущий присваиваться всякому народу, более бедному и живущему менее культурною жизнью, чем китайцы»<sup>200</sup>.

Г. Н. Потанин приводит легенду монголов-дюрбетов аналогичного содержания:

«Эджен-хан, т. е. китайский император, изгнал это племя из своих владений, вот почему оно называется уран-кай, последний член «кай» будто бы значит «бросовое» (брошенная мерзость)<sup>201</sup>.

Монголо-бурятский лингвист Б. Б. Бамбаев в своей статье «К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа» тоже солидаризируется с сойотским ламой о производстве имени «урянхай» от монгольского слова «оронхой»<sup>202</sup>.

<sup>199</sup> См. Подгорбунский. Там же, стр. 120.

<sup>200</sup> «Этногр. описание инород. населения Южн. Енисея». Минусинск. 1900 г., стр. 17. Прим.

<sup>201</sup> Г. Н. Потанин. Очер. Сев.-Зап. Монгл. Ч. IV, стр. 662.

<sup>202</sup> Жур. «Бурятияведение». Вып. I — II (9—10) 1929 г., стр. 117.

Указанные попытки объяснить происхождение имени «уранхай» сами по себе не представляют большой ценности, ибо воспроизводят наивную народную этимологию, исходящую из фактов простого созвучия слов, но в этой этимологии монголов мы находим маленькое жемчужное зерно. Его мы видим в стародавней привычке монгольского народа сближать имя «уран-кай» со словом «орон-хой». Это намекает на то, что «уранкан» первоначально произносилось «орон-кон»:

орон-кон,  
(орон-кан),  
уран-кан,  
уран(ы)кан,  
урааныкаан.

Но, однако, что же представляет собой имя «орон-кон»? Оно есть нечто иное, как вполне законный и даже более основной вариант имени «оро(н)чон», т. е., тунгусского народа, обитающего в Верхнем Амуре и в Северной Манчжурии. В древности ороконами назывались вообще все тунгусские племена Манчжурии.

Имя «орочон» в пределах бассейна Амура и на острове Сахалин констатируется в разных формах: ороконы в Верхнем Амуре, орочи между Уссури и Японским морем, ороки на острове Сахалин и ольчи-мангуны в низовьях Амура. Исчерпывающие данные о распространении этих имен и их первоначальном этимологическом значении приводит акад. Л. Шренк в своей работе «Об инородцах Амурского края».

Мы позволим себе привести подробные выдержки из обстоятельного труда Шренка. О сахалинских ороках Шренк пишет:

«В конце XVIII века и в начале XIX столетия познакомились с ними более близким образом японские путешественники Могами Токнай и Мамия Ринсо. Они называют их «ороцко», а заселенную ими часть острова «Орикита»<sup>203</sup>.

«В китайской государственной географии значатся они в числе ясачных народов Саньсинского окр. под манчжурским названием орончун, искаженном китайцами в голун-чун». (В 1709 г. император Кхан-Си посылал экспедицию на Сахалин. Манчжуры по возвращении донесли, что лошадей там нет, а что жители пользуются домашними оленями).

«У Иакинфа ороки превратились в элун-чун». (Статист. опис. Китая, ч. II, стр. 30). Палладий («Дорож. заметки», стр. 399) называет ороньчо, как об од-

---

<sup>203</sup> Ч. 1. Спб., 1883 г., 134-138.

ном из народов, платившем в прежнее время ясак собольими шкурками в Гири для отсылки пекинскому двору».

«Айны называют их орохко (Брылкин. Письма из Сахалина. Зап. Сиб. отд. ИРГО. Кн. VII, 1864 г., стр. 21), а гиляки на западном берегу Сахалина — оронгта, а в долине р. Тыми — ороко».

«Известно, однако, что то же самое имя с незначительными лишь изменениями, носят и некоторые тунгусские племена на материке: орочи на берегу Северно-Японского моря и ороحوны на Верхнем Амуре. Наконец, и название ольча, если принять в соображение смешение у тунгусов звуков «р» и «л», можно тоже считать однозвучным и с именем орча или ороча. Действительно ольчей соседи их, гиляки, называют оронго или оронш». (В некоторых трудах ороки называются орокаты или орнгры или орокапы. Прим. 4 на стр. 136).

«Этимология этих всех названий, близких друг к другу вследствие созвучия, очевидна и относительно одно из них (орочонон) уже была высказана с разных сторон. (Жербильон, Du-Nald, Клапрот)».

«Оро или орон на языке тунгусских народцев Амурского округа, а равно и Сибири значит «олень» и преимущественно домашний. Поэтому все упомянутые названия означают «оленный народ» или «оленоводы».

«Клапрот положительно говорит, что манчжуры называют всех прочих тунгусов общим именем ороحوны».

Академика Шренка необходимо дополнить лишь по поводу грамматического значения имени оро(н)чон. (Да небольшой поправки, что олень по тунгусски на всех диалектах «орон», а не «оро». Между прочим, и по-чукоцки олень «хоранга»). Мы раньше указывали, что у тунгусских племен и у якутов, в особенности у оленных, окончания «чан», «чон», являются уменьшительными аффиксами. Следовательно, «орончон» дословно переводится «оленинок».<sup>204</sup> Но более распространенным уменьшительным окончанием являются слоги «кан», «кон». (У якутов также «кээн», «хаан» «хоон»). Вот почему основным вариантом уменьшительного имени «оленинок» нужно признать «орон-кон» с позднейшими его видоизменениями «уран-кан», «орон-хой», «уран-хай».

В северновиллюйском варианте рассказа «Урааныкаан огонньор» этот герой наделяется женой Уран-Талба и дочерью Уран-Чабык. Бытование последних имен наряду с Урааныкаан свидетельствует о происхождении этого

<sup>204</sup> Ср. Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь, стр. 122. — «Орочон — оленишко».

имени от корня «орон», «уран» — олень. Мы также знакомы с привычкой северных якутов злоупотреблять уменьшительными формами, что также подтверждает образование племенного названия «уранкан» от «орон» с уменьшительным окончанием.

Академик Шренк, дав совершенно правильный анализ имени «орочон», сомневается лишь в том, могли ли такое название дать себе сами тунгусы: «Немыслимо, конечно, чтобы они сами себя назвали по имени домашнего животного, хотя и столь важного для них».

Конечно, с точки зрения понятий и представлений современного европейца сравнение человека с домашним животным должно показаться чем-то оскорбительным и унижительным. Однако, для древних скотоводов это сравнение не включает в себе ничего позорного. Даже, наоборот, оно возвышало их, ибо в своем домашнем скоте они видели существа высшего и божественного происхождения. Мы знаем, что древние турки степной Монголии называли себя «огузами», т. е., быками, а северобайкальские буряты до наступления революционной эпохи верили, что прародителем их является бык-пороз, Буха-Нойин. Поэтому нельзя удивляться тому, что тунгусы в ранние исторические эпохи именовали себя оленями или оленятами. В якутских богатырских былинах тунгусскому богатырю часто дается имя «Табачык-Бэргэн» или «Табалыыра-Бэргэн», что можно перевести «Олень-Меткий стрелок», а в имени «табачык» мы имеем даже уменьшительную форму, ибо «чак-чык» есть уменьшительные аффиксы. (Ср. «кулун-чак», «тут-чах», «солур-чах» и т. д.) Тунгус и олень для якута понятия неотделимые друг от друга:

«Вдруг предстал пред ним всадник верхом на пестром, лысаном олене. Сам он был одет в доху из пестрых оленьих шкур, обувь из шкуры задних ног пеганого оленя, рукавицы из шкуры передних ног, шапка из головной шкуры пестрого же оленя». Так описывает тунгусского «Олень-Богатыря» якутский рапсод. (См. Эл. § 59).

По поводу нашей гипотезы об образовании имени «уран-хай» от тунгусского слова «орон» — олень могут возразить, что все это есть лишь априорное построение, доказательная сила которого незначительна, поскольку документально не устанавливается название каких-либо тунгусских племен «оронкон» или «оронхой». Однако, не надо спешить с подобными заключениями. В труде Е. В. Бретшнейдера «Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. II, изданном в Лондоне в 1888 г., содержится указание, что Namel van Gorcum в «Account of his Captivity in Corea. 1653—1666 гг», упоминает, что манчжур (the Manchū Tatars) корейцы звали тиексе и оранкай». Он же

указывает, что в корейско-французском словаре, изданном в 1880 г. в Иокогаме миссионерами, «сказано, что термин о-ран-хай прилагается корейцами ко всем иностранцам»<sup>205</sup>.

Нас более интересует, конечно, раннее сведение об употреблении имени «оранкай» корейцами в середине XVII столетия: оранкайями назывались манчжуро-тунгусы. Очевидно, в оленекском хосунном эпосе в качестве постоянного персонажа не зря фигурирует и представитель манчжуро-тунгусского народа «нью-чжэнь» (нууча), не напрасно в составе ранних вилюйчан мы нашли род «люю-чюн» — «нуу-чин» и не простое, конечно, совпадение, что в героическом эпосе поздних вилюйчан констатируются обычаи ньючжэнских генералов поедать сердце и печень своих врагов.

Основное ядро якутских ураангхаев, по всей вероятности, принадлежало к тем тунгусским племенам Манчжурии, которое, живя по соседству с Ньючжи и Кореей, очень рано вышли на историческую арену Китая и Монголии благодаря чему они утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру. Из всех племен северо-восточной Азии тунгусы, как известно, представляют собой самый неустойчивый в этническом и культурном отношении элемент, который очень быстро утрачивает свой язык и может слиться с другими племенами.

VII. Тунгусское происхождение одной половины якутов доказывается особенностями их черного шаманства. Каждый шаман, как мы говорили выше, должен иметь целую лестницу предков-шаманов, которые обучают своего потомка и дают ему шаманскую силу. Один из них представляется специальным духом покровителем или патроном данного шамана. Его обычно именуют «ойун тангарата» — божество шамана. Дух этого древнего шамана, воспитателя и покровителя живого шамана, по якутским мифологическим представлениям, бродит где-то в образе «мать-зверя» (иньэ-кыыл). Мать-зверь черных шаманов в большинстве случаев представляется в образе лося или дикого оленя:

«Мать-зверь у большого шамана имеет вид лося, а у маленького — оленя». «Мать-зверь у шамана — лось или олень. Он приходит к шаману только перед его смертью». «У каждого шамана должен быть мать-зверь или пер-

---

<sup>205</sup> Цитируем этого автора по пересказу проф. Катанова. См. Опыт исслед. урянх. яз. Прил. Библиограф. указатель литературы об урянхайцах, стр. 328.

вообраз зверь... Он по большей части представляется в виде лося, редко в виде медведя».<sup>206</sup>

Наряду с этим мы имеем и такие показания:

«У якутского шамана мать-зверь, говорят, голубопестрый бык, а у тунгусского — пятнистый олень». «Мать-зверь у якутского шамана бык, а у тунгусского, говорят, олень».<sup>207</sup>

У северных якутов мать-зверь шамана неизменно представляется в образе дикого оленя, его рисуют кровью на поверхности бубна и называют «юёрюн кыыла» — зверь шаманского духа.

У белых якутских шаманов (джесегей ойуна) мать-зверь бесспорно конный скот.

Таким образом, в культуре якутских черных шаманов преобладает представление их мать-зверя в виде лося и оленя. Лось, несомненно, есть простая модернизация оленя. (Лось — большой олень). Это обстоятельство опять-таки иллюстрирует религиозную идеологию оленеводческого народа. Да и вообще якутское черное шаманство, по-видимому, находится в ближайшем родстве с тунгусским шаманизмом. К сожалению, в данный момент мы не можем заняться этим вопросом, ибо он увлек бы нас в дебри слишком узкоспециальных тем. Обращаем внимание на бубны якутских шаманов, которые по своей продолговатой и яйцеобразной форме повторяют тунгусский тип, отличаясь от круглых монгольских бубнов.

VIII. Наша гипотеза о тождестве имен «ураангхай», «оранхай», «уранкан», «орончон», «орочи» и «ороки» подтверждается рассмотренной ранее легендой о бородатом народе (айнах), сохранившейся у северных якутов и на Вилюе. Наличие в составе якутов-олeneводо-в и ранних вилюйчан тунгусских родов из Манчжурии (солон-ов и лучин) точно также свидетельствует о первичном тунгусизме коренных вилюйчан.

В героическом эпосе поздних вилюйчан мы тоже нашли очень много данных в пользу их тунгусского происхождения. Праматерь вилюйского народа тунгуска или туматка. Туматы, как мы знаем, хотя и должны быть признаны монголами, но в легендарном воспоминании вилюйчан они смешиваются с тунгусами-олeneводо-дами. Якутяне также склонны видеть в своих вилюйских собратях полутунгусов и полуякутов. (Ср. слова Чаллаайы: «Эти потомки тунгусов будут неуловимы и стойки на войне»).

<sup>206</sup> См. работу автора — «Христос. Шаманизм и христианство», стр. 88, а также «Легенды и рассказы о шаманах...». Москва. 1930 г. 2-е изд. Безбожник. Стр. 61, 63 и 65.  
<sup>207</sup> Легенды и расск. 62 и 66 стр.

IX. Косвенным доказательством присутствия в составе якутов достаточно численной тунгусской прослойки, обьякученной или отуреченной в незапамятной древности, могут служить также и некоторые особенности якутского народного хозяйства. Нам хорошо известно, что тунгус-оленовод является прирожденным охотником, который при недостатке крупной дичи легко переходит к рыбной ловле. Первая стадия якутизации, лишая тунгуса его привычной подвижности и бродячего образа жизни, должна сопровождаться переходом именно к сидячему рыболовству. Это явление наблюдается, например, в бассейне Амура, где тунгусские роды, утратившие своих оленей, превратились исключительно в рыболовов. Таковы гольды, ольчи, негидальцы, отчасти и орочи. Акад. Шренк пишет об этих тунгусских племенах: «Эти племена когда-то кочевали с оленями и лишь после потери своих оленей, поселившись на Амуре и на морском берегу, сделались рыболовами».<sup>208</sup>

То же самое сообщает и Врангель о ламутах, живущих в Колымском крае по Большому и Малому Анюям:

«Когда олени их перевелись от волков и моря, то эти инородцы поселились на названных реках и стали жить охотою и рыболовством».<sup>209</sup>

Что якутское скотоводческое хозяйство в некоторых местах осложняется наличием весьма развитого охотничьего промысла и рыбной ловли не подлежит сомнению. Изучая якутскую экономику и предметы материальной культуры, нетрудно заметить великолепное развитие орудий охотничьего и рыбного промысла. Якутские самострелы «айа», чарканы, падающие самоловы — «сохсо», засеки на зайцев, иногда простирающиеся на несколько км, лыжи, морды — «туу», сачки — «куйууры», сети и невода обнаруживают стародавнюю промысловую подоснову их современного скотоводческого хозяйства. Сравнивая якутские промысловые орудия с таковыми же у других народов Сибири по экспонатам музеев городов Иркутска, Красноярска, Минусинска и Томска, нельзя не признать, что по техническому совершенству орудия якутской работы могли бы занять не последнее место на общем конкурсе.

В хозяйстве якутов северных округов — Верхоянского, Колымского, а также на Вилюе рыболовство и охота и теперь играют немаловажную роль. Существование ранних переселенцев на Лене, как мы знаем, поддерживалось преимущественно рыболовством и охотой. Легкость отступления на се-

<sup>208</sup> Шренк. Там же, стр. 137.

<sup>209</sup> Врангель. Путеш. по Сибири и Ледов. морю. Спб., 1841 г., ч. II, стр. 7, 26, 138 и 175.

вер древних вилюйчан, несомненно, обусловлена тем, что потомки отуреченных тунгусов еще не совсем утратили свои охотничьи навыки и рассчитывали, на худой конец, прожить там промыслами.

Х. В якутских богатырских былинах «олонгхо» сохранились довольно отчетливые следы стародавней дружбы якутов с тунгусами, военного союза с ними и включения их в якутскую среду.

В былинном творчестве якутов действующие герои-богатыри распадаются на два враждебных лагеря: богатыри — «айыы», люди солнца и дети светлых небожителей («кюн улууса, айыы аймага»), а их противники — богатыри «абаасы», суть порождения злых духов, демонов. Первые — настоящие люди и живут в обычной человеческой обстановке, хотя сплошь и рядом наделяются сверхъестественной силой, искусством чудесных превращений и особой близости к богам и духам. Симпатии рапсодов и слушателей всегда на стороне богатырей «айыы», которые ведут вечную борьбу с враждебными «абаасыларами». Последние — уродливы, безобразны (одноруки, одноноги, с одним глазом на лбу), нечистоплотны и грязны, наделяются мерзкими и гадкими обычаями.

Характерно то, что тунгусский богатырь занимает совершенно особое место: он не принадлежит ни к тем и ни к другим, фигурирует всегда как тунгус со своим натуральным обликом и в своей собственной бытовой обстановке. Выше мы привели цитату из былины, где тунгус предстал пред якутом в образе всадника на олене. Продолжаем ее:

«Он держал в руках пестро изрезанную трость. Длинная коса ниспадала сзади, глаза, далеко отставленные друг от друга, косили наружу, зубы немного выступали вперед, щеки были у него впалые, скулы выдавались, а лоб был слегка покатый. Подъехав к нашему богатырю, он приветствует его словами: «Здорово, мой друг, якут-человек. Ты едешь, гоняя пред собой свое богатство, живешь сыто и богато, а я питаюсь тем, что добуду охотой в тайге. Накорми и угости меня лучшими кушаньями: в долгу я не останусь, заплачу рысями и соболями» (Элл. § 59).

Нетрудно узнать в классификации ратоборствующих богатырей якутских былин трехчленный состав алтайских народов: турок, монголов и манчжуротунгусов. Турки и монголы — два враждующих полюса, «айыы» и «абаасы», а тунгус сам по себе. При описании тунгусского богатыря у якутского рапсода не чувствуется никакой злобы и неприязни, нет преднамеренной утрировки и сгущения красок. Даже, наоборот, он часто идеализируется: отличается гостеприимством, верен дружбе, добродушен и незлобив.

Эпическую поэзию народа нужно рассматривать, как отражение его экономических интересов, она изобличает его прошлое сознание, определяемое бытие. Прошрое «бытие» народа исчезло, но форма сознания, подсказанная им, сохранилась в кристаллизованных образах древних былин. Вот почему исследователь, руководствуясь диалектико-материалистическим методом, может по былинному «сознанию» народа ретроспективным анализом восстановить его прошлое историческое бытие. Турецкие и монгольские народы искони веков вели и ведут скотоводческое хозяйство, используя для нужд своего скота травянистые просторы. Отсюда ожесточенная борьба за пастбище, отсюда взаимная ненависть и непримиримая вражда. Тунгус же со стадами своих оленей совсем не претендует на пастбище скотоводов. Поэтому он в борьбе двух крупных отделов алтайских племен должен был занять нейтральную позицию. Но, с другой стороны, тунгус, как прирожденный охотник, по справедливости слывет первоклассным стрелком и отличным воином.

Оленеводческий быт не способен создать более развитые формы социальной организации. Олень и охотничий промысел не обеспечивают человеку больших запасов пищи, не оставляют и досуга для развития ремесла, в частности кузнечного искусства. Поэтому тунгусы-олeneводы не могут самостоятельно завоевывать царства и организовывать свою племенную власть. Но зато в качестве отборных войсковых частей они могут подкрепить те или другие отделы степных народов и дать им перевес в борьбе с их противниками и успех при их обширных завоевательных операциях. При разложении власти и государственной организации того скотоводческого народа, который использовал тунгусов в качестве своих боевых кадров, последние, конечно, могут выступить и в роли организаторов своей тунгусской династии. Но это будут уже не чистые тунгусы, а преторьянцы, унаследовавшие силы и средства своих наемников. В таком именно свете рисуется нам историческая роль тунгусских племен Манчжурии, которые неоднократно становились господами многомиллионного Китая. Во всех этих случаях тунгусы должны были разыгрывать роль диодохов Александра Македонского, т. е. это была власть тунгусских полководцев, опирающихся на силы своих тунгусских стрелков и социально-культурный опыт своих бывших господ.

Якутские былины подтверждают изложенные положения о роли тунгусов и, кроме того, доказывают, что турецкие племена в период своего господства в монгольских степях опирались на силы и боевые качества тунгусских стрелков.

Мы позволим себе ознакомить наших читателей с остовом сюжета одной обширной якутской былины под названием «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох», записанной нами полностью с уст одного якута-старика, известного в своем околотке сказителя былин Кузьмы Слепцова, и еще вкратце по рассказу сказителя Намского улуса Петра Колесова. Эта былина интересна потому, что образ богатыря Эр Соготоха в якутском былинном эпосе занимает исключительное положение и является одним из самых популярных героев. Особенный интерес якутов к личности этого былинного персонажа, очевидно, стоит в связи с тем, что та же мифологическая персона под именем «Эр Соготох Эллэй- Боотура» представляется прародителем всего якутского племени. В своей работе «Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о прародителях народа» мы доказывали, что Эр Соготох Эллэя нужно рассматривать как общетурецкого мифологического героя. При подробном анализе якутских легенд об Омое и Эллее мы убедились, что Эллее вполне соответствует Огуз-Хан древнетурецких сказаний, обычно представляемый первым великим ханом- завоевателем и праотцем всех турецких племен. Поэтому в былине «Эр Соготох» мы можем надеяться отыскать один из древнейших былинных сюжетов, унаследованных якутами от степных турецких народов.

Сюжет названной былины, известной нам по кангаласскому и намскому вариантам, вкратце состоит в следующем:

Богатырь Эр Соготох имеет двух жен и одну пегую корову. В начале повествования Эр Соготох неожиданно умирает. При громах и молнии с неба спускается золотой гроб. Жены богатыря, уложив труп своего мужа в этот гроб, хоронят его на вершине высокого холма. Из могилы вскипает белая пена. Жены богатыря и корова вкушают из этой пены; в результате все трое забеременели. От женщин рождаются два мальчика. В первой части былины рассказывается о подвигах этих двух сыновей Эр Соготоха. Они попадают в плен знаменитому тунгусскому богатырю Табалыра-Бэргэн. (По намскому варианту, один сын, добыв себе жену, благополучно возвращается домой, а другой убивается упомянутым тунгусским богатырем).

Вторая часть былины посвящается описанию подвигов третьего сына Эр Соготоха, родившегося от его пегой коровы, Айдаан-богатыря. Последний в нижней части своего тела имел вид быка-пороза, ноги с копытами, а в верхней части был человеком. Он представляется сильнейшим и непобедимым богатырем из породы «айыы», не имеющим на земле равных соперников. Он освобождает из темницы тунгусского богатыря своих братьев. Одержав

победу над тунгусом и его союзниками, Айдаан-богатырь принуждает тунгуса заключить с ним вечный дружеский союз:

«Обещай ты мне никогда не отступать назад, до самой смерти мы должны быть вместе... Общими силами будем бороться, как с бесовскими богатырями, так... и из айыы...».

И оба богатыря в знак нерасторжимого союза обмениваются кусочками бересты, обмазав ее кровью своего мизинца. В дальнейшем Айдаан-богатырь все свои богатырские подвиги совершает при содействии своего неразлучного боевого товарища и союзника, тунгусского богатыря.

Во время борьбы с сильнейшими богатырями «абаасы», пока Айдаан-богатырь в образе огромной птицы летит из подземного мира наверх в средний мир, тунгус, сидя на хребте птицы, своей меткой стрельбой отражает настигающего противника. Здесь под покровом былинных чудес сквозит вполне реальная служебная роль тунгусских стрелков в древнетурецком государстве. В иных случаях тунгусский богатырь, обернувшись лосем, везет на себе уставшего от битвы якутского богатыря.

Свои боевые заслуги тунгусский богатырь формулирует так: «О, мой друг и приятель, с момента первой встречи я живу с тобой неразлучно. Сражаюсь за тебя. По твоему требованию я истребил свой собственный народ и родичей. Вместе с тобой мы прошли тягостный путь, раскрывали трудные пути. Бились с бесовскими богатырями, истребляли их вместе... Наверное и сам ты думал о том, что мои труды и лишения не могут остаться без возмездия».

Выслушав это заявление, Айдаан-богатырь, одержав победу над одним богатырем из «айыы», женит на его сестре своего товарища-тунгуса.

В заключение все три сына Эр Соготоха и тунгусский богатырь обзаводятся женами и, закончив свою боевую жизнь, поселяются вместе и живут неразлучно.

Трудно допустить, чтобы изложенный сюжет якутской богатырской былины был продуктом случайной фантазии сказителей и возник, не имея под собой соответствующей житейской подоплеки в исторических взаимоотношениях турецких и тунгусских племен. Былинный образ Айдаан-богатыря, сына пегой коровы, полубыка, получеловека, по всей вероятности, нужно рассматривать, как художественный символ древнейших властителей степной Монголии, хунну или сюнну китайских летописей. Могущество хуннов достигло своего апогея при царствовании хана, известного в китайской исто-

рии под именем Модэ или Маодуня.<sup>210</sup> (От 209 до 174 г. до Р. Х.). Китайский историк пишет: «При Модэ дом хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге, он сделался равным среднему двору» (т. е. Китайскому царству)<sup>211</sup>. Иакинф в своих примечаниях к текстам китайских летописей вполне справедливо заявляет:

«Модэ в азиатской истории известен под громким именем Огуз-Хана (Быка-царя. Г. К.), сына Кара-Ханова». Позже мы убедимся, что хунны вообще называли себя огузами-быками.

Хуннское единодержавие продолжалось до 25 г. н. э. В дальнейшем царство хуннов разделилось на два ханства: северное и южное, соответствующие нынешним Внутренней и Внешней Монголии. Взаимное соперничество и непримиримая вражда южных и северных хуннов окончились гибелью тех и других. Северное хуннское ханство уничтожилось в 93 г. н. э., и степи современной Внешней Монголии были заняты другим кочевым народом «сянь-би». Южное ханство под протекторатом Китая еще просуществовало до 215 г. н. э., а затем имя хуннов исчезает со страниц китайской истории.

Уничтожение северной хуннской державы, как известно вызвало исход турецких кочевников из Монголии по степям в западном направлении. Северные хунны, появившись в Европе, вызвали, так называемое, «великое переселение народов» и целые политические бури. Если падение хуннского ханства имело столь важные последствия в отдаленной Европе, то нетрудно догадаться о громадных сдвигах племен и народов в ближайших областях Южной Сибири, куда должны были отступить части северных хуннов из монгольских степей. Мы думаем, что именно в эту историческую эпоху (первый век н. э.) отуреченные тунгусские стрелки «урангхай» с частью хуннских окраинных родов эвакуировались из Халхи в Приангарье, в Баргуджин-Тукум монгольских преданий, т. е. в обычное место убежища разбитых родов, где они и образовали народ, позже известный под названием юч-курыкан. Предположительно к этой же эпохе нужно приурочить и переселение на Вилюй местных отуреченных тунгусов с частью монгольских родов, которые в своей главной массе отходили в Урянхайский край и в сторону Енисея. Тунгусские стрелки хуннских ханов, само собой разумеется, должны были гово-

<sup>210</sup> Германский синолог проф. Хирт, разбирая иероглифы, входящие в состав имени Маодуня, доказывает, что это есть китайская транскрипция турецкого слова «батур» — богатырь, что в древнем чтении представлялось в форме «мактут», «бак-тут». См. В. А. Панов. «К истории народов Средней Азии». Ч. II, Владивосток, 1918 г., стр. 22.

<sup>211</sup> Иакинф. Собрание сведений и т. д. Ч. I. О Модэ, стр. 10—18.

рять на языке своих господ. Поэтому в якутском наречии нужно видеть наследника древнетурецкого хуннского языка.

Происхождение вилюйских якутов от древних хуннов можно понять лишь при более подробном ознакомлении с историей древнетурецких кочевников Монголии, а также в связи с уяснением всех важнейших особенностей якутского языка и своеобразия религиозных и мифологических представлений этого народа (их архаичности).

Здесь мы позволим себе остановиться лишь на вопросе о значении имени «юч-курыкан». При изложении основных элементов героического эпоса бордонгских родов на Вилюе мы имели случай отметить, что легендарный праотец этих родов Тюлюён-Шаман представляется зятем Тыгына. Он бежит на Вилюй, будучи побит другим зятем Тыгына Кургумар-Боотуром. Мы знаем, что бордонгцы ушли на север стесненные жарханскими родами. Отсюда можно сделать тот общий вывод, что главы трех подразделений вилюйского народа обычно состояли зятьями Тыгынов, властителей якутского народа. Из истории Чингис-Хана мы знаем, что мелкие вассальные князья окраинных народов обычно получали в жены девушку из рода Чингис-Хана и им присваивается общий титул «ханских зятей».

Палладий, переводчик «Юань чао ми ши», в одном из своих примечаний (242) пишет:

«Затья чингисханова дома называются общим именем Хулегян (Гулегянь), что довольно близко к слову гурхан».

По Рашид-Эддину, все зятья Чингис-Хана в придачу к своему имени получают титул «куркан». Мы имеем свидетельство этого историка, что и целому народу, возглавляемому ханским зятем, дается наименование «куркан». Так напр., о племени баяут, жившему по реке Джиде (левый приток Селенги в районе русских владений), Рашид-Эддин пишет:

«Этому племени он (Чингис-Хан) повелел имя урга-куркан. Баяут имел ту дорогу, что из рода Чингис-Хана давались им девушки... Во время Чингис-Хана был бек... левого крыла по имени Урга-Куркан: дали ему девушку, он был из Баяут-Джиды... Онгон-Куркан есть из рода его».<sup>212</sup> «Куркан», собственно говоря, есть тунгусское слово. Е. И. Титов в своем «Тунгусско-русском словаре» зарегистрировал у северобайкальских тунгусов рода киндигир «ку-рокан, куракан, курэкэн» — зять.<sup>213</sup> У баргузинских тунгусов зять — хурэхэн.<sup>214</sup>

<sup>212</sup> Рашид-Эддин. Введение. Стр. 175.

<sup>213</sup> Стр. 85.

<sup>214</sup> Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Стр. 81.

Монголы это слово произносят мягко «хюргэн» — «кюргэн», у бурят — хюргэн, хюригэн.

Древнетурецкое «юч-курыкан» отчетливо звучит по- тунгусски. (Радлов. Опыт слов., т. 2, стр. 925). Ясно, конечно, что политические обычаи Чингис-Хана являются продолжением древнетурецких порядков, существовавших задолго до него. Выдача дочерей из ханской семьи замуж за вождей тунгусских племен, очевидно, была общей политической системой по приручению тунгусов и превращению их в покорных вассалов. В цикле сказаний об якутском царе Тыгыне и метком стрелке Бэрт-Хара, бедном охотнике, сюжет женитьбы последнего на дочери Тыгына является чрезвычайно популярным и устойчивым элементом. Ввиду важности вопроса о тунгусских примесях в якутском народе мы позволим себе ознакомить наших читателей с образом легендарного Бэрт-Хара, который, по сознанию самих якутов, давным давно утратил свою тунгусскую марку.

В борогонском варианте легенды о Бэрт-Хара ему дается имя Майыттыгас. (В некоторых вар. — «Хайыктыган»). Первое знакомство тыгыновой семьи с Бэрт-Хара рисуется так:

«Однажды сын Дыгына Мечеке-Беге увидел на снегу свежие следы Майыттыгаса. Пораженный их большим размером, он пошел по следам. Вскоро конь М.-Беге грудью ударился о человека, который шел, взвалив на себя в огромном количестве убитых зайцев. Это был Майыттыгас. Вздвогнув от неожиданности, последний ударом наотмашь опрокинул коня и всадника». (доп. к Элл. § 5). По другому варианту, при встрече с сыном Тыгына он несет на плечах огромного лося (Элл. § 120). Вообще во всех рассказах Бэрт-Хара — бедняк и прокармливается охотой, представляется обычно сыном бедной старушки. У некоторых легендистов его родители бедные и неизвестные рыбаки (Элл. § 167). «Во всяком промысле не имел себе равных, рыбачил с сачком.., его разовый улов сачком был не меньше, чем улов невода» (доп. к Элл. § 4). По Кулаковскому, он — лесной богатырь, охотник, сын одной старухи-великанши.

Бэрт-Хара стрелял из такого большого лука, что самые сильные витязи и сыновья Тыгына были не в силах даже натянуть его. Его меткость в стрельбе и ловкость иллюстрируются в легендах самыми невероятными казусами. Фантазия якутских легендистов в этом отношении неистощима.

И этот меткий стрелок служит у царя Тыгына богатырем и витязем. По поручению Тыгына он истребляет его противников, богатого хоринского старца (Элл. §§ 81, 101), убивает враждебных богатырей (Элл. §§ 121, 134, 262, 263) и в награду получает в жены дочь Тыгына. По словам одного вилюйского легендиста:

«У Тыгына был сын Чаллаайы-Беге и зять Бэрт-Хара. Эти двое постоянно воевали и истребляли людей. Их подвигами Тыгын и заслужил большую славу» (Элл. § 260). Победу русских над Тыгином сказители обычно объясняют тем, что его зять Бэрт-Хара не успел придти на помощь или вернулся, не рассчитывая одолеть русских.

По Кулаковскому, Тыгын приглашает к себе Бэрт-Хара, снарядив к нему специальных послов, которые говорят: «До острого слуха нашего великого отца и повелителя Дыгын-Тоена давно дошли вести о твоих молодых играх, о зоркости твоего глаза, силе груди, крепости ног, меткости руки и о богатырских доблестях твоих. О, лесной богатырь! Не откажи ехать с нами. Не губи напрасно свою молодость в лесу. Испытай судьбу. Счастье там, где живет общество тебе подобных... Может быть предопределено и велено стать тебе преемником славного Дыгын-Тоена и продолжить его славное владычество...».

«Идем, могучий, славный юноша, навстречу к твоему счастью. Ты рожден не для того, чтобы безвестно увядать в лесах...».

«И долго держали гонцы свою хитросплетенную речь, становясь все вкрадчивее и красноречивее...»<sup>215</sup>

Если принять во внимание, что имя якутского легендарного царя Тыгына не есть простая выдумка народных сказителей, а действительный титул (тегин) древнетурецких ханов, властвовавших когда-то в центре степной Монголии в Халхе<sup>216</sup>, то приведенные выше сюжеты и образы получают глубокий исторический смысл. Они вскрывают пред исследователем политику и тактику древнетурецких воителей, которые не могли не использовать тунгусские племена таежного севера для вербовки среди них своих боевых кадров, метких стрелков и непобедимых воинов. В самом деле, кто может оспаривать то простое положение, что тунгус-охотник есть прирожденный воин и неустрашимый вояка, для которого холод и голод привычные явления. С другой стороны, первобытная честность тунгуса, прямота, рыцарские черты его харак-

<sup>215</sup> См. Н. Толоконский. Якутские пословицы, свят. гадания и т. д., собр. при участии А. Кулаковского. Иркутск, 1914 г., стр. 94—96.

<sup>216</sup> Радлов. Die jakutische Sprache. Стр. 73.

тера не могли не обратить на себя внимание степных воителей, которым были нужны верные слуги и исполнители их приказов.

Бэрт-Хара принадлежит к циклу легендарного эпоса якутян. Он — излюбленный герой народных рассказов. Тыгын и Бэрт-Хара в легендах упоминаются всегда рядом и представляют за два полюса якутской общности: первый отвечает за командующую верхушку, князей, а второй символизирует народные низы. Таким образом, наше толкование исторического смысла былины об Айдаан-богатыре находит неожиданное подкрепление в прозаических сказаниях якутов.

Сравнивая мифологические образы прародителей вилюйских якутов, трех братьев — сыновей старухи Джаархан и Бэрт-Хара якутян, нетрудно установить их полное тождество. Герои вилюйчан и Бэрт-Хара одинаково представляются сыновьями бедной старушки, все они по преимуществу охотники и промышленники, противопоставляемые богатому скотоводу и властителю Тыгыну.

В Якутском округе сказание о Бэрт-Хара лучше всего сохранилось в Борогонском улусе. Борогонцы матери Бэрт-Хара дают имя Дурбан-Эмээхсин. Она рождает своего сына от прелюбодейной связи с родоначальником и повелителем борогонцев Легей-Тойоном. По существу, и прародители вилюйчан знают только свою мать, которая рождает их от незаконной связи с отцом Тыгына.

Один сын старухи Джаархан всегда представляется калекой от рождения (Босхонг-Бэлгэтии), который исцеляется чудесным образом, убив свою тетку и напившись ее крови. Исцелившись, калека превращается в могучего воина. Тот же самый сюжет приурочивается и к Бэрт-Хара борогонских сказаний. Исцеление его происходит, как и в вилюйских сказаниях, во время бегства от врагов:

«Около озера Кыыс Ханга жила женщина по имени Дурбан. От прелюбодейной связи с Легей-Тойоном она родила сына. Последнего звали Майыттыган... Майыттыган от рождения был калекой и не мог ходить. Однажды пронесся слух о том, что идут какие-то войска. Испуганное население начало переселяться вглубь тайги. Старуха Дурбан посадила калеку-сына на санки и потащила сама. В одном месте пришлось ей подниматься на высокий подъем. Она была не в силах затащить санки с сыном. Тогда в гневе она проговорила: «Ах, какая досада, так развезло тебя, и однако ты по сию пору не в силах ходить и причиняешь мне этикие муки и страдания!».

Так сказав, она опрокинула санки. Сын имел при себе пальму. Эту пальму он кинул в мать. Острие пальмы слегка содрало у матери кожу голени. Она заплакала. Парень повинился пред матерью и сказал: «Говорят, материнская кровь бывает спасительна, намажь-ка своею кровью мои ноги». Мать, взяв из крови, стала мазать ею, приговаривая:

«Намазала живительной горячей кровью,  
да не спотыкаются твои суставы, пусть  
окрепнут твои главные кости...»

С того времени он совсем выздоровел. Стал неимоверно сильным, бегал с быстротой летящей птицы...» (доп. к Элл § 16).

Этот же сюжет почти без изменения повторяется в другом борогонском варианте, записанном мною (доп. к Элл. § 4).

В вилюйских сказаниях сохранились воспоминания и о том, что их легендарные герои когда-то служили воинами у Тыгына. Так, по сунтарскому варианту, Тыгын, ведя войну с каким-то иноплеменным народом, призвал на помощь Быркынгаа-Боотура, который пришел и одержал победу над врагами Тыгына. Последний в благодарность за это одарил Быркынгаа скотом, людьми и дал в жены одну красивую девушку (Элл. §§ 278—283). Сюжет о военной помощи Быркынгаа Тыгыну содержится также в одном мархинском варианте (Элл. § 237). По другому мархинскому же варианту, Тыгын, ведя войну с каким-то народом хаан-хангынай, тоже просил Быркынгаа придти к нему на помощь, но последний ответил отказом (Элл. § 240).

Другой вилюйский герой Эчик, прослужив в Якутском крае у старика Хангаласа работником, похищает его красавицу дочь (Элл. § 246). Таким образом, вилюйский легендарный герой оказывается в положении зятя у главы якутян. (Хангалас — один из сыновей легендарного Эллэя, прародителя Кангаласского улуса, и предок Тыгына). Наконец, и воинственный Омолдоон вилюйских сказаний, одержав победу над якутянином Наахара, в знак покорности получает от него девицу в полном брачном наряде (Элл. §§ 268—270).

Нам удалось записать в пределах Якутского округа одну легенду о метком стрелке по имени Хара-Уол, который представляется вилюйским героем. Тыгын призвал его к себе и выдал за него одну свою дочь с условием, чтобы он «три года прожил у него, служа и промышляя» (Элл. § 118).

Характерно то, что тот же порядок житейских взаимоотношений, а именно, установление зятевства, проводится в якутских легендах и в отношении местных тунгусов. Так в одной легенде, записанной мною в Кангаласском улусе рассказывается, что царь Тыгын «сосватал одну из своих дочерей,

красавицу Тыасааны-Куо, за тунгусского витязя» (Элл. № 134). В пределах Хочинского улуса на р. Чоне нам удалось записать предание о якуте Маччага, жившем сравнительно недавно. Он с братом Куомарыкы охотился в районе Чоны на тунгусской территории. Куомарыкы во время игры был случайно убит тунгусами. Маччага в отместку за убийство брата истребил целую семью тунгусов и угнал к себе их оленей. Тунгусы, собравшись в большом числе, прибыли к местожительству Маччага. Последний заперся в амбаре и предложил тунгусам мир, обещая выдать им двух девиц. Тунгусы приняли это условие и помирились (Элл. § 311).

Можно ли сомневаться в том, что главки трех отделов вилуйского народа, когда-то проживавшего в Приангарском крае, состояли зятьями якутских или турецких тегингов или тыгынов, следовательно, были известны под названием «юч- курыкан» (т. е. трех зятей)?

С другой стороны, параллельное изучение цикла сказаний о бедном охотнике и метком стрелке Бэрт-Хара и легендарных образов прародителей вилуйских якутов еще более убеждает нас в первоначальном тунгусизме последних и их служебной роли в древнетурецком государстве. Необычайная популярность и разработанность сказаний о Бэрт-Хара, а также общечеловеческие черты этого мифологического образа (Нимврод, Орион, отчасти и Илья Муромец русских былин, чудесно исцеляемый богатырь-калека) свидетельствуют о том, что тунгусы являются старейшим историческим народом Азиатского материка и что тунгусские примеси к якутам отражают структуру и этнический состав самого древнетурецкого народа. Было бы наивно думать, что степные турки, занимавшие самый центр Азии и выступавшие всегда в роли завоевателей среди окружающих разноязычных народов, представляли из себя этнически чистое племя. Военные успехи древних хуннов при хане Модэ, по всей вероятности, обусловлены наличием в их составе значительного процента тунгусских стрелков, как и в более позднюю эпоху монголов Чингис-Хана, выступивших на историческую арену из Забайкалья и Северной Манчжурии, т. е. фактически из пределов тунгусской территории.

XI. У современных якутов бытует одна поговорка или крылатое речение, в котором центральное место занимает имя «ураангхай». Когда якут хочет выразить величайшее удивление по поводу несуразного, дикого, странного или бесшабашного поведения кого-либо, из его уст вырывается неожиданное восклицание: «О, джэ ураангхай, догоор» — «О, други, ведь (он есть истый) ураангхай!»

Принимая во внимание изложенную выше служебную роль древних ураангхаев, относивших обязанности династийных войск или отрядов внутренней охраны, приведенное якутское выражение следовало бы переводить приблизительно «ну и башибузук» (или ну и сорви-голова). По Пекарскому, Дмитриан Попов, один из лучших знатоков якутского языка, это выражение переводит «ну, существо же». По Кочневу, «ураангхай» — значит дерзкий, по Худякову — бедокур, бедовый, чудака, дивный.<sup>217</sup> А Семен Новгородов, как мы говорили раньше, переводит это слово «молодец».

Эти приблизительные толкования житейского смысла имени «ураангхай» в устах якутов, несомненно, подтверждают нашу гипотезу об этническом происхождении и социальной роли отуреченных тунгусов — урангканов (по первоначальному произношению «оронкон-ов»). «Янычары» древнетурецких завоевателей, бывшие постоянными участниками грабительских походов, в своем повседневном поведении не могли не проявлять себя как истые башибузки.

XII. В якутском быту констатируется еще один момент, который до некоторой степени может характеризовать далекое прошлое ураангхайского народа.

Вряд ли кто из серьезных историков и социологов мог бы оспаривать то простое положение, что творчество богатырского эпоса стоит в непосредственной связи с ведением войн. Там, где происходят постоянные битвы и сражения, не может не зарождаться эпическая поэзия, посвященная героям этих войн и более или менее достопримечательным событиям из области военной хроники. Вот почему собрание богатырских поэм, хранящихся в устной памяти народа, возможно было бы сравнивать с древлехранилищем разного оружия, доспехов и прочих приспособлений, служащих для целей войны. Следовательно, по состоянию богатырского эпоса, его количеству и качеству можно почти безошибочно определить характер исторического прошлого народа, являющегося носителем этого эпоса.

Современный фольклорист, заглянув через маленькое окошечко в мир якутских «олонгхо», пожалуй, увидел бы картину, которая поразила пушкинского Руслана:

«...старой битвы поля.

...здесь и там Желтеют  
кости; по холмам

<sup>217</sup> См. Пекарский. Словарь, стр. 3061.

Разбросаны колчаны, латы;  
Где сбруя, где заржавый щит;  
В костях руки здесь меч лежит;  
Травой оброс там шлем косматый  
И старый череп тлеет в нем;  
Богатыря там остов целый...»

В настоящее время нельзя даже приблизительно определить, сколько основных сюжетов находится в распоряжении ныне живого поколения якутских рапсодов. Автор этих строк летом 1921 г. столкнулся с одним якутским олонгхосутом, якутом Намского улуса Петром Колесовым, которого рекомендовали как одного из крупных мастеров своего дела. Рассчитывая в несколько дней ознакомиться с его репертуаром, я попросил перечислить все знакомые ему былины. Крупных былин «олонгхо» он насчитал 45. (См. в приложении III — репертуар былин П. Колесова).

Очевидно, в памяти якутского народа хранится огромный запас самых разнообразных былинных сюжетов. То, что нам известно по имеющейся литературе, вряд ли составит и 10% того материала, который фактически существует. Историк якутского племени не должен был бы пройти мимо этого поразительного богатства эпической поэзии у якутов, которое можно рассматривать как живой памятник военной истории урянхаев древнетурецкой Монголии:

«Бойцы вспоминают минувшие дни  
И битвы, где вместе рубились они...»

## ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ<sup>218</sup>

I. Современные якуты, несмотря на кажущуюся однородность по своему экономическому быту, физическому типу, языку и прочим признакам своей материальной и духовной культуры, должны быть признаны народом смешанного этнического происхождения. При внимательном анализе данных экономики, языка, фольклора, а в составе последнего в особенности исторических саг, а также нравов, обычаев и религии довольно явственно обозначается соединительная спайка между двумя крупными и основными этническими группами, которые в течение долгого исторического процесса сливались воедино и приняли общее название «саха», принадлежащее когда-то одной этнической группе, экономически, культурно и политически более сильной и устойчивой.

Побежденной и ассимилированной стороной мы признаем древних уранхаев, народ манчжуро-тунгусского происхождения, по преимуществу занимавшийся оленеводством, охотой и рыболовством. Основное ядро уранхайцев, по всей вероятности, состояло из тунгусских племен собственно Манчжурии и Верхнего Амура, предков современных ороchon, солонов, дагуров и других, неизвестных нам, их соплеменников. По мере дальнейшего развития якутских переселений, приведших весь смешанный народ в пределы северо-восточной Сибири, ассимиляционный процесс мог захватить и другие тунгусские племена Прибайкалья и бассейна Лены. Причем в районе Прибайкалья общую судьбу тунгусских племен разделила и какая-то часть современных западных монголов-калмыков, известных в более ранние исторические эпохи под названием югэлэтов-элетов, (несколько позже ойратов), а в их составе тумэтов и баргутов (предков северо-байкальских бурят), потомки которых в настоящее время обнаруживаются среди якутов-олeneводоB и в пределах северного Вилюя, а также, весьма возможно, среди якутов Верхоянского и Колымского округов.

---

<sup>218</sup> Приводимые ниже тезисы отнюдь не исчерпывают все главное и важное, что возможно было бы извлечь из наших очерков; это — только важнейшие, да и то подобранные лишь в направлении развития общих тем об этногенезе и социальном разрезе древнего якутского общества в связи с тем же этногенезом.

Вопросы методологии и критики старого направления якутской историографии, как и вся конкретная история северных якутов и вилюйчан, остались совершенно в стороне.

I. Первоначальные уранхайцы, тунгусы Манчжурии и верхнего Амура, по смыслу исторических преданий якутов, должны были состоять данниками степных народов турецкого происхождения в эпоху развития древнего скотоводческого феодализма (не исключается возможность существования и предшествующего ему рабовладельческого уклада своеобразного азиатско-скотоводческого типа). Эти тунгусские племена, эксплуатируемые феодалами древнетурецкого степного быта сначала в качестве охотников-поставщиков дорогой пушнины, а потом и домашней челяди, воинов рабов (в якутских былинах «уолан киси», а в орхонской письменности «огланы»<sup>219</sup>), очень рано должны были утратить язык и другие признаки своего прежнего естественно-бытового состояния, превращаясь, таким образом, в народ хотя и не турецкий, но вполне отуреченный по всем своим внешним данным.

В некоторые исторические эпохи эти отуреченные тунгусские племена в качестве династийных войск тех или других ханских фамилий могли играть очень важную роль в древнетурецкой истории, выдвигая из своей среды командующую военную верхушку феодальной знати. На этот момент намекает употребление у якутов имени «ураангхай» со значением люди-турки вообще, а также обыкновение монгольских племен называть ураангхайцами остатки по-турецки говорящих народов. Весьма возможно, что имя «ураангхай» служило у монгольских племен общим этническим наименованием древних хун-ну или сюн-ну китайских исторических хроник.

III. Эти ураангхайцы, находясь в постоянной экономической, политической и культурной зависимости от своих турецких владык, не могли не испытывать в своей собственной истории разные последствия общих судеб древнетурецких племен степной Монголии. Особенно же решающее влияние на них должно было иметь постепенное падение политического могущества турок в Монголии, ибо наряду с разными путями исхода последних из Монголии, как, например, бегства по степям на запад, ассимиляции с оседлыми народами Китая, Тибета, Восточного Туркестана, растворения среди окраинных монголов, нельзя исключить и эвакуацию остатков разбитых турецких племен и родов в места обитания упомянутых отуреченных тунгусов, находящихся в вассальной зависимости от них. Вот почему общий процесс распада политической и культурной мощи древних турок в Монголии должен был сопровождаться постоянным притоком их в отуреченные тунгусские

---

<sup>219</sup> Но в эпоху турецкого средневековья, к которому относятся эти надписи, огланы, несомненно, рабами не были.

окраины, расширяя ее границы на новые территории, занятые тунгусами чистой крови и охотниче-оленоводческой культуры.

Вместе с тем не могло не расти и турецкое племенное самосознание этих отуреченных тунгусов.

IV. Местом консолидации и племенного оформления древних ураангхайцев, как особой этнической единицы, мы должны признать окружение озера Байкала, тесно увязанное с монгольскими степями при посредстве водной системы Селенги с ее многочисленными притоками. Начальная история ураангхайцев могла протекать на территории теперешнего советского Забайкалья, а с постепенным заполнением последнего турецким беженчеством из степной Монголии их центр должен был переместиться в Предбайкалье (Приангарье) и дальше на север.

Больше данных говорит за то, что современный якутский язык принадлежал не поздним турецким эмигрантам в ураангхайскую среду, аначальному ядру отуреченных тунгусов и древнейшим турецким элементам, которые могли обратно ассимилировать в языковом и культурном отношении новые волны турецких поселенцев. Если дело обстоит так, то якутский язык должен быть признан тем диалектом, на котором говорили древнейшие турецкие племена Монголии, известные в исторических хрониках Китая под названием хун-ну или сюн-ну. Однако, этот спорный вопрос может проясниться лишь в связи с изучением всех культурных признаков собственно саха'ского элемента, как главного носителя якутской культуры. Пока же мы ограничимся указанием на бытующий в якутском языке прилагательный термин «сююнэ» со значением великий, громадный, в архаических словообразованиях принимающий форму «сюнг» (напр., «сюнг-далай» — великие воды, Сюнг-Хаан — великий хан). Особенно знаменательно последнее мифологическое имя, которое приписывается древнейшему царю, почитаемому как божество — покровитель всех властвующих феодально-княжеских родов. Его полное имя «Сюнг-Хаан — Сюнгкэн Эрлик Хомпоруун Хотой Айыы» — великий хан, величайший Эрлик горбонос — орел-божество. Этот дух почитался якутами в лице темносерого орла. В былинах этот хан признается властителем многих улусов, занимающих безграничные степи.<sup>220</sup> Это есть тот самый мифологический образ, который одновременно почитается всеми монгольскими племенами как злое божество «Эрлик-Хан» (или Эрлэн-Хан), царь подземного мира. «Сюнг-Хаан» под именем «Сюнюч-Хаан» почи-

<sup>220</sup> См. «Образцы нар. литер. якутов». Под редак. Э. К. Пекарского. Т. I, стр. 3.

тается и туркменами, как их древнейший предок. В именах «Сюнг, Сюнюч», превратившимся у якутов в синоним понятия «великий», нетрудно узнать древнее китайское название «сюн-ну». С этим выводом вполне согласуется и превращение якутского Сюнг-Хаана в грозного бога Эрлика всех монголов.

VI. Все перипетии исторической судьбы якутского народа, заброшенного на крайний северо-восток таежной Сибири, и большое своеобразие его самобытной культуры и языка, сильно расходящихся от того, что принято называть «турецким» в собственном смысле этого слова, находят свое объяснение в унаследовании им языка и культуры тех древнетурецких племен, которые остаются за завесой известной и документированной истории народов тюрк и уйгур. С другой стороны, этот процесс консервации у современных якутов элементов древнейшей турецкой культуры, которая по своему содержанию была, наверное, интернациональной для своего времени, можно объяснить лишь двухсоставностью якутского народа с незапамятных времен. Хранителями старины должны были быть по преимуществу урянхайские части якутов. В этой самой двухсоставности якутского народа нужно усматривать интересный пережиток древнейшего состояния степных турок, которые, будучи по преимуществу наездническим народом с грабительскими наклонностями в силу условий их экономического быта, не могли представлять из себя этнически чистую народность. Благодаря господству у степных турок табунного коневодства, «турецкого типа», как такового, и не существовало. «Турки» в собственном смысле этого слова по своим физико-антропологическим признакам всегда походили на те народы, в окружении и за счет которых они существовали.

VII. Исторический процесс полной денационализации и отуречения амуро-манчжурских тунгусов, захвативший в пределах распространения якутского влияния и другие тунгусские племена Сибири, несомненно, свидетельствует о сильно развитой классовой организации общества у турецких предков якутского народа. Общественно-политическая организация древних «сах» и господствующая у них форма эксплуатации труда (классовый строй) могут быть установлены лишь при изучении их собственной истории. Здесь же мы формулируем лишь косвенный вывод, подсказываемый историей якутских ураангхайцев, в особенности же размахом их переселений.

Мы приходим к выводу, что переселения якутов из Прибайкалья на Лену обычно начинались бегством угнетенных и эксплуатируемых элементов. Следом за ними должны были переселяться и командующие роды, рассчи-

тая на новых местах восстановить прежние социальные отношения со своими беглецами.

Эти факты нельзя расценивать иначе как проявление ожесточенной борьбы классов. Пассивные и активные формы классовой борьбы в своем постепенном развитии привели якутское скотоводческое племя из южной степной зоны до места обитания полярных песцов и диких оленей таежно-тундровой полосы Сибири. Вместе с тем мы находим яркое подтверждение в бесспорных фактах основного тезиса марксистского социологического учения, наиболее сжато и точно сформулированного в следующем комментарии Фридриха Энгельса:

«Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию и тогда выяснилось, что вся она, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся классы являются в каждый данный момент результатом отношений производства и средств сношения — словом экономических отношений своего времени».<sup>221</sup>

У якутов мы находим столкновение двух типов социально-бытовой организации людей, из которых один вырастал на почве размножения степных травоядных животных, главным образом, рогатого и конного скота, а другой — на почве таежного оленеводства с неизбежной охотой и рыболовством. В результате их симбиоза и смешения в процессе длительного экономического развития и социальной дифференциации, складывалось древнеякутское общество, в котором классовые черты более раннего кочевого общества должны были выступить еще резче и принять сложные формы.

Историки буржуазного периода основную причину якутских переселений на север обычно усматривали в механическом нажиме на якутов извне других враждебных племен, например, монголов и бурят, совершенно игнорируя своеобразный закон «самодвижения» всего социального организма якутского народа в результате хронического проявления внутреннего классового и племенного антагонизма.<sup>222</sup>

В истории развития древних якутских переселений борьбу с внешними врагами, иноплеменными народами, конечно, нельзя исключать из числа действующих факторов. Но моменты этой борьбы ввиду классовой природы древнего якутского общества и его этнической разнородности с резко выра-

<sup>221</sup> Анти-Дюринг. Партизд. Москва, 1934 г. Изд. 6, стр. 18.

<sup>222</sup> См. Ленин. «К вопросу о диалектике...» «Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей...» Цит. по сбор. В. И. Ленин. «Маркс-Энгельс — марксизм». 4 изд. Партизд. 1935 г., стр. 322.

женными отношениями господства и подчинения неизбежно должны были сопровождаться рецидивами внутренней племенной и классовой борьбы. Эта борьба в первую очередь должна была усиливать беженчество недовольных элементов на отдаленные окраины. При этих условиях господствующему классу якутов нужно было решать дилемму: защищать до последней крайности свою обезлюденную родину от внешних врагов или же предпочесть борьбу со своими внутренними врагами, которые в критический момент грозящей извне опасности «преступно» дезертировали в недостижимые дали. Остановиться на последнем решении, это значило бы переселяться на новые места вслед за своими угнетенными классами и родами, чтобы обрушить на их головы свою классовую месть. История нам доказывает, что якутские феодалы чаще выбирали последний выход, т. е. путь открытой классовой и внутривременной борьбы, которая, несомненно, выражалась в погромах всех ранних беженцев, в изгнании их из насиженных и культивированных мест, в отобрании скота, промысловых угодий и т. д.

Вот почему явные монгольские и манчжуро-тунгусские части в составе по-якутски говорящего народа мы находим в его заполярном авангарде среди якутов-оленоводо-вод. Иными словами, в древние времена беженчество на север в первую очередь затрагивало иноплеменные примеси к якутам, которые совместно с угнетенными слоями якутского общества представляли собой как бы полюс центробежной силы. Обратные тенденции — сдерживать и закрепощать ускользающие элементы должны были проявлять якутские тыганы со всей их феодальной свитой.

В процессе древних якутских переселений этот самый Тыгын со своими ближайшими родами и аймаками, конечно, занимал арьергардное положение. В исторических воспоминаниях якутских масс образ их царя Тыгына принимает черты евангельского Ирода: он избивает живые силы своего собственного народа и вынуждает его разбегаться в дальние окраины. И даже нашествие русских якуты-легендисты склонны объяснить как наказание свыше, насланное богом за грехи и преступления их царя Тыгына. Вместе с тем становится совершенно очевидным, что якутская трудовая масса в дорусскую эпоху жила под невыносимо тяжелым классовым гнетом, ибо в противном случае в установлении острожно-крепостнического режима московских царей при натуральном пушном ясаке в первое время и феодально-

крепостнических порядков<sup>223</sup> позже с заменой пушного ясака денежным при разгуле торгово-ростовщического капитала пришлых извне и своих собственных «тойонов» легендарное сознание народных масс не могло бы усмотреть проявление промысла своего всеблагого Айыы-Тойона.

Отмеченные нами моменты могут быть твердо установлены лишь при обозрении и подробном ознакомлении с собранным нами сборником «Материалов по легендарной истории и мифологии якутов», озаглавленном нами «Эллэйада». Пересказывать все ее содержание мы не имели никакой возможности, как и настаивать на совместном с этими очерками издании в качестве нераздельного приложения.

Все изложенное свидетельствует о том, что, так называемый, азиатский способ производства или вкратце «азиатчина» у якутов дорусского периода существовала, может быть, в более худшем переиздании, чем даже в центральноазиатских степях при господстве номадизма, как и всякой другой далекой окраине, бытования той же социально-экономической формации.

VIII. Если якутские массы уходили из Предбайкалья на Лену в процессе постепенного обнаружения классового и племенного антагонизма, то и продолжительность этих переселений нужно определять многими столетиями и даже полным тысячелетием. Их начальную стадию мы связываем с эпохой великого переселения народов на континенте Азии и Европы, которая в пределах Восточной Сибири переживалась на два-три столетия раньше, чем в Восточной и Западной Европе, приблизительно с конца 1 столетия н. эры.

При разрушении Северного хуннского ханства в степях Монголии аборигенное население Прибайкалья должно было получить сильный толчок от наплыва остатков северных хуннов, покидавших свои родные степи. В эту бурную эпоху тунгусские племена, обитавшие в Приангарском крае (Баргуджин-Тукуме) совместно с западными конголами (югэлэт и тумэт), подвергшиеся сильному хуннскому влиянию и усвоившие от них железную технику, должны были переселиться на Вилую, где они частью оттеснили, а частью перемешались с местными тунгусами.

Основная масса западных монголов отступила за Саяны, часть их застряла в лесистом районе на запад от Ангары (эхириты и булагаты), а другая часть ушла на Вилую вместе с тунгусами.

---

<sup>223</sup> Осторожно-крепостнический и феодально-крепостнические порядки московских царей мы не противопоставляем друг другу как нефеодальные и феодальный порядки. И тот и другой, конечно, феодализм, но проходивший в Сибири свои особые стадии развития.

В таком виде представляется нам процесс образования северной оленеводческой группы якутского народа.

В пределах Приангарского края тогда же обосновалось основное ядро отуреченных манчжуро-амурских тунгусов-ураангхаев, которые в кочевой монархии древних хуннов играли роль германских варваров древнего Рима, из которых их шаньюи вербовали своих отборных стрелков. Эти ураангхай должны были говорить на хуннском наречии и в небольших размерах вести скотоводческое хозяйство. В них мы усматриваем предков вилюйских якутов. С этого времени надо полагать, от Прибайкалья до устья Вилюя в западной половине бассейна Лены началось господство якутского наречия.

IX. В седьмом и восьмом веках вилюйские якуты под названием «гулигань» в китайских летописях и «юч-курыкан» в орхонских надписях все еще оставались в Приангарском крае, но их окраинные роды (северные вилюйчане), наверное, уже начали переселяться на Вилюй. Эти переселения могут усиливаться в эпоху стеснения тогуз-огузов уйгуров в Забайкалье в связи с возвышением и набегами на них народа тюрк (ту-гю китайцев), которые, по свидетельству селенгинского камня, по своему происхождению были турки-кипчаки и в эпоху турецкого владычества в Монголии играли роль позднейших ойратов, боровшихся за первенство с халха-монголами.

Падение уйгурского ханства в Монголии в середине IX столетия должно было вызвать окончательное переселение ураангхаев Вилюй и водворение на их месте народа «саха», под каким именем первоначально были известны лишь якуты Якутского округа, ближайший народ якутских тыгынов.

Сахары были обитателями степной Монголии, но их окраинные роды, по-видимому, очень рано населяли степные места Забайкалья, находясь в экономическом и культурном общении с ураангхями Приангарского края. Приходится допустить, что эти сахары, внедряясь в среду ураангхайцев, усваивали их наречие или может быть, сами представляли собой остаток древних хуннов. (Если не ошибаемся, лингвистическая наука не располагает памятниками языка ранних уйгуров-гаогуйцев, населявших степи Монголии, прилегающие к бассейну Селенги и Орхона. Язык селенгинского камня вряд ли может характеризовать народное уйгурское наречие, ибо правящая верхушка тогуз-уйгуров после владычества турок — Ту-гю могла усвоить наречие последних. Еще того менее может сойти за древнеуйгурское наречие язык тянь-шанских оседлых уйгуров. Следовательно, наречие коренных турецких обитателей Халхи до периода владычества народа тюрк, переселившегося из пределов Западной Монголии и Алтая, в науке остается под вопросом).

В эпоху возвышения монголов Чингис-Хана «саха»-якутов в Приангарском крае уже не было. Очевидно, якуты Тыгына переселились в пределы отдаленного Якутского округа незадолго до появления Чингис-Хана.

X. С большой вероятностью можно допустить, что якутская феодальная монархия во главе с тыгынами (тегинами) образовалась после падения уйгурского ханства в Монголии в середине IX столетия. Династия якутских тыгынов, по всей вероятности, происходит от последнего уйгурского хана Энень-Тегина, который по китайским летописям признается «пропавшим без вести». (Об уйгурских родах в составе современных якутов мы будем говорить во 2-м томе очерков).

XI. Предки северобайкальских бурят, так называемые, эхирит-булагаты, за время проживания якутов в Приангарском крае, всегда жили от них на запад в лесистом и гористом районе, занимаясь по преимуществу охотой. Их историческая роль заключается в том, что они заслонили от якутов степные просторы Южного Енисея и обусловили отход их на север. Отступление якутов Тыгына на Лену, по всей вероятности, обусловлено усилением напора на них монголов-тумэтов и элетов из Урянхая и Прикосоголья, а также и основного отдела монгольского народа из-за Байкала, которые могли захватить весь левый берег Ангары.

Трагедия якутов в прибайкальский этап их истории заключалась в том, что они, постепенно отступая перед нападавшими внешними врагами в свой собственный тыл, должны были сталкивать свои задние части вглубь бассейна Лены. Вместе с тем, на значительный процент ослабевала, конечно, и обороноспособность остающихся, ибо ушедшие на Лену в дальнейшем уже не могли быть использованы как боевые кадры. А враждебные монгольские племена, между тем, облегали их со всех трех сторон.

Вот почему, когда в глубине бассейна Лены в пределах современного Якутского округа открылся новый обширный колонизационный фонд, где возможно было вести скотоводческое хозяйство, то вожди прибайкальских якутов в один из тревожных моментов своей истории легко могли ухватиться за мысль эвакуировать свои южные владения и свалом переселиться на Лену. (Сюжет о чудесном переселении целого народа, населявшего до бурят Приангарский край, сохранился в легендах северобайкальских бурят во многих вариантах. Этот народ буряты называют то «хара-монголами», то «сэгэнута-ми»),

XII. Колонизация якутами бассейна Лены, начавшись с ее верхнего течения, должна была перекинуться через Нью на Вилюй и захватить весь Ви-

люйский округ. Якуты-оленоводы, раньше поселившиеся на Вилюе, при заполнении последнего якутами-скотоводами, должны были отойти на север в бассейн Оленека и в понизовья Лены. Только лишь по заполнении Вилюя якутами-скотоводами последние, постепенно распространяясь на восток, могли нащупать территорию Якутского округа и колонизовать Амгино-Ленское плоскогорье. Подробные доказательства раннего появления вилюйчан на Амгино-Ленском плоскогорье мы приведем во втором томе наших очерков.

XIII. Распространение на северо-восток Сибири вплоть до берегов Полярного моря ураангхайских частей якутского народа, бесспорно, обусловлено было расцветом на юге в тех областях, откуда они вышли, железной техники, которая не могла не давить на северную периферию в пунктах своего соприкосновения с каменной и костяной техникой культурно-отсталого древнего сибирского человечества. Если дело обстояло так, а иначе как будто не могло и быть, то древние ураангхайцы должны были впервые занести на северо-восточные окраины Сибири довольно развитую железную технику, разного рода орудия труда и вооружения для целей охоты и войны, взамен господствовавшей здесь до того каменной и костяной техники, ибо наличие в этих областях какой-либо заметной медно-бронзовой индустрии, кроме случайных и единичных находок, могущих попадать и при посредстве натурально-менового торго, как известно, не констатируется.

Это распространение железа в областях бытования каменного века не могло не сопровождаться и значительными сдвигами в сфере идеологии туземного человечества, обогащая его новыми понятиями и представлениями, формами шаманистических обрядов и догматов и проч. Было бы ненаучно заранее исключать и возможность заноса на север Сибири вместе с людьми железной техники и таких явлений идеологического порядка, как, например, целых циклов сказаний и мифов, которые у себя на южной родине в более позднее время, будучи захоронены под слоями новых культурных достижений, исчезли, не оставив по себе никакого заметного следа, тогда как в отсталых и глухих местах дальнего севера она продолжают бытовать и теперь.

К явлениям такого порядка в первую очередь мы относим хосунный эпос северных якутов-оленоводо, названный нами «Оленекской хосунной эпопеей», разумея под этим, главным образом, сюжет борьбы двух героев, Юнгкээбиля и Чэмпэрэ. Основной сюжет, мифологические мотивы и отдельные штрихи этого сказания обнаруживают весьма любопытные и подозрительные признаки некоторого сходства и отдаленных намеков на основные

элементы прославленного Гомером (или Гомерами) цикла сказаний древних греков о Троянской войне и ее героях, Ахиллесе и Гекторе, вступающих в единоборство под стенами Трои. На нас лично «Оленекская хосунная эпопея» производит впечатление, весьма возможно, обманчивое, как бы зачаточных эмбрионов общего остова знаменитой «Илиады», если взять ее в целом, сосредотачивая, однако, внимание на Ахиллесе и Гекторе. Слабый герой бежит, сильный гонится и, догнав противника, повергает его. Знаменитая ахиллесова «пята» в Оленекской эпопее, неизменный признак поверженного воина, который получает рану обязательно в задней части ноги у щиколотки. Стремительное бегство побеждаемого и там и тут объясняется его обезоружением в самый критический момент. И там и тут фигурирует предатель из лагеря побежденного. И там и тут довольно отчетливо выступает мотив кровожадности вплоть до каннибализма, мотив мести, похищения красивой женщины и т. д. Ясно, конечно, что здесь могла бы идти речь лишь о какой-то однородной стадии культурного развития человечества Старого Света. Но ввиду недостатка имеющихся в нашем распоряжении материалов по фольклору как самих северных якутов, так и их соседей, мы не рискуем выдвигать какие-либо конкретные теоретические тезисы по данному вопросу. Мы считаем необходимым лишь обратить внимание наших советских ученых, мифологов и фольклористов на эту интересную проблему, может быть могущую пролить в дальнейшем свет на древнейшие общие стадии экономического и культурного развития человечества Дальнего Востока и Дальнего Запада, обитающего на одном материке.

Почем знать, может быть, раскопанные при более внимательном собирании и изучении циклы мифов и сказаний первобытного человечества северных окраин Азии при доказанности заноса их с юга и тесной увязки этого явления с распространением железной техники, вскрывая пред глазами историка ранние стадии в развитии восточноазиатских народов, могли бы в дальнейшем довести к признанию бесспорного диалектического единства культурно-исторического процесса на территории всего Старого Света, а в первую очередь, конечно, Азии и Европы, от чего так усиленно отрешаются буржуазные ученые Запада, не говоря уже о современных фашистски настроенных теоретиках.

Ввиду большого и серьезного научного значения «Оленекской хосунной эпопеи», которая нас интересовала лишь в разрезе отражения в ней древнейших переселений на север якутов-ураангхайцев, мы прилагаем ее тексты к нашим очеркам в переводе на русский язык. В случае важности и нужности

этого фольклорного материала не только для разработки вопросов древней истории якутов было бы желательно продолжить собирательскую работу среди как самих северных якутов, так и их ближайших соседей. Нельзя забывать, что социалистическое строительство среди оленеводов дальнего севера безусловно сопряжено с полной гибелью их первобытного эпоса, что совсем не за горами. Автор же настоящих очерков, работая в единственном числе без всякой поддержки и содействия, морального и материального, со стороны ведущих и авторитетных центральных научных учреждений, был не в силах добраться до многого и произвел, в сущности говоря, только легкую фольклорную разведку.

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### *Приложение I*

#### ПЕРЕВОД НЕРУССКИХ ТЕКСТОВ (С НЕМЕЦКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ), ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ

Эпиграф к 1-й части:

Если в этом моем исследовании я часто затрагиваю мнения моих предшественников, то не следует в дурном смысле толковать мои истинные намерения / досл.— откровенность, чистосердечие/, ибо мое нападение всегда преследует интерес дела и никогда личность того или другого автора.

В. Радлов. «Фонетика северных тюркских языков». Лейпциг, 1882 г.

Цитаты из сочинения Ф. Страленберга:

<sup>1</sup> С этими тремя народами почти имеют одинаковый диалект тюрки, крым-узбеки (?), башкиры, киргизы и татары-туркмены.

<sup>2</sup> Наши якуты прежде жили на юге около королевства Тангут (как они сами сообщали мне) и поскольку утверждает Исбрандт Идес, который говорит: «Они и буряты, которые теперь живут около Байкальского моря, раньше составляли один народ».

<sup>3</sup> Языческий народ называемый так (якутами) русскими, сам себя на своем наречии называет, цинн цаха или цинн. соготох.

<sup>4</sup> Они называют себя цаха по имени одного князя, которого они имели в очень древние времена.

Цитаты из сочинения академика В. В. Радлова «Якутский язык в его отношениях к тюркским языкам»:

<sup>1</sup> Что касается начальных переднеязычных звуков — с, ш, ч, выступающих в тюркских словах, то они в якутском наречии совершенно исчезли.

<sup>2</sup> Мы видим, таким образом, что якутский язык в отношении переднеязычных спирантов не только соответствует очень поздней стадии развития в тюркских языках перехода согласных звуков, но что он представляет из себя последнюю ступень этого поступательного движения, до которого не достигло еще ни одно из других турецких наречий.

Эпиграф на якутском яз. ко 2-ой части:

На каменистой  
тундре Диких оленей  
Копьем пронизая,  
Питанье добывающий,  
На широкой равнине  
Куропаток стаи  
Силками добывая,  
Голод утоляющий —  
Созданья мы.

Перевод эпиграфа к IV приложению «Оленекская хосунная эпопея»:

На далеком побережии  
Окраинного моря В великой  
нужде обитающий,  
Мы — самые малые из тех,  
Кого называют саха-якуты.  
Мы — те горемыки,  
Привольную жизнь которых  
Свирепые ветра С северной  
стороны  
Завалили сугробами.  
Мы те — якуты,  
Счастье которых  
Поблекло и погисло  
Под снежным покровом,  
Настигающим нас и с запада.

Из народных песен северных якутов. Март 1924 г.

**СОЛУК-БООТУР (Из сказаний о  
древних героях Борогонского улуса)**

Солук-Боотур был легоец (т. е. принадлежал к аймаку Легей, разделившемуся позже на 1 и 2-ой Легойские наслеги. Он признается 1-м легойцем) из рода чээлей. Он прежде сражался с баягантайским Хаптагай-Баатыром и убил его. Жену последнего Элгэс он привел с собой и женился на ней...

**Солук-Боотур и Джэллик-Баатыр<sup>224</sup>**

После прибытия русских в Мельжехсинцы (Мегинского улуса) жил человек по имени Джэллик-Баатыр. Он имел жену, которая была очень бойкой на язык. Этот человек в тайге, окружающей озеро Тюнгюлю, охотился с луком на соболя.

Однажды он сказал жене: «Я еду в тайгу озера Мюрю (территория борогонцев) на соболиную охоту, приготовь-ка мне провизию!»

Жена возразила: «Это зачем ты вздумал заходить на чужую территорию. По рассказам, там проживает очень смелый человек по имени Солук-Боотур. Как бы он ненароком, встретив тебя, не окровавил твое лицо?»

Муж рассердился. Поднявшись рано утром, он оседлал коня и поехал. Доехал до тайги озера Мюрю. Выпал тонкий снег. Найдя следы одного соболя, он выследил его и загнал на сосну с густыми ветвями. Стоя под сосной, он начал стрелять в соболя, но никак не мог попасть в него.

Оказывается, за тем же соболем гнался и Солук-Боотур. Он, подойдя к сосне и стоя поодаль, одним выстрелом убил соболя. Джэллик-Баатыр со словами «Это мой соболя», — поднял его и сунул было за пазуху. Заспорили и схватились. Солук-Боотур одолел и, повалив противника на землю, поранил его лицо и вытащил соболя. Затем он прогнал его с наказом не приходить на чужую территорию. Джэллик-Баатыр, приехав к себе, сказал жене, что его конь, зауросив, поранил лицо об сучок. Но тем не менее скоро разнеслась

---

<sup>224</sup> Борогонцы принадлежат к акающей группе и потому говорят «Баатыр», а не «Боотур». Но в отношении имени Солук-Боотур сказитель окает в силу сингармонизма, ибо в первой части имени «Солук» содержится звук «о». Г. К.

молва, что Солук-Боотур, встретив Джэллик-Баатыра на соболиной охоте, побил его и отобрал соболя. Эти рассказы дошли и до слуха жены Дж.-Баатыра.

Наступило лето. Из Легойского наслега снарядили в город человека для уплаты ясака. В качестве вооруженного стража отправился и Солук-Боотур. Сдав в городе ясак, посыльные переправились через Лену на правый берег Джаарбанг (Ярмонская пристань). В это самое время на пригорке Туруйалаах мельжихсинцы справляли свой ысыах с играми, бегами взапуски, плясали и пели. Наши люди, опасаясь мельжехсинцев, не пошли на ысыах и поспешно проехали дальше. Но, как говорится в поговорке, всякая беда имеет свой срок (мелкий повод): Солук-Боотур на берегу Лены забыл свою пальму. Ехал он на сухой езжалой кобыле. Он говорит товарищу: «Ах, какая жалость, я забыл свою пальму. Однако, я вернусь за ней!»

Его товарищ был старик. Он попытался отговорить его, сказав: «Неужели из-за одной пальмы ты хочешь идти к целой стае волков, имея с ними счёты?»

Но тот не послушался и вернулся. Прискакав на берег, он нашел свою пальму и поехал обратно. Когда он проезжал мимо собравшегося народа, там поднялся разговор: «Что это за люди, которые снуют взад и вперед?» «Эй, борогонцы возвращаются из города!»

Жена Джэллик-Баатыра тоже вмешалась в разговор и, раззадоривая мужа, сказала: «Это видно тот самый Солук-Боотур, который побил моего мужа».

У Джэллик-Баатыра оседланный конь стоял наготове. Он тотчас же сел на коня и, схватив лук и пальму, погнался за незнакомцем. Жена закричала ему вслед, чтобы он надел свой панцырь, но он не остановился. Через некоторое время он стал догонять Солук-Боотура. Последний закричал: «Зачем гонишься за мной, что тебе нужно?».

Джэллик-Баатыр продолжал гнаться. Солук-Боотур крикнул вторично: «Добром говорю тебе, вернись тотчас же!»

Но, однако, тот не обращал внимания на крики. С.-Б. почувствовал, что его кобылица начинает сдавать в беге. В одном месте он, обернувшись назад, выстрелил. Стрела угодила в печень Джэллика-Баатыра. Он тут же свалился с коня. Солук-Боотур догнал своего спутника. Тот спрашивает: «В какой это свалке ты принял участие, почему трясутся у тебя кости?» Солук-Боотур отперся от содеянного и сослался на быструю езду.

Мельжехсинцы подняли своего человека с дороги. Он был мертв. Среди них был некто Ойуусут-Уус (кузнец-узорник, дочерняя родня легойцев). Этот человек подал жалобу русским властям.

Началось расследование, в Борогонцы выезжал русский начальник и установил виновность тех борогонцев, которые ездили в город. Легойцы и мельжехсинцы кончили дело по соглашению, а именно, в счет погашения греха (провинности) человека обещали заплатить сто голов конного скота и отдать двух человек, мужчину с женщиной. 80 голов скота нашли и сдали, а 20 голов остались долгом. Среди легойцев был один старик Тёрёлёй-Ойун (Т.-шаман), который был хорошо знаком с Ойуусут-Уус и не раз бывал у него. Он-то и поручился в исправной уплате 20-ти голов скота на будущий год в пору взноса ясака.

На будущий год Тёрёлёй-Ойун поехал в город с ясаком. В Мельжехсинцах он остановился у своего племянника Ойуусут-Уус. Он убедил его отсрочить уплату долга еще на год, ибо, де, ныне удался голодный год и добыть скот очень трудно. Однако, и на следующее лето Т.-О. поехал без скота, следуемого мельжехсинцам, и точно также добился отсрочки еще на год. Скот не был доставлен и на третье лето. На этот раз Т.-О. проехал прямо в город, не заезжая к О.-Уус. Тот следом за ним приехал в город и, встретившись с ним в присутственном месте, потребовал уплаты следуемого долга. В ответ на это Т.-О. сказал: «Разве твой долг важнее царского долга, что ты пристаешь со своими требованиями? Пошел вон!»

Ойуусут-Уус возразил: «Однако, мы еще увидим, сумеете ли вы употребить в свою пользу выкуп человеческой жизни?»

Т.-О. с провожатым-стремяным (дословно — седлающим и надевающим узду) утром переправились через Лену. Шаман сказал своему парню: «Что за диво! Ночью во сне над моим лицом махала окровавленным хвостовым волосом?»

Поехали дальше. Парень ехал впереди, а шаман сзади. Старик, опершись на лук седла, дремал. Проснувшись, он сказал: «Сейчас я видел во сне, что моя мать-зверь, явившись, показалась мне. Что-то стрясется с нами!»<sup>225</sup>

Пришлось им ехать через тальниковые заросли. Вдруг у устья речки Со-лы нагнали их 4 всадника и сразу открыли стрельбу. Шаман протянул было руку к колчану, но не смог вытянуть ни единой стрелы. Его спутник невзначай

---

<sup>225</sup> По старинному поверию якутов, если шаману показывается мать-зверь в третий раз, то это служит пред-вестием его близкой смерти. Г. К.

наглухо затянул ремнем отверстие колчана. Шамана тут же убили и отрубили ему голову. Рассказывают, что окровавленная голова шамана, взмахивая волосами, точно крыльями, полетела по направлению к родине.

Через три года, когда Ойуусут-Уус, переехав на летник, сидел в своей берестяной урасе, пронесся страшный ураган. Когда ураган начал крутить, люди слышали слова Ойуусут-Ууса: «О, дядя! погоди, постой!»

Говорят, с того момента кузнец пропал, точно в воду канул.

### *Приложение III*

#### **СПИСОК БЫЛИН, ВХОДЯЩИХ В РЕПЕРТУАР СКАЗИТЕЛЯ НАМСКОГО УЛУСА ПЕТРА КОЛЕСОВА**

1. Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох.
2. Второй вариант олонгхо (былины) о том же богатыре.
3. Атаах Эмээхсин, Чонгкуруун Огонньор. (Вилюйская былина).
4. Алгыстайы-Хатын, Аар Менгюён-Тойон.
5. Ала-Туйгун, Хара-Туйгун.
6. Тунал Баай-Тойон, Сандыл Маган-Хатын.
7. Эристиэбэй-Бэргэн. (Борогонская былина).
8. Джиэрбэк-Бэргэн.
9. Хара Хаан-Тойон, Маган Кюскэм-Хатын. (По словам сказителя, коренная намская былина).
10. Бэрт Киси Бэйбэллин Тулаайах.
11. Ытык Селюенэй Удаган.
12. Унаалдьын-Куо, Байбары-Куо.
13. Кылааннаах Усуктаах Кыыс-Бухатыыр. (Борогонская былина).
14. Ньэмиэт-Бэргэн.
15. Джэгэлимээн Эмээхсин.
16. Юрюнг-Уолан.
17. Юрюнг-Уолан, Ёлбөгөчөөн-Бөгө.
18. Бюёрсён-Бөгө, Джиэрбэк-Бэргэн.
19. Хаалдьык-Бэргэн.
20. Муос-Эрили, Айала-Баатыр. (Богатыри тунгусы).
21. Айыы Сиэнэ Айама-Баатыр.

22. Кюн Айама-Баатыр.
23. Ынах Уола Айдаан-Бухатыыр.
24. Оройдоон-Буруйдаан, Мёнгюлю-Бёгё.
25. Третий вариант былины об Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох. (Богатырь 40 лет лежит калеккой. По словам Колесова, эту былину знают все сказители).
26. Одун Халлаан Уола Одунча-Бёгё.
27. Хара Халлаан Уола Куобах-Сангыйах.
28. Хаарымтагай Хара-Кыырт, Ёрюкюйэр Юрюнг-Кыырт.
29. Ого-Тулаайах.
30. Тынгырахаан Эмээхсин уола Сэттэ Тутум Ого-Тулаайах.
31. Сир Сабыйа Баай-Тойон.
32. Саха Саарын-Тойон, Айыы Сандыл-Хатын.
33. Чучустаан-Бёгё.
34. Балыйа-Баатыр.
35. Джура-Бёгё.
36. Юрдюк таба аттаах Юёмэр-Табар. (Баягантайская былина).
37. Кыыс-Халларык. (Борогонская былина).
38. Джэрэкээн Эмээхсин, Тобук Огонньор, их сын Маган Биэ уола Байантай-Бэргэн.
39. Уораан-Бухатыыр.
40. Бэриэт-Бэргэн, Додору-Бёгё. (Баягантайская былина).
41. Кюнээйи-Баатыр.
42. Кюн-Эрилик.
43. Аджы-Буджу-Бухатыыр, Эрбэхтэй-Бэргэи.
44. Эр Огото Эрбийэлээн-Баатыр.
45. Модун Эр Соготох.

*Атамайский наслег Намского улуса. Июль 1921 г.*

## ОТ АВТОРА

Этот сборник содержит в себе героические сказания северных якутов-оленьеводов и небольшие параллели к ним, записанные у тунгусских племен, соприкасающихся с якутами на северо-западе и юго-западе Якутии и принадлежащих к составу эвенко-тунгусских обитателей правой половины бассейна Енисея. Эвенки верховий Нижней Тунгуски, известной туземному населению под названием Хатанги, в настоящее время никаких связей с северными якутами не имеют, ибо их разделяет общая масса якутов-скотоводов. Но тем не менее, их героические сказания имеют много общих черт, которые возможно объяснить только их древними культурными взаимоотношениями. Весь этот фольклорный материал собран нами в течение одного года (1923—1924 гг.) пребывания в низовьях Лены в с. Кюсюр, около с. Булун, откуда в марте 1924 г. мы совершили еще месячную поездку к устью р. Оленека. Эвенков верховий Ниж. Тунгуски мы имели возможность посетить весной 1925 г. во время своей этнографической поездки через вилейские улусы по маршруту Тит-Ары на Лене — г. Вилейск — Верхневилейск — Марха — Нюрба — Шея — Сунтар — Хадан в б. Хочинском улусе — Садын или Брангатский наслег — Чона — Эрбогачон — Ново-Туруханск и Красноярск. Один вариант сказаний северных якутов записан в низовьях р. Анабара нашим сотрудником Д. Кириллиным по-якутски и переведен нами. Все записи делались по-якутски и переведены на русский язык с соблюдением возможной точности.

Сюда вошли не все наши записи по фольклору северных якутов и упомянутых эвенкийских племен, а только те из них, которые использованы нами при разработке древней истории якутов. К сборнику прилагаем «Словарь особенных слов (провинциализмов) в говоре северных якутов» ввиду их большого значения при разрешении вопроса о первоначальном этническом происхождении северных якутов. Они частью заимствованы из переведенных нами текстов их фольклора, а частью собирались нами особо.

г. Иркутск.  
Август 1936 г.

## ОЛЕНЕКСКАЯ ХОСУННАЯ ЭПОПЕЯ

Кыраайынай муорам  
Кырыыларыгар  
Кысаллаахтаан  
юёскээбит, Кыра кытыан  
Сахалар диэн буолабыт.

Хотулуура диэккиттэн  
Хомурахтаах тыалынан  
Холкулуура олохпутун  
Хобдогурдан кэбиспит  
Хотокулара буолабыт.

Саапастатар диэккиттэн  
Сабааннаттар хаарынан  
Саргылардаах олохпутун  
Самыннаран кэбиспит  
Сахалара буолабыт.

*Из народных песен северных якутов.  
Март 1924 г. (Перевод см. прил. I)*

## ХОСУННЫЕ СКАЗАНИЯ СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ

### I. БУЛУНСКИЙ ВАРИАНТ

Шадрин Иван Петрович, 22 лет, якут I-го Хатыгинского наслега,  
Жиганского улуса.

с. Булун. 11 апреля 1924 г.

### § 1. Юнгкээбил и Чэмпэрэ

Юнгкээбил имел двух братьев. Старшего из них звали Джакдаактуу, имя младшего из братьев неизвестно, он был кузнец. Однажды Джакдаактуура

отправила в местность Сииктээх, что на Лене выше Булуна, собрать там разные слухи-сведения. Он долго не выезжал и не давал о себе никаких вестей. Сам Юнгкээбил тоже отлучился куда-то. Было время осеннего возврата диких оленей, когда они стадами переплывали реку Оленек. Поэтому младший брат, кузнец, был на промысле «тиикээн». (Об этом слове см. словарь в конце).

Вот в эту-то пору и прибыл знаменитый витязь Чэмпэрэ, чтобы сразиться с Юнгкээбилем. Увидав кузнеца, который на ветке переплывал реку, Чэмпэрэ всадил в его спину стрелу. Убив кузнеца, он срезал у него заплетенную косу, принес ее в дом и передал старухе-матери в знак того, что совершил. При этом он сказал: «Я сделал затес на растущей лиственнице. Пока смола с этого затеса, стекая по стволу, не зальет моего следа, оставленного под деревом, пусть он (Юнгкээбил-витязь) последует за мной».

Сказав так, Чэмпэрэ-витязь ушел восвояси. Юнгкээбил, вернувшись в дом, застал мать в слезах. Она сказала ему: «Вот, смотри, убили твоего брата только потому, что вы, будучи глупыми людьми, пускали о своем молодечестве славу».

Сам Юнгкээбил тоже был в отчаянии и говорил: «Ах, великая досада: тот пропал там, а этот погиб здесь!»

Он решил раньше сходить на реку (Лену) и разведать о потерянном брате. В те времена там уже жили нуучи (в современном понятии якутов — русские). Вслед за тем Юнгкээбилу стало известно, что нуучи поймали Джакдаактуу и обвинили его в том, что он принадлежит к племени, живущему войной и насилием (анньыстаах омук) и убивает людей. А подобных людей нуучи приговаривали к такому наказанию: жарко растопив свою печь (русскую печь), они всех обвиненных клали перед горящим огнем и оставляли там до тех пор, пока не обугливались их ребра.

Юнгкээбил неожиданно ворвался в дом нуучей и, схватив брата за руку, выбежал на двор. Оставив брата у опушки леса, он решил заколоть всех нуучей. Он сказал им: «По вашему подстрекательству одно из немирных племен убило моего брата. Вот (за это) я вас истреблю».

Нуучи в ответ сказали: «Остановись, успокойся! Ты, очевидно, пострадал несправедливо, решим дело советом и миром. Мы дадим тебе воинский отряд из 60-ти человек и одного шамана. С этими людьми ты должен выследить и разыскать тех людей (врагов)».

Юнгкээбил принял это предложение, но просил дать хорошего шамана. Как было уговорено, дали ему 60 человек (воинов) и одного шамана.

Юнгкээбил привел их в свой дом и прокармливал охотой. Спустя некоторое время он приготовился идти на врагов. Джакдаактуу хотя и пострадал (от русских) так, что через рану на боку были видны легкие, но на это не обращал внимания.

Юнгкээбил имел трехразвильчатую коновязь. Прежде чем отправиться (в поход), он выпустил из лука одну оперенную стрелу в верхнюю часть той коновязи. При этом сказал матери: «Старуха, мать моя, слушай! Если я буду жив, стрела будет стоять в том же виде, как она стоит теперь, а если погибну, то переломится у самого основания и выпадет».

Отправились. Пройдя большую половину предстоящего пути, заставили шамана совершить камлание. Юнгкээбил предварительно сказал ему так: «Ты должен душу Чэмпэрэ-витязя, превратив в сову-птицу, привлечь сюда и посадить на вершину дерева в ту пору, когда перед утром небо-божество начнет лишь рассветать полосой не шире лезвия ножа. Застрелив и изжарив ее на вертеле, мы съедем. Если же этого не сделаешь, то останешься лежать здесь мертвым».

Шаман, совершив камлание, сказал: «Утром, когда небо озарится светом на толщину лезвия ножа, сова-птица прилетит с восточной стороны и сядет на верхушку самой высокой лиственницы Оленека. Застрелив сову, вы должны изжарить ее на рожне, сделанном из деревянного стержня стрелы, и съесть. Только тогда вы одержите победу над врагом. Если при выстреле дадите промах, то вам надлежит возвратиться».

И впрямь утром рано прилетела сова величиной не больше кончика большого пальца и села на таком расстоянии, что едва возможно было различить ее глазом, не ближе вон той Крестовой горы (высокая сопка над селом Булун). Юнгкээбил уже скрестил было одну стрелу, но его остановил Джакдаактуу, сказав: «Я вижу, что ты промахнешься, ведь уже дрожишь».

«Коли осуждаешь, стреляй ты. Если дашь промах, потом поговорим», — возразил Юнгкээбил брату. Джакдаактуу, скрестив одну стрелу, выпустил. Сова, взмахнув крылышками, исчезла. Побежали и нашли ее застреленную. Стрела вылетела, пронзив ее через сердце. Тут же у основания той лиственницы изжарили птицу на стержне стрелы и съели. Отправились дальше.

Через день добрались. Те люди (Чэмпэрэ и его народ) жили на противоположном берегу р. Оленека, а Юнгкээбил с товарищами подошли пешие с этого (правого) берега, представляющего открытое поле. Юнгкээбил предложил остановиться у опушки леса, чтобы подкрепиться мясом, зажаренным на вертеле. Разложили маленький костер, дым от которого был не больше,

чем от закуренной трубки. Остерегались, как бы не обнаружили их враги. Юнгкээбил спохватился было и сожалел, что напрасно разложили костер так близко. Но было уже поздно: едва разгорелся костер, как весь Оленек наполнился людьми, плавающими на ветках. Наши не знали, что предпринять, но шаман предложил не трогаться с места и лежать без движения. Прилегли все рядом на землю.

Вот показался Чэмпэрэ со своими людьми. По наружности он выделялся от прочих и шел впереди своего войска. Он точно приметил то место, откуда исходил дым, и привел своих воинов как раз туда. К людям Юнгкээбиля они подошли настолько близко, что, казалось, вот-вот наступят на их головы.

«Ведь вот отсюда исходил дым, что за напасть!», — говорил Чэмпэрэ. Юнгкээбил уже вытащил было нож, чтобы распороть ему брюхо, но был остановлен шаманом, который сказал: «Остановись, еще не настало время его смерти!»

После напрасных поисков Чэмпэрэ с воинами пошел назад.

Вечером выпал иней. Юнгкээбил решил переправиться через реку. Они нарубили древесных веток и привязали к головам. Затем каждый из них сел верхом на обрубок дерева с торчащими корнями и сучьями, которые издали напоминали рога оленя. Таким образом они переправились через реку. В это время на том берегу воины Чэмпэрэ затеяли пляску, бега и прыжки. Невзирая на шум, Чэмпэрэ сквозь туман разглядел уже, что через реку переплывает что-то, похожее на стадо оленей. Он приказал остановить пляску, но напрасно. Воины продолжали свое веселье. Поэтому переправа наших людей осталась незамеченной.

Сам Чэмпэрэ не принимал никакого участия в играх. Он сидел на камне перед домом и был занят лишь тем, что высматривал, не приближается ли к его жительству кто-либо из чужих. Наступила ночь, стало темно. Пользуясь этим, Юнгкээбил и Джакдаактуу, незаметно присоединившись к толпе, приняли участие в плясках. Перед светом они скрылись. Никто их и не заметил. Они выведали образ жизни Чэмпэрэ-витязя.

В числе народа Чэмпэрэ был один нууча (русский), захваченный в плен. Он исполнял обязанности работника-слуги: готовил пищу, рубил дрова, носил воду... Сам Чэмпэрэ при еде не прикасался руками к пище. Из мяса и жира дикого оленя у нас готовят особую пищу, которая называется «амаса». Из такой-то пищи один брал куски на руки, скатывал их между ладонями и бросал витязю. Тот ловил куски на спинку ладоней и ел, не касаясь к ним пальцами, чтобы они потом не скользили с тетивы.

Юнгкээбилю с братом как-то удалось поймать нуучу-работника, о котором сказано выше. Он стал было кричать. Юнгкээбил пригрозил, что распорет ему брюхо, если он не перестанет кричать. Затем посулил отпустить его на родину, если он колчан своего хозяина поставит отверстием вниз. Нууча согласился. Отпуская его, Юнгкээбил сказал ему: «Чэмпэрэ по выражению твоего лица узнает, что ты перенес большой испуг и догадается о встрече с нами. Но ты взвали на себя вязанку дров, как можно больше. Затем подойдя к очагу, нарочно упав на пол так, чтобы поранить свое лицо. Тогда он не обратит внимания на твое волнение».

Нууча пообещал все это выполнить, но добавил: «Он — страшный человек и вряд ли допустит перевернуть свой колчан».

Он собрал большую кучу дров и, взвалив на плечи, пошел домой. Около костра он будто бы запнулся и упал. При этом он выругался по адресу своего хозяина: «Вы только меня одного мучаете, такие и сякие!..»

Чэмпэрэ, увидев работника, обратился к своим людям с вопросом: «Почему же наш парень так взволнован?»

«Эй, парень, подойди-ка сюда и расскажи, что с тобой случилось?»

Люди Чэмпэрэ по этому поводу вставляли свои замечания: «Он, наверное, злится потому, что боится не получить своей доли из амаса».

«Дайте ему котел, чтобы дочиста облизал», — добавляли иные. Наконец, вручили ему котел с остатками пищи. Парень выразил притворную радость.

«Когда у нуучи пусто в желудке, он всегда бывает таким...», — острили другие. В тот же вечер Чэмпэрэ заставил одного шамана совершить камлание, чтобы узнать, не идут ли на него враги. Шаман сказал: «О, их дух чуется близко, дня через три или четыре они, наверное, пожалуют...».

Но дальше шаман неожиданно предсказал, что: «Сегодня уже настал день, когда мы повредим друг другу колена. («Тобуктарбытын буктага джааса нгынгар кюммют буолла». «Буктага джааса» — выражение, непонятное для современного якута, но рассказчик предполагает, что речь идет о причинении каких-то повреждений). Когда мы будем ползать на ладонях, не имея возможности «подняться на ноги...»

Юнгкээбил и Джакдаактуу тихо подкрались к шатру Чэмпэрэ- витязя и, накрывшись нижними полами шатра, подслушивали камлание шамана. Юнгкээбил среди всеобщего шума, уловив удобный момент, приложил на тетиву две стрелы и с возгласом:

«Оружие уже летит, поберегись», — выпустил их, метаясь в самого Чэмпэрэ. Последний успел увернуться и стрелы пролетели мимо. Он тотчас

же схватился за колчан, полный стрел, но так как он лежал вверх дном, все стрелы повысыпались. Лишь две стрелы каким-то чудом остались в колчане. Чэмпэрэ, продолжая увертываться, одной стрелой разбил нижнюю челюсть шамана, товарища Юнгкээбиля, а другою разбил вдребезги оба колена своего же шамана. Поднялась страшная суматоха, шум и гам. Воины Чэмпэрэ и Юнгкээбиля начали перестрелку. Юнгкээбил, не обращая внимания на остальных, занялся преследованием Чэмпэрэ, который выскочив наружу, побежал вверх во Оленеку. От стремительности его бега мелкий камень, застилающий берега реки, говорят, взвивался вверх до самой середины прилежащих гор. Юнгкээбил, продолжая бежать за противником, беспрерывно лаял по-собачьи «онг, онг», одновременно выпуская одну стрелу за другой. Чэмпэрэ на бегу так ловко отвертывался, что ни одна стрела не попала в него. Когда Юнгкээбил успел выпустить все свои стрелы, Чэмпэрэ крикнул: «Эй, парень, мы теперь оба стали подобны женщинам, подойди ближе, давай биться на ножах!»

Но, однако, Юнгкээбил не приближался к нему. Дело было уже к вечеру. Вдруг на вершине оленекских гор раздались крики сокола: «Киэх, киэх». Юнгкээбил, поднял голову наверх, увидел брата Джакдаактуу, который, издав крики сокола, бросил ему колчан со стрелами. Юнгкээбил поймал колчан в ладони и снова пустился преследовать противника, выпуская в него стрелы. Чэмпэрэ продолжал также ловко увертываться. Наконец, заметив, что противников стало двое, он ускорил свой бег. Юнгкээбил гнался по берегу реки, а Джакдаактуу по горе. В одном месте, где Оленек суживается, Чэмпэрэ скакнул на противоположный берег. Когда он уже был готов ступить на илистый берег реки, Джакдаактуу выпустил одну стрелу и срезал толстые жилы его левой ноги. Чэмпэрэ присел. Преследователи тоже перепрыгнули через реку, Чэмпэрэ, обращаясь к Юнгкээбилю, сказал: «Ты, Юнгкээбил, оказывается дрянь-человек. Надо мной одержал победу не ты, а Джакдаактуу. Я убегал от вас нарочито, чтобы завлечь сюда. Тут недалеко живет моя мать, у ней хранится запас моего оружия. Чтобы мои кости не стали пищей ворон и воронов, над телом устройте настил из лесин. А в знак того, что вы убили меня, передайте матери мою заплетенную косу. Иначе она вам не поверит».

Братья убили Чэмпэрэ и срезали у него косу. Юнгкээбил вылушил одну его голенную кость и, расколов, отведал мозг.

«Что за диво, братец, у этого человека костный мозг не имеет должного вкуса?» — сказал он, протягивая кость брату. Последний отвернулся со словами: «Тьфу, какая гадость, выбрось вон!»

«А ну, попробуй из его сердца!»,— продолжает Юнгкээбил. Сердце Чэмпэрэ, заросшее в трех местах пучками волос, с шумом билось (в грудной его полости). Юнгкээбил, захватив его с сочащейся кровью и держа в руках, сказал: «Вот, смотри, оказывается, у лучшего из людей сердце состоит из трех частей. (В подлиннике— «три сердца»),— с этими словами он кровью, накопившейся в ладони из кровоточащего сердца, забрызгал лицо брата.

Последний говорит: «Ты не потому ли брызжешь кровью, что я не захотел отведать из костного мозга? Ну, что ж, попробую и я!»

Затем, отрезав и расколов другую голенную кость, тоже отведал и сказал: «Ведь он, действительно, пристаивал когда-то. («Охтубут» — термин, относящийся к упряжным и верховым оленям. Дословно значит — упал в изнеможении, пристал, отказался идти. У южных якутов этим же словом выражается понятие истощения скота от бескормицы: «охтубут сюёсю — до крайности истощалый скот, потерявший способность двигаться). Но мы спросим об этом у его матери».

Затем они пришли к матери Чэмпэрэ и говорят ей: «Вот в этом не узнаешь ли ты своего сына? Вот его коса, но тебе ее не дадим. Будем носить с собой. Костный мозг твоего сына совсем не имеет вкуса. Когда же он перенес длительную голодовку?».

Старуха, услышав эти слова, сказала: «Вы, наверное, убили его украдкой, когда он не предвидел об опасности. Как мне помнит ся, мы лишь раз перенесли голодовку. Он в то время, идя на лыжах, сказал: «От устатка сил у меня зарябило в глазах». Это имело место девять лет тому назад. По всей вероятности, последствия той голодовки до сих пор не прошли».

«Ну, старуха, мы теперь направились к себе».

Братья вернулись к своим людям, где произошло сражение. Из их людей убито было 20 человек. Из людей Чэмпэрэ уцелел работник нууча. Половину захваченного богатства (дословно — «богатства и сытости») они оставили на долю своих людей. Сами отправились в родную страну.

Придя в свой дом, Юнгкээбил показал матери косу убитого Чэмпэрэ и сказал: «Смотри, вот что осталось от того человека, который убил твоего сына-кузнеца. Это его ли коса, таков ли был он?»

«Да, это его коса, его... ну, вот это я унесу к сыну- кузнецу». С этими словами старуха вышла на двор и исчезла. Скоро братья спохватились: «А где же наша старуха?»

Вышли на двор, и увидели ее висевшей под навесом, куда складывали домашние пожитки. Взяв аркан для ловли осеней («чэрчээмэ быа»), она уда-

вилась. Взятая коса была у ней за пазухой. Так она отправилась к сыну-кузнецу с косой Чэмпэрэ.

## **§ 2. Юнгкээбил и тунгусский витязь**

Однажды Юнгкээбил пешком на лыжах был на промысле. Повстречался с ним один тунгусский витязь, который кроме одного верхового имел еще двух оленей для поклажи.

«Кто ты и куда направился?» — спрашивает Юнгкээбил. Тот ответил: «Я ищу Юнгкээбиля. Скажи-ка мне, где его найти?»

Юнгкээбил говорит ему: «Зачем ищешь, ведь его очень хвалят. Он, должно быть, отменный человек. (В смысле — опасный, воинственный). В старину я сам жил у него в работниках. Своих работников он кормил очень плохо. Лучше помоги-ка мне упромыслить зверя».

Тунгус сказал в ответ: «Ты только наведи меня на зверя, а я сумею поохотиться».

У нас особые места, где любят останавливаться и кормиться дикие олени, называют «кыыл билээгэ». Юнгкээбил повел тунгуса на такое место. Видят одного оленя-самца, который стоял тут и кормился.

«Ну, вот и стреляй!» — говорит Юнгкээбил. Тунгус ему возразил: «Что ты! Какой лук может достать из такой дали?»

Подползли еще ближе. Юнгкээбил еще раз предложил тунгусу выстрелить и добавил: «Юнгкээбил имеет обыкновение стрелять с еще более дальнего расстояния. Здешние олени очень сторожкие и ближе не подпустят».

Когда тот снова отказался, Юнгкээбил одним выстрелом повалил оленя. «О, да ты, оказывается, не дурной стрелок!» «Ну, какой я стрелок, разве можно меня сравнить с Юнгкээбилем, который благодаря своей ловкости и меткости поистребил многих. Теперь я освежую оленя, а ты, как я вижу, слишком наряжен для этого дела».

Тут же Юнгкээбил содрал с оленя кожу и тушу разрезал пополам. «Вот тебе полтуши, бери и ешь!».

А затем, срубив жердину из высохшей лиственницы, он сделал себе огромный рожон и воткнул на него свою половину. Поставил рожон к огню жариться. Его товарищ от полтуши срезал себе лишь заднюю ножку и приготовил ее по-человечески. Пока он возился с одной ножкой, Юнгкээбил уже успел съесть половину оленьей туши, поджаривая ее на пламени. После еды

он воскликнул: «О, как ужасно я проголодался и теперь ведь не ощущаю сытости!»

«На, возьми и ешь, я уже сыт»,— говорит товарищ.

«Если ты не насытился, ешь сам»,— возразил ему Юнгкээбил.

«Я уже сыт».

Юнгкээбил взял и быстро покончил с другой половиной туши. Затем он воскликнул: «Вот что значит встретиться с человеком- молодцом, ишь как у меня раздулся живот. Теперь мне, сытому человеку, можно показать и свой скачок».

С этими словами он, рассказывают, одним махом перепрыгнул широкую и чистую равнину (алыыны), противоположный край которой был неразличим. Он скакал так легко, что даже не задевал носком снега. Возвратившись к товарищу, он сказал: «Ну, теперь давай сразимся!»

Тунгус повалился ему в ноги, умоляя и упрашивая этого не делать. «Убив такого человека, могу ли я заслужить какой-либо славы? Но тем не менее, чтобы показать людям, мне надобно иметь знак (своей победы)».

Так сказав, он срезал вместе с головной кожей его заплетенную косу («латахааннаах асын») и сунул к себе за пазуху. Затем, обуглив волос, он привязал пепел к пораженному месту, говоря, что это вылечит. Потом он набросил тунгуса на спину его верхового оленя и отпустил на свободу, напутствуя его такими словами: «И у тебя, наверное, есть круг своей родни. Ты расскажи им, чтобы впредь к Юнгкээбилю приходили отборные люди, а не всякое ничтожество».

Умер или остался жив тот тунгус, неизвестно. Юнгкээбил косу тунгуса принес домой и сказал: «Ну, и диво, какую странную добычу, какого пушистого зверя я упромыслил. Не соболев ли это? Вот, смотрите, моя добыча!» С этими словами он бросил на пол заплетенную косу. «Это чем не добыча?»

### § 3. Борьба Юнгкээбиля с оспой

Юнгкээбил сделался знаменитым, одержав победу над Чэмпэрэ. Он жил в верховьях реки Оленека. Оттуда он часто ходил на лыжах в урочище Сииктээх, что на Лене. Он так проворно бегал на лыжах, что и на оленях нельзя было за ним угнаться.

Однажды он услышал, что в Сииктээх пришла оспа. Он думает про себя: «Что представляет из себя эта оспа? Не мешало бы сходить на реку (Лену) и посмотреть на нее».

Вот он снарядился в путь и пошел на лыжах. По дороге в одном месте он остановился на ночлег, разложил костер (отуу) и сбил «сёгёлёён». В старину скучивали хвоистые лиственничные ветки и ложились на них, а сверху также накрывались ветвями. Вот это и называли сёгёлёён. Юнгкээбил лег, воткнув у изголовья свою пальму. Огонь в костре едва лишь теплился. Ночью, когда его стало уже клонить ко сну, вдруг он видит за костром женщину из нууча (русская). Она распластав обе руки, как раз падала на него. Заметив это в щели полузакрытых век, Юнгкээбил тотчас же схватил пальму, вскочил и начал рубить. Раздались слова: «Эй, Юнгкээбил, остановись!»

Но он, не вслушиваясь, продолжал рубить. Женщина крикнула три раза. Юнгкээбил, наконец, остановился.

«Смотри, вот ты срезал у меня мизинец!» — с этими словами женщина показала ему свой окровавленный палец. Юнгкээбил обратился к ней с вопросом: «Откуда и кто ты, женщина?»

«Меня зовут Оспой. Я услышала о твоём жительстве на Оленеке и шла к тебе, чтобы состязаться в открытом бою. По пути заметила твой костер и пришла. Я признаю себя побежденной, ты посрамил мое имя. Теперь мы можем помириться и протянуть пограничную нить. (Дословно — «кылыы» — сторожельная, волосая нить самострела)».

Оспа обязалась не бывать в тех местах, где проживал Юнгкээбил со своим народом и не причинять им никаких бед. Она сказала: «От этого пункта я возвращаюсь назад, на Оленек не пойду».

Вот по этой-то причине оспа, хотя и случается позже, но нас не затрагивает. Юнгкээбил был из нашего омондонского рода. В старину наши предки проживали выше по Лене, в районе Сииктээх, откуда они имели обыкновение перебираться к верховьям реки Оленека. В нашем первом Хатыгинском наслеге, кроме омондонского рода, есть еще асыкайский род (асыкай).

## II. ЕСЕЙСКИЙ ВАРИАНТ

Харчыыкаан Николай Данилович, 88 лет, тунгус  
Илимпейского района, Туруханского края.  
Апрель 1924 г. Уроч. Сардаах на р. Оленек.

### § 4 Витязи Юнгкээбил и Юрэн

Когда-то давно, встарь, жил Юрэн-Хосуун, неизвестно какого он был племени, но говорил по-якутски. Местожительство его было на р. Оленеке,

немного ниже урочища, известного под названием Агыс Арыы. (Восемь островов). Он имел многочисленный народ, который считал его своим начальником и подчинялся всем его приказам. Его семья состояла из жены и малолетнего сына.

Однажды Юрэн услышал молву о сильном витязе, которого именовали Юнгкээбил-Хосуун, и решил идти сразиться с ним. Взял с собой одного товарища. Один взвалил на плечи провизию, а другой оружие. Пошли. Добрались до Бабушки («Эбэ» — бабушка, так северные якуты называют большую реку и океан). По реке выше заметили костер. Около костра сидели двое — один взрослый, а другой мальчик. Увидев незнакомцев, они бросились бежать, но Юрэн нагнал взрослого, который оказался плохим, жалким человеком («кусаган киси»), а мальчик ускользнул. Юрэн спросил у пойманного человека: «Далеко ли до дома Юнгкээбил-витязя и кто тот мальчик, который был с тобой?»

Тот ответил: «До дома Юнгкээбиля недалеко, а убежал Эджээн-Хосуун, младший брат Юнгкээбиля».

Юрэн стал расспрашивать, дома ли сам Юнгкээбил и много ли у него народу. Человек рассказал: «Сам он теперь в отлучке, прибудет через три дня. Дома теперь его средний брат Сысыахтаах-Хосуун (в переводе — витязь с косой)».

После допроса того человека отпустили. Пришли к местожительству витязей.

На вопрос Юрэна, где живет здесь витязь, указали на жилище Сысыах-таах-Хосууна. Юрэн, приложив стрелу на тетиву, приподнял дверную по-крышку шатра («джиэл») и воскликнул: «Я прибыл убить Юнгкээбил-витязя!» В это время тот (хозяин шатра) сидел и причесывал свою косу. Он возразил: «Ведь мы оба лучшие из людей. Подожди, пока я не окончу свои волосы. Когда возьму свое оружие и прочие боевые принадлежности, будем стреляться».

Однако, Юрэн не послушался, натянув лук, стал спускать с тетивы. Две первые стрелы пролетели мимо, но третья переломила спинной хребет (противника). Вытащив (убитого) на двор, он разбил его голенную кость и отведал мозг. Говорят, убитый был с жиром.

Юрэн срезал верхушку тонкой лиственницы и шейный позвонок убитого вдел на этот обрубок. Затем сказал: «Рассказывают, что Юнгкээбил-витязь — лучший из людей. Так пусть он, пока вот на этом позвонке не заведутся роями насекомые, придет и убьет меня». С этими словами он ушел.

Юнгкээбил-витязь, возвратившись в свой дом, не знал, где искать противника. Поэтому он позвал одного знаменитого шамана и заставил совершить камлание, чтобы от него получить указание о местожительстве Юрэн-витязя.

Когда шаман окончил камлание, от жилья Юнгкээбиля до того места, где Юрэн на речной переправе колол диких оленей, по одной дорожке все растущие деревья вдруг пожелтели.

И вот Юнгкээбил-витязь, взяв шесть человек, направился к Юрэну, следуя по той шаманской тропе. Добрались до реки Оленека и стали рассматривать противоположный берег, где находился лагерь Юрэна. Там на высоком помосте, укрепленном на столбах, сидел человек. Юнгкээбил с товарищами отошли назад и остановились на ночлег. В числе его товарищей был и тот шаман, который совершил камлание. Вечером он поведал свое провидение в таких словах: «Вот на этом месте мы не досчитаемся одного из наших людей».

Остались ночевать. Утром они заметили, что у одного плохого и нерадивого воина на костре погорел лук. Решив, что такого негодного воина опасно держать у себя, они застрелили его из лука. Кровью же его все воины намазали свое оружие. («Илбистэрин хааннаабыттар». Под «илбис» рассказчик понимает смертоносное оружие).

Тут же заставили шамана совершить камлание, чтобы узнать исход сражения. Шаман предсказал, что Юрэн-витязь будет убит, но что и ему, шаману, предстоит здесь смерть. Затем он душу Юрэн-витязя, превратив в ястреба, привлек к себе и посадил на дерево. Юнгкээбил-витязь этого ястреба свалил одним выстрелом.

Повыше местожительства Юрэн-витязя на р. Оленеке было урочище под названием «Восемь островов». Юнгкээбил в этом месте перешел Оленек вброд. Юрэн-витязь, заметив переправляющихся людей, сказал своим воинам: «Вон там, видимо, перешел через реку Юнгкээбил-витязь».

На это его люди возразили: «Нет, это самцы диких оленей (ньургундалар) переплывают реку».

Они торчащие луки приняли за рога оленей. Воины Юнгкээбиля, одев свои боевые доспехи, пошли ползком.

В этот самый момент один дикий олень переплыл через Оленек. Юрэн-витязь, свалив его одним выстрелом, поднялся на свой сторожевой помост. Чтобы сварить мясо оленя, одного старика, который был приставлен для стряпни, послали в лес за хворостом. Этот старик наткнулся на вооруженных

людей. Поймали его и попросили рассказать, много ли оружия у его хозяина и где он его держит. Старик рассказал: «У него на сторожевом помосте с собой имеются только три стрелы — «сюлюкэчээн». (По объяснению рассказчика, так называлась особая боевая стрела с четырехгранным наконечником), а колчан («нимсики») с 99-ю стрелами он оставил в шатре».

Юнгкээбил условился со стариком, что он до боя оденет на голову белый платок, чтобы не пострадать при стрельбе.

Старик ушел и обрядился в белый платок. В это самое время Юрэн-витязь ел вилкой костный мозг оленя. Он употреблял вилку, чтобы не намаслить свои пальцы, иначе они скользили бы с тетивы. Заметив, что его старик-повар нарядился в белый платок, он стал смеяться над ним, говоря: «Смотрите, как наш повар, достигнув такого преклонного возраста, вздумал наряжаться!»

Но в этот самый момент, когда Юрэн еще не кончил смеяться, раздался голос Юнгкээбил-витязя: «Ты хохочешь, разинув рот и скаля зубы, но, однако, вот уже настал день, когда я выбью твои зубы!»

С этими словами Юнгкээбил выпустил одну стрелу, вслед за ним выстрелили и его пять товарищей. Но Юрэн-витязь сумел увернуться от всех шести стрел. Затем, прицелившись в шамана, товарища Юнгкээбиля, он закричал: «Ах ты, жеребец-шаман со всклоченной головой, разве я не найду твой рот, ведущий к бездонному желудку, где я должен буду гнить?»

Его стрела, угодив в рот шамана, выскочила через шейное углубление. Вторая стрела, пущенная им, вдребезги разбила лук одного из товарищей Юнгкээбиля. Третья стрела свалила еще одного из нападавших. Выпустив все три стрелы, Юрэн бросился бежать.

Юнгкээбил с братом Эджээн-витязем погнались за ним, выпуская одну стрелу за другой. Юнгкээбил уже прострелял 98 стрел, Эджээн-витязь точно также не попадал. Бежали они вверх по реке Оленеку. Там в верховьях Оленека есть одна речка, которая известна под названием «Речка, через которую перепрыгнул Юрэн-витязь». До этой речки преследователи не могли попасть в бегущего Юрэна. Добежав до упомянутой речки, Юрэн прыгнул на тот берег. Но на беду одна нога ступила на твердую землю, а другая скользнула. Стрела Юнгкээбиля в этот миг переломила поскользнувшуюся ногу Юрэна. Раненый Юрэн, присев на землю, сказал: «Вы, наверное, ловкие и доблестные люди, попробуйте-ка перескочить через эту речку».

Но ни один из преследователей не решался перепрыгнуть. Юнгкээбил стал стрелять в сидящего врага, но все его 99 стрел пролетели мимо, ибо и

раненый Юрэн также ловко отвертывался. Наконец, последний сказал: «Не тебе одержать победу надо мной, прекрати стрельбу. Пусть эта честь принадлежит вот тому юноше», — сказал он, указывая на Эджээн-витязя, и добавил: «Мое заветное слово таково: пусть он возьмет мою жену, извест своей красотой, мой знаменитый воинский передник «далыс», мой лук, колчан, пальму и все мое вооружение».

Затем он попросил завязать ему глаза, чтобы не видеть стрел и не отвертываться. Поднял руки, обнажая пазухи. Эджээн-витель, подойдя вплотную, застрелил его. Покончив с противником, Юнгкээбил с братом отрубили его голennую кость и, расколов, отседали из костного мозга. Он не имел вкуса и был водянистым.

У Юрэна был престарелый отец. Юнгкээбил с братом пришли к нему и говорят: «Мы застрелили одного мойкану (двухлетний дикий олень), но почему-то его костный мозг водянист и не имеет вкуса».

«О, мой сынок семь лет тому назад перенес голод! Это, наверное, вследствие той голодовки. Потому-то вы одержали над ним победу. Еще через два года он был бы совершенно здоров и неуязвим для оружия».

Дальше старик справился, не сказал ли сын какое-либо заветное слово. Ему передали все то, что он заповедал. У него, оказывается, был четырехлетний сын. Этого ребенка старик-дед, завидев идущих витязей, сумел спрятать.

Витязи направились в свою страну. По дороге они зашли к одному тунгусу и рассказали, что вот они убили знаменитого Юрэн-витязя. Тунгус сказал: «Если мертв знаменитый Юрэн- витель, то зачем мне оставаться в живых? Заодно прикончите и со мной!»

С этими словами он затеял с витязями стрельбу, но был застрелен тут же. Убив тунгуса, Юнгкээбил с братом пошли дальше. У того тунгуса была жена-шаманка и сын-подросток. Шаманка отправила сына отомстить за убийство отца. При этом она вручила ему одну единственную стрелу с двумя развилками, предварительно совершив над ней заклинание, и предупредила так: «Ты стреляй издали и не метясь, она сама найдет того, кого надо».

Юнгкээбил с братом добрались до дому. Сын шамана шел за ними следом. Едва лишь Юнгкээбил начал рассказ о своей победе над Юрэном, как подошедший мальчик издали пустил в него стрелу. На Юнгкээбиле была шапка, украшенная спереди бисером. Стрела угодила как раз в середину его лба. Умер он. Попробовали было искать убийцу, но не нашли.

## § 5. Сын Юрэн-витязя

Тем временем сын убитого Юрэн-витязя стал подрастать. Едва научившись говорить, он то и дело спрашивал у деда о своем отце. Дед говорил ему: «Эй, он был плохой человек, умер сам по себе!»

Они прокармливались охотой. Ставили на диких оленей самострелы, протянув заводную ограду («тогуу»). Был у них один сосед, очень искусный кузнец. Он стал ковать парню пальму, наконечники стрел и т. д., но делал это медленно. Изготовление полного снаряжения одного воина продолжалось целый год. По просьбе парня он ковал оружие для трех воинов. Парень уже стал взрослым. Кузнец по окончании работы обещал рассказать парню о виновниках смерти его отца. На исходе третьего года кузнец и говорит ему: «Недалеко отсюда у одной из излучин Оленека расположился станом Эджээн-витязь. В его стане семь шатров. Вот он-то и убил твоего отца».

Получив от кузнеца три лука с боевыми принадлежностями, парень направился в стан Эджээн-витязя, чтобы сразиться с ним. Свое оружие он запрятал в трех местах, а при себе оставил только нож. В центре стана был приметный шатер, покрытый чем-то белым. Парень вошел в этот шатер. Сидела одна замечательно красивая и нарядно одетая женщина, никого из других домочадцев не было. На вопрос, кто и откуда он, парень ответил: «Я — сирота, хожу, блуждаю».

Хозяйка стала угощать его разной пищей, но парень едва прикасался к пище. Витязь со своими людьми охотился на диких оленей на переправе через Оленек. Скоро появился и он сам. Одетый во все белое, он плыл на ветке, а за ним его люди тащили по воде заколотых оленей. Приблизившись к берегу, он сильными ударами весла разогнал ветку и приткнул высоко на берег. Опершись на весло, он выпрыгнул и зашел в свой шатер. Обращаясь к нашему парню, он приветствовал его и попросил рассказать о себе. Парень ответил:

«Я — заблудившийся малыш, не знающий куда приткнуться. Расскажи-ка ты сам что-нибудь о себе».

Тот ответил: «Меня зовут Эджээн-витазем. Я — тот самый витязь, который убил знаменитого Юрэн-витязя».

Затем он подробно рассказал о своем подвиге и в подтверждение своих слов показал воинский передник убитого и его оружие.

Услышав этот рассказ, парень сказал: «Вы, оказывается, убили его воровски, иначе он вряд ли дал себя убить».

Эджээн-витязь тотчас же схватился за пальму. Парень, приподняв полы шатра, выскочил наружу и побежал. Эджээн с людьми, погнались за ним. Но парень успел добежать до того места где он раньше запрятал свое оружие. Вооружившись, он предложил Эджээн-витаю стрелять с расстояния трех луков. Тот оробел и опустил свой лук к низу. В это время выбежала его жена и сказала: «Когда смотрю на этого парня, почему-то трепещет мое сердце. Он, по-видимому, мой родной сын».

Помирились и парень остался у Эджээн-витаю за сына.

Эджээн-витязь нередко рассказывал сыну об охоте на медведя. При этом он говорил, что на медведя нельзя нападать с голыми руками. Сын, не предупреждая отца, ходил на медведя. Однажды, заведя медведя, он отбросил свое оружие и набросил на него свою одежду. Ему очень захотелось посмотреть, каков будет медведь в испуге. Но, однако, тот набросился на него, сгреб в охапку и стал рвать его когтями. Медведь нанес парню такие зияющие раны, что даже показались его печень и сердце. Но тем не менее он успел вырваться из объятий медведя и добежал до дома. Эджээн-витязь, увидев раненого сына, побежал по его следам. Наткнувшись на медведя, он пустил в него целый град стрел и уложил тут же на месте.

От полученных ран парень умер. Таким образом, от Юрэн-витаю не осталось потомства.

Послесловие сказителя. Этот рассказ я слышал от одного дряхлого старика по имени Юрюнг-Борогон. Это было еще в пору моей юности. Старик был родом из наслега Чорду и постоянно жил около озера Есей. Он говорил мне, что рассказ впервые он слышал очень давно от старосты своего наслега по имени Самойла.

Среди илимпейских тунгусов такого рассказа мне не приходилось слышать. Там только по слухам знают, что когда-то жили витязи с именами Юрэн и Юнгкээбил и что они сражались друг с другом. Все тунгусы, принадлежащие к наслегу Чорду, изъясняются только по-якутски. Среди них говорящих по-тунгусски совсем нет, да и не рассказывают, чтобы кто-либо из них когда говорил по-тунгусски.

Среди тунгусов моего района (Илимпейского в Туруханском крае) олонгхосутов (сказителей эпических поэм) совсем не бывает. Певцы есть, но их очень мало. В нашем тунгусском наречии слова «хосуун» не существует, так говорят только якуты и объякученные тунгусы. Вместо «хосуун» употребляется «суонинг» (кэйсиилээх киси) — человек, который занимается убийством

людей и войной. Человека, искусного в охоте на дикого оленя, называют «баалан».

(Для рассказчика язык илимпейских тунгусов — родной, но и якутским языком он владеет в совершенстве, так как в пору молодости долго жил среди вилюйских якутов в Нюрбинском улусе. Он владеет даже языком якутских богатырских былин. Г. К.)

### III. АНАБАРСКИЙ ВАРИАНТ

Очкасов Иннокентий, 31 года, якут 3-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса.

Записан Д. Ф. Кириллиным на р. Анабаре 18 декабря 1923 г.  
Перевод мой.

#### § 6. Витязи Юнгкээбил и Чэмпэрэ

Юнгкээбил жил постоянно на прибрежных горах р. Оленека на 200 верст выше теперешней трактовой дороги «Чуос». Имел мать и жену. Кроме того, у него был работник по происхождению нууча (русский).

Однажды работник нууча пошел по дрова и встретил в лесу двух человек. Вернувшись домой, он не сообщил своему хозяину о встреченных незнакомцах. Сам Юнгкээбил, заметив встревоженное состояние работника, крикнул: «Эй, парень, почему это меняется у тебя краска лица? (Дословно — приступами приливает кровь). Не набрел ли ты на человека?»

«Вероятно, от рубки дров переливается кровь», — ответил нууча. Легли спать.

Вдруг около полуночи раздались слова человека: «На твою громкую и высокую славу я, по имени Чэмпэрэ-витязь, именую тебя, пришел!».

Юнгкээбил тотчас же вскочил с постели и одним прыжком выбежал во двор. По пути пинком в печень умертвил своего работника. Караулившие у двери двое мужчин, сам Чэмпэрэ и Маган-Хопоо, ударили пальмами, но промахнулись. Маган-Хопоо, намереваясь сорвать у Чэмпэрэ колчан, рассыпал все его стрелы. Юнгкээбил побежал вверх по Оленеку, следом за ним погнался Чэмпэрэ, выпуская из тетивы по две стрелы. Юнгкээбил на бегу обернулся и с возгласом «Ах, какая досада» кинул в Чэмпэрэ свой нож, метясь прямо в его печень. Но удар ножа пришелся как раз по тетиве лука и прорезал его.

«Теперь мы оба обабились?» — захохотал Юнгкээбил. Добежали к подножью одной высокой прибрежной скалы. Брат Чэмпэрэ, Маган-Хопоо, бежал сбоку по горе, издавая лай собаки. Чэмпэрэ, тоже подражая лаю собаки, просил у брата его лук. Маган-Хопоо, прикрепив одну стрелу, спустил ему свой лук. Вдруг дорогу преградила широкая речка. Юнгкээбил прыгнул через речку. Когда его нога только что коснулась топи противоположного берега, стрела Чэмпэрэ прорезала толстые жилы его ноги. Вслед затем прыгнул и он сам, но, не доходя до прыжка своего противника, попал в воду. Вышел на берег, бродя по воде. Сидящий Юнгкээбил сказал противнику: «Однако, напрасно прославляют тебя как удальца!»

Подоспевший Маган-Хопоо одним прыжком достиг противоположного берега. Юнгкээбил обратился к своим врагам с просьбой:

«Скорее кончайте со мной, не причиняя страданий!» (Дословно — продлите мое дыхание — «тыыммын салгаанг»).

Чэмпэрэ выстрелил три раза подряд и не мог попасть в сидящего человека. Глядя на него, Юнгкээбил сказал: «Первенство надо мной (дословно — имя) и свой передник «далыс» я уступаю Маган-Хопоо».

(По разъяснению рассказчика, витязь, сдавший свой передник, тем самым изъявляет покорность и добровольную сдачу).

Затем, обращаясь к Маган-Хопоо, он сказал: «Когда ты шел по горе, я, заметив на воде твоё отражение, подумал про себя, что летит белая чайка (маган хопто). Эта белая чайка, оказывается, ты. Ну, скорее срежьте мой загривок (косу), не мучьте меня!»

Братья разрезали живот Юнгкээбия.

«Люди говорили, что у удалого человека на сердце в трех местах бывает волос. Оказывается, это правда. Парень, подойди сюда, посмотри!» — сказал Чэмпэрэ. Когда Маган-Хопоо подошел, брат, зачерпнув в ладони густую кровь, забрызгал его лицо. Волосы, заплетенные в косу (латахаан), срезали. Отделив две кости голени, они отвели из костного мозга.

Пришли к жилищу матери Юнгкээбия.

«Старуха, мы только что упромыслили одного самца дикого оленя, но, к сожалению, он оказался очень старым, а костные мозги уже утратили всякий вкус», — сказали они старухе.

«Девять лет прошло, как сынок говорил, что перенес сильный голод до изнеможения. Вы, наверное, поохотились за моим сыном и убили его», — возразила им старуха.

«Вот, сохрани на память, это коса твоего дитяти!» — сказал Чэмпэрэ, протягивая ей косу.

## **§ 7. Сын Юнгкээбил-витязя**

От Юнгкээбиля остался трехмесячный ребенок. Старуха, остерегаясь, заранее спрятала его под постель, набив под нее свеженарубленных ветвей, а сама уселась на постель. Жену Юнгкээбиля и все его богатство Чэмпэрэ увез с собой. Эта женщина была родом из того племени, люди которого украшают свои лица прошитыми швами, и была самая красивая из них. Старуху Чэмпэрэ оставил на ее жительство.

Чэмпэрэ перед своим уходом сделал затес на толстой листовнице и сказал: «Если найдется кто-либо из кровных родичей Юнгкээбиля, то пусть он последует за мной. Вот я направился вверх по Оленеку».

Ушли. Старуха, собрав своих людей, стала промышлять диких оленей на переправах и зажила хорошо. Ребенок достиг семилетнего возраста. Однажды, играя, он нашел обломки стержней и наконечники стрел.

«Мама, разве раньше в этой местности были еще люди и скот? Был ли у меня отец?» — вопрошал мальчик.

«В старину здесь жили мои родичи, это, наверное, их пепелище», — ответила бабушка. Мальчик из длинных костей дикого оленя сделал себе стрелы.

«Мама, когда я бываю выше по Оленеку, там попадаются затесы на деревьях. Видимо, раньше там бывали какие-то люди?»

Так говоря, он порывался идти.

«Ну, да ладно, дитятко, видно тебе не жить у меня. У тебя был отец, звали его Юнгкээбил. Была и мать с прошитым лицом. Некто Чэмпэрэ с братом Маган-Хопоо умертвили твоего отца, а мать увели с собой. Ну, дитятко, иди, уничтожь врагов своих, преследуй упорно тех, с кем у тебя старые счеты. Но прежде чем идти, умертви меня и окровавь свою стрелу и пальму».

Парень одним выстрелом умертвил старуху и побежал вверх по берегу Оленека. Переночевав один раз, добрался до устья речки Биириктэ. Там проживал один старик-кузнец со старухой.

«Рассказывай, парень, откуда пришел?» — вопрошают они.

«Я сын одной бедной старушки, живущей ниже по Оленеку. Хожу-блуждаю», — ответил парень.

«Семь лет тому назад у меня был друг, которого звали Юнгкээбил-витязем. По слухам, его умертвил витязь Чэмпэрэ. Рассказывали, что от него осталось потомство. Почему-то ты напоминаешь мне того человека», — сказал старик.

«Да, действительно, у меня был, говорят, отец по имени Юнгкээбил и мать, дочь чужеплеменников. Меня же, оставшегося сиротой, воспитала старуха-бабушка».

Парень остался здесь ночевать. Около жилья старика он заметил разное железо, кузнечные меха...

Старик, обращаясь к парню (можно переводить и «мальчику»), говорит: «Наверное, ты идешь, именуя Чэмпэрэ-витязя, желая стереть с лица земли своего врага. А ну-ка принеси и покажи мне то оружие, которое несешь для такого смертного боя».

Парень принес свое оружие.

«Эх, с таким снаряжением и древние люди не ходили на войну, да и сам ты еще слишком мал. Давай-ка, с расстояния трех шагов я выстрелю в тебя три раза подряд. Если сумеешь увернуться, сделаю тебе хорошее оружие. Если же попаду, то сам почту похоронами сына моего друга, чем посылать на убой к чужеплеменникам. Пока подрастешь, поживи у меня годик-два», — сказал старик.

С трех шагов он три раза выстрелил в мальчика, но промахнулся.

«Однако, из тебя выйдет хороший муж, год-два поживи у меня. Я заготовлю боевое снаряжение человека-витязя».

Мальчик согласился. На следующий год старик дал ему для пробы лук. «Если бы ты возмужал, видимо, смог бы владеть луком твоего отца, но пока ты слишком молод».

Затем он изготовил лук и пальму, которые были подстать ему. Вместе с этим оружием старик вручил ему другой, худой лук со стрелами и сказал: «Когда доберешься до людского жилья, имей привычку хорошее оружие прятать, худое же носи с собой. Своих врагов узнаешь по такой примете: увидишь три чума (урасы), в большом из них живет старший из братьев, в среднем (по размеру) — средний брат Джагдааттыыр, а в самом малом — младший из братьев».

Парень ушел. Добрался до жилья, где было много оленей. Спрятав хорошее оружие в дупле дерева и держа в руках худой лук, он спрятался около большой урасы и стал наблюдать.

Люди того времени имели обыкновение делать долбленную ветку из толстого дерева. Один человек на такой ветке приплыл сверху по Оленеку и с размаху приткнулся к берегу с такой силой, что ветка очутилась на суше на один шаг от воды. Затем он несколькими прыжками вошел в одну из урас. Вслед за первым подплыл другой мужчина, который одним ударом вынес свою ветку на сушу еще выше на один шаг и прыжками вошел в среднюю урасу. Потом подплыл третий, ветка которого вылетела на берег на три шага от воды и одним прыжком заскочил в свою урасу. Парень, лежа, думает про себя: «Последний, наверное, старший из братьев». Затем он вслед за девками, таскавшими дрова, вошел в среднюю урасу.

«Откуда пришел, дитяtko?» — вопрошают домашние.

«Отец и мать умерли, оставшись один, скитаюсь».

«Тогда поживи у нас, ешь и работай».

Парень согласился и остался жить. Прожил целый год, работая на всех троих. Ему исполнилось уже девять лет. Эти люди имели обыкновение перед кочевкой сходиться для совещаний в одну из урас. Однажды, когда все три брата собрались в одну урасу, мальчик, сидя около очага, сказал: «Рассказывают, что отсюда ниже по Оленеку когда-то жил знаменитый витязь по имени Юнгкээбил, и что его будто бы убили другие витязи. Не знаете ли вы, какие люди убили того витязя?»

Хозяева отговорились неведением. На следующий день мальчик опять спросил о том же. Хозяева повторили, что про того витязя ничего не слыхали. Мальчик возразил им: «Сказывают, что ходил к нему и убил его Чэмпэрэ-витязь. Как же вы про это не знаете?»

Едва он успел вымолвить эти слова, как два витязя кольнули пальмами с двух сторон, метаясь в его бока. Но мальчик, подскочив с места наверх, вылетел через дымовое отверстие и побежал в лес, где раньше спрятал лук и прочее оружие. Витязи тоже повыскакивали во двор. В это время мальчик уже держал в руках лук и стрелы. Началась перестрелка, которая продолжалась беспрерывно в течение трех дней. За это время мальчик убил двух братьев Чэмпэрэ. Когда у него иссякал запас стрел, он схватывал руками летящие стрелы своих противников и стрелял ими. Наконец, ему удалось прорезать тетиву лука Чэмпэрэ. Лишившись лука, последний ударился в бегство. Парень погнался за ним, не переставая стрелять на бегу, но, однако, все его стрелы летели мимо. Добежали до одной речки. Чэмпэрэ прыгнул на противоположный берег. Когда его нога уже коснулась того берега, парень прострелил задние жилы его подколенного изгиба. Чэмпэрэ тотчас же присел и

говорит: «Ну, теперь ты победил, видимо, исполнилось предопределение судьбы. Немедля застрели меня!»

Парень выстрелил три раза, но Чэмпэрэ каждый раз увертывался.

«Не попадешь, завяжи мне глаза и отруби голову», — говорит Чэмпэрэ. Парень ударил было пальмой два раза, но в оба раза Чэмпэрэ увернулся от ударов. Третий раз, схватив за косу, он наконец, отрубил ему голову. Туловище, сделав десять шагов, упало на землю.

Парень, захватив мать со всем имуществом и запасом пищи, поехал к себе домой. По пути заехал к старику-кузнецу. Тот был несказанно рад.

У Юнгкээбиля был его старший брат, который не считался витязем и в качестве простого человека рыбачил. Парень пришел к нему. Все богатство этого старика заключалось в четырех оленях. Он, заколов самого лучшего самца из них, устроил на радостях пирушку (амаса малаасын). После еды старик со словами — иду рассказать твоему отцу — вышел во двор. Через некоторое время парень пошел разыскивать старика и увидел его повесившимся на могиле своего брата. Он был уже мертв.

#### **IV. ОЛЕНЕКСКИЙ ВАРИАНТ**

Гоголев Иннокентий, 67 лет, якут Кобяконского наслега Намского улуса.

С молодых лет постоянно проживает в Жиганском улусе,

по профессии — кузнец по железу.

с. Булун. 2 января 1924 г.

#### **§ 8. Витязи Юнгкээбил и Чиимкэрэ**

Дело было в давно прошедшую старину, когда якуты еще не были крещены. Юнгкээбил и Чиимкэрэ оба были люди Жиганского улуса и одного Кангаласского наслега. Кровный род первого (иньэтин ууса) носил название хангалас, а второго — хорутуонка. Юнгкээбил имел еще двух братьев, старшего из которых звали Джэгэдээктиир, а младший был подросток. У братьев была жива мать-старуха, а об отце их ничего не известно.

У Чиимкэрэ тоже была мать. Эти две старухи жили по соседству над самой Ленкой в местности Баак, в 60-ти верстах выше селения Булун. Юнгкээбил и Чиимкэрэ с детства росли вместе. Юнгкээбил превосходил своего товарища ловкостью, умом и хитростью, но зато Чиимкэрэ был гораздо сильнее его. Возмужав, они поселились далеко друг от друга. Юнгкээбил жил за Олене-

ком на 50 верст южнее теперешней трактовой дороги «Чуос», а Чиимкэрэ промышлял в верховьях Оленека. У каждого из них было войско и оба они считались в своей среде начальниками (тойоттор). Никто из людей не смел идти против них.

Однажды ранней весной, когда хвоя на деревьях еще не распустилась, Юнгкээбил со своим средним братом отправился на охоту за дикими оленями. Младший брат и воинский отряд остались дома.

Во время отсутствия старших братьев пришел Чиимкэрэ с одним товарищем. Спрашивают у старухи: «Куда ушли твои дети?».

«Ушли на промысел за дикими оленями».

Старуха угостила гостей. Чиимкэрэ после еды позвал на двор подростка и сказал: «Я хочу окровавить свои стрелы».

Парень ответил: «Если ты так говоришь, то стану ли я отказываться».

Старуха вслед за сыном промолвила: «Ведь я не раз говорила тебе, чтобы ты не растил такие длинные волосы. Когда-нибудь в день гибели и смерти они будут тебе помехой».

Парень вышел вслед за Чиимкэрэ. Последний начал пускать в него стрелы. Опорожнил все то, что было в одном колчане (нимсики). Половина стрел пролетела мимо, но все остальные воткнулись в парня, так как ниспадавшие волосы мешали ему видеть летящие стрелы. Парень свалился замертво, опираясь на торчащие стрелы.

Чиимкэрэ на растущих лиственницах сделал затесы и сказал: «В ту пору, когда эти затесы заплывут и вокруг них появится окаймление, мы снова встретимся с ним (с Юнгкээбилем). Пусть к тому времени ждет моего прихода. Побывав у именитого человека, я должен был оставить след своего пребывания».

С этими словами он ушел. Юнгкээбил, возвратившись в дом, увидел деяние противника, но делать было нечего. Он решил прежде чем напасть на него, тайно разведать его местожительство и образ жизни. Он незаметно подкрался к его табору. В стане было множество чумов. Дым от них густым облаком обволакивал небо и, казалось, что белая куропатка, пролетевшая над ними, сделалась бы желтой. Очевидно, многочисленно было и его войско. Юнгкээбил попал в пору какого-то праздника и веселья: во многих кучах затеяли пляску.

Среди чумов возвышались две огромные урасы. Внутри последних происходило камлание шамана. Табор был расположен на ровной безлесной тундре. (Джаангы — ровное, возвышенное место в полосе северной тундры).

Чиимкэрэ, остерегаясь внезапного нападения врагов, жил с постоянным караулом на возвышенном увале над широкой речкой. Юнгкээбил обозрел местожительство врага с противоположного берега той речки. Чтобы лучше раз-  
узнать, он решил пробраться в самый табор. Когда наступили сумерки, он из  
лиственничных суковатых ветвей изобразил на голове оленьи рога и быстро  
перебежал вброд через речку. Караульные заметили это, но, подумав, что  
переплывает дикий олень и будучи отвлекаемы пляской, не обратили долж-  
ного внимания. Юнгкээбил под покровом темноты тихо подкрался к большой  
урасе. Там в куче домашнего скарба (юнгююр), укрывшись покрывками до-  
рожных вьюков, он разрыл одну корзину-матага и достал нарядную женскую  
доху, обувь-этэrbэс, расшитый бусами, и шапку из лапок лисицы, оторочен-  
ную мехом росомахи. Обрядившись в эту одежду, он осторожно пробрался  
во внутрь самой большой урасы, где распевал шаман, и лег рядом с самим  
хосууном Чиимкэрэ, накрывшись полами шатра. По принятому в тогдaшнее  
время обычаю, человек со званием хосууна при камлании должен был си-  
деть за шаманом в переднем ряду, чтобы вовремя вторить его молению-  
алгыс. Лежа тут, никем не замеченный, Юнгкээбил стал прислушиваться к  
камланию.

Вот Чиимкэрэ (иногда рассказчик произносит имя «чыын-г- хара») обра-  
тился к шаману с просьбой дать прорицание: «Ну-ка, поведай ты мне: доб-  
лестный Юнгкээбил, наверное, уже идет к нам, разыскивая наши свежие  
следы, допытывая старые тропы?»

В ответ ему шаман пропел: «Эй, что я вижу: Юнгкээбил у себя дома,  
нажравшись мелкой речной рыбешки (осогдо), лежит, поглаживая живот.  
Разве он осмелится придти к нам?»

Чиимкэрэ вторит шаману: «Да, так и должно быть, ибо он, дрян-  
н-чертенок, разве решится придти ко мне?»

Затем, обращаясь к лежащему около него Юнгкээбилу, он сказал: «Эй,  
девка, почему улеглась тут, иди на двор играть!»

Услышав эти слова, Юнгкээбил в порыве гнева и раздражения хотел бы-  
ло вскочить и ножом распороть ему брюхо, но удержался, подумав о стыде,  
чтобы потом не говорили, что он убил своего противника тайком из-за угла.  
Вернулся домой.

Наступила уже осень, близился срок, когда Чиимкэрэ обещал прибыть.  
Юнгкээбил с братом и несколькими воинами решили идти к нему навстречу.  
Взяли с собой и шамана, чтобы призвать духа кровопролития.

Остановились в одном месте и заставили шамана совершить моление. Он во время камлания сказал: «О, что я вижу: вот впереди речка; там они остановились и устроили привал; застрелили одного дикого оленя и начали варить пищу. Не один он, с ним много воинов».

Юнгкээбил сказал шаману: «По слухам, он при помощи шамана внедрил свою душу в ястреба. Ты сделай так, чтобы этот ястреб пролетел надо мной или сел на ближайшее дерево».

Шаман снова стал камлать, чтобы вызвать душу Чиимкэрэ. Вот прилетел ястреб и сел на большую лиственницу.

«Вот она, душа его... Зачем ты просил призвать ее?» Юнгкээбил, не долго думая, выстрелил в птицу. Он был не из тех, которые промахиваются. Птица, простреленная надвое, упала к ногам. Раздались крики радости и ликования по поводу этой удачи. Птицу вдели на рожон, зажарили и съели.

Пошли на место, указанное шаманом, и, действительно, обнаружили костер и вокруг него множество людей. Сам Юнгкээбил, подкравшись по берегу реки поближе к табору, наткнулся на работника нуучу, который ходил за дровами. Одним прыжком очутившись возле него, Юнгкээбил схватил его. Нууча со страху чуть не помер. На вопрос кто он, нууча ответил: «Я был нууча, а теперь нахожусь у Чиимкэрэ в плену. Они убили самца дикого оленя, теперь сидят и растапливают жир с мяса (асымалаан эрэллэр). Сам Чиимкэрэ, сняв обувь, сидит поодаль от костра. Лук о колчан прислонил сбоку. Ему подают жир, завернув в древесные стружки. Он жир не берет руками, а подставляет спинку ладони, чтобы не замаслить свои пальцы. Иначе они скользили бы с тетивы лука».

Выслушав рассказ нуучи, Юнгкээбил сказал ему: «Выслушай меня и пойми вот что: если ты как-нибудь ухитришься колчан своего господина поставить отверстием вниз, то в случае победы, я выведу тебя в люди, окажу всякий почет и уважение. Кроме того, постарайся сохранить на лице полное спокойствие, чтобы хозяин не заподозрил тебя в чем-либо. Ну, теперь иди».

Нууча действительно повернул колчан своего хозяина вниз отверстием. Юнгкээбил подкрался совсем близко к самому Чиимкэрэ и с расстояния длины трех луков опустил тетиву с криком: «Эй, поделись-ка со мной от жира!»

Чиимкэрэ успел увернуться и стрела пролетела мимо. Он тотчас же схватил лук и колчан. Так как колчан был перевернут, все стрелы рассыпались. Он успел захватить руками лишь три стрелы. Глядя на рассыпавшиеся стрелы, трое из сидящих воинов вздумали шутить над своим начальником. Первый

из них сказал: «Сегодня не иначе, как одному из нас придется скакать на одной ноге», второй заметил: «Одному, наверняка, быть без зубов», а третий: «Нет, остаться без плеча»... Чиимкэрэ в порыве гнева и досады на своих воинов, которые еще не замечали присутствия врага, на бегу выпустил все три стрелы в шутников. Стрелы угодили кому в зубы, кому в надколенную чашу, кому в самое плечо.

Вслед за Чиимкэрэ погнался и Юнгкээбил, непрерывно пуская в него стрелы до полного истощения своего колчана. Чиимкэрэ извивался как рыба-вьюн и ни одна стрела не попала в него. У обоих остались одни роговые луки. Бежали вверх по речке с утесистыми берегами. Юнгкээбил не переставая был по-волчьи. Чиимкэрэ сказал: «Что с тобой случилось, зачем воешь?»

«Ты убегаешь от меня подобно раненому дикому оленю, а я гоняюсь за тобой точно волк. Я не могу догнать тебя и пожрать. Поэтому с досады и вою».

Чиимкэрэ, обернувшись назад, метнул в преследователя свой нож с оправленным в олове черенком с восклицанием: «А вот это я дарю своему другу!»

Юнгкээбил, не успев отклониться, подставил свой лук. Нож, ударившись лезвием, прорезал насквозь тетиву лука. В этот момент Чиимкэрэ далеко позади заметил что-то белое и спросил: «Эй, друже, что это надвигается к нам?»

Юнгкээбил возразил ему: «Хотя ты и лучший из людей, но, видимо, у тебя плохое зрение, разве не видишь, что летит голубь?»

Это был Джэгэдээктиир, который уже справился со всеми воинами Чиимкэрэ и спешил теперь на помощь к брату. Два витязя бежали по ложбине речки, а он бежал по горе. Нагнав бегущих, он с вершины утеса бросил брату лук и колчан со стрелами. Юнгкээбил поймал их на лету. Снова стал стрелять в противника, но также безуспешно. Наконец, добежали до речки, за которой виднелось местожительство Чиимкэрэ. На речке прибыла вода и ширина ее была не менее длины трех вытянутых сетей. В одном месте поперек реки лежало бревно. Чиимкэрэ побежал по этому бревну и скакнул через речку. Смерть часто имеет случайные поводы. Противоположный берег был обрывистый, под обрывом было топкое место. Одна нога Чиимкэрэ как раз угодила в грязь и застряла. В этот момент стрела Юнгкээбиля, наконец, попала в цель, прорезав подколенные сухожилия его противника. Чиимкэрэ, потеряв способность двигаться, тотчас же присел. Оба преследователя спокойно переправились вброд. Юнгкээбил, подойдя к раненому, начал стрелять,

но противник и сидя продолжал ловко увертываться. Ни одна стрела не задевала его. Наконец, он, обращаясь к Юнгкээбилю, сказал: «Ты — дрянной человек, тебе не удастся убить меня. Если бы не подоспел вовремя твой брат, я избил бы тебя до смерти простой палкой. Ты торжествуешь теперь только благодаря хитрости и вероломству. Свое имя и первенство сдаю твоему брату, пусть он и застрелит меня».

Джэгэдээктиир одним выстрелом поразил его насмерть. Победители тотчас же отрубили голени противника, вылушили мясо и, раздробив трубчатую кость, отведали из костного мозга. Мозг был водянистый и без всякого вкуса. По этому признаку братья решили, что Чиимкэрэ не так давно перенес сильный голод. (Охтубут — пристал, падал. Так говорится об ездовом олене). Юнгкээбил говорит: «Одну голенную кость нужно уделить его материстарухе («тюнгэсэлиэххэ» от «тюнгэсэ» — доля охотничьей добычи, раздаваемая соседям или случайно присутствующим гостям).

Пришли в дом Чиимкэрэ и передали голенную кость старухе с такими словами: «Старуха, мы убили одного самца дикого оленя, но костный мозг оказался без всякого вкуса. Скажи нам, с какого времени это случилось?»

«Эй, да вы принесли мне в гостинец голенную кость моего дитяти. Он перенес голод девять лет тому назад. Оказывается, его последствия в течение столь продолжительного срока не исчезают».

Про Юнгкээбиля еще рассказывают следующее. Недалеко от села Булун есть высокая гора под названием Мыйаахтыыр. Юнгкээбил, стоя у подошвы той горы, пустил вверх стрелу. Стрела перелетела через гору. На юг от местечка Сииктээх на Лене есть тоже гора, которая считается одной из высоченных. Юнгкээбил стрелял и здесь. Стрела его упала на самую вершину той горы.

Рассказ о борьбе Юнгкээбиля и Чиимкэрэ я слышал от нескольких лиц, якутов Жиганского улуса. Рассказывал старик Акыы, якут Кангаласского наслега; по его словам, сам он услышал от прадеда, ныне живущего якута Кутуйаха, местожительство которого на Оленеке в местности Тюмэти. То же самое передавал старик Акакий Кангаласского наслега. Он говорил, что Юнгкээбил жил близ устья речки Уджа, что будто бы там около озера Чиэрэс и поныне видны следы его дома-рубленки. По рассказам, Юнгкээбил умер, дожив до глубокой старости.

## **V. 2-й БУЛУНСКИЙ ВАРИАНТ**

Борисов Иван Михайлович, 71-го года, якут Эженского рода

Жиганского улуса (из тунгусов).

Правый берег Лены, уроч. Эбитиэм. 27 марта 1924 г.

## § 9. Витязи Юнгкээбил и Чэмпэрэ

В древности жили три брата, витязи-хосууны. Старшего из них звали Юнгкээбил, среднего Джагдааттыыр. Младший брат был кузнец и выковывал из железа разное оружие — наконечники стрел, сингэпчээны...

Так жили они втроем. Однажды Юнгкээбил обратился к братьям с такими словами: «Эй, парни, наш отец, умирая, в своем заветном слове сказал: «В старину приходил к нам хосуун Чэмпэрэ и многих побил, живите со всякими предосторожностями, он наш враг». Я почему-то предчувствую, что он скоро придет. Нам нужно заранее подготовиться».

Затем он приказал кузнецу изготовить стрелы в таком количестве, чтобы у каждого из них было по семь полных колчанов. Два старших брата начали делать боевые луки с роговой накладкой. Окончив эту работу, старший брат, обращаясь к Джагдааттыыру, говорит: «Теперь примемся за приготовление запаса провизии. Когда придет враг, мы с тобой будем заняты битвой, а кузнец будет ковать. Пусть он сидит дома, а мы с тобой пойдем промышлять».

Утром, чуть занялась заря, оба уже были на ногах и, надев обитые шерстистой кожей лыжи, пошли на обширную равнину-алыы и видят стадо диких оленей. На глаз было не меньше сорока голов. Юнгкээбил говорит: «Перебьем это стадо и довольно с нас!»

Начали избивать, стараясь не пропустить стадо в лес. Когда братья бежали равнину три раза, гоняясь и поражая оленей, в живых остался лишь один годовалый теленок. Джагдааттыыр погнался было и за ним, но старший брат остановил его: «Эй, братец, оставь в живых этого теленка, будет греховно истребить до единого. Таким поступком мы напрасно навлечем на себя кару судьбы».

Джагдааттыыр прекратил преследование, но в душе затаил обиду и думал про себя: «К чему понадобилось ему оставлять одного осиротелого теленка, не ради же приплода? Или он думает, что на необъятной земле мало всякого зверя?»

Но брат прервал его размышления словами: «Ну, пойдем, сегодняшней добычи хватит для пропитания нашего брата».

Помчались на лыжах. Подходят к жилищу и видят странное зрелище: их младший брат на четвереньках стоял недвижим на дворе.

Юнгкээбил говорит: «Братец, что случилось с нашим кузнецом?»

Тот в ответ сказал: «Да, наверное, стоит просто, ради шутки».

«Нет, братец, ничего ты не понимаешь, видимо, настал час нашей гибели, враг уже пришел. Смотри, ведь брат стоит, опершись на стрелы!»

Приблизились к дому. Огонь уже потух, на дворе повсюду был беспорядок. Младший брат стоял на четвереньках, опираясь на стрелы, которых было с двух боков по семи штук. Чэмпэрэ-витязь нарочито оставил его в таком виде.

Труп брата, сняв с места, забросили на лабаз, где складывали домашние вещи и оставили там с торчащими стрелами. Негодуют, досадуют на врага за то, что он, будучи именитым человеком, совершил убийство тайком. Войдя в жилище, наскоро подкрепились пищей, запаслись оружием, чем могли. Заторопились, ими овладело волнение...

Юнгкээбил, обращаясь к брату, сказал: «Ну, скорей снаряжайся, прицепи колчаны. Он действовал воровски, и мы тоже нападём без предупреждения».

Осмотрел следы: их было семеро, вернулись обратно по той же дороге. Окончив снаряжение, братья скользят на лыжах...

Вдруг увидели впереди густой дым, целым облаком обволакивающий небо. Был вечер, солнце клонилось к закату.

Юнгкээбил говорит: «Вот это, наверное, и есть его жительство. Будучи именитым человеком, он, надо полагать, не ездит с малочисленным народом?»

Из предосторожности замолкли, идут дальше, где стоя, где и ползком. Считаясь сами витязями, они передвигались так, чтобы не попасть на глаза людям. Вот, наконец, показалось жилье, огни, кучи домашнего скарба. Было три больших шатра — «буойуу джиэ», крытых ровдугой. Самый большой из них, наверное, принадлежит самому Чэмпэрэ, думают братья. Взад и вперед ходят воины, народу тьма, точно комары в летнюю пору... Братья залегли в рытвине и стали наблюдать.

Из большого шатра вынесли что-то вроде дощечки и положили позади жилья. Затем из шатра выскочил один человек, одетый во все белое, будто снегом покрытый. На нем три колчана. Он сел перед дощечкой, подогнув под себя одну ногу, а другой опираясь на землю, чтобы в случае тревоги было ловчее вскочить. Два колчана развязал и положил сбоку. Вокруг стали его люди. Из шатра вынесли дымящийся котел. Видимо, собирались кушать. Наконец, вышла женщина, держа в руках сумку с жиром. Подойдя к мужу, она стала подавать ему куски, втыкая их на кончик ножа. Чэмпэрэ брал эти

куски, подставляя спинку ладони, чтобы не мазать жиром пальцы. Так делали древние воины, чтобы при натягивании тетивы не скользили пальцы.

Юнгкээбил обратился к брату с вопросом: «Ну, как себя чувствуешь, ты будешь начинать или я?».

«Нет, мой старший брат, ты сам пошли вестником одну стрелу!»

Юнгкээбил говорит: «Если переведаться с именитым человеком, то только тремя стрелами».

«Делай, как знаешь!»

Между тем никто из врагов не подозревал их близости. Оба натянули по три стрелы. Юнгкээбил со словами: «Эй, Чэмпэрэ- витязь, оставь-ка на мою долю от жира!» — выпустил сразу все три стрелы, а за ним и его брат. Куда упали стрелы, братья и не заметили. Они увидели лишь как витязь Чэмпэрэ сорвался с места, как испугнутый ворон. Впопыхах он схватил было два колчана, положенные сбоку отверстиями вперед, но при захвате все стрелы высыпались. Третий колчан лежал впереди с луком. Лук остался на месте, а в поднятом колчане осталась одна-единственная стрела. Держа в руках три пустых колчана с единственной стрелой, Чэмпэрэ помчался вперед, что было мочи. Юнгкээбил с братом пустились за ним в погоню. Весь народ витязя Чэмпэрэ остался на месте, наблюдая за бегущими, которые были похожи на три летящих чайки.

Чэмпэрэ бежал прямо на запад под отвесными утесами, Юнгкээбил следом за ним, а брат его побежал по нагорью. Преследователи постепенно стали настигать своего противника. На бегу они непрерывно стреляли, но ни одна стрела не задела Чэмпэрэ, так как он ловко увертывался. У Юнгкээбиля в колчане осталась одна-единственная стрела, а у брата лишь три стрелы. Юнгкээбил, не решаясь выпустить последнюю стрелу, намеревался нагнать противника и напасть на него с сингэпчээном.

Чэмпэрэ стал ослабевать. Он заметил, что бегущий по горе Джагдааттыыр уже опережает его... Оборачиваясь назад, он видел, что Юнгкээбил с каждым мигом становился ближе и ближе, готовый напасть на него с ножом-сингэпчээном. Был близок момент, когда преследователи вот-вот загородят дорогу спереди и сзади. Он крикнул: «О горе мне, какая досада, что погибну, не причинив вреда моим врагам!».

С этими словами он в отчаянии выхватил свою единственную развильчатую стрелу — «уостаах огун» и метнул ее через плечо в настигающего противника. Юнгкээбил не ожидал такой обороны и, не имея возможности увернуться, подставил свой лук. Стрела развильчатым острием как раз уго-

дила на тетиву лука и прорезала ее. Таким образом, Юнгкээбил вдруг очутился без оружия с пустыми руками. С досады и злости он три раза издал пронзительные крики: «Не догнал, ускользнул, ускользнул!»

Услышав этот крик, Джагдааттыыр остановился и стал приглядываться к брату: он сидел, махая выпрямленным луком, а Чэмпэрэ бежал далеко впереди.

Джагдааттыыр в свою очередь крикнул брату: «А ну-ка, покажи свое молодчество, лови!»

С этими словами он бросил ему свой лук. Юнгкээбил был парень не промах: брошенный лук поймал на лету. Снова погнался за противником. Немного спустя, настиг вторично и, скрестив стрелу, искал удобного момента, чтобы вернее поразить бегущего врага. Тот продолжал бежать, кидаясь с одной стороны на другую, чтобы не давать прицела. Юнгкээбил часто прицеливался впустую, чтобы утомить противника. Но вдруг преградила дорогу широкая речка. Чэмпэрэ, не долго думая, сделал прыжок и сразу очутился на другом берегу... Юнгкээбил в нерешительности остановился... Противоположный берег речки был болотистый. Чэмпэрэ увяз в грязи по самое колено. Едва лишь успел он вытащить из грязи одну ногу, как Юнгкээбил, быстро скрестив лук, выстрелил. Увязший Чэмпэрэ был лишен возможности увернуться от летящей стрелы. Она угодила как раз в самую пятку поднятой ноги, перерезав сухожилия.

Раненый Чэмпэрэ присел на землю и, обращаясь к своим преследователям, сказал: «Как вижу, вы доблестные мужи, теперь победа на вашей стороне. Ну, скорей переправляйтесь и добейте меня, чтобы зря не мучить живую душу!»

Юнгкээбил одним прыжком очутился возле него, за ним прыгнул и подоспевший брат.

Чэмпэрэ: «Юнгкээбил, как же это ты, называясь витязем, мог допустить, чтобы одна стрела лишила тебя лука? Если бы не лук брата, то, наверное, погиб бы и ты сам. Я думаю, что Джагдааттыыр далеко превосходит тебя воинской доблестью. Он долгие годы будет славиться своим молодчеством, а ты скоро погибнешь. Я не сержусь на вас за то, что вы напали на меня украдкой, ибо я сам первый сделал то же самое. Но от вас, моих почтенных братьев, прошу одного снисхождения: умертвите, не причиняя лишних мучений».

Юнгкээбил выхватил свой сингэпчээн, одним ударом снес ему голову. И тут же ножом вылушил голенную кость — «чонгкутун» (так называется го-

ленная кость оленя, но в данном случае этот термин применяется к кости человека) и взяли с собой.

Пришли к народу убитого Чэмпэрэ, вошли в шатер его. Там были его старуха-мать и жена. Голенную кость сына подали старухе со словами: «Вот, старуха, мы убили одного двухтравного дикого оленя — мойкачаана, это его голенная кость, расколи и отведай!»

Старуха, сказав: «Что это, что?» — выхватила кость и тотчас же стала раскалывать. Внутри кости не оказалось мозга, была одна вода и кровь.

«О, вот почему мой сыночек повержен вами: однажды семь лет тому назад он было пристал (охтубута). Оказывается, за такой длительный срок в костях не прибыло ни капли мозга. Если бы не это несчастье, то разве он позволил настигнуть себя?»

Тут они прожили три дня. Собрав людей Чэмпэрэ-витязя, спросили, подчиняются ли они добровольно. Те ответили: «Покоряемся, среди нас нет никого, кто мог бы противиться вам, был у нас один повелитель, теперь его замените вы. Возьмите нас и сделайте своими воинами (сэрии гынынг).

Собрали все имущество и народ убитого Чэмпэрэ и возвратились к себе домой.

Какого наслег и рода были эти витязи, я не знаю. Здесь в Жиганском улусе о них рассказывают все, слышал я и от эженцев и купцев.

Послесловие. По рассказам, древние витязи-хосууны носили косы. Если они допускали срезать свою косу, то с них снималось звание хосууна.

В те времена будто бы были племена, которые имели на лице прошитое швами изображение оленьего рога. Эти племена почитались врагами (очевидно, носителей оленекского хосунного эпоса). А племена, имевшие на лицах простые швы, считались мирными и дружескими. Народы со швами на лице, говорят, и теперь живут где-то на западе.

Среди чукчей тоже бывают со швами на лице. Я сам видел двух старух-чукчанок, у которых на левой щеке были игольные следы.

(Сказитель юридически числится родовичем Эженского наслег или рода Жиганского улуса, предки которых когда-то были тунгусами, но в настоящее время совершенно слились по языку, обычаям и нравам с якутами Жиганского улуса. Среди родовичей Эженского и Кюпского наслегов нет ни одного человека, который понимал бы по-тунгусски, не помнят даже и стариков, которые знали бы по-тунгусски. Мать Ивана Борисова — якутка из Анабара. Г. К.).

## VI. УСТЬ-ЯНСКИЙ ВАРИАНТ

Васильев Николай Владимирович, якут 1-го Эргисского наслега Западно-Кангаласского улуса.

Урочище Кюсююр. 1924 г.

### § 10. Витязи Юнгкээбил и Чэмпэрэ

Витязь Юнгкээбил жил у устья Оленека, а Чэмпэрэ имел местожительство вверх по Оленеку. Они враждовали друг с другом. Юнгкээбил имел двух братьев, среднего из них звали Джагдааттыыр, а младший был кузнец.

Однажды два старших брата, Юнгкээбил и Джагдааттыыр, были на промысле, дома оставались мать-старуха и брат кузнец. В это время пришел к ним витязь Чэмпэрэ. Он убил кузнеца и дал старухе-матери голенную кость, сказав: «Вот голень твоего младшего сына. Куда ушли твои старшие дети?»

Старуха ответила: «Ушли на промысел».

Чэмпэрэ ушел. Два сына вернулись с охоты. Мать рассказала им о случившемся. Сыновья говорят: «Этот доблестный муж, видимо, убийством невозмужавшего парня хочет вызвать нас на бой».

Но, однако, открыто напасть на Чэмпэрэ они побаивались. У них был один большой шаман. Пригласили его и просят сновидением или иным своим предчувствием рассказать о том, что ожидает их в предстоящем столкновении с Чэмпэрэ, который обидел их. Шаман, поспав одну ночь, сказал: «Мои сны и предвещанья не обещают вам ничего доброго. Но имейте в виду, душа Чэмпэрэ летает в образе совы. Силою своих духов я приведу его сюда. Утром рано, когда заря только начнет заниматься, эта птица прилетит и сядет на дерево. Если у вас хватит ловкости и сноровки застрелить ее, то можно рассчитывать на благоприятный исход дела».

И, действительно, в указанное время птица прилетела и села на дерево. Юнгкээбил одним выстрелом сшиб ее. Шаман похвалил и предрекал успех. Собрались в путь. Добрались до устья реки Оленека. Шаман говорит им: «Чэмпэрэ человек очень осторожный, он имеет караульный лабаз. Сам сидит там, постоянно готовый для обороны, не сходит даже для еды. Пищу приносят ему другие. Я своими чарами наведу темный туман, в это время попытайтесь подойти к лабазу на расстояние меткой стрельбы. Первым выстрелом старайтесь перерезать тетиву его лука».

Чэмпэрэ жил не один, вокруг его шатра было множество других. Сам он сидел на высоком лабазе, имея под боком лук и колчан. Братья подкрались

близко. Джагдааттыыр одним выстрелом перерезал тетиву его лука. Чэмпэрэ тотчас же обратился в бегство. Джагдааттыыр начал избивать его народ, а Юнгкээбил погнался за убегавшим противником. Гнался он очень долго, выпуская одну стрелу за другой, но безуспешно. Перебежали много речек. За это время Джагдааттыыр успел справиться со всеми воинами Чэмпэрэ и пустился догонять ушедших витязей. Он избрал дорогу стороной так, что передние витязи его самого не могли видеть, были слышны лишь его крики по лебединому. По этим крикам Юнгкээбил догадался о прибытии своего брата. По поводу этих лебединых криков Чэмпэрэ подумал про себя: «Это, видимо, дух изначальной земли, сопутствуя Юнгкээбилу, подбадривает его. Нужно полагать, что он человек с более полным и совершенным назначением».

В связи с этим он проникся еще большим страхом перед преследователями. Вскоре показался и Джагдааттыыр. Чэмпэрэ, обернувшись назад, воскликнул: «О, горе мне! Зачем я не разорвал этого жалкого Юнгкээбиля голыми руками? Заставляя его гнаться за собой, довел себя до безвыходного положения. Я и раньше догадывался, что витязь Джагдааттыыр превосходит во всем своего брата. Теперь мои предположения оказались правильными».

Витязи продолжали свой бег. Вот пробежали уже речку Буур. Перейдя через нее, Чэмпэрэ одним прыжком перелетел через реку Оленек. Но на несчастье на том берегу он поскользнулся и увяз в грязи. Только лишь он успел подняться и побежал, как стрела, пущенная меткой рукой Джагдааттыыра, перерезала задние жилы ноги у самой щиколотки, Юнгкээбил тоже выстрелил, но промахнулся. Наконец, преследователи догнали своего врага.

Чэмпэрэ, обращаясь к Джагдааттыыру, говорит: «Ты много доблестнее своего брата, не позволяй ему убивать меня, застрели сам. Тебе принадлежит имя героя и молодца».

Джагдааттыыр исполнил его просьбу. Его стрела угодила в самое сердце. Чэмпэрэ успел, однако, сказать: «У тебя, оказывается, верная рука, убил меня без лишних страданий».

Умер. Братья тотчас же отрубили одну ногу, срезали мясо и, раздробив трубчатые кости, осмотрели мозги. В костных мозгах была застоявшаяся кровь. По этому поводу они догадывались, что он когда-то перенес голодовку. Пришли они к жилищу Чэмпэрэ и передали голенную кость матери убитого в качестве ньымаата (дар охотника из своей добычи). Спросили у ней: «Давно ли твой сын перенес голодовку?»

Этот рассказ я слышал от якутов Усть-Янского улуса, слышал и на западе в районе Анабара. Но подробнее повествуют об Юнгкээбиле на Оленеке.

## **VII. ВТОРОЙ УСТЬ-ЯНСКИЙ ВАРИАНТ**

Прокопьев Иннокентий, якут Тулагинского наслега Мегинского улуса.  
Урочище Кюсююр. Март 1924 г.

### **§ 11. Витязь Чыынгхара**

В районе реки Оленека жил когда-то витязь Чыынгхара. В одно время с ним на Лене, около Жиганска, проживали старик со старухой и с двумя сыновьями. Младший из них был еще подросток.

Однажды Чыынгхара пришел к жительству того старика и убил его со старшим сыном. Старуху не тронул, а младший сын отсутствовал. У сына он отрубил голенную кость и принес матери. Передавая кость, он сказал ей: «Старуха, вот я заколол пятитравного дикого оленя и еще самца, но почему-то на костном мозге образовались кровавые сгустки. Вот попробуй, вкуси».

Старуха, взяв кость, сказала: «Семь лет тому назад мы переживали сильный голод и бескормицу. В то время однажды сын пришел и говорил, что его олень обессилел. Надо полагать, что последствия той бескормицы не прошли и по сию пору».

Чыынгхара еще сказал старухе: «По слухам, у вас есть олененок-одногодок. Когда он достигнет зрелости, пусть поищет мои следы. Я проживаю на реке Оленек».

Ушел восвояси, а старуха осталась, плача и завывая. Пришел ее младший сын и справляется об отце и брате.

Старуха как-то отговорила, скрыла от сына все происшедшее. У них был сосед-шаман, который жил, прикармливаясь у них упромышленными дикими оленями. Мальчик стал выпытывать у этого шамана. Тот рассказал: «Приходил Чыынгхара-витязь и убил твоего отца и брата. Однако, мы вдвоем с ним не справимся. Ты найди в помощь товарища».

При этом он назвал ему имя одного человека. Парень разыскал того человека и стал уговаривать его идти с ним на Чыынгхара- витязя. Тот сначала отказался и говорил: «Это человек, которого мы не осилим», — но под конец дал себя уговорить. Вот они снарядились и пошли.

«Пока наш дед-шаман еще жив, возьмем и его с собой», — так говоря, они взяли и шамана.

Чыынгхара-витязь имел местожительство на высоком пригорке над речкой, где у него был высокий помост — арангас. Подкравшись, они обозрели

его лагерь. Вернувшись с разведки, они попросили шамана совершить камлание и привлечь душу жизненную силу Чыынгхара. Шаман сказал: «Есть тут лиственница с тремя развилинами, из которых средняя усохла. Когда я совершу камлание, прилетит сова и сядет на эту сухую развилину. Один из вас, кто расторопен и меток, пусть стреляет в птицу. Если же сова сядет на зеленую ветвь, трогать ее не надо. Убив птицу, не оставляйте на месте ни одно перышко, все несите мне».

Оба стали препираться, кому стрелять в птицу, но потом согласились на том, что будет стрелять парень. Шаман остался шаманить, а парень, взяв лук и колчан (нимсики), пошел и спрятался под деревом. Около полуночи прилетела сова и села как раз на сухую развилину лиственницы. Тотчас же стрела парня пронзила птицу от заднего прохода до самой макушки. Радуюсь и ликуя, он принес сову шаману. Взяв ее, шаман произнес заклинание и спроводил душу Чыынгхара в воду гибели и смерти. Вслед за этим он своим ясно-видящим взором провидел всю обстановку врага: «На запад от его местожительства есть амбар, где сложены луки и колчаны, полные стрел. Вы сначала найдите этот амбар и прорежьте тетивы луков. Отсюда на север есть у него еще ураса, где тоже имеется запас луков и стрел. И там прорежьте тетивы и поломайте стрелы. А народу у него видимо-невидимо... Он имеет обыкновение посылать своих людей за топливом на речку, которая протекает подле...

Хватит ли у вас хитрости и ловкости переправиться через эту речку? Для меня уже наступает отмеченный судьбою час смерти. Вы послушайте совета, который я вам преподам... Вот на запад от нас в чаще леса я вижу: пришли и стоят три самца диких оленей. Вы сначала застрелите из них двух. А затем, не ломая рогов, снимите у них головную кожу. Эти олени рога наденьте на свои головы. Чыынгхара и днем, и ночью держит бдительный надзор, но я низведу ветер и обман на его зрение. Держа над головой олени рога, переплывите речку. На том берегу, где завал наносного леса, вы обсушитесь и приготовьтесь к нападению. Он подумает, что дикие олени переплыли речку и пошлет своих людей проведать. Вы же притаитесь как можно лучше».

Парень с товарищами поступили так, как советовал шаман. Разыскали амбар и шалаш с оружием, перерезали тетивы и поломали луки. Затем нашли диких оленей, убили и содрали головные кожи с рогами. Когда шаман навел ветер, оба пустились вплавь. Чыынгхара-витязь уже заметил плывущих оленей и закричал: «Эй, парни, вон там переплыли два оленя. Тотчас же идите и застрелите их».

Три человека отправились за оленями, но те уже успели спрятаться. Не найдя оленей, посланные вернулись. Чыынгхара говорит:

«Эй, парни, стряслось что-то неладное. Побывав в Жиганске, я не упрямил годовалого дикого оленя, не придавая ему значения. Мои сновидения и предчувствия не обещают добра. Идите назад и тщательно проверьте следы».

Его люди снова пошли и также не нашли свежих следов. Вернувшись, говорят своему повелителю: «Так нет никаких свежих следов».

«Что за диво? Ведь я точно видел две пары рогов. Неужели это игра моего зрения?»

В это время женщины стали бранить работника-нуучу и послали его за дровами. Нууча как раз наткнулся на двух спрятавшихся людей, так как шаман навел на его зрение обман. Нууча был босой. Парень схватил его за щиколотку и прикрикнул: «Только попытайся крикнуть, я тотчас же разорву тебя пополам!»

Нууча присел и взмолился: «О, мой повелитель, отпусти меня!».

«Но ты лучше расскажи, как живет твой повелитель Чыынгхара- витязь. Вот уже наступает час его гибели, определенный судьбой. Я лежу здесь с намерением решить его жребий».

«Сам он сидит на высоком помосте и днем и ночью стережется».

«Ну, а как он принимает пищу?».

«Он питается обычно жиром диких оленей. Женщины скатывают жир наподобие утиных яиц, затем две из них становятся под лабаз, где он сидит, и попеременно бросают ему наверх. Жир он ловит на спинку ладони и ест. Он делает так, чтобы на случай схватки пальцы крепче держали оружие».

Парень говорит ему: «Можешь идти. Однако, Чыынгхара, наверное, заметит твой испуг. Если он подзовет и спросит, почему у тебя испуганный вид, что ты ему ответишь? Если сумеешь промолчать о встрече с нами, то мы выведем тебя в люди».

Нууча не знал, какой ответ нужно держать перед хозяином. Парень дал ему такой совет: «Ты с вязанкой дров подойди к очагу, сделай вид, что поскользнулся и при падении опрокинь кипящий котел. А затем, когда подзовет хозяин и скажет: «Эй, паренек, почему у тебя такой растерянный вид?» ты скажи ему в ответ: «О, мой повелитель! Вот уже сколько лет я живу у тебя и ни разу не был замечен в какой-либо оплошке. Только вот теперь, поскользнувшись, опрокинул котел с пищей. Не взыщи с меня за это несчастье!»

Нууча, вернувшись с вязанкой дров, поступил так, как посоветовал парень. Хозяин, действительно, подозвал его и спросил о причине его испуганного вида. Когда работник дал подсказанный ответ, Чыынгхара спросил у него: «А там, где ты рубил дрова, не заметил ли ты чего-либо подозрительного, нет ли там свежих следов диких оленей?»

«Есть следы, только старые, а новых нет, не видел».

«Ну, хорошо, ступай!»

Двое наших стали совещаться. Товарищ говорит парню: «Так как ты застрелил душу и жизненную силу Чыынгхара, то тебе и надлежит напасть на него. Тем временем я стану истреблять его народ».

Оба пошли, крадучись. Парень, не доходя до помоста Чыынгхара на расстоянии пяти вытянутых сетей, спустил тетиву. Уловив треск пальца при спуске тетивы, Чыынгхара подскочил и тотчас же, соскочив с лабаза, пустился бежать. Он хотел было захватить колчан, полный стрел, но второпях опрокинул и высыпал все стрелы. Рассчитывая добраться до своего запаса, он и не попытался собирать их. Парень погнался за ним следом, пуская одну стрелу за другой. Прибежав к своему амбару, Чыынгхара увидел, что стрелы поломаны, тетивы порезаны. Взглянув на это, он сказал: «Ты, оказывается, предусмотрительный человек и заранее поломал мое оружие. Значит, уже прошли судьбой отсчитанные дни, наступила пора и мне споткнуться». (Дословно — пришло время, когда я должен стать заикой. Якутская поговорка).

Побежал дальше в урасу, но, заглянув во внутрь, обнаружил и там поломку. Парень, не отставая, следовал по пятам. Под урасой протекала речка. Чыынгхара скакнул через нее. На противоположном берегу одна нога увязла в грязи. Пока он вытаскивал ногу, парень выпустил единственную оставшуюся стрелу и прорезал подколенные сухожилия. Раненый с пронзительным криком сел и проговорил: «Ну, дружок, как вижу, ты — человек с качествами доброго витязя. Ты далеко превосходишь своего брата. Убив твоего отца и брата, я слышал о тебе, но ввиду твоего малолетства (дословно — оттого, что на твоих губах материнское желтое молоко не обсохло и зубы окончательно не созрели), не стал тебя преследовать. Очевидно, уже тогда судьба готовила мне гибель. Прошу, кончай, не причиняя мне лишних страданий. Порази копьем сразу в сердце».

Парень кольнул в сердце и отрубил обе голенные кости (чонгкутун). Когда он пришел к оставленному товарищу, тот уже успел перебить всех своих противников.

У Чыынгхара были отец, мать и сестра. Нуучу-работника и дочь оставили в живых, поженили их и, вручив кое-какой мелкий люд, оставили их жить на землях Чыынгхара. Сами вернулись в свои собственные места.

Этот рассказ я слышал в Усть-Янском улусе от многих тамошних якутов. Более же подробно рассказывал Григорий Шамаев, якут Усть-Янского улуса.

## **VIII. ТРЕТИЙ УСТЬ-ЯНСКИЙ ВАРИАНТ**

Предыдущий сказитель. Кюсююр. Март 1924 г.

### **§ 12. Чэмпэрэ-Хосуун**

Однажды Чэмпэрэ-Хосуун пошел настораживать луки. Все свое оружие он оставил дома. В это время пришел другой витязь и вошел в дом Чэмпэрэ, где оставалась его жена. (Имя этого витязя рассказчик слышал, но забыл). Витязь спрашивает у женщины: «Когда придет муж?». Та говорит: «Не знаю». Вслед за тем женщина, улучив момент, вынесла лук, стрелы и пальму мужа на двор и спрятала в снегу.

Чэмпэрэ, возвращаясь с охоты заметил спрятанное оружие и попятился назад. Он тотчас же сообразил, что в доме, должно быть, сидят какие-то витязи. Захватив свое оружие, он притаился в ближайшем лесу.

Когда стало смеркаться, женщина сказала витязю, что идет в лес по дрова. Витязь остался сидеть в юрте. Женщина пошла на то место, где спрятала оружие мужа. Не найдя их на месте, направилась с топором в лес. Муж окликнул ее и спросил кто пришел. Женщина отвечает: «Пришел один витязь и расспрашивает про тебя».

Чэмпэрэ, скрываясь за женой, вошел в сени и спрятался в углу, держа наготове свое копье. Жена прошла в юрту. Вечером она сварила пищу и накормила пришлого витязя. Затем на наре приготовила ему постель. Витязь, прежде чем сходить на двор, стал тревожно озираться и говорит: «Я чую какой-то запах, слышу шорох!»

Женщина возразила ему: «Дом наш очень старый, наверное, завелись мыши, ты слышишь их шуршанье».

Витязь, приоткрыв двери юрты, стал озираться и одним стремительным прыжком выбежал наружу. В этот самый момент Чэмпэрэ, наметив подмышку врага, кольнул пальмой. Копье прорезало спинные мышцы и становые жилы. Раненый витязь успел было выскочить на двор, но Чэмпэрэ, погнав-

шись следом, схватил его за косу и повалил наземь. Тут же убил, но противник перед смертью успел сказать: «Ты хотя и умертвил меня воровски, но не утешайся, думая, что я человек без родичей и сотоварищей. Твое злодеяние не останется без поисков и расследования».

Покончив с врагом, Чэмпэрэ остановился в раздумье и рассуждает про себя: «Не поторопился ли я убивать его? Может быть, и впрямь у него имеются кровные родичи, которые будут добиваться отмщения. Однако, если бы не боязнь быть убитым самому, то я не стал бы опережать его».

Посоветовавшись с женой, он решил похоронить витязя. В те времена у урянхайцев было обыкновение — труп, завернув в кору дерева, прикреплять к лиственнице. Так и сделали.

С тех пор Чэмпэрэ не разлучался с оружием, остерегаясь нападения родственников убитого витязя. У последнего, действительно, остались два брата. Они, не дождавшись брата, решили, что он убит Чэмпэрэ. Они хотели напасть на него, но побаивались, думая, что он большой витязь, имеющий воинов и сторожевой лабаз. Однажды, придя в отсутствие Чэмпэрэ, они осмотрели его местожительство. Возвратившись домой, они пригласили шамана и заставили совершить камлание, поручив ему подробно разузнать образ жизни Чэмпэрэ. Шаман сказал: «Чэмпэрэ человек одинокий, воинов у него нет. Хотя у него есть сын, но он еще не возмужал и не может владеть оружием. Ходит, играет. Чэмпэрэ человек без достатка и пропитывается охотой на диких оленей. Сказать подробно о судьбе его ребенка я не могу, так как его душа скрылась в тумане».

Получив эти сведения, два брата вооружились и пошли на Чэмпэрэ. Напали и убили. Его маленький сын успел выскочить из юрты и скрылся в лесу. Витязи не стали его преследовать и возвратились к себе, сказав: «Пусть он остается в живых и прокармливает свою мать. Все равно он не осмелится идти на нас».

Убежавший парень возмужал, ему уже исполнилось 20 лет. В те времена среди предков современных устьянских якутов был один знаменитый шаман. Парень отправился к нему и попросил совершить над ним камлание и сделать его неуязвимым для оружия. Шаман исполнил его просьбу: заклинаниями закалил его тело так, что он не мог бы умереть от полученных ран, хотя бы даже в самое сердце. Но на его теле он оставил одно уязвимое место, а именно, надколенную чашу, куда он внедрил его жизненную силу.

После этих приготовлений парень отправился к убийцам отца. Младший из братьев около своего жилища имел сторожевой лабаз. Парень, надеясь на

свою неуязвимость, прямо вошел в жилище своих врагов. Последние напали на него с двух сторон с пальмами, но парень успел одному из них отрубить голову, а другой выбежал на двор и скрылся. Парень, взяв себе в жены одну девушку, вернулся домой.

Убежавший брат, собрав девять витязей, однажды подкараулил парня на месте его промысла. Неожиданно напали на него, зарубили и изрезали. Раскрыв внутренности убитого, они вынули сердце и печень и, воткнув их на острие копья, принесли в его юрту. Все это передали жене и при этом сказали: «Так как ты связалась с человеком, имеющим такое тело и кровь, мы не возьмем тебя с собой. Оставайся тут и живи. Однако, через три года мы еще понаведемся».

Ушли. Однако, зарубленный парень был еще жив. По уходу своих противников, он поднялся и пришел домой. Позвали шамана и тот, совершив моление, вложил сердце и печень на место. Парень выздоровел и стал жить.

Прошли три года и настало время, когда ушедшие витязи обещали вернуться. Парень говорит жене: «Если придут, ты скажи им, что меня нет в живых».

Затем он внутри своей юрты приготовил из дров потайное место, куда сложил оружие, запас пищи и лег сам.

Вот приходят девять витязей. Женщина приняла их с почетом, сварила мясо дикого оленя. Мясо в котле она поставила посреди юрты и пригласила всех витязей сесть вокруг и кушать. Как только они уселись, парень, держа в одной руке копье и в другой пальму, выскочил из засады. И тут же всем девяти витязям отрубил головы.

Покончив с врагами, парень думает про себя: «Моя вражда с ними длится очень долго. Если у них дома еще остались живые родичи, то мне, наверное, не сдобровать. Надо идти по их следам и покончить со всеми прочими».

Решив так, он сел за еду. В это время маленький сын около ног отца играл с ножом в руках. Он как-то споткнулся и, падая, ударился о колено отца. Последний тут же умер.

Остались жить жена и сын.

Этот рассказ я слышал три года тому назад от якута Усть-Янского улуса Григория Шамаева.

### IX. 3-й БУЛУНСКИЙ ВАРИАНТ

Шадрин Иван Петрович, 32 лет, якут 1-го Хатыгинского наслега

Жиганского улуса.  
с. Булун. 11 апреля 1924 г.

### **§ 13. Витязи Мач-Чабаана и Танггача**

Жил один старик по имени Ишаайин, который, как и мы, вел тунгусский образ жизни. Он имел трех сыновей. Старшего из них звали Мач-Чабаана. Два других сына были подростки. Они проживали в верховьях реки Оленека, но промыслы их находились и по речке Гуонамка. Мач-Чабаана имел свой кош (кёс), т. е. семью с домашним обзаведением.

Однажды Мач-Чабаана с домочадцами отделился от своих и укочевал на р. Гуонамку, чтобы осмотреть там свои засеки и ловушки на диких оленей. Он обещал вскорости вернуться.

Ждут его со дня на день, но напрасно. Точно пропал. Наконец, старик-отец, измучившись ожиданием, даже захворал. Стало хуже и хуже, совсем собрался умирать. Перед смертью он, при звав двух сыновей, держит такую заветную речь: «Ребятки мои, вашего старшего брата, видимо, убили его враги из чужого племени. Имейте в виду, что люди этого враждебного племени имеют на своих лицах прошитые швы, изображающие рога оленя. Но есть и дружеское нам племя с такими же прошитыми на лице рогами оленя: однако, у последних рога будут прямее, чем у первых. Если случится вам встретиться с враждебным племенем, то заранее кончайте жизнь самоубийством, ибо все равно погибнете от их руки».

Умер старик. Пришла весна. По приходе речной воды настало время охоты на диких оленей, которые вплавь переходят через реку.

Однажды младший брат, гоняясь на ветке, из одного стада заколол много диких оленей и приткнул всю добычу на берег. В это время приплыл на ветке один человек и вышел на то самое место, где лежали олени. Парень пошел к нему навстречу и разглядел на его лице прошитые оленье рога. Попытался было разговаривать с ним на своем языке, но тот не понял. Парень подумал про себя, что этот человек из того самого племени, о котором говорил умирающий отец. Пошел в свой чум и рассказал брату о незнакомце. Спокойно переночевали, настало утро.

На следующий день показались чужеплеменники. Одни плыли на ветках, другие ехали по берегу на оленях. Остановились табором недалеко от чумов наших парней. Пришельцы без спроса забрали заколотых оленей. Самого большого оленя преподнесли своему главному витязю. Через некоторое

время из их лагеря пришла женщина за огнем. Парни узнали в ней жену своего старшего брата. Она рассказала, что захватили ее после убийства мужа и отдали в жены самому главному витязю. Она сообщила, что на следующий день пришельцы собираются разделаться с ними. Посоветовались, как выпутаться из неминуемой беды. Парни решили напасть ночью на сонных врагов. Попросили тетку, чтобы она колчан мужа (нимсикилээх ох) перед сном положила в условленное место под кучами домашнего скарба.

Около полуночи, когда лагерь врагов погрузился в глубокий сон, оба парня, вооружившись, направились к ним. Младший брат разыскал чум главного витязя и под покрывками домашнего скарба (дасына) нашел лук и три колчана, наполненных стрелами. Колчаны надел на себя. Затем, опираясь на свою большую пальму (лёкё батыйа), приподнял полог чума и вошел. Витязь спал глубоким сном. Парень вспомнил рассказ своего отца, что хороший воин не должен убивать врага без предупреждения. Поэтому он громко крикнул: «Я пришел, проснись!»

Три раза повторил этот возглас, но витязь спал. Наконец, с криком: «Берегись, я колю тебя в самое сердце!» — кольнул пальмой. Противник, видимо, проснулся и успел увернуться от удара. Он тотчас же выскочил наружу и бросился к оружию, но парень, догнав, отсек ему голову. В это время стали просыпаться и другие витязи. Когда они высовывали из чумов свои головы, парень рубил их. Так зарубили десять человек. Поднялась суматоха, повыскачили все. Началась стрельба. Оба брата стали расстреливать обезумевших людей и рубить их без разбора. Мало кто уцелел из них. Лишь один молодой парень ловко увертывался от стрел и начал отстреливаться. Младшему брату удалось двухразвильчатой стрелой прорезать тетиву его лука. Обезоруженный противник с криком отчаяния бросился бежать. Парень за ним. Бежали вдоль по реке Гуонамка. Убегающий, приблизившись к верховью реки, перепрыгнул через нее. Он едва ступил на ил противоположного берега, как стрела парня прорезала толстую жилу его ноги. Присел и остался сидеть тут же на берегу. Наш парень тотчас же перепрыгнул через реку. Раненый говорит ему: «Ты погубил нас без предупреждения. Чтобы мое тело не терзали вороны, ты придави его срубленными деревьями».

Наш парень возразил ему: «Ты не именитый витязь, чтобы так обрывать твое тело. Убью тебя как собаку или дурную птицу».

Тут же заколол его ножом в затылок. Возвратился к месту побоища. Тихо кругом, не видно ни одного живого человека. Подумав, что брат убит, наш парень стал осторожно обходить мертвые тела. Вдруг раздался треск те-

тивы лука. Парень едва успел увернуться от стрелы. Оказывается, осталась жива жена среднего витязя, она-то и выстрелила. Парень прострелил кисть ее руки. Женщина прежде чем быть убитой, успела сказать: «Ты дрянной человек!.. Есть у нас знаменитый витязь, царь наш Танггача-Хосуун, у которого огромный лук. («Агыс ангаабыллаах» — не совсем понятное выражение). Встретишься с ним днем или ночью, все одно он порубит ваши головы. Будет лучше, если помрешь до встречи с ним. Твоего брата я легко ранила».

Парень разыскал брата, который действительно был ранен не смертельно. Тетка же спряталась в яме.

Парни хвалили бога, что он выручил их из неминуемой смерти. Стали жить, овладев всем богатством убитых. Но тем не менее они очень опасались Танггача-Хосууна, который, по рассказам тетки, должен был прожить где-то в верховьях Оленека.

Младший брат не находил покоя. Он держал в своих мыслях одно: убить Танггача-Хосууна или погибнуть от его руки. Только тогда он нашел бы желанное удовлетворение. Однако, свои замыслы он держал в тайне. Меняя свои кочевки, он постепенно приближался к тому району, где, по его предположениям, он мог бы встретиться с Танггача. Однажды он сказал своим людям, что идет высматривать места, где водятся дикие олени. И пошел. Идя вниз по одной речке, он вышел в обширную равнину, на середине которой виднелись пять чумов. Около среднего чума на большом камне сидел человек в одежде, подбитой горностаевым мехом. По этому признаку он узнал в нем чужеплеменного витязя. Тотчас же своего верхового оленя и оленя огдоону (олень, употребляемый для приманки дикого оленя) привязал в скрытом месте. Сам спрятался в тальниках, росших на краю речной наледи. В это время витязь, сидящий на камне, сев на верхового оленя, поехал по направлению к спрятавшемуся парню. Последний подумал, что его заметили. Но тот, не замечая его присутствия, ехал прямо на него. Когда витязь приблизился на расстояние десяти шагов, парень, скрестив две стрелы, крикнул: «Берегись, летит оружие! Я тот самый витязь, который когда-то порубил твой народ».

С этими словами он спустил тетиву. Одна стрела пронзила оленя противника, а другая пролетела мимо. Всадник прыгнул на лед. Парень начал пускать стрелы, но витязь, скользя по льду, так ловко увертывался, что ни одна стрела не задела его. Лишь последняя угодила в локоть. Витязь тотчас же крикнул: «Не стреляй, коли одна стрела задела, я должен сдаться. Ты исполнишь две мои просьбы. Над моим телом ты устрой помост из деревьев, а за-

тем возьми мою косу, украшенную серебряным латаханом и передай ее моим родителям. Пусть хранят ее в чистоте».

Тут же заколол его. Взяв косу с латаханом, парень пошел в средний чум, где жили родители убитого витязя. Войдя в чум, он говорит старику: «Я убил вашего сына, имеющего знаменитый тугой лук».

Когда старик усомнился в правдивости его слов, парень подал ему косу с латаханом. Тогда лишь старик поверил в смерть своего сына. Он сказал: «Ну, тогда ты сам оставайся у нас взамен сына. Вот у нас есть одна дочь-девица, ее дам тебе в жены».

Парень согласился и женился на той девице. Затем он переселил к себе брата с теткой и стали жить.

Прожили некоторое время спокойно, парень в поведении старика-тестя и его людей не замечал ничего подозрительного и потому перестал остерегаться.

Однажды он заметил, что тесть с сыном-подростком стали обвязывать свой чум длинной веревкой «суунхаан». На вопрос парня, что это за приготовления, его жена ответила: «Да, наверное, укрепляют чум на случай наступления сильного ветра».

Уснул он с женой. Вдруг ночью парень заметил, что кто-то подходит к их постели и приподнимает занавес. В это время подошедший с криком: «Летит оружие, берегись!» — кинулся на него с пальмой. Парень успел увернуться от удара и вскочил на ноги. Нападал на него брат жены, тут же был и сам старик. Оба кинулись рубить его пальмами. Парень выхватил с очага железный крюк, на котором подвешивается чайник, и одним ударом в затылок повалил старика. Умирая, старик свою пальму отбросил вверх. Падающую пальму парень поймал в свои ладони. Ею он разрубил полог чума и выскочил наружу. Там стояли наготове два витязя, которые кольнули его с двух сторон, но попали друг в друга и оба упали замертво. Парень побежал, что было мочи, думая — все одно, где ни помирать. Люди тестя погнались кто верхом на оленях, кто и пешком. Парень продолжал убегать. Много он пересек речек и речушек, а погоня все еще не отставала. Наконец, он видит перед собой 7-8 чумов. Парень вскочил в самый большой чум с криком: «Спасайте, убивают, дайте одежду!» Сначала на его крик никто не отозвался. Однако, парень успел разглядеть, что лица обитателей чума были прошиты швами, изображавшими рога оленя, но не так, как у его врагов. Тут он вспомнил завет умирающего отца о дружественном племени...

Наконец, один старик сказал: «Ребята, мое сердце почему-то тревожно забилося. Не родственник ли нам этот пришелец?»

Тут разговорились и узнали, что отец нашего парня был с этим стариком в дружбе. Старик снарядил своих витязей, чтобы отразить преследователей. Произошла битва-резня, в которой люди старика одержали победу и истребили своих противников. Старика того звали Мас-Туруук. Такое прозвание дали ему потому, что он в период своей возмужалости, убегая от врагов, перескакивал с дерева на дерево.

Стручков Герасим, якут Борогонского наслега, Верхоянского улуса.  
26 марта 1924 года. Уроч. Эбитиэм.

#### **§ 14. Витязи Эмчээгин и Чыымкани**

В далекую старину, когда люди кололись пальмами, жили два хосунавитязя. Одного из них звали Эмчээгин-Хосуун, а другого Чыымкани-Хосуун. Однажды Эмчээгин напал на Чыымкани и увел с собой его жену.

Дело было осенью. Чыымкани разыскал след похитителя и пришел к его жильству. Над речкой стояли девять шалашей, крытых обветшалой ровдугой («тордох джиэ»). Он осторожно подкрался к лагерю и увидел свою жену, которая шла за водой. Поймал ее и хочет начать разговор, но она, не говоря ни слова, указала на язык. Язык был проткнут тремя иголками. Вынул иголки, разговорились. На вопрос мужа, кто живет в этих шатрах, жена ответила: «Живет старик по имени Хаганхаан (м. б. слово раздельное «Хаган-Хаан»?) и девять его сыновей. Старшего из них зовут Эмчээгин. У каждого сына свой шатер. Будь осторожен, меня хотят убить».

Численность противников устрасила Чыымкани. Он попросил жену, чтобы она ночью, когда все уснут, подала знак стуком.

Жена сказала, что если ему удастся убить Эмчээгина, то все остальные братья будут очень слабые противники. Воткнул обратно все иголки на язык и отпустил жену.

Ночью, услышав стук жены, Чыымкани тихо подкрался к шалашу Эмчээгина и, приподняв полы, вошел во внутрь. Найдя спящего Эмчээгина, он приставил копьё над самой почкой и пригвоздил его к земле. Поднялась тревога, крики. Прибежали все братья и начали рубить Чыымкани своими пальмами, но ни один удар не попадал в него, ибо он ловко увертывался. Все

девять братьев пали под его ударами. Остались одни старик и старуха. Они взмолились о пощаде, прося даровать им жизнь. Чыымкани зарубил и их.

Этот рассказ я слышал от своего деда.

(Сказитель — постоянный житель Омолая, где издавна поселились якуты Верхоянского улуса в ближайшем соседстве с северными якутами и ламутами).

## **ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ КОНДАГИРСКИХ ТУНГУСОВ** (Верховья Нижней Тунгуски)

Григорьев Николай, 40 лет, тунгус брангатского  
рода, живет в верховьях Ниж. Тунгуски.

13 мая 1925 года.

### **§ 15. Нургаабыл**

Нургаабыл — тунгусский вояка. Однажды он с товарищем Джонгула охотился. Увидели большой тунгусский табор, стояли около 20-ти чумов. Нургаабыл со своим товарищем тихо подкрались к табору, чтобы перебить этих людей. У них имелась железная доска под названием «тутуука», которая служила оружием. (Как употреблялось это оружие, рассказчик не объяснил). Приблизились к табору, Нургаабыл крикнул: «Пришел я, Нургаабыл!»

Те тунгусы в ответ на это стали стрелять из луков, но ни одна стрела не задела Нургаабыла и его товарища. Наконец, Нургаабыл крикнул: «Ну, теперь наш черед стрелять!»

Каждая стрела попадала в сердце. Истребили всех мужчин, не исключая и детей, но женщин и стариков не тронули. Случайно уцелел лишь один грудной ребенок, мальчик. Старик (дед) сказал, что это — девочка, потому её оставили в живых.

Совершив это избиение, Нургаабыл на своем пути оставлял знаки затесы (элкээйи), предварительно сказав: «Если появится мужское потомство, то пусть следует по этим моим знакам. Я живу в Илимпейском крае».

Старик стал воспитывать того мальчика, который остался в живых, в надежде, что он убьет своих недругов. Когда мальчику наступило 7-8 лет, старик начал приучать его увертываться от стрел. Поставив мальчика, старик

пускал в него стрелы. Когда мальчик возмужал, старик указал ему знаки, оставленные Нургаабылом.

И вот этот парень однажды весной, когда стала подмерззать поверхность снега, снарядился в путь в Илимпею — биться с Нургаабылом. Пошел на лыжах, подбитых шкурой. Добравшись до Илимпеи, парень набрел на след лыж. Идя по следу, он нашел туши двух зарытых под снег диких оленей. Парень взял из туш почки и съел. Тут же вскорости он встретился с двумя девушками, которые на верховых оленях приехали за тушами промысленных оленей. На вопрос парня, кто они будут, девушки ответили, что они дочери Нургаабыла. Парень упросил их не рассказывать отцу о его прибытии.

Девушки, навьючив туши, уехали. По прибытии их Нургаабыл стал проверять части туш и обнаружил отсутствие почек. Он спрашивает (у дочерей): «Куда девались почки оленей?». Однако, девушки скрыли от него встречу с парнем.

Нургаабыл имел жительство на вершине горы. Он был занят едой, когда наш парень подполз к его жилью. Подойдя близко, парень крикнул: «Кто ты?»

«Я — Нургаабыл».

«Не ты ли убил моих людей?»

«Да, я самый».

«Если так, — сказал парень, — начинай стрельбу!» Нургаабыл стал стрелять. Когда вышел весь запас его стрел, стал стре-

лять парень. Три стрелы подряд он всадил в сердце Нургаабыла. Перед смертью он успел сказать: «Ты, оказывается, отличный муж. Бери себе (в жены) моих двух дочерей».

## ВТОРОЙ ВАРИАНТ

Каплин Николай, 38 лет, кондагирский тунгус рода монгол, живет в верховьях Нижней Тунгуски, в местности Айаан в 50-ти км от села Эрбогачон.

3 мая 1925 г.

### § 16. Нургаабыл

Нургаабыл был сильный и храбрый воин («суонинг» — храбрец), имел двух жен, а детей не было. Он постоянно занимался войной и убивал тунгусов других родов. Однажды он истребил 25 чумов тунгусов. Десять тунгусских

воинов пошли на Нургаабыла, крадучись. А Нургаабыл об их приближении узнал уже за десять верст. Опершись на свой лук, он прислушивался... и говорил:

своим людям: «Ложитесь спать, они еще далеки. Когда приблизятся, я скажу».

Когда те тунгусы приблизились, Нургаабыл вскочил и, приплясывая, крикнул им: «Узнал, перестаньте ползти!»

Затем, опершись на свой лук, сказал: «Ну, теперь можете затеять стрельбу».

И каждую пущенную стрелу он ловил руками. Когда те кончили стрельбу, Нургаабыл подряд выпустил девять стрел. Часть (нападавших) оказалась перебитой, а оставшихся в живых Нургаабыл поймал и присоединил к своим людям.

У Нургаабыла был многочисленный народ, многих он кормил. Однажды Нургаабыл встретил тунгусского парня 20-ти лет и вступил в состязание. Сначала они условились, что раньше будет стрелять парень. При стрельбе последнего Нургаабыл так ловко увертывался, что ни одна стрела его не задела. Выпустив все свои стрелы, парень говорит: «Ну, теперь постреляй-ка ты!»

Нургаабыл крикнул: «Берегись, я выпущу сразу три стрелы!» Но парень не дал попасть в себя. Начали рубиться пальмами. Точно так же не могли попасть друг в друга. Парень бросился бежать. Нургаабыл был знаменитый бегунец и погнался за парнем. Однако, он был не в силах догнать парня. На бегу он стал выпускать стрелы, но парень ловил их руками или увертывался. Вдруг он остановился и выстрелил в Нургаабыла. Стрела как раз угодила в колено Нургаабыла. У него больше не оставалось стрел. И он предложил парню помириться. Поэтому он передал ему свою медную стрелу, что должно было означать покорность.

Сели рядом и вступили в беседу, покурили трубки. Нургаабыл вопрошает: «Кто ты, как тебя зовут, я еще не видел человека, подобного тебе».

Парень рассказал следующее: «Я одинок, имею только одного престарелого деда, который и воспитал меня. Один знаменитый тунгус убил моего отца и истребил всю мою семью. Остались в живых только мой дед да я в колыбели. Тот тунгус, заглянув в мою колыбель, спросил: «Это парень или девочка?»

Дед ответил — девка. Затем тот тунгус, делая пометки на деревьях, сказал: «Если этот ребенок окажется мальчиком, то пусть он последует за мной по этим следам.»

Идя по тем следам, я и встретился с тобой».

Нургаабыл подарил парню стрелу с узорным медным наконечником, и тот в свою очередь подарил такую же стрелу, чтобы по ним позже узнать друг друга. После этого они разошлись.

## § 17. НУРГААБЫЛ И РУССКИЕ

Когда пришли русские (лууча) и начали побеждать тунгусов, Нургаабыл с одной женой и двумя товарищами, кочуя с места на место, шел к русским, находившимся в местности Йормо. Шел он, услышав рассказ тех тунгусов, которые сопровождали его. Они, повстречавшись с Нургаабылом, рассказали о русских, что вот, мол, пришли люди, носы которых похожи на грудь (или грудную кость?) глухаря, а волосы на вихорево гнездо на верхушках деревьев. Кроме того, они стрелами рисуют, будто углем водят.

В пути попался им навстречу тунгус, который нес пульное ружье. Узнав Нургаабыла, тунгус присел и прицелился в него. Нургаабыл крикнул: «Ты что за человек, почему хочешь стрелять в меня?»

Тот отвечает: «Ты лучше скажи, кто из нас должен стрелять первым?»

Нургаабыл с удивлением рассматривает его трубчатое железо и спрашивает: «Что это за вещь?»

«Да это мое ружье».

«А ну-ка, покажи, как оно стреляет!»

Тунгус выстрелил в дерево.

«Зачем же ты так кричишь?» — вопрошает Нургаабыл. Наконец, Нургаабыл попросил выстрелить в него. Тунгус выстрелил, а Нургаабыл успел отскочить в сторону. Затем попросил выстрелить в своего товарища. Тот выстрелил и убил тунгуса наповал.

Тунгус рассказал, что люди, которые рисуют углем, имеют точно такое же оружие. Нургаабыл отправился в Йормого. Русские вышли навстречу и начали стрелять. Нургаабыл, примечая падение замка, увертывался. Русские попросили его к себе. Они угостили его пищей, приправленной солью. Тогдашние тунгусы соли не знали. Поэтому пища русских показалась Нургаабылу очень вкусной. Русские упрашивали его сдаться и не важничать. Нургаа-

был же истребил тех русских и бежал в дальние места. Там он нашел одного знаменитого тунгуса по имени Соболтоо. Когда Нургаабыл постарел, они вдвоем стали воевать с русскими, но Нургаабыл уже не обладал проворством и был убит русскими.

Нургаабыла здесь знают все тунгусы. Он предок рода монгол.

У нас среди тунгусов рассказов, подобных якутским олонгхо (богатырские былины), с пением не бывает. Существуют только краткие рассказы, называемые «нимнгакаан». Те, кто научились у якутов, иногда рассказывают в переводе на тунгусский язык якутские олонгхо.

У нас есть один тунгус Хоойночо Николай, который знает рассказы о войне наших тунгусов с якутами.

«Чорбокочоон» есть название утеса, отсюда происходит название Эрбогачон.

## **ЛЕГЕНДА ТУНГУСОВ ИЛИМПЕЙСКОЙ ТУНДРЫ ТУРУХАНСКОГО КРАЯ**

Харчыыкаан Николай Данилов, 88 лет, тунгус Илимпейского района.  
р. Оленек. Местность Сардаах. Апрель 1924 г.

### **§ 18. Витязи Джуупкур и Чаатара**

В древности жили два брата-старика, тунгусы нашего джурумджаальского рода. Под именем джурумджаал мы, илимпейские тунгусы, известны среди якутов. Один из братьев имел на теле девяти местах следы заживших ран, а другой — в шести местах. У братьев общим счетом было десять сыновей. Из последних известны имена двух, самых храбрых и сильных витязей. Один слыл под именем Джуупкур-витязя, а другой — Чаатара-витязя. По соседству с этими витязями жили их родичи — тунгусы же в 150-ти чумах.

Однажды два упомянутых витязя пришли к 150-ти семьям и потребовали покорности (дословно — преклонить головы). Те ответили отказом. Тогда два витязя приказали им избрать из своей среды десять стрелков, из которых каждый имел бы в запасе по 99 стрел. (Рассказчик добавляет — иметь по сто стрел считалось греховным). Против этих десяти стрелков два витязя обещали выступить сами, имея в запасе лишь по десять тальниковых стрел по пальме. Сделали так, как было сказано. Витязи стали от десяти стрелков на

расстоянии трех сажен и открыли по ним стрельбу тальниковыми стрелами. Стрелы их попадали между глаз в самое переносье. Ни один из десяти не мог увернуться, все попадали наземь, оглушенные стрелами. Когда они очнулись, два витязя начали избивать их тыльной стороной пальмы, приговаривая: «Покоряетесь ли теперь нам?»

Все тотчас же изъявили покорность. Затем витязи потребовали, чтобы все покорившиеся им оставили привычку убивать людей. При этом они пригрозили, что нарушители этого приказа будут также избиты тыльной стороной пальмы. Все послушались и обещали не убивать.

С тех пор два витязя стали пропитывать своей охотничьей добычей весь народ в 150 чумах. Они приказывали подчиненным добытых диких оленей целиком с костями, жилами и даже с внутренним калом высушивать, чтобы не голодать. Ослушникам этого приказа также грозили избиением пальмой. Боясь наказания, все стали высушивать упромышленную добычу.

Два старика, отцы витязей, не любили большое сборище людей и жили отдельно. Однажды к старику пришли два человека на лыжах из какого-то другого рода и рассказали так:

«В прошлом де году какие-то неведомые люди, всего 19 человек, переправились через реку Енисей и поселились над крутым яром берега. Они имеют странную наружность: носы большие, волосы кудрявые, строят дома точно амбары (срубом), имеют бумагу, на которой рисуют какие-то узоры. Посуда у них сделана из камня, одежда будто лакированная, их языка мы не понимаем. Рассказывают они про царя и про бога. Они просили сказать вам, чтобы вы пришли и свиделись бы с ними».

Старики, услышав этот рассказ, очень испугались. Двух витязей-начальников в это время не было дома. Когда они пришли и услышали рассказ о неведомых пришельцах, они тотчас же собрались в дорогу, сказав: «Как же мы будем сидеть дома, услышав про такие дела». Добрались. Их ввели в дом и посадили на ложе рядом с собой. Разговорились через переводчиков... Угостили витязей сладким (дословно — ценным) кушаньем и табаком. Все это им очень понравилось. Начальник пришельцев, исправник, рассказал витязям про свою веру и нравы, а затем спросил: «Каковы же ваши обычаи?». В ответ на это витязи рассказали: «Вот уже три года как мы, избивая народ пальмами, добились оставления старых самоуправных обычаев убивать друг друга. Кроме того, так-то и так-то прекратили голодовку».

Сначала рассказывал витязь Джуупкур, так как он был искуснее в слове. Исправник сказал: «Пусть Джуупкур-витязь будет князем среди тунгусов, а

Чаатара при нем старшиной. Затем вы изберите из своей среды четырех капралов (десятников). Весной, к началу таяния снега вы со всем народом прикочуйте сюда».

В указанное время тунгусы прикочевали. Люди 20-ти чумов приняли крещение, на 296 человек наложили подати. На каждого плательщика определили подать в сумме 4 рублей 75 копеек.

О борьбе тунгусов с якутами я никаких рассказов не слышал.

## ЛЕГЕНДЫ ОБ ЯКУТСКИХ КУЗНЕЦАХ

Гоголев Иннокентий, 67 лет, якут Кобяконского наслега Намского улуса.  
Село Булун. 2 января 1932 г.

### § 19. ДЭЛГЭР-УУС

В старину, когда русские захватили Якутский округ, прибыл в Усть-Янск один кузнец по имени Дэлгэр. Он поселился в Казачьем, женился на туземной женщине и имел от нее одного сына. Сын уже возмужал и самостоятельно ходил на промысел.

Родственники жены были оленеводы, поэтому сын каждое лето имел обыкновение бродить с оленями по тундре, а старик со старухой оставались дома. Старик кузнечил.

Однажды в начале осени к кузнецу прибыли с восточной стороны два витязя-хосууна. Подружились с кузнецом. Старик понаведался у них о сыне, не встретили ли его, не поймали ли какой-либо слух о нем. Витязи говорят: «Нет, мы его не встречали и ничего о нем не знаем».

А между тем младший из них шёпотом говорит товарищу: «Эй, вот почему тело его было черное!»

(Рассказчик поясняет: «Это значит, что убитый витязями человек, сын кузнеца, был якут». По-видимому, по понятиям самого населения тело природных северян должно быть заметно светлее, чем якутское).

Старик, уловив эти слова, догадался о гибели сына и затаил в себе чувство досады.

Витязь говорит старику: «Докажи-ка свое искусство. Скуй мне такой нож, чтобы им можно было бы одним взмахом перерубить мерзлое стегно задней

ножки оленя-самца с костью и мясом. Приготовь к будущему нашему приходу».

Старик ответил ему: «Трудную задачу возлагаешь на меня, вряд ли возможно ее исполнить, но тем не менее попытаюсь сковать».

Затем витязь спрашивает: «Скажи мне, как ты думаешь, кто по своему корню и происхождению будет старше — кузнечное ли искусство или наше — витязей?»

Старик на это возразил: «Мне не приходилось испытывать и разузнавать старшинство того или другого начала».

Услышав эти слова, витязь вскочил с места и с размаху ударил своим батасом по середине наковальни, сказав: «Если желаешь видеть испытание, так вот оно!».

Рассказывают, что батасы в середине выпуклины имели особо закаленную часть. Как раз этою частью и ударил витязь по наковальне. Батас врубился в него на четыре пальца вглубь и засел так крепко, что сам витязь не смог его вытащить. Он обратился к кузнецу: «Вытащи батас, но так аккуратно, чтобы не повредилось лезвие».

Кузнец напилком протер наковальню с обеих сторон батаса и дал его витязю. Осмотрев лезвие, витязь сказал: «Оказывается, по своему корню кузнецы должны быть старше витязей».

Назначив время своего прихода на второй месяц, витязи ушли.

В начале зимы, когда снег уже выпал, они снова явились. Привезли с собой заднее стегно самца-оленя.

«Ну, друг наш, приготовил ли обещанный нож?» — говорят они. Старик сидел, кузнечил. Он передал им нож и попросил сделать испытание. Внесли мерзлое стегно мяса. Положив его на колени, витязь резнул ножом. Нож, перерубив мясо, перерезал насквозь его колени и врезался до самой середины в боковой брус нары. Увидев это, младший витязь бросился к двери юрты, чтобы выбежать на двор, но кузнец своим молотом ударил его в надколенную чашу и вдребезги разбил ее. Старик тут же убил обоих витязей.

Как рассказывают, тот нож он выковал, соединив лезвие трех девяток различных оружий.

Этот рассказ я слышал от многих здешних якутов.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ Корякин Степан Иванович, 29 лет, Эженского наслега Жиганского улуса.

12 апреля 1924 г. Речка Чонгхогор.

## § 20. Дэлгэр-Уус

Жил, рассказывают, старик по имени Дэлгэр-Уус. (Д.-кузнец). Жену его звали Кютюр-Кыыс (Скупая дева). Место их постоянного жительства было на реке Яне, жили одиноко, не имея никаких связей с остальными людьми. Кормились в зимнее время охотой на диких оленей засеками, а летом — ловлей рыбы заколами и сетями на речках и озерах. Далеко на востоке в Уяндинской тундре были у них и свои люди, какие-то родственники, но о них они знали лишь по слухам.

Однажды утром старуха, выйдя на двор, заметила на противоположном берегу речки целый табор из десяти чумов. По зову жены вышел и старик посмотреть на пришельцев. Обозрев пришельцев, старик промолвил: «Говорили, что где-то есть бродячее и немирное племя (дословно — дерущиеся, прибегающие к оружию). Это, наверное, они. Беда стряслась над нами».

Вошли в дом и сидят. Вдруг немного спустя заходят трое. Поздоровались. Старик обратился к ним с вопросом: «Расскажите, из каких мест бродите?».

Те ответили: «Да мы проживаем не особенно далеко, в этих же окрестностях, бродим в поисках пищи. Сюда попали случайно. У нас много домо-чадцев, трудно пропитывать их. Гоняемся за зверем».

Справились об имени старика. Он сообщил свое имя.

«Слух о тебе доходил и до нас, нам рассказывали отцы».

Ушли к себе.

Старуха: «Надо бы поостерегаться этих людей, как бы чего не натворили».

Старик: «Что у нас есть, ради чего стоило бы нас убивать?»

Старуха: «Ты решай сам, ибо что значит мое понимание (слово)».

Пришельцы стали навещать чуть ли не каждодневно, свыклись и познакомились ближе. К старику относились с уважением.

Когда случалось им упромыслить диких оленей, приносили ему постоянно гостинец.

Старик ковал им наконечники стрел. Оказывается, с железными наконечниками они раньше не были знакомы, для этой цели употребляли только рог. Они очень радовались и говорили, что железо лучше рога. Старик каждый день стал ковать для них наконечники. Но он нарочито делал их такими, чтобы при падении на человека их острие переламывалось. Хорошие наконечники он прятал. Так они прожили до половины лета, но дальше они пере-

стали навещать старика. Старик со старухой почувствовали, что соседи готовят недоброе и промеж себя стали судить и рядить, что бы предпринять. Старик говорит: «Ты бы, старуха, отправилась на поиски своих родичей, местожительство которых тебе известно».

Старуха и впрямь собралась, стала готовиться. Сшила себе акыйаан (особый род местной обуви. Носок из толстой черной кожи, а голенища из ровдуги). Подошву к нему поставила из лосиной кожи для пушей прочности.

Никаких ездовых животных у них не было. Сварила небольшой кусок мяса и положила его в мешок. В тот же вечер она отправилась. Ее родичи жили на расстоянии 70-ти кёс. (Кёс — мера длины, от 6 до 10 км). Через одни сутки она уже была там. Оповестила своих родственников, что вот, мол, у нас объявились какие-то неведомые люди, до середины лета жили хорошо, а потом, видимо, умышляют что-то недоброе. Приходите выручать нас. Родные тотчас же начали готовиться к поездке. Старуха же на третьи сутки уже была дома. А ее родные 30 человек пришли через 7 дней после ее прибытия.

Заречные соседи пребывали, ничего не подозревая. Старик прибывшим людям раздал припасенные наконечники стрел, приготавливаясь к вооруженной стычке.

Затем старик отправил к соседям одного человека с просьбой сказать им: «Друзья мои, почему разобиделись и перестали бывать у меня? Теперь домочадцев у меня стало больше. Если придете, то скучать не будете. Ходить же к вам в гости мне самому тяжело по преклонному возрасту. Кроме того, мое посещение для вас будет убыточно».

Услышав эти слова, те люди оскорбились и возразили: «Если он на самом деле зовет, то завтра утром мы переправимся. Пусть готовится принять нас как гостей».

Старик предупредил своих людей, чтобы они были наготове. В те времена употребляли луки. Натянули луки потуже. На следующий день утром, когда солнце только что выглянуло из-за горизонта, на речке показались три человека, переправлявшиеся на трех ветках-«мэрэкэ» (кожаная ветка, шьется из ровдуги). Луки у них были наизготовке. Люди старика, подпустив их к берегу, сразу выпустили в них три стрелы, которые угодили прямо в сердце каждого. На том берегу поднялась суматоха. Люди бросились к кожаным веткам. Выпуская стрелы, стали переправляться через речку. А люди старика, стоя под защитой деревьев, стали перестреливаться. Стрелы противника, попадая, переламявались. Поэтому наши люди очень скоро перебили своих врагов, не оставив в живых ни женщин, ни детей. Оленей и имущество убитых со-

брали и поделили между собой. Все прибывшие остались жить там же, где жили старик со старухой.

Этот рассказ я слышал от якута 3-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса Григория Винокурова. Его отец — вилюйский тунгус, но приписался к Жиганскому улусу.

Болтунов Василий Егорович, 1-го Ноготского наслега Усть-Янского улуса.

### **§ 21. Сааппа-Хосуун (Из сказаний об якутском кузнеце)**

Сааппа-Хосуун дружил с тунгусами. Он был кузнец и делал для них разные железные принадлежности. Когда пришли русские, они спрятались у него.

Русские приучали тунгусов к чаю. После того тунгусы не стали убегать и отлучаться.

Сааппа-Хосуун жил в глубокой древности. Он был отборный из людей, быстроногий из людей.

Лепчиков Филипп Михайлович, Тыллыминского наслега  
Восточно-Кангаласского улуса.

Март 1924 г. Кюсююр.

### **§ 22. Сааппа-Хосуун**

Витязи Сааппа-Хосуун и Хаптагай-Баатыр были люди одного поколения. Сааппа-Хосун отличался большой силой и необыкновенной ловкостью, но никогда не убивал людей. В ту пору между якутами и тюгэсирскими тунгусами происходили постоянные войны. Якуты поселились на тунгусских землях. Тунгусы, стремясь прогнать якутов, постоянно охотились за ними, но им никак не удавалось убить Сааппа-Хосууна. Когда они стреляли в него из луков, он ловил стрелы руками, когда кололи пальмами, зажимал их в подмышках и вырывал из рук. Пойманных же тунгусов отпускал живыми. Со временем тунгусы примирились и стали жить с якутами дружно.

Среди тюгэсирских тунгусов жил богач, у которого один иноплеменный тунгусский витязь состоял зятем. Однажды последний прибыл к тестю. Местные тунгусы рассказали ему, что вот, мол, среди нас поселился один якутский

воин, которого мы никак не можем убить. Услышав это, зять посмеялся над их бессилием и вызвался убить Саappa-Хосууна.

Запряг он в нарты оленей белой масти, сам тоже одел белую доху и помчался к жилищу Саappa-Хосууна. Тот в это время стоял на водопое и долбил прорубь. Тунгус подъехал к нему почти вплотную и с расстояния длины пяти стрел начал стрелять. Саappa-Хосуун при каждом выстреле отскакивал в сторону и стрела пролетала мимо. Тунгус начал стрелять с расстояния одной стрелы, С.-Х. ловил стрелы руками и, перелаывая наконечники, стержни их подавал ему обратно. Испуганный тунгус погнал своих оленей обратно, но С.-Х. настиг его, схватил за косу и тотчас же отрезал ее. По обычаям тогдашних людей, допустить срезать свои волосы было величайшим позором для мужчины. С.-Х., сделав свое дело, отпустил тунгуса на волю, но тот со стыда удавился тетивой своего лука.

Постоянное местожительство Саappa-Хосууна было на речке Быдантае. Однажды, уже состарившись, он пошел в тайгу на промысел. Вернувшись домой, видит: у коновязи стоит привязанная лошадь. Вошел в юрту. Оказывается, приехал его дальний родственник, молодой витязь, который собрался воевать с тугэсирскими тунгусами. Он обратился к С.-Х. с просьбой: «Окажи мне помощь, поедem воевать к тугэсирцам, отберем у них имущество и пищу!».

С.-Х. на это возразил:

«Я в продолжение всей моей жизни не убивал людей. Кроме того, я теперь живу с ними в мире. Поэтому не могу присоединиться к тебе. Если же спрашиваешь моего совета, то не ездй, там немало воинственных людей. Напрасно погубишь себя!».

Но тот не послушался его внушений и говорит: «Тогда я еду один. Если не вернусь через три дня, то ты знай, что я убит. Поезжай туда и почти мои кости. В случае же удачи, побью их немало».

С.-Х. три дня прождал возвращения уехавшего витязя. Нет его. Тогда решил поехать к тугэсирцам сам и проведать о его судьбе. Добрался до одной речки, где проживали тунгусы. Все тунгусы-мужчины, живущие вдоль по этой речке, были перебиты до единого, остались одни женщины и дети. Но у последнего становища тунгусам удалось собраться вместе, они перерезали тетиву лука у якутского витязя и вступили с ним в рукопашную на пальмах. Якут лежал весь изрубленный, но полегли и все тунгусские воины.

С.-Х. собрал всех женщин и детей, привез к себе и стал прокармливать.

С тех пор, рассказывают, тюгэсирские тунгусы присмирели и обрели человеческое поведение.

Этот рассказ я слышал от дулгалахских якутов.

Прокопьев Иннокентий, 35 лет, якут Тулагинского наслега  
Мегинского улуса.

### § 23. Сааппа-Хосуун

Сааппа-Хосуун имел двух братьев. Однажды он высматривал свои сети. В это время откуда-то с южной стороны подъехал тунгус на двух оленях белой масти, запряженных в нарту. Дело было весной в девятый месяц. Сааппа-Хосуун почему-то на одну ногу был бос. Тунгус обратился к нему с вопросом: «Не знаешь ли ты Сааппа-Хосууна?»

«Нет, не знаю».

«Как ты не знаешь Сааппа-Хосууна, что ты за дрянь человек? Вот я прострелю твою спину!»

«Если тебе пришло такое желание, стреляй. Как собака я сгину здесь. Кто же взыщет за это?»

Тунгус, не долго думая, стал выпускать стрелы одну за другой. Он стрелял не переставая, пока С.-Х. в трех местах долбил проруби. Так много было у него стрел. Но С.-Х. каждую стрелу хватал руками и, проломив, втыкал торчком в кучу снега, что около проруби. Тунгус в страхе начал погонять оленей. С.-Х., не выпуская из рук пешни, бросился за ним вдогонку. Настигнув, он схватил тунгуса за косу и стащил с нарты. Тут же пешней срезал косу и сказал: «Живи, не велика слава убить тебя!»

Тунгус уехал. Добравшись до опушки леса, он остановился. Им овладели горестные мысли: «Что же я расскажу товарищам и друзьям-ровесникам по поводу утраты косы? Чем оставаться жить на посмеяние равных, для порицания ближних, будет гораздо лучше удавиться здесь».

Подумав так, он удавился.

У этого витязя дома оставались мать, младший брат и сестра. Он, уезжая, заказал им: «Если я не возвращусь к исходу этого девятого месяца, спасайте свою жизнь».

Прождали его до исхода девятого месяца. Наконец, сестра говорит брату: «Иди-ка, разузнай у соседей про судьбу брата».

Парень пошел. Скоро он наткнулся на труп брата, висящий на дереве. Затем он нашел и оленей его, присоединившихся к чужому стаду. Возвратился домой и рассказал обо всем сестре. Та говорит: «Брат говорил, что поедет к Сааппа-Хосууну. Вероятно, это он покончил с ним. Теперь и нам самим нужно подумать о спасении».

В это время С.-Х. пришел к этим тунгусам и, спрятавшись снаружи чума, прислушивался к разговорам. Сестра говорит: «Паренек, у нас вышла вся провизия. Иди-ка за дикими оленями!»

Парень, схватив лук и стрелы, тотчас же отправился на охоту, сказав, что вернется вечером. Около полудня он уже подходил к дому, неся на спине туши четырех оленей. На берегу озера, около которого они жили, была большая лиственница, свернувшаяся набок. Парень, подойдя к этому дереву, стал озираться. Вдруг он слышит Сааппа-Хосууна: «Эй, парень поберегись-ка, я стреляю!»

Оказывается, он улегся около проруби, спрятавшись за кучей льда. Парень, заметив С.-Х. сбросил свою ношу и взмолился: «О, мой повелитель, какую славу заработаешь, умертвив меня? Я собирался бежать отсюда, вот и провизию себе наготовил. Теперь я в твоей власти, не могу переместиться на вершок, сдвинуться на расстояние одной четверти. Но прежде чем прикончить, разреши мне хотя бы свидеться с сестрой».

«Ты говоришь правду, не велика честь убить тебя!» — с этими словами С.-Х. выскочил из засады.

«Ну что стоишь, идем к тебе!» — схватив парня за руку, С.-Х. повел его в юрту. С.-Х. говорит старухе-матери: «Твой старший сынок, видимо, глупый парень. Он напал на меня, когда я долбил прорубь. Я не хотел убивать его, отпустил на волю, срезав косу. Надо бы тебе унимать сына. Иначе, не ровен час, наткнется на острие пики, порежется об лезвие».

Ему говорят в ответ: «О, наш повелитель, его уже нет в живых, он удавился!»

С.-Х. говорит: «Этого младшего сына оставляю у вас кормильцем. Только пусть он не вздумает тревожить меня, старого человека, чтобы порассчитаться за смерть брата».

С.-Х. вернулся к себе домой. Говорят, позже один из его братьев женился на той тунгуске.

Сааппа-Хосуун считается якутом Усть-Янского улуса. Он жил будто бы в глубокой древности. Этот рассказ я слышал в Усть-Янске три года тому назад от тамошнего якута Григория Шамаева.

Даада Иван, 27 лет, якут Верхоянского улуса из Дулгалаха.  
Постоянно живет на Омолое. Март 1924 г. Кюсююр.

## § 24. Сааппа-Хосуун

Сааппа-Хосуун был якут, жил среди русских. В то время русские хотели окрестить князя тюгэсирских тунгусов и очень его упрашивали. Но тот ни за что не хотел креститься. Русские поймали его, заковали в деревянную колодку и посадили в темницу.

Его народ, жена и дети прикочевали и жили около города. Тунгусский князь через лазутчиков передал своим людям просьбу запрячь в нарты самцов, на которых он сам ездил, и проехать мимо его темницы. Те так и сделали. Когда тунгусы с запряженными оленями проезжали мимо, князь вырвался из темницы и, пробежав в колодке около 50-ти сажений, бросился на нарты. Тунгусы понужнули оленей. Он так и скрылся.

Сааппа-Хосуун раньше был в приятельских отношениях с тюгэсирским князем. Русские попросили его поймать убежавшего князя. Сааппа-Хосуун в течение трех суток гнался за князем, наконец, настиг и привел к русским. Тунгус плакался на Сааппа-Хосууна, но тот говорил: «У меня не было иного выхода, должен был поймать тебя».

Князь, как рассказывают, наотрез отказался принять веру русских и умер в темнице от голода, отказавшись принимать пищу.

## § 25. Хаптагай-Баатыр

Хаптагай-Баатыр был якут, жил на границе якутских и тунгусских земель. Он занимался охотой по преимуществу на тунгусской территории. Поэтому тунгусы возненавидели его и все время охотились за ним.

Однажды он убил дикого оленя, привязал всю тушу к себе на плечи и пошел домой. По пути ему пришлось развести костер. Не снимая с плеч свою ношу, он нагнулся и стал раздувать костер. В это время слышались шаги человека по снегу. Хаптагай-Баатыр поплотнее притянул к себе тушу оленя. Пришедший человек ткнул копьем в тушу оленя. К острию копья пристал кусочек оленьей печени. Хаптагай-Баатыр притворился мертвым. Ушел тунгус, думая, что убил Хаптагай-Баатыра.

Х.-Б. приходит в дом и говорит жене: «Скоро придут четыре тунгусских витязя и скажут тебе: «Мы убили Хаптагай-Баатыра, собирайся и иди с нами!» Ты скажи им: «Я боюсь вашего оружия, спрячьте его подальше». Идти с ними не отказывайся. Затем, сделав вид, что идешь за делом, выйди на двор и накрепко придави двери снаружи. А я сам лягу в юрте, ты набросай на меня сверху поленья дров. Тогда я рассчитаюсь с ними».

Взяв лук и пальму, он лег. Жена поверх его поклада поленьев.

Вот приходят четыре тунгусских витязя. Показали женщине на острие копья кусочки печени и спрашивают: «А это что? Куда ушел Хаптагай-Баатыр?»

«Ушел промыслять. Почему вы спрашиваете, что вы сделали с ним?»

«Собирайся, мы уведем тебя с собой!» Женщина притворилась, что будто собирается варить пищу в горшке и

говорит: «Ну хорошо, вот покушаем и пойдем. Но я боюсь вашего оружия, вынесите и спрячьте его на дворе».

Доверчивые тунгусы поспешно вынесли свое оружие наружу. Женщина вышла на двор и придавила двери юрты обрубком бревна.

Хаптагай-Баатыр тотчас же выскочил из своего прикрытия и перебил всех тунгусов. Затем отправился на их жительство, забрал людей, оленей и все, что было с ними. Присвоив это, стал жить.

Шадрин Иван Петрович, 32 лет, якут 1-го Хатыгинского  
наслега Жиганского улуса. Булун, 11 апреля 1924 г.

## **§ 26. Легенда о людоедах**

Когда среди нас уже была насажена вера (под словом «вера» рассказчик, по-видимому, понимает не только христианство, но и общерусский гражданский порядок с судами, законами и начальством), все еще существовали немирные, своевольные племена «омуки».

Наш предок Ефим Павлов исполнял обязанности князя (старосты) 1-го Хатыгинского наслега. Он имел обыкновение перекочевывать от урочища Сиктях (на Лене) к верховьям р. Оленека для промысла за дикими оленями и для снаряжения пастей-ловушек. В верховьях Оленека, как рассказывают, обитали тогда омуки из племени кэргэбил. Они будто бы ели и людей, и собак, когда переносили голод. Однажды Ефим Павлов тоже выехал по своему обыкновению на Оленек и кочевал с семьей. Вдруг неожиданно в его стан

пришли трое мужчин, скользя на лыжах. Наш дед знал языки тогдашних омуков. Он вступил с ними в разговор и узнал, что они из племени кэргэбил и что вслед за ними должны прикочевать их семьи с табором. Дед, зная, что это страшные люди, был очень напуган и все время находился в ожидании внезапного нападения.

В те времена костры раскладывали вне чума и называли их «отуу». Вокруг костра стелили ветки с хвоей и это застеленное место называли «тээпкээн’он». Мы и теперь говорим «тээпкээн огустубут». Люди, приехавшие со стороны, сразу не входили в жилой чум, как делается теперь, а оставались около костра на тээпкэне. Когда пришельцы некоторое время побыли около костра, женщины позвали их во внутрь чума кушать. Дед перевел приглашение на ихний язык. Вошел только старший из них, а двое других, его сыновья, остались снаружи. Кэргээбил рассказал, что они переживают голод ввиду отсутствия зверя и плохого промысла. Приступая к еде, он крикнул своим: «Уйулгу, Джогджодой эмни!» (Так звали его сыновей).

Жуя нарезанное мясо и вкушая суп, он то и дело восклицал: «Аллаккуо, киттиккуо!»

Этими словами он будто бы выражал радость. Вскоре прибыл их табор. Кэргээбил имел двух жен. Наши уделили им из пищи.

На следующий день Кэргээбил и наш дед решили перекочевать вместе на другое место. Сам Кэргээбил, сказав женам, чтобы они перекочевали с табором, ушел в лес. Наш старик, думая, что Кэргээбил, имея двух жен, вероятно, очень ревнив, старался не пересекать лыжные следы этих двух женщин и раскинул свой шатер поодаль от них. Затем он настелил тээпкээн. Скоро пришел и сам Кэргээбил, снял свои лыжи и тростью (эмпэрэ) сорвал берестяное подножье своих лыж (исэхтэрин). Он казался очень сердитым. Старик подумал было: «Не подозревает ли он, что мои лыжные следы перепутались со следами его жен?».

Кэргээбил сказал: «За сегодняшний день я не видел ничего из имеющих кровь» (т.е. зверя).

Наш старик обратился к тунгусу со словами: «Скоро, вероятно наступит оттепель и потекут ручьи, которые могут преградить нам дорогу. Поэтому со следующей остановки (суртан) мне придется перекочевать к своему постоянному жилищу. На будущий год опять выеду. У нас есть свои земли, солнце-государь и свой суд».

Омук воскликнул: «Какая страсть, что такое «суд?» «Суд — это наш закон и (должностная) присяга», — ответил дед.

На это ому́к возразил: «Тогда и у меня есть свой суд, я начальствую над 60-ю людьми, которые слушаются моих приказаний. Если я повелю им убить кого-либо, они обязаны исполнить это. Хорошо, мы разъедемся».

Пора была весенняя. Хотя по ночам бывали заморозки, но днем снег уже таял. Старик тайно приказал своим людям ехать, не останавливаясь ни днем и ни ночью. Сам же, отвлекши внимание ому́ка разговорами, хотел ускользнуть от него и нагнать своих. На следующей остановке, отправив свою семью, старик запряг в нарту двух резвых оленей и, повернув их по направлению своего пути, привязал их к пню. Затем вступил в разговор с ому́ком. В те времена были и деньги. Старик вручил ому́ку в подарок трехрублевую бумажку со словами: «Вот деньги нашего солнца-государя».

Ому́к, взяв бумажку, приставил к солнечному свету. Просвечивает. Дунул, шелестит. Затем сказал: «Это мне ни к чему, оставь ее при себе!». И отдал обратно.

Солнце уже клонилось к закату, садилось на верхушки лиственниц. Старик, распрощавшись с ому́ком, стал пятиться назад к своей нарте. Двигаясь задом, он развязав вожжи, взял в руки трость, которою погоняют оленей и, не оборачиваясь вперед сел на нарту. Порывистым ударом тронул оленей. Быстро помчались... Старик держал в руках свой рогатый лук. В старину луки обкладывались рогом, берестой и спинными жилами, делались из лиственничной крени. Чтобы умерить быстроту оленей, он стал тормозить нарту луком. Но лук расщепился вдребезги. Старик успел захватить и завернуть в доху щепы лука, чтобы ому́к не догадался о повреждении его оружия. По видимому, и ому́к очень опасался старика. Не заметив поломки лука, он не стал преследовать. Старик, нагнав своих, трое суток ехал безостановочно.

Про судьбу того ому́ка рассказывают следующее. Он не мог упромыслить дичи и был близок к голодной смерти. Поэтому он разыскивал своих людей — 60 человек, которые жили под его началом. Среди них был один ому́к из рода тээджэбил, проживавший со своей семьей. У него будто бы имелось кремневое ружье. Ому́к Кэргээбил, вынуждаемый голодом, решил порезать и съесть всех своих подчиненных. Упомянутый выше Тээджэбил успел вырваться и убежал с женой и детьми. Остальные 59 человек были убиты. Перебив их, он срезал волосы убитых, чтобы изжарить и съесть...

Тээджэбил, спасшись от избиения, перебрался на соседнюю равнину — «алыы» и поставил там свой чум. С той стороны, докуда должен был прибыть людоед, он сделал прорезь в покрышке шатра, чтобы следить через отверстие, и хорошую лайку привязал к ниптэ (название места около шатра, где

рубят дрова). Он окарауливался всю ночь напролет. На расстоянии ружейного выстрела от его чума стояла толстая лиственница. Утром рано, когда занялась заря, залаяла собака. Хозяин осторожно вышел наружу и, отвязав собаку, ввел ее в чум. За толстой лиственницей мелькнуло лицо человека, опять показалось и исчезло. Тот, видимо, прислушивался. Улучив момент, когда он высунувшись, задержался на некоторое время, Тээджэбил выстрелил в него из своей кремневки. Тот повалился навзничь. Тээджэбил побежал. Пуля угодила прямо в лоб. Лежал мертвый. По прошествии времени, необходимого, чтобы выкурить трубку, прибежали два сына, восклицая «аллаккуо», «киттиккуо». Тээджэбил поймал этих парней. Он повез их на Вилуй и сдал князю Самойла, предупредив, что они из немирных племен. Власти же (по видимому, речь идет о якутских родовых властях) решили прикрыть это дело, боясь, что (русское) начальство будет принуждать их ловить эти немирные племена.

«Где мы возьмем такую силу, чтобы изловить их всех». — Говорили они и оставили все шито-крыто (т. е. не донесли русской власти).

Этот рассказ я слышал от своего отца.

Предыдущий сказитель, с. Булун. 11 апреля 1924 г.

## § 27. Мудрая дева

Жил старик с сыном. Звали его Кураах-Мэнгэл. Его жена умерла. Сын, хотя и полоумный, тем не менее был энергичный и мужественный человек.

Однажды этот старик поехал на верховом олене вниз по какой-то речке. Вдруг он наехал на небольшой чум. В чуме жили старик и старуха с дочкой. Домохозяйева, сварив в маленьком котелочке мясо, поставили перед гостем суп. Готовила дочка. Старик-гость, сев за стол, обратился к хозяйской дочери с такими словами: «Милочка (тыгыым), ты хорошо приготовила пищу. Скажи-ка мне, ты наливала суп, считая по ложке, или же сообразуясь с количеством мяса?».

Девушка возразила ему: «Старик, знаешь ли ты, сколько шагов сделал твой олень от дома до нас? Если ты сосчитал шаги своего оленя, то, наверное, и я считала сколько раз черпала ложкой если же ты не считал шагов оленя, то и я вряд ли следила за тем, сколько раз черпала ложкой».

Старик не нашелся возразить что-либо девушке и замолк. Дальше, беседуя с домохозяйевами, он сообщил, что с сыном живут сиротливо, без хозяйки,

некому у них справить одежду и прочее. В заключение старик сказал: «Если вы останетесь в этом месте до завтрашнего дня, то я еще раз навестил бы вас».

Те ответили, что проживут еще. Старик поспешно приехал к себе и рассказал сыну о своем посещении старика со старухой и об их замечательной дочке и добавил: «Было бы не худо посватать ее».

На следующий же день отец с сыном на оленях во весь дух примчались и посватались. Старик и старуха ответили: «Ну что же, пусть будет так, согласны отдать свое дитя, а сами переселимся к своим родичам».

И так породнились и девица переехала к мужу. Зажили. Однажды старик Кураах-Мэнгэл и сын порознь пошли на охоту. Старик повстречался с людьми одного племени, с которыми он издавна находился во вражде. Поймали его и прикрутили ремнями к наклонно растущему дереву (таахан мас). Собрав под деревом кучу гнилушек, подожгли, чтобы старик задохся от дыма. Старик попросил (у врагов) разрешения сказать слово. Те согласились выслушать. Он сказал им: «У меня дома остался сын. Вы передайте ему от меня таковые слова: «Нашел я приятелей, с которыми жил в мире и в постоянном согласии... Будучи не в состоянии совладать со своей силой, качусь горшком, не умея сдержатъ порыв ретивого сердца, начал играть с молодой лиственницей».

Затем скажите ему еще: «Когда он станет, обернувшись лицом прямо на восток, увидит две березовые рощи. Пусть как можно скорее срубит верхушки этих берез и принесет ко мне... Затем, если взглянет на запад, увидит густую чащу молодых лиственниц. Пусть срежет их верхушки и принесет ко мне. Дальше, мой острый топорик, что лежит у меня под подушкой, вряд ли что уразумеет. Если что сможет понять, то поймет мой белый камень, который лежит у меня под красной нарой».

Враги, услышав эти слова, быстро решили между собой: «Эй, нужно ехать и передать все это!»

И отправили двух витязей с несколькими воинами. Через два дня они уже были в юрте старика. Сына дома не застали. Передали его жене заказ старика. Спрашивают у ней, как понять слова старика. Женщина говорит им: «Подождите, пусть придет мой муж. Он срежет то, что ему поручено. Сами увидите».

Наконец, пришел сын. Жена передала ему поручение отца. При этом она истолковала смысл иносказания старика так: «Будучи не в состоянии совладать со своей силой, качусь горшком, не умея сдержатъ порывы своего

сердца, начал играть с молодой лиственницей» значит: «Меня привязали к наклонно растущему дереву и, разжегши подо мной костер из гнилушек, обкуривают дымом».

Говоря о двух растущих березовых рощах, головы которых нужно срубить, он предлагает тебе отрубить головы этих двух витязей. А говоря о густой чаще молодых лиственниц, он разумел войско этих витязей. Острый топорик, который у меня под подушкой,— это ты. В самом деле, разве ты сам что-либо уразумеешь? Под белым камнем, лежащим под красной нарой, он разумел меня, рассчитывая, что я пойму значение его слов. Ну, скорее готовься и приступай к делу!»...

Муж, не долго думая, отрубил головы двух витязей и истребил их воинов. А затем отправился спасать отца. Когда он прибыл, старик-отец вопил благим матом, задыхаясь от дыма. Сын тотчас же подскочил к нему и, разрезав ремни, бросил отца в снег. Начал биться с врагами. (Северные якуты говорят «кэсэр» — дословно бодаться, колоться). Всех перебил.

Таким-то образом этот старик, благодаря умной и рассудительной невестке, спасся от неминуемой беды. Тут конец рассказу. В старину это рассказывал мой отец. Он умер, перевалив за восьмой десяток лет.

Харчыыкаан Николай Данилов, 88 лет. р. Оленек,  
местность Сардаах. 24 апреля 1924 г.

## § 28. Племя майаат

Когда-то в древности пришло на Оленек одно племя, именуемое майаат, столь же многочисленное, как шерстинки на шкуре оленя белой масти, а количества шерсти оленя черной масти даже не хватило бы, чтобы пересчитать всех майаатов. Обозрев с высоких берегов земли, прилежащие к Оленеку, они будто бы сказали: «Олененка дикого оленя, стоящего на том краю равнины возможно бы застрелить отсюда. На этой земле не вместится потомство даже одного сиротинки».

Они двинулись вниз по реке и поднялись на ближайший хребет. Там на реке плавал на ветке один человек. Заметив наверху людей, он крикнул: «Кто вы такие?»

«Мы — племя майаат, пришли с намерением, истребив здешних людей, поселиться тут»,— ответили сверху. Человек на ветке возразил им: «Эй, я ведь здешний витязь, сумеете-ка поймать и убить меня!»

Взяв на плечи свою ветку, он побежал в гору по крутому склону. Поднявшись, скрылся. Не могли его поймать. Майааты пошли через хребет и наткнулись на сотню самострелов. Сто человек из них тут же погибли. Одному из них стрела самострела переломила ногу. Тот человек отрубил раненую ногу по колено и отбросил прочь, сказав: «Если попадаешь на такую пустяковину, незачем тебе и лежать со мной!»

Пошли дальше по Оленеку. Наткнулись на три чума местных жителей тунгусов. Слышно было камлание шамана. Увидев майаатов, эти люди разбежались. В местности Туманнаах Түбэтэ майааты заметили что-то вроде огромного амбара. Тут же около виднелось много тунгусских чумов, их было целая сотня. Заглянув в чумы, они нашли одних женщин. Когда разглядели амбар, оказалось, что он был сложен из кожаных матага, наполненных сушеным оленьим мясом, так что он был непроницаем. Внутри этого сооружения, было слышно, кузнецы ковали, другие строгали. Майааты крикнул: «Выходите, будем биться из луков!»

Оттуда выскочил один человек и сказал: «Я был выше ростом всех прочих, имел выпуклые мышцы, поэтому прозвали меня Кунгнаан-витязь».

Вслед за ним выскочил высохший, маленький человечек и едва слышно ступил на землю. Невзирая на свой рост, он имел отличное вооружение.

«Хотя и много вас, довольно будет и нас двоих. Меня зовут Иппиччэ-витязь. Когда будете умирать, знайте, что погибли от носящих эти имена».

Начал стрелять Кунгнаан-витязь; люди повалились точно стелющаяся трава. Другой стал пускать стрелы, ни одна из них не пролетела мимо цели. Майааты, окружив Кунгнаан-витязя, начали обстреливать его. Но у него была непроницаемая для стрел железная броня, подмышки были прикрыты дощечками, обклеенными кожей лося. Такие же дощечки прикрывали его руки. Майааты пришли было под вечер, а на следующий день еще до заката солнца они все полегли. Иппиччэ-витязь, как только выходили стрелы, заскакивал в свой амбар и вытаскивал новую кучу. А Кунгнаан-витязь не исчерпал и охапку, вынесенную в первый раз.

Так-то исчезли майааты, об них и слух пропал.

Этот рассказ я слышал от старика Юрюнгэй-Борогон, наслега Чорду, живущего около озера Есей.

Стручков Степан, якут 2-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса.

## § 29. Старуха-витязь с двойными ножнами

Старуха-витязь с двойными ножнами однажды пошла искать витязей (чтобы вступить с ними в состязание). Вдруг неожиданно из-под ее ног с криком «хабиэх» вылетела одна куропатка. Старуха-витязь вздрогнула, но привычке емюрэчек (нервно-больные, повторяющие чужие слова или действия) подхватила крик куропатки «хабиэх» и тут же, вытащив из двойных ножен свой острый ножичек, перерезала себе горло и померла.

Вот такая-то старуха, рассказывают, тоже ходила, ища встречи с витязями.

Он же. 20 апреля 1924 г.

## § 30. Старуха Таал-Таал

Старуха Таал-Таал, торопливо семеня ногами и трепыхаясь, шла по скользкой ледяной поверхности. Вдруг она, поскользнувшись, грохнулась на лед, сильно ушибла селезенку и завела такую беседу:

Эй, лед-лед, силен ли  
ты? Силен, да еще как!

Ну а солнечные лучи почему же светят сквозь тебя?  
Солнца-солнышка лучи ведь сильнее меня!

Эй, солнца-солнышка лучи, сильны ли вы?  
Ну, конечно, сильны!

А как же тогда тучи-тученьки закрывают вас?  
Тучи-тученьки ведь сильнее нас!

Эй, тучи-тученьки, сильны ли вы?  
Еще бы, конечно, сильны!

А почему же тогда ясного неба ветра так треплют вас?  
Неба-неба ветра, знать, сильнее нас!

Эй, неба-неба ветра, сильны ли вы?  
Конечно, сильны!

А почему же тогда меж двух утесистых гор  
Так бессильно сопите вы?

Утесистые горы, знать, сильнее нас!

Эй, утесистые горы, сильны ли вы?

Ну, конечно, сильны!

Если так, то почему землеройка-мышь буравит

И проходит сквозь вас? Землеройка-мышь, знать, сильнее нас!  
Землеройка-мышь, сильна ли ты?  
Ну, конечно, сильна!

Если так, то почему же тогда босоногая дева  
Может ножкой прижать тебя!

Босоногая дева, знать, сильнее меня!  
Эй, босоножка-дева, сильна ли ты?  
Ну, конечно, сильна!

Вот так-то босоножка-дева оказалась сильнее всех.

Он же.

### **§ 31. Тonoоско-лгун**

Тonoоско рассказывал: «Пошел я осматривать свои сети. Пешню воткнул было в снег. Немного погода, обернувшись, вижу — на кончике ручки пешни уселись уже семь сов.

Однажды запряг в нарту двух диких оленей. Одна была яловая самка, а другой — трехгодовалый самец. Последний, чертенок, был уж очень уродлив.

Как-то я ловил сююлюкюнов (духи воды, выходящие из озер в крещенские дни), сдирал с них кожу, которую употреблял в тяжи для оленьих лямок. Вот прочность-то, замечательно!

Однажды пошел осматривать свои пасти. Вижу — в одну из них попала щука. Наверное, вода прибыла и залила пасть, щука и угодила в нее.

Здесьний народ не умеет находить пищу. Если олений помет смешать с пеной воды, ведь получается отменное кушанье. Да и выжми из кишек налима все то, что там есть, наруби на кусочки и ешь. Это тоже замечательная еда!»

### **Легенды о бородатом народе**

Винокуров Афанасий Чонгку, 62 лет, якут 1-го Батулинского наслега Жиганского улуса.

### **§ 32. Первый вариант**

Один человек в районе Русского Устья объезжал свои пасти и заблудился. Ночью на берегу моря он набрел на человеческое жилье. Обитатели держали в качестве собак белых медведей. Промышленник ездил на собаках. Расставив их у самой дороги, он опрокинул нарту набок и укрепил ее тормозом. Осторожно открыв дверь, он вошел в дом. Направо от камелька один, лежа на постели, сказывал былину. (Другие рассказывают, что этот человек, войдя в дом, нашел нару девушки, лег к ней на постель и даже вступил с ней в любовную связь. Тело девушки будто бы, было покрыто волосами. Девушка дала ему шкуру морской черной собаки и посоветовала тотчас же уходить, ибо иначе ее люди убьют его). У этого человека за пазухой имелись древесные стружки. Бросив пучок стружек на тлеющий очаг, он осветил помещение. При ярком свете он увидел сказочника, у которого одеяло было спущено до мочки груди. Лицо его сплошь было покрыто волосами, так же и груди. Тотчас же он бросился обратно к выходу. Тут же раздались крики: «Вставайте, пришел мошенник!.. В нашу страну не могли бы придти двуногие... Кто это, кто?..»

А между тем промышленник успел сесть на нарту и помчался, что было мочи в его собаках. Следом за ним погнался один верзила, вышиной не менее сажени. Он догнал было и ухватился обеими руками за последние копылья нарты. Но собаки бежали так стремительно, что в руках преследователя остались лишь сорванные с места копылья. Великан прокричал:

«Божие дитя, ты улетело к богу,  
Солнечное дитя, ты улетело к солнцу!  
Я тебя всенепременно умертвил бы».

Промышленник, проблудив, разыскал свой дом и рассказал людям о своем приключении. Люди, прослушав его рассказ, сказали: «В древности существовал бородатый народ. Ты, наверное, набрел на них».

У нас рассказывают, когда будет найден бородатый народ, то должно быть с ними великое сражение... От их крови возгорится пламя. Наступит последний век (мунгур юйэ) и переворот как на небе, так и на земле (сир тангары эргийэрэ). Вся земля будет объята пламенем.

«О, как бы этот народ остался не разысканным», — говаривали мои родители — отец и мать. Этот рассказ я слышал, будучи еще отроком, от своего деда.

Шемаков Афанасий, якут 3-го Хатыгинского наслега Жиганского улуса.

### § 33. Второй вариант

Один промышленник остался на островах Новая Сибирь на зимовку, чтобы поохотиться на песцов. Однажды он поехал на собаках осматривать свои ловушки-пасти. Вернулся он поздно вечером. Была лунная ночь. Из трубы его жилья вылетали искры, на дворе лежали две собаки величиной с волков, тут же была и их нарта. Это обстоятельство очень удивило промышленника, ибо он не ожидал встретить в этих местах другого человека. Привязав своих собак, он вошел в юрту. Перед очагом сидел человек громадного роста, лицо которого сплошь было покрыто волосами. Целую ногу дикого оленя от воткнул на рожон и жарил. Промышленник сердито обратился к нему: «Кто тебе разрешил располагаться тут и изводить запасы дров?»

Незнакомец продолжал сидеть молча, не обращая внимания на его слова. Промышленник подошел и ударил. И это на него не подействовало, он сидел неподвижно, точно был деревянный. Когда промышленник снова подошел и начал сыпать удар за ударом, великан схватил его за шиворот, привлек его к себе и стиснул между ног. Тут промышленник взмолился: «Приятель, я поступил ошибочно, будь добр, освободи!»

«Зачем же ты, впервые видя человека, вздумал драться? Если пообещаешь больше не драться, отпущу».

Освободил. Съев зажаренное мясо, великан стал собираться в дорогу. При этом он сказал: «Пока я не уеду, ты не выходи на двор и тем более не вздумай следовать за мной».

Вышел и уехал. Промышленник, подкрепившись пищей, решил поехать следом за своим странным гостем. Была лунная и тихая ночь. Незнакомец поехал прямо в море. Заложив в нарту 15 собак, промышленник помчался. На льду снега хотя и не было, но тормоз незнакомца глубоко прорезал лед, показывая его дорогу. Промышленник мчался по следу три дня и три ночи. Наконец, перед ним в темноте обрисовалось очертание берега. Вступил на землю. Повсюду были заметны следы людей. Дорога пошла вверх. Поднявшись на горку, он увидел множество домов. У самой дороги был один дом. Промышленник остановил здесь своих собак. Поворотил нарту и собак, расположил последних так, чтобы они в одно мгновение были готовы к отъезду.

Вошел в дом. Попал в темные сени. Наощупь заметил, что тут была развешана разная меховая одежда. Притворил внутреннюю дверь и тихонько вошел в дом. Было темно, обитатели уже были на постелях, но один из них

пел и другие изредка подбадривали певца возгласом «ноо». (У северных якутов былины сказываются и слушаются, лежа на постели). У нары, что бывает при входе около дверей, он ощупал ровдужный занавес. Отовсюду несся храп спящих людей. У промышленника за пазухой имелись пучки стружек для разжигания костра. Из кучи дров он схватил одно полено и, прищепив к нему стружки, сунул в пепел очага. Через мгновение стружки вспыхнули и осветили внутренность помещения. Около передней нары на полу лежал длинный человек и пел, налево был виден занавес, на другой наре лежали двое. Около двери за занавесом было слышно дыхание человека. Промышленнику показалось, что за этим занавесом лежит одна женщина. Он, не долго думая, раскрыл занавес и пощупал. В этот момент лежащий схватил его руку и, крепко стиснув, привлек к себе: «Кто ты и откуда пришел?»

«Ой, холодно, позволь прилечь к тебе!» — промышленник силком улегся и сказал: «Я человек белого царя».

Женщина возразила ему: «Коли так, то напрасно попал к нам».

«Но что вы за народ?» — спросил промышленник.

«Разве ты не слышал про людей (или племя), тело которых покрыто волосами? Мы и есть тот самый волосатый народ».

Тут промышленник ощупал на груди женщины волоса. Женщина сказала: «Ты не мешкай, уходи сейчас же. Здесь живут страшные люди».

«Позволь мне еще полежать с тобой».

«Нет, уходи, иначе погибнем оба».

Она откуда-то достала кожаный мешок и дала ему, говоря:

«Это за твои труды, за то, что приезжал к нам... Иди!».

Промышленник, подумав, и сам решил, что благоразумнее будет уходить. Осторожно встал. Мимоходом из кучи дров он выхватил полено и кинул его в передний угол юрты. Выбежав на двор, он бросился на свою нарту и гикнул на собак. На спуске, тормозя нарту, он услышал под собой треск и тут же заметил, что два задних копылья нарты были сорваны. Обернувшись назад, он заметил на спуске фигуру громадного человека, который вслед ему прокричал: «Дитя солнца, ты улетело к солнцу, божье дитя, ты улетело к богу! Радуйся тому, что я вышел голым...»

Промышленник, добравшись до своего жилья, побоялся оставаться на острове и тотчас же переехал в Усть-Янск. О посещении волосатого народа он рассказал людям только перед смертью.

Волосатое племя должно обнаружиться лишь в последний век, когда начнутся войны. Барон Толль, говорят, искал этот волосатый народ и пропал без вести.

Белоусов Николай Дмитриевич, якут Хамагаттинского  
наслега Намского улуса. Урочище Кюсююр. 1924 год.

### § 34. Третий вариант

В старину казак Цыпандин на островах Новая Сибирь промышлял песцов. Однажды, возвратившись в свой стан, он увидел на дворе нарту, в которую были запряжены пять собак, на нарте лежали туши трех волков. Войдя в свою урасу, он увидел человека огромного роста с бородой, который, сварив в котле мясо, закусывал. Цыпандин внес со двора ханьях (род сливочного масла якутского приготовления). Незнакомец обратился к казаку с просьбой поделиться с ним из этой пищи. Попробовав ханьяху, он сказал: «О, оказывается, вы едите очень вкусную пищу!».

Затем спросил: «Вы — люди белого царя неужели все такого же маленького роста как ты?».

Сам Цыпандин, однако, был саженного роста. Он ответил ему: «Нет, это только я случайно уродился таким маленьким».

Незнакомец, по обычаю охотников, преподнес Цыпандину в дар туши трех волков. Затем сказал: «Я принадлежу к бородатому племени, однако, ты не вздумай ехать по моим следам. Ничего доброго не получишь!»

Но Цыпандин после его отъезда решил пуститься вслед за незнакомцем. Заложил в нарту 12 собак и поехал. Незнакомец поехал прямо в открытое море. Через сутки казак наехал на костер. Пепел был еще теплый. На вторые сутки тоже увидел след костра, но пепел уже давно был остывшим. На третьи сутки, когда уже стемнело, казак завидел впереди что-то темное. Подъехав ближе, он увидел на пригорке множество домов-рубленков. Около одного дома стояла нарта, на которой приезжал незнакомец. Цыпандин поворотил своих собак, приготовил их к отходу. Вошел в избу. Перед дверью была печная печь, а на печке было положено что-то, издававшее яркий свет, величиной с кулак. Подойдя ближе, казак рассмотрел, что издавал свет какой-то камень. Взял камень и сунул себе в карман. За печкой на наре спала молодая женщина. Казак, не долго думая, юркнул к ней под одеяло. Женщина, проснувшись, спросила, зачем он явился в их край. Цыпандин ответил, что к

нему заезжал один человек и сказал, что у него есть сестра... Вступили в связь. Девушка на прощанье достала из-под подушки что-то черное и дала казаку. Она предложила ему тотчас же уезжать, ибо ее брат, если проснется, то убьет его. Девушка, подхватив казака себе в подмышки, вышла на двор и отпустила. Казак побежал к нарте и помчался... Сзади раздался страшный крик и один человек, подбежав, ухватился руками за последнюю перекладину нарты. Казак гикнул на собак. Преследователь остался на месте, изрекая по его адресу угрозы. Цыпандин, приехав домой, разглядел подарок девушки. Оказывается, она дала ему шкуру чернобурой лисицы. Через три-четыре года Цыпандин вторично ездил на то место, где нашел бородатых людей. Но их там не оказалось. Они съехали на другое место. Цыпандин, будто бы, только перед смертью в исповеди рассказал о посещении им бородатых людей.

Рассказывают, что бородатый народ будет открыт лишь по наступлении последнего века, и что один из этого народа будет избран царем.

## **РАССКАЗЫ О ДИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ «ЧУЧУНА»**

### **§ 35. Винокуров Афанасий**

Чучуна-человек питается охотой на диких оленей. Ест он мясо оленей в сыром виде. Говорят, с дикого оленя он целиком сдирает шкуру, как мы снимаем шкуру с песка. Эту шкуру натягивает на себя. Когда шкура сохнет на теле, чучуна заводит себе новую одежду. Он будто бы живет в норе наподобие медведя. Голос у него противный. Люди встречают его весьма редко. Часто видят его убегающим... Бежит с быстротой птицы. Чучуна бродит в одиночку, завидев человека, тотчас же убегает.

### **§ 36. Шемяков Афанасий**

Про чучуну у нас рассказывают, что это должно быть одичавшие чукчи. Чучуна, завидев человека, убегает или начинает стрелять. Он, будто бы имеет деревянный лук и пальму. Одежда его — шкура дикого оленя, снятая целиком. Чучуна эту кожу натягивает на себя в сыром виде. Лицо чучуны черное, в нем нельзя разобрать ни носа и ни глаз. Чучуну видят только в летнее время. Зимой он не бывает. Говорят, он делает себе запасы (пищи), собирая мышей. Голос у него очень плохой, хриплый и трескучий. Свистит, пугает лю-

дей и оленей. Далеко на востоке в тундре жил богатый чукча Араарап. Он, будто бы рассказывал, что вдвоем с одним товарищем, превратившись в чучуну, ходил по речке Джардаан (впадает в Лену с восточной стороны ниже Жиганска).

§ 37. Борисов Иван, тунгус Эженского наслега Жиганского улуса

Мээлкээн — дух земли, похож на человека, но лицо черное-пречерное, всегда самец. Отличается замечательной быстротой в беге. Когда увидит человека, прячется. Ловит домашних оленей и спутывает им тальниками ноги. Это то же, что и злой дух (абаасы), но с просьбой о даровании удачи в промысле к нему не обращаются.

### ВИЛЮЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О БОРОДАТОМ НАРОДЕ

§ 38. Попов Иннокентий Егорович, 58 лет,  
якут Хаданского наслега Хочинского улуса.

27 марта 1925 г.

Рассказывают, что где-то существовало шерстистое или волосатое племя. Один охотник, забравшись вдаль, очутился в бедственном положении и прозимовал среди людей с шерстистыми лицами. Этот охотник будто бы рассказывал, что он, как промышленник, превосходил этих волосатых людей. Те чуть его не убили, он вырвался и бежал. Один из шерстистых погнался за ним, но был убит охотником. По словам последнего, когда он стал под прикрытие дерева, в него (т.е. в дерево) воткнулись подряд семь стрел.

Про этого охотника говорят, что он был из тунгусов-чучума. (Это место непонятно. Очевидно, рассказчик употребил «чучума» вместо «чучуна»).

§39. Потапов Егор Ефимович, 55 лет, якут 2-го Юёдюгейского наслега Верхневилюйского улуса. 4 марта 1925 года.

В древности жил якут по имени Джирэнгсэ-Боотур. Однажды он на двух оленях, запряженных в нарту, ездил вверх и вниз по р. Оленеку в поисках дичи-зверя. Вечером, возвращаясь к себе на ночевку, он заметил на льду реки прорубь и след, как бы кто-то проволоком по снегу обрубок бревна. Поднявшись на пригорок, он увидел три урасы, снаружи весьма изрядно отделан-

ные. Войдя в первую урасу, он увидел старика и старуху с седыми волосами, которые показались ему тунгусами. Они с большим удивлением встретили Джирэнгсэ-Боотура и сказали: «Ба, ты, человек средней земли, зачем пришел к нам? Сейчас же уходи. Наш сын очень сердитый человек. Он теперь на охоте, коль скоро вернется, тебе живым не выбраться».

Охотник выскочил наружу, но ему захотелось заглянуть в среднюю урасу, которая выглядела еще наряднее первой. Он подумал, что здесь обитает дух темного леса Баай-Байанай. Вошел и видит женщину прекрасной наружности, которая тоже встретила его с большим удивлением и выразила сожаление, что он напрасно явился в эти места. Она подала охотнику две кожаные тунгусские корзины, туго набитые чем-то, и сказала: «Вот используй это и будь человеком (в смысле зажить счастливо, обзавестись хозяйством). Однако, ты не должен рассказывать ни одному человеку (ураангхайга), откуда получил это. Уходи немедленно, скоро придет мой старший брат. Он человек очень дурного нрава».

Джирэнгсэ-Боотур сунул корзину в свою нарту и помчался. Но, отъехав поодаль, он опять раздумал и решил еще раз взглянуть на ту женщину. Повернул оленей. Когда подъехал к жилью, женщина была на дворе. Она, махая руками, сказала: «Немедля уходи, ибо мой брат уже сидит дома, иначе лишишься света белого солнышка».

Едва он успел повернуть оленей и спуститься с подъема, как сзади навалился на него кто-то тенеподобный и раздался треск нарты. Джирэнгсэ сдвинулся на перед нарты. Преследователь уже успел схватить одну из корзин и сорвал заднюю половину нарты. Вслед за этим раздался зычный крик: «Эй, человек средней земли, если ты еще раз повернёшь свою голову в нашу сторону, пусть лопнет твоя шея, если захочешь снова придти к нам, пусть вывихнутся твои суставы, ибо мы духи темного леса богатые байанаи».

Джирэнгсэ уехал. Привезенная им корзина была битком набита черными отборными соболями. И тот человек, рассказывают, разбогател и зажил хорошо.

Этот рассказ я слышал от якута Чукарского наслега Нюрбинского улуса Давида Никифорова лет 20 тому назад. Он говорил, что слышал рассказ от очень старых людей.

## СЛОВАРЬ ОСОБЕННЫХ СЛОВ (ПРОВИНЦИАЛИЗМОВ ) В ГОВОРЕ ЯКУТОВ-ОЛЕНЕВодов ПРИНЯТЫЕ В СЛОВАРЕ СОКРАЩЕНИЯ

*Анаб.* — говор якутов Туруханского края, кочующих в низовьях р. Анабара.

*Ач.* — наречие ачеульских тунгусов (верховья Лены).

*Аян.-н.* — наречие аяно-нельканских тунгусов.

*Баргуз.* — наречие баргузинских тунгусов.

*Бранг.* — говор обьякученных тунгусов брангатского рода, образующих наслег того же названия в Хочинском улусе. (Верх. Вилюй)

*Бельт.* — язык бельтир Минусинского края в Хакасии.

*Верх. лам.* — наречие ламутов или тунгусов (эвенов) Верхоянского края.  
*Верх. ул.* — говор якутов Верхоянского улуса.

*Верхн. Анггар.* — наречие тунгусов, кочующих в районе р. верхней Анггары.  
*Витим.* — наречие витимских тунгусов.

*Дагур.* — дагурское наречие (дагуры — тунгусы, но говорят на одном из монгольских наречий).

*Долг.* — северный якутский говор у долган Туруханского края.

*Ес.* — северный якутский говор в районе оз. Есей Туруханского края. *Жиг. ул.* — говор северных якутов Жиганского улуса (низовья Лены и р. Оленека).

*Илимп.* — наречие тунгусов Илимпейской тундры Туруханского края.

*Конд.* — наречие тунгусов кондагирского рода (верх. р. Ниж. Тунгуски).

*Лам.* — ламуты Верхоянского края.

*Манч.* — письменный манчжурский язык.

*Маст. ул.* — северновилюйский говор в Мастахском улусе.

*Мемел.* — наречие тунгусов Охотского края мемельского рода.

*Монг.* — монгольский язык.

*Неман.* — наречие тунгусов Амурского края в районе Неманских приисков.

*Олен.* — северный якутский говор в бассейне р. Оленека. *Омол.*

*як.* — верхоянские якуты, живущие в бассейне р. Омолоя.

*Охот.* — наречие тунгусов Охотского края.

*Панкаг.* — наречие тунгусов панкагирского рода (Ниж. Тунгуска).

*Русс.* — русский язык.

*Сев. як.* — северные якуты-оленьеводы.

*Тунг. или т.* — тунгусы.

*Тутур.* — наречие тутурских тунгусов (верхняя Лена).

*Тюгэс.* — наречие тунгусов или ламутов тюгэсирского рода Верхоянского края.

*Усть-Ян. ул.* — северный якутский говор в Усть-Янском улусе.

*Чапог.* — наречие тунгусов чапогирского рода (Ниж. Тунгуска).

*Юж. як.* — южные якуты-скотоводы.

*Як.* — якуты, якутский язык.

### Сокращенные ссылки на научные труды по их авторам

Бимбаев. Монгольско-русский словарь. Изд 1914 г.

Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903 г Приложение. Словарь.

Пекарский. Словарь якутского языка. Акад. изд.

Подгорбунский. Русско-монгольско-бурятский словарь. Иркутск, 1909 г. Поппе. 1. Материалы по солонскому языку. Изд. Акад. н., 1931 г. 2. Да-гурское наречие. Изд. Акад. н., 1930 г.

Радлов. Опыт словаря тюркских наречий.

Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926 г.

Звездочками помечены слова северного якутского говора, позаимствованные из разных тунгусских наречий.

### А

*Абалаа* (анаб.) — ругать, поносить.

*Абаратар* — колоть дрова.

*Абылакаан\** — название оленя-самца на втором году. Маст. ул. — то же. У тунгусор конд., илимп. — авалакаан, у тутур. — авлакан (Титов), у аян.-н. — то же.

*Адага* (Жиг. ул.) — обрубок дерева, к которому прикрепляется цепь или железн. полоской капкан на песца или волка.

*Айыы москуойкаан* (анаб.) — отличный, хороший. В том же смысле употребляется и *москуй* — *боскуй*. От русс. «московский».

*Айыысыт* — шкурка зайца или пучок конского волоса, которые вешают при родах женщины на три дня. По истечении этого срока А. хранится среди вещей. Обычай распространен повсюду среди северных якутов, отчасти и в Верх. улусе.

*Аал* (Верх. ул. на Быдантае) — плот. То же в верховьях Вилюя среди обьякученных тунгусов ранг. рода. У юж. як. «*алл*» — судно, большая лодка, паузок. У урянхайцев «*сал*» — плот (Катанов).

*Ала* — плоский длинный ремень оленьей упряжи. Один конец ремня продевается между передних ног оленя и перекидывается у основания шеи, образуя петлю. Другой конец ремня продевается через дужку нарты и тем же порядком надевается на другого оленя.

*Алха* (олен.) — молоток. У бурят и монголов — «*алха-алхо*» — молот. (Подгорбунский.) Илимп. «*салка*» — молот.

*Алыы* — равнина среди леса, гор, ровное место. Маст. ул.— то же *Алып* — хитрость, обман. У юж. як. сохраняется в виде слабого пе-режитка.

*Амаркана\** —шестилетний олень-самец. У илимп., конд., лам., неман.— 5-тилетний самец. У бранг.— амархана.

*Амаса\** — особый род пищи из мяса и жира дикого оленя.

*Аматтан* — с самого начала, с первого раза.

*Амачаан* — легко, не страшно, пустяки. Говорят о больном «амачаан», желая выразить этим, что он чувствует себя хорошо.

*Амыдай* — заяц. У юж. як. сохранилось понятие «амыдай аса» — пища амыдая, говорится о землянике (см. Пекарский).

*Анныस्ताах омук* — племя, живущее войной и не признающее установленных властей. Легендарное представление. См. «кэйсиилээх омук».

*Ара* — обычное восклицание, выражающее либо удивление, либо утверждение, иногда же употребляется в смысле — постой, погоди. *Ара буоллун* — ну, пусть будет так!

*Араан\** (олен.) — 1) след очага и чума, где провели ночь; 2) то же что сурт у жиганских якутов. См. дальше; 3) железный лист, подкладываемый под очаг в летнее время (см. латуун). У илимп. «*сараан*» — очаг. У витим. тунг.— *аран, саран* — место для юрты. (Титов).

*Арангас* — навес на четырех столбах для складывания домашнего скарба.

*Арбагас* (олен. Жиг. ул.) — старое пальто из оленьей шкуры, дошка, у которой стерлась и вылезла вся шерсть.

*Арбами* (олен.) — домашний олень, освященный шаманом, т.е. посвященный духам.

*Арбыйа* (Жиг. ул., олен.) — железное орудие наподобие копорули для долбления ветки-однодеревки. Насаживается на кривое, дугообразное топориче.

*Аргыс* — рыба, запасенная на зиму в период тепла и сильно пахнущая. То же в север. Вилюе и в Намском улусе.

*Ат-баса* (олен.) — род, то же, что у остальных якутов «ага-ууса». В улусах южного Вилюя «ат-баса» тоже род.

*Ата* — волос, который растет на нижнем выеме щиколотки оленей. Аян.-н — то же.

*Ача, ачата* — жир с кишок оленя.

*Ачаруун\** (верх. лам. и омол. як.) — верхняя часть кожаной покрышки чума, то же, что «юнюкээн» у сев. як.

*Ачаах* (Жиг. ул.) — средняя часть юрты и чума, (олен.) — то же, что «су-онан». (См. суона).

## Э

*Эбэрэ\** (анаб., долг.) — длинные камусы из шкуры оленьих ног.

*Эбгэрэ\** — 1) см. «дапсы»; 2) деревянное кольцо, перетянутое ремнями, надевается на трость лыжника для упора о снег. У тунг. сев. Байк. — овгура (Титов), у конд. — нэбгура, у бранг. — енггюрэ, у аян.-н. — эбгюрэ.

*Эгэл* вм. *агал* — дай, принеси. Обычное произношение объякученных тунгусов.

*Эгэсэ* (Жиг. ул.) — две палки, служащие подпоркой при стрельбе из ружья. На олен. — палка, на которую насаживается лук-самострел, настораживаемый на зверя.

*Эджигээн\** (верх. лам.) — так называется вся та страна, которая имеет покатость к Лене с водораздела с Яной. У аян.-н. тунг. «эджэгэн» — вообще страна и люди нижнего течения рек и речек.

*Элэм, элэтэ* — все, что я или он имеет, могу, может, в состоянии дать, сделать. *Элэ сюрэгим* — это моя единственная любовь, мое сердце, душа, все, что есть дорогого на свете. *Элэтин сылльар* — ходит, служит изо всей мочи. *Элэ ёсё* — его постоянная привычка, обычай, поведение.

*Элбюргэ* — верхняя часть инструмента *эрэсэ* (см. это слово), служащего для сверления дыр, род блока со втулкой, в которой на вертикальной оси вращается нижняя часть сверла при помощи лучка «чаачар». При сверлении *элбюргэ* придавливается левой ладонью и остается неподвижной. *Эрэсэ* в узком смысле — сверлящая железная часть.

*Элиэ* — отверстие в снежном замете или засеке, устраиваемой для установления силков на куропаток. У юж. як. это название перенесено на всякого рода засеки, охотничьи и рыболовные.

*Элик* — дикий олень. У урянхайцев «*элик*» — дикий козел, коза. (Катанов). У юж. як. это имя сохраняется лишь в виде пережитка в одном из названий духа богатого леса — Байаная: Элик-Хандаагай или Самнаагай.

*Эмпэрэ\** — трость лыжника. У северобайк. тунг.— *онгуру*. (Титов).

*Эмчиирэ\** — короткая обувь в виде башмаков. У сев. Байк. тунг.—

«*омчур-хомчуро*» — имеет то же значение. У илимп. т.— *номчур*. *Эрэпчиин\** — железный скобель. Состоит из деревянного остова с ши-

роким продолговатым отверстием посередине. Оба конца деревяшки сужены и образуют две ручки. С нижней стороны отверстия прикрепляется обоюдоострый клинок, слегка изогнутый, длиной около 20 см. При работе стружки выбрасываются через верх. отверстие. У илимп. т.— «*ирэпчиин*», у конд.— «*ирэпчиина*».

*Эрэсэ* — сверло с лучком для вращения. См. *елбюргэ*.

*Эрингэх* — сумы из шкуры налима.

*Эриттэрэр* — гоняться на нарте за дикими оленями. Один из видов охоты на диких оленей гоном.

*Эрсэнгэй айыы* — божество, дает детей и приплод домашним оленям. Дети, данные им, будто бы имеют неполную нижнюю губу.

*Эсэкээнниир* — совершать камлание духу, подателю охотничьей добычи.

*Ээсэн\** — небольшие поленца, которые в летнее время возят в кожаных сумках для разведения огня в безлесной тундре.

## Б

*Балыс, балтым* — младший брат или сестра. У юж. як. так говорится о младшей сестре.

*Баан\** *таба* — тихий, не быстрый в беге олень. Маст. ул.— то же. У илимп. т. «*баансы*» — тихий олень.

*Баанньыктыыр* — уросить. Говорится об упряжном олене.

*Барбаас* — Варвара. У юж. як. — Балбаара.

*Баары, маары* (Жиг. ул.) — стяжение «маарынггы». Баары киситэ кэ-лэн... — тот, давнишний человек, придя...

*Басхаал* — деревянный или костяной календарь с обозначением христианских праздников.

*Батар* — следовать, преследовать дикого оленя или другого зверя. *Бачник, Бачыык* — Василий. У юж. як. «Басылай», «Бааска».

*Бэгэсээгийэ* (Жиг. ул.) — недавно, несколько дней тому назад. У юж. як., «бэгэсэ-бээсэ» — вчера, вчерашний.

*Бээккэ* (ес.) — деревянная долбленая лодочка, ветка (с русс.).

*Бигэ* — крепкий, сильный. У юж. як. «Бёгё». Бигэ Айыы — какое-то божество.

*Биилкэ, миилкэ* или *сыангаан биилкэтэ* — особый способ гадания об исходе промысла или судьбе человека костяшками налива. Берется по счету 41 кость. Гадающий, взяв одну кость, шепчет свою просьбу или пожелание, обводит кость вокруг себя три раза. Все костяшки кладутся кучей на стол. Гадающий на глаз разбивает их на три кучи. Потом от каждой кучи отсчитывает по три штучки, пока в куче не останется меньше четырех штук. Эти лишки откладываются порознь в разные места с особым символическим значением: голова, два плеча, две руки, две ноги, сердце и печень. Процедура бросания камешков повторяется три раза. По количеству камешков, выпавших на символическую фигуру человека, узнается его судьба. Напр., если на «сердце» выпадает три камешка, то значит хорошо, один камешек — плохо и проч. Слово «биилкэ», по-видимому, извращение як. «билгэ» — судьба, предзнаменование. У тун. по Ниж. Тунгуске «билкиикал» — гадать о промысле по лопатке дикого оленя. См. «Сингкэн».

*Боджойоон* — (Усть.-Ян. ул.) — второе название зайца. Охотники вообще воздерживаются от названия имени промышляемого зверя и выдумывают для него другое имя.

*Бюкю* — женский половой орган.

*Бёлтюргэ* — железное кольцо в недоуздке оленя для привязи вожжей-ньоогу.

*Бётёгё* — название рыбы, муксуна.

*Бёх* (Уст.-Ян. ул.) — лишняя одежда, домашний скарб.

*Бугдии, Быгдии\** — название пегого или пестрого оленя.

У илимп. т. «*бугади*» — пегий о масти оленя и название оленя такой масти. У конд. т. «*бугуды*» — то же. У нерч. «*буһуды-буды*» — пегий, пестрый. (Титов).

*Буйду джиэ* — большой шатер, чум. По легендам, в таких чумах жили древние витязи, хосуны, игравшие роль начальников родов, возможно, и племенных объединений.

*Бурупчаан\** — особый вид сверла «эрэсэ» маленьких размеров. Употребляется для сверления дыр в деревянной долбленной ветке. У конд. т. «*пурупчана*» — сверло.

*Бююрппэх* (олен.) — короткая обувь из шкуры ног оленя. Маст. ул. — то же.

*Былаабыт, булаабыт* — особый род пищи, приготовленной из крошенной юколы, облитой рыбьим жиром.

*Былыт* или *албан былыта* — облако, «албана». (Значение последнего слова утрачено). *Былыт* — обрядовая принадлежность шаманского служения, когда шаман душу больного возносит на небо к божеству. Б. представляет собой продолговатую дощечку, насаженную на длинный шест с девятью зарубками. Шест называется «*Сэргэ*», в иных местах «*тюспэт туруу*». На верхушку шеста садят деревянное изображение птицы, а на четырех углах дощечки фигуры людей, сделанные из дерева и называемые «*нууча*» (См. это слово). На севере Верх. улуса шаманское «облако» иногда называют «*хоро былыт*».

## Г

*Гууба* (в районе дельты Лены и на Усть-Оленеке) — морской залив, губа (русс.).

*Гугаарка* (илимп. т.) — то же, что кукаарка у сев. як.

*Гули\** — куча костей упромышленных диких оленей, придавленная камнями. У аян.-н. тунг. — *гулин*. У сев. байкал. тунг, «*гулим*» — вешать на лабаз, как посвящение; «*гулиимачин*» — то, что вешают на дерево от туши убитого животного. (Титов).

*Гуона* — значение, ценность. *Гуоната суох киси* — бесполезный человек.

## Д

*Дал ытысыы* — в старину состязание в стрельбе из луков. У илимп. т. «дал» — шест для стрельбы в цель из луков. У юж. як. кое-где сохранилось понятие «дал ытысыы».

*Далда* — особое приспособление для скрадывания дикого оленя, род щита. Одна или две доски укрепляются вертикально на двух коротеньких ползьях. Посередине доски делается отверстие для глаз. Охотник скрадывает зверя, скрываясь за доской и толкая ее перед собой. Солон. «далда» — скрытое место, тайник. (Поппе). Монг. «далда» — закрыто, скрыто, тайно. (Бимбаев).

*Далыс* — кожаный фартук, передник — мужской и женский, надеваемый сверх меховой одежды, чтобы предохранить шерсть от избивания, а также для защиты груди от холода.

У илимп. т. *наамэ* — передник. У охот. (мемел.) — *нэлэкэ*. У аян.-н. — «нэл».

*Даам* (Жиг. ул.) — дамка при игре в пешки, пешка, дошедшая до крайней линии партнера.

*Дапсы, дэпси* (Жиг. ул.) — небольшая пластинка из мамонтовой кости, привязываемая к кисти левой руки для защиты ее от удара тетивы лука. См. *эбгэрэ*.

*Дарама\** — задняя, хребтовая часть оленьей туши. У сев. байкал. тунг. «дарама» — мясо с задних стегов, филейная часть туши, почетное блюдо охотников, гостей, свадебное. (Титов). Манчж., солон., негид. — «дарама» — спина, поясница, крестец. (Поппе). Дагур. «дарам» — спина. (Поппе).

*Даарый* — христ. имя Дарья. В Маст. ул. то же. У юж. як. Даарыйа.

*Дасына\** — коврик, сшитый из белой оленьей шкуры с ровно остриженной шерстью. Служит покрышкой оленьего седла. У север. байк. тунг. «далһа» — олений коврик для покрывания клади или седла. (Титов). У илимп. т. «Дашна».

*Дэлкээн\** — брусья, которые служат для укладывания мяса убитых диких оленей. Брусья кладутся на высокие подставки.

У сев. байк. т. «дэлкэн» — 1) четырехугольный подстав для повети, на которую кладут оленья мясо как жертву; 2) тутур. ач. тунг., аян.-н. — лабаз, постройка на сваях для хранения припасов и вещей. (Титов).

*Дэпси, лэпси* — 1) то же, что дапсы; 2) плоский костяной кружок, надеваемый на кончик трости, которою погоняют упряжных оленей. (Трость — таньах, кюрэй).

*Дэпсэ* (олен.) — подушка оленьего седла. Верхняя покрышка подушки из шкуры головы оленя, а нижняя из ровдуги. Середина набивается волосом.

*Долуур, доруу\** — гадание на лопатке дикого оленя. На очищенную от мяса лопаточную кость оленя кладут горячие угли и раздувают. Кость от жара дает трещины. По характеру направления трещин дают заключение по предмету гаданья. Главным образом гадают об исходе промысла. У эвенков по Чаре и Токо — «*долууран*» — гадание по лопатке дикого оленя. У бурят — *дала, дали* — лопатка. (Подгорбун.).

*Дума* — четыре толстых шеста, составляющие остов конического шатра.

*Дулга джиэ* (Жиг. ул.) — особый род неподвижного жилища, разновидность «холума» (см. слово). Четыре толстых жерди соединяются верхушками, корневые части отводятся по 4 углам. Ближе к верхушке с четырех сторон укрепляются перекладины, образующие квадрат. На эти перекладины наклонно в уровень с жердями остова приставляются стенки из толстых бревешек. Сверху на перекладины настиляется потолок. Жилье снаружи обсыпается дерном, кочками и глиной. Жилище имеет вид усеченного конуса. Окна не пробиваются, дверь — дощатая створка.

*Дуунда\** (верх. лам.) — 1) равнина в верховьях рек, то же, что у северных як. — *дюендэ* и *тээн*; 2) общее название страны от ленского водораздела к востоку. Сев. байкал. тунг., тутур., илимп. т. «*дунда*» — земля. Як. «*дюедэ*», вероятно, происходит от тунг. «*дунда*».

*Дюрюктэ* — стружки дерева для разжигания огня.

*Дыбга* — завалины из снега вокруг чума внутри.

## ДЖ

*Джалаар\** — невыезженный, непривычный к упряжи олень, также и ленивый на ходу. В Маст. ул. — то же. У нерч. тунг. «*джалавкан*» — молоденький (Титов). У солон. «*джалоо*» — молодой (Поппе).

*Джалаардыыр* — об олене — худо идти в упряжи, упрямитесь, лениться.

*Джаангы\** — возвышенное ровное место без растительности (тундра). У сев.

байк. т. «*йанг*» — нетающий снег на вершине горы, гольц. (Титов). У аян.-н. тунг. «*йангы*» — хребет. У конд. тунг. «*йанг ура*» — гольцы, хребты. У илимп.

«*йангура*» — широкое, ровное место. Якутское слово «*джаангы*» — хребты, гольцы, очевидно, тунгусского происхождения.

*Джаптаахай* (Уст-Ян. ул.) — близко.

*Джебдэк, Джэбдиэн, Дэпдэк* — Евдокия, у юж. як. *Джэбджиэй, Джэбджикиэй*.

*Джиэ\** (общаякутское) — дом, жилье, юрта. У конд. т. — «*джуу*» — ураса, у витим., сев. Байк., нерч. тунгусов «*джю*» — дом, юрта, берлога. У солон. «*джыг*» — дом, у барг. т. «*джуу*» — дом (Поппе). У охот. тунг. «*джуурта*» — шести для урасы. Наконец, у гольдов «*дже*» — фанза китайского типа. Остов гольдской фанзы совершенно одинаков с остовом якутской юрты, и там и тут применяется обмазка. Разница лишь в том, что у гольдов стены вертикальные, а в якут. юрте — наклонные. (См. И. Я. Лопатин. «Гольды — амурские, уссурийские и сунгарийские». Владивосток, 1922 г. 78—79 стр.).

*Джиэ туоса* (олен.) — покрышка чума из оленьих шкур, хотя дословно переводится «береста для жилья, дома». То же, что ёлдююн.

*Джиэл* — кожаная покрышка двери чума, урасы, холомо и юрты. У юж. як. это слово сохранилось только в богатыр. былинах, а также в слове «*джиэл аана*» — дверь.

*Джирэнг* — трехгодовалый дикий олень-самец. Произносится и *тирэнг*.

*Джодоон* — мало.

*Джукээнгди\** — в Жиг. ул. — мужское оленьё седло, а на олен. — вообще оленьё седло, у илимп. т. — то же.

*Джуккаахаан* — небольшое прикрытие, шалаш, устраиваемый рядом с жилым домом при родах женщины. Заменяет для роженицы отхожее место. Там же кладут сено, на котором лежала роженица. У тутур. тун. «*джюкокан*» — юрточка, у нерч. т. *хункинат* — временная юрта для роженицы (Титов).

*Джыммаан\** (анаб. и долг.) — запасная ураса для складывания домашнего скарба.

## И

*Иэсэр* — особое приспособление для сушения или копчения рыбы.

*Иэт* — ножик с загнутым острием для выдалбливания деревянной посуды. Это слово известно и юж. як.

*Иикэн\** — низменное ровное место в верховьях рек, истоптанное дикими оленями. У аян.-н. — то же.

*Иикээптин\** — палка для подвешивания котелков и чайников над очагом. Укрепляется горизонтально. Один конец прикрепляется к шесту чума, а другой к вертикальному шесту, называемому *чыымка*. У илимп., конд. тунг. *икааптин*» — имеет то же значение. У тунг. по Чаре «*иика- аптун*» — гори-

зонтальная палка над очагом. У витим. «икаптун» — поперечная палка в юрте для подвешивания котлов (Титов).

*Илэнгсэ\** — открыто, явно, на виду.

*Илкэн\** — хозяйская мета на ухе оленя в виде разрезов, выемок различных форм. Употребляется и слово «им». Последнее общеяк.

*Иимэктэ* — наружная отцепившаяся часть мамонтовой кости.

*Ингэрчэ* — конец деревянного стержня стрелы, прикладываемый на тетиву, обмотанный жильными нитками, чтобы стержень не раскололся.

*Иргэх\** — олень-самец. У сев. байк. т. «ирки» — бык дикого оленя, в песнях символ молодого парня. *Иргичан* — изюбриный теленок по второму году (Титов).

*Иитэн\** — четырехгодовалый олень-самец. В верховья Вилюя у якутов и бранг. т. «иктээни» — олень-трехлеток. У илимп. т. трехлетний олень-самец — *гэрбиичаан*. У сев. байк. и тутур. «иктаано» — трехлетний олень.

*Исэх* — накладки из бересты на лыжах для ступни лыжника.

## К

*Кама, кюмэ* (Жиг. ул.) — одно из названий чума. В урянх. яз. «хана» — решетка чума (Катанов), у сагайц. «хана» — деревянный круг на верхнем отверстии юрты, у белтир. — решетка, решетчатый забор, стена загородка (Радлов). В монгол. яз. «хана» — стена, боковая решетка у юрты.

*Камылыайка* (Жиг. ул.) — доха из одинарной ровдуги, не подбитая мехом. *Кэб, кэбэр* — 1) наткаться на что-либо, столкнуться с чем.

2) *кэп, кэб* — изображение шаманских духов, сделанное из дерева или материи. Употребляются при камлании. В более широком смысле — все священные принадлежности шамана, не исключая плаща и бубна.

*Кээбэ\** — пара костяных пластинок с зубцами, привязываемых с обеих сторон к недоузду оленя (см. суунахаан). «Кээбэ» у як.-олен. надевается и на охотничью собаку.

*Кэдэрээн* — мялка, скребок для выделки шкуры, длинное изогнутое железом с зубьями, вставленное в две деревянные ручки. У сев. байк. т. — «кэдэро», по Ниж. Тунгуске у всех тунг. — «кэдэрэ», у солон. — «хэдэрэ» — дубить кожу. У аян.-н. — «кэрдэ».

*Кэнтик* — принадлежность настороженного самострела, палка, которая втыкается поодаль от лука для прикрепления волосяного шнура, протягивающегося от лука.

*Кээнгтээр\** — самка дикого оленя с теленком. Называют и «нуйага». У илимп. т. «кёнгтёр» — имеет то же значение.

*Кэргэн* — семья, домочадцы (общаяк. слово). У конд. т. «коргон» — семья, у аян.-н. — тоже «кэргэн».

*Кэрикэ* — плоскогорье.

*Кэтириин* — Екатерина, у южн. як. — Кэтириинэ, Кэтириис. У тунг. панкаг. на Ниж. Тунг. тоже Кэтириин.

*Киэлдаки* — бусы большого размера.

*Киибэс* — грузило в сетях.

*Киил* — полозья оленьих нарт. У конд. т. «киилля» — лыжи, у аян.-н. «киил» — полозья салазки.

*Кирис* — 1) Выем на конце стержня стрелы; 2) тетива лука; 3) волосяная веревка, натягиваемая вокруг шаманского бубна поверх деревянных шишек. Шишки и веревка, подпирая кожу бубна, образуют резонирующие пустоты. Киристээ — (повел. форма глаг.) — класть стрелу на тетиву и натягивать лук.

*Кристиин* — правосл. имя Христина.

*Киси, сылгы хайдах олорор* (Уст.-Ян. ул.) — люди и конный скот в каком состоянии находятся, как живут. Зачин разговора при встрече. У юж. як. такое выражение не употребляется.

*Китиик* — шалаш, крытый сеном или дерном (омол. як.). Это слово, по всей вероятности, образовалось от «титиик» — конусообразное жилье, крытое лиственничной корою, встречающееся и теперь по Вилюю. У юж. як. «титиик» — летний хлев для рогатого скота из жердей, крытый листв. корою.

*Кёгюс* — широкая лямка, шейный пояс в оленьей упряжке, нарядно орнаментированный. К. употребляется лишь для олоха, т. е. для оленей, запряженных под седока. К лямке пристегивается длинный ремень — «атах охсор», служащий постромкой.

*Кёс* — 1) семья с домашним скарбом при перекочевках, караван оленей со скарбом, женщинами и детьми; 2) мера длины для измерения больших расстояний, равняется одному дневному переходу при кочевании.

*Кётёт\** — сухой, нежирный, як. *кётёх*.

*Кругуорай* — правосл. имя Григорий. У юж. як. Киргуэлэй.

*Куджай\** (верх. якут.) — посвященное духу животное. У лам. тюгэс. рода «куай» — посвященный олень.

*Куйука* — темя человека. Очевидно, образовалось от як. «куньаха» — головная кожа под волосами.

*Куйукаан* — гусенок (Уст.-Ян. ул., илимп. т.).

*Куульчах* — мешок, сшитый из шкуры оленьих ног, для ружейных принадлежностей, а у женщин для рукодельных.

*Кукаарка\** — приспособление из железа, меди или кости в виде раскрытой с одного края скобы для продевания оленьих вожжей. Прикрепляется к кожаному поясу оленя-вожака. У илимп. тунг. — «гугаара».

*Кумадаал\** — покрышка женского седла, сшитая из лоскутков оленьей шкуры (по преимуществу из головных частей). У бранг. т. «кумалаан» — покрышка вьюка. У илимп., панкаг., конд. «кумалаан» — верхняя покрышка для вьюка. У сев. байк. «кумулан» — коврик из оленьих голов и нерпы (Титов).

*Кунньалгы*—1) силки для куропаток, то же у як. север. Вилюя; 2) жердинка, к которой привязываются олени, чтобы самки и олени не уходили далеко от чума.

*Куолбас* — внутренний гроб покойника.

*Курум* — 1) свадьба; 2) олени, которые при свадебной пирушке назначаются на убой (часть калыма). У илимп. тунг. «курумин» — свадьба, у нерч. «курим» — свадьба (Титов).

*Кутунах* (олен., Жиг. ул.) — заяц. У урянх. яз. «ходан» — заяц (Катанов), койон, койан — в др. тюрк. нареч. У селенг. бурят заяц — охотоно, у остальных бурят и у монг. — тула и тулай. (Подгорб.). У илимп. т. заяц — мундуукаан, у север. байк. т. — тукшики, туксаки — заяц.

*Кююкэйи* — бодливый, об олене.

*Кёлюёмэ* — падающая ловушка на медведя.

*Кюрэй\** — длинная трость для понуждения оленей, запряженных в нарты. У кон. — «кюрэй», у илимп. т. — «кюрэйит» и «курай».

*Кютээ\** — короткое пальто из плохих оленьих шкур. Надевается около дома. Полы едва сходятся на груди и связываются ремешками.

*Кюёллэнэр* — ловить рыбу в озерах сетями, ставить сети.

*Кюёс*— 1) ужин, мясной обед, вообще всякая пища, которая варится в котле; 2) запасы мяса и рыбы, вообще провизия. «Кюёсю сиэ» — ешь мясо или рыбу, садись за стол. «Кюёс бысынна» — запасы провизии вышли. Такое же значение придается слову «кюёс» и в Маст. улусе на Вилюе. У юж. як. «кюёс» — в прямом значении горшок.

*Кыйданар* — сердиться, гневаться.

*Кыылланар* — идти или ехать на охоту за дикими оленями.

*Кыптый* — общек. ножницы. У тунг. панк. и чапог. на Ниж. Тунгуске «*киптий*» — ножницы, у конд. т. ножницы — «*кайыт* и *киптыы*» у аян.-н. «*киптыы*». У монголо-бурят — «*хайши*, *хайчи*».

*Кытат* — южная страна, куда улетают на зиму перелетные птицы. Кытат кётөрө — перелетные птицы. По-монгольски — «хитад» — китаец, китайский (Бимбаев). У бурят. селенг., тункинских «хатат» — китаец (Подгорб.).

*Кыычча* — двухгодовалая самка оленя.

## Л

*Лавикта\** — у сев. байк. тунг. — белый олений мох (Титов). Отсюда общек. лабыкта — белый олений мох (см. Пекарский).

*Лаайда* — мелкие места на берегу океана и на озерах (Уст.-Ян. ул. и северн. часть Жиг. ул.). Весьма возможно, что это слово усвоено север. Як. от русс. промышленных людей.

*Лаампы\** — то же, что «ала» и «аалык», длинный ремень для запряжки пары оленей на грузовую нарту. У илимп. т. «лаампын» — пояс для оленя.

*Латуун* (верх. лам.) — то же, что араан.

*Лэнгкээмэ, лэнгкэй* — какая-то птица из породы совиных.

*Лойто* — дощечки, употребляемые в качестве подножек. Возят с собой при кочевках.

*Лынгта, лыкта* — тихий, смирный олень, не отходящий от чума или юрты.

## М

*Маа* (Жиг. ул.) — стяжение «маагы, маарынгны», «Маа сиригэр сююрэн киирдэ» — прибежал (он) на то самое давнишнее место. Такие формы стяжения юж. якутам неизвестны.

*Малахай* (Усть.-Ян. ул. в районе Индигирки) — шапка.

*Малаахай, малагай* — шапка у бурят и монголов (Подгорб.).

*Маамыкта, маакта\** — длинная, тонкая, свитая из кожаных ремней веревка. Служит для ловли оленей. Аян.-н. — *маут*, у илимп. т. *маамут*, у лам. тугэс. рода — *маабуту*, у коид. т. — *маавут, маут*. У юж. як. след этого тунг. слова сохранился в глаголе «*муомахтаа*» — удавливать за шею ремнем.

*Маарый* — правосл. имя Марья. У юж. як. — Маарыйа, Маайа. В Маст. Ул. также Маарый.

*Мастанар* — ехать в лес за дровами, а также на берег реки и моря.

*Масы тардар* — возить дрова на оленях.

*Маат* — кривое железное орудие для сгибания крючков.

*Маатычча* — временная изгородь с двумя заводными крыльями. В нее загоняет стадо оленей при поимке.

*Маха* (Усть.-Ян. ул.) — мать.

*Мэйи* — 1) голова; 2) верховья рек.

*Мэкчэ* — короткое пальто из оленьих шкур, то же, что кютээ и хопоо. Название мэкчэ известно и в Маст. ул. на Вилые.

*Мэлкээн\** — дух лесов, представляемый в образе человека. Лицо черное. См. чучуна.

*Мэнгиэрт* (от мэнгиэ — нажива) — наживлять пасти, ловушки на зверей мясом, гнилой рыбой или гусиными крыльями.

*Мэнкэри\** — вьючная кожаная корзина для вещей. У аян.-н. — мэнггюрэ.

*Мэрэкэ* — ветка, сделанная из кожи, у илимп. т. то же.

*Миин* — садиться на оленьи нарты. У юж. як. этот глагол употребл. в смысле садиться верхом на животное.

*Мёккюэйр* — стараться уйти, сворачивать, убегать. Говорится об оленях, домашних или диких.

*Мукуччу* — все, целиком, свалом.

*Муннях* — группа домохозяев, живущих в одном месте, то же, что «тюсю». У панк. и чапог. «муннях» — сход. У юж. як. «муннях» — сходка, собрание.

*Муойка, муойкаан, муойкачаан\** — двухгодовалый дикий олень. У илимп. т. «муойка» — двухлетний олень, у аян.-н. т. — вообще олененок.

*Муора* (Усть.-Ян. ул.) — тундра.

*Муосуку* — чехол для ружья.

*Мюйээлдэ\** — длинные волосы, растущие на внутренней стороне шеи оленя, подшейная грива. У аян.-н. — то же. У север. байк. — *муһалдо* — подгрудный олений волос, употребляется в шитье для прокладки швов и в орнаменте (Титов). У илимп. т. *муйэлдэ* — то же.

*Мыкал* — прав. имя Михаил. У юж. як. — Мэхээлэ, Мэхээс. В Мастах. ул. с тунгусским акцентом — Мэкээлэ.

## Н

Названия месяцев: В Жиг. ул. 1) *суо ыйа* — месяц гонки зверей по насту; 2) *муус устар* — месяц ледохода; 3) *кумаар ыйа* — месяц появления комаров; 4) *ыргахта ыйа* — месяц появления оводов; 5) *кюёл торгор ыйа* — месяц замерзания озер; 6) *бэсисинньи, алтынньи, сэтинньи* и т. д. — обычные для всех якутов названия. Якуты Верх. ул. различают след. месяцы: *буус устар, кулун тутар, тунах ыйа, бырдах ыйа, от юргююр ый, сынньаланг ыйа, бэсинньи, алтынньи* и т. д. У илимп. т. *нгангманин* — комариный м-ц, *һунмини* — м-ц овода.

*Наамын\** — вдовый мужчина или женщина. У север. байк. т. «*нааун*» — вдовец (Титов). У солон. — *наагуу* — вдова, баргуз. т. — *наавуун*, у ольча — *наау*, у гольдов — *нау* (Поппе), у аян.-н. т. — *наун*.

*Нарах* — возглас при управлении упряжными собаками, приказ вожаку брать налево. Говорят и *тадах*.

*Ньахха* (Жиг. ул., устье Лены) — мелкий лед океана, прибываемый подо льдом к берегу.

*Нэкчээн\** — самец дикого оленя, лишившийся рогов.

*Нии, ньыы* — простая пешка в противоположность дамке. См. *даам*. У юж. як. — *ньыык, ньыкаа*.

*Нимсики\** — колчан для стрел. У илимп. т. *нибчики* — колчан, у конд. т. *нипчик* — то же, у тутуро-ач. *мэмки* — лук (Титов).

*Ниптэ\** — 1) утопанное место около шатра кочевника, где рубят дрова; 2) лоскут кожи, на которой разрезается и свежется рыба.

*Ногуюлу* (олен.) — прямо, как раз, таким образом.

*Нокуо* — обращение к парням и девкам. В Маст. ул. — то же. У юж. як. так обращаются только к парням. У конд. т. *нуку* — младшая сестра, у илимп. т. *нукундимар* — младший брат, у аян.-н. *нукун, нуку* — ласковое обращение к младшим.

*Ньоори\** — женская трость с железным наконечником при верховой езде на олене. У илимп. т. — то же, у север. байк. т. *нёри* — крюк у лыжного посоха, у конд. т. — железный наконечник женской трости.

*Нёёкю\** — амбарушка, поставленная на столбы для хранения запасов пищи и имущества. У илимп. и конд. т. — *нооку* с тем же значением. У чапог. и панк. *нооку* — открытый лабаз для хранения запасов пищи. Это слово известно и в Маст. ул. на Вилюе.

*Нунгни\** — мясо с позвоночника оленя около хвоста. Считается лакомством и подается гостю.

*Ньюогу\** — оленье вожжи. У илимп. т. то же.

*Ньюогусут\** — олень-коренник при упряжи, управляемый при посредстве вожжей.

*Ньюорбан* (анаб.) — стадо диких оленей, то же, что и мэйиилэ. *Ньюоркана* — пятигодовалый олень-самец. У илимп. т. *ньюоркана*, у конд.

т. *ньюогоркана* — 4-летний самец, у сев. байк. т. *нюгаркана*, у тутур.-ач. *неоркана*, — 4-х травый олень (Титов), у аян.-н. — то же.

*Ныымаат\** — 1) обычай дележки промышленного дикого оленя соседям охотника и вообще случайным гостям; 2) в узком смысле — доля каждого, получившего пай при ныымаате. В Жиг. ул. наряду с ныымаат употребляется слово «тюнгэсэ» с тем же значением. В Маст. ул. на Вилюе «тюнгэсэ» — скот, убиваемый при смерти человека для угощения собравшихся.

У тунгусов по Чаре ныымаат употр. с тем же значением. У тутур.-ач. т. нимат — дарственный пай, обычно половина шкуры. У сев. байк. т. н'амаачирин — дарственный пай от промысла старикам, вдовам и бедным (Титов). У илимп. т. то же, ныымаар — сосед.

*Ньургунгда\** — самцы диких оленей.

*Ньюуча* (анаб., долг, и запад, часть Жиг. ул.) — 1) разъезжающие купцы, торговцы независимо от их национальности. Якутов-торговцев тоже зовут ньууча. *Ньюуча кулута* — работники купцов. «Ньюучаларга уолдьам этэ» — с купцами условился о времени (встречи). (Посл. выраж. записано из разговора с якут. 3-го Хатыгинского насл. Жиг. ул. Григор. Винокуровым). 2) Название духов, сопровождающих шамана, когда он, совершая камлание, возносится к божеству. На особом предмете, именуемом «былыт» (см. это слово) — облако или «албан былыта» — втыкаются четыре чел. фигуры, сделанные наскоро из дерева. Эти чучела и изображают духов ньуучей. 3) Русский, русские.

## НГ

*Нгахса* (Усть.-Ян. ул.) — трубка. У юж. як. — хамса.

## О

*Огдоону* — то же, что «ондоодо» (см. это слово).

*Огоккоонум бытыылкачаана* — бутылка моего дитяти. У всех северных якутов весьма распространено обыкновение употреблять в разговоре умень-

шительные формы, хотя это и не требовалось по смыслу речи. Говорят — юр-эхчээн, саакаан (от саа — лук, ружье), маскаан (от мас — дерево);

кыылкааны бултанабыт — промышляем диких оленей, сайынныкаан лето и т. д.

*Ойумсуйар* — шаманить. Говорят — ойумсутабыт вм. ойуннатабыт.

*Оокит, оокут\** — амбарушка в лесу на сваях для хранения запасов.

Возводится на четырех столбах. Входное отверстие снизу. Поднимаются по лестнице. См. *неекю*.

*Окуол* (дельта Лены и Усть.-Ян. ул.) — сети, расставляемые для загона ленных гусей.

*Олдоон\** — железный крюк для подвешивания над очагом. У илимп. т, то же, у сев. байк. т. *олдон* — употр. с тем же значением (Титов), у лам. *тюдэс*. р. *олдоон* — шест, втыкаемый наклонно над костром для подвешивания кот-лов и чайников.

*Олох* — нарта оленя, предназначенная для седока в противоположность сэтии — нарты для грузов.

*Омук* — не якуты, племена, ведущие бродячий образ жизни. Чаще это название относится к тунгусам. Омуктуу тыл — тунгусский язык. Бисиэхэ ким да омуктуу билбэт — у нас никто по-тунгусски не знает.

*Ондоодо\** — домашний олень, служащий прикрытием при скрадывании дикого оленя. У илимп. т. — ондоодо, у бранг. р. ондоодор — то же.

*Опуу* — Афанасий.

*Осогдо\** (Жиг. ул.) — мелкая озерная рыбешка, у аян.-н. — то же.

*Оттук* — пастбище оленей.

*Отуу* — костер на открытом месте. У як. Верх. ул. — то же. В Якутском округе это слово устарело и редко употребляется, отуу — чаще шалаш сенокосчиков, крытый сеном.

У илимп. т. *гулувун, гулумун* — костер. У юж. як. сохранилось *кулусун уот* — костер.

*Охтор, огутта* — приставать, доходить до изнеможения, отказаться идти — об упряжном олене. В Маст. ул. — то же.

## Ё

*Ёлбюгэннээх\** — имеющий на привязи оленей с вьюками. У аян.-н. т. *элгэбун* — привязанные к переднему оленю с вьюками.

*Ёлюктэ\** — сушеное оленьё мясо. У бранг. тунг, «юлээнги» — сушеное мясо дикого оленя, у чапог., панкаг. и конд. тунг. — *нуликта* — сушеное мясо, у илимп. т. — *тэлии*. Слово ёлюктэ известно и в Маст. ул.

*Ёрёсё* (Жиг. ул.) — шест, к которому привязывается закинутая сеть.

*Ёс* — обычай, привычка, нрав. Ити бу диэки джон есе — это обычай, привычка здешних людей.

## П

*Пааркы* — высушенная вареная рыба.

*Паас* — пасти, ловушки для песцов. Устраиваются по типу якутских сохсо, но с употреблением наживы и без засек. Паас, очевидно, русское «пасть», унаследованное полярными якутами от русских промышленных людей, которые по берегам океана впервые занялись песцовым промыслом.

*Патлак сирэ* (Жиг. ул., дельта Лены) — название той части берега реки или моря, где прибывает плавник из крупных бревен, из которых делают весьма ценные на севере долбленные ветки. Прибитые бревна делятся между всеми домохозяевами данного района по рабочим душам. Такой обычай существует на островах дельты Лены и на Быковом мысу.

*Патаак тойоно* — особое выборное лицо, которое заведует дележом добычи при общественной охоте на диких оленей на переправах через протоки Лены и в низовьях р. Оленека (см. слово тиикээн). У него бывает еще один помощник.

*Писдаахайдыыр* — болтать лишнее, плести вздор (на Анаб. с русск. яз.)

Прозвища людей в Жиган. улусе. Почти все взрослые люди, главы семей, имеют якутские прозвища. Наиболее характерные из них: *Дыраанай, Куртаанай, Хороо, Омчуу, Кэрэмэс, Урааннык, Джаллай, Кёппёх, Бургаас, Пыхтаан, Булдуу, Амах-Уола, Чукаас-Огото, Чонгку, Иирсээн, Чыычаах, Мохох, Пуюсаан, Ыккаан, Кутуус-Огоньор, Кубаача, Мэйээрин, Обууча, Цутун, Джугдаал, Лэспэтэр, Сёлгёйёён, Хонтой-Уола, Молохчоон, Сутуруо-Уола, Чуури* и т. д. Большинство приведенных имен не переводимо.

*Прокуус* — христ. имя Прокопий.

*Пуотак* — широкий ремень, привязываемый к собачьей нарте. К ней попарно пристегиваются собаки.

*Пуорча* — сушеное рыбье мясо. Слово известно и в Маст. ул.

*Пююрпэх* — бисер, корольки, служащие украшением одежды. *Пююрп-эхтээх этэрбэс* — камусы из шкуры оленьих ног, украшенные бисером.

## Р

*Руука* (Жиг. ул.) — рукавицы из шкуры оленьих ног, шерстью наружу без мехового подклада.

## С

*Сабыат* — разные инструменты и орудия промысла (Усть.-Ян. ул.) Заимствование с русского «завод».

*Саабыл таки, саабыл даганы* (анаб. як.) — забыл-таки (русс.)

*Саайба* — клетушка из жердей в местах промысла для сохранения рыбы.

*Салгымча\** (омол. як. и верх. лам.) — три толстых шеста, составляющие остов урасы особого типа, т. н., чуораа джиэ (см. это слово), у аян.-н. — то же.

*Саапас* (Усть.-Ян. ул.) — западный ветер (заимст. от русских).

*Саапча\** — особый род сушеного оленьего мяса. Мясо сушится в виде длинных и тонких ломтей и рубится на мелкие кусочки.

*Сарай* (Жиг. ул.) — название летних стойбищ над рекой, на высоких местах, где исстари проживала группа хозяев. В районе нижней Лены много урочищ носит название «сарай»: Лиэтэбийэ Сарайа, Хайыргас Сарайа, Хара Сарай, Кюп Сарайа и проч.

*Саралыыр* — охотиться на ленных гусей.

*Сарапчы* — металлический козырек для защиты глаз от солнечного сияния в весеннюю пору. Пластинка имеет для глаз два продольных отверстия.

*Саарда* (Верх. ул.) — то же, что сардаана, лесное растение сарана. В старину да и теперь верхоянские якуты выкапывают его корни и употребляют в пищу. Выкапывают особыми копорулями — хоньос. Разновидность саарда называют ирджики.

*Сачарыы\** — двухлетняя самка оленя. У север. байк. т. *сатьари* — оленья самка двух лет, у кондаг. т. *начариу* — то же, у аян.-н. — *чачары*.

*Сэктэ\** — хвоистые ветки, расстилаемые вокруг костра. У илимп. т. сёктё, у аян.-н. — то же.

*Сэлэбэрэ* (олен.) — то же, что эрэсэ от русс. «сверло».

*Сэлии* — мамонт.

*Сэнтэлээх\** (анаб. як.) — с родимым пятном, у илимп. т. *һенгта* - бородавка, у аян.-н. т. — *энгтэ*.

*Сэрээчэ\** — шитье, вышивка волосом из подшейной гривы оленя. У аян.-н. — то же.

*Сэргии\** — кости хвоста дикого и домашнего оленя, а также и кости хвостового плавника рыбы.

У илимп. т. *ирги* — хвост., у витим. т. *иргии* — хвост (Титов).

*Сэрийэ, суурай, саандыр\** — у як. Жиг. ул. возгласы при круговых плясках или хороводах. Плясали в старину, а теперь таких увеселений не бывает. У долган круговые пляски случаются и теперь. Их возгласы; «сэрийэ, сарыйа, һэчуо». Анаб. якуты в центре круга втыкают тонкий шест, которым погоняют оленей, и выкрикивают «һиэра, һэйроо».

*Сэтии* — нарты с грузом без седока.

*Сии\** — гололедица, когда олений мох покрывается льдом, ввиду чего олени не могут добыть пищу и голодают.

У бранг. и илимп. т. «*сии*» — имеет то же значение.

*Сими* (Жиг. ул. и Усть-Ян. ул.) — род пищи из гусяного мяса. Мясо четырех гусей разрезается на мелкие кусочки и забивается во внутрь одного гуся с необщипантыми перьями. В таком виде мясо сохраняется впрок.

*Сингкэн\** — название диких оленей при гадании о промысле по лопатке дикого оленя. Сингкэн суола — дорога сингкэна — трещины на жженой лопатке, которые предвещают удачный промысел.

У конд. и аян.-н. тунг. «*сингкэн*» — дух леса, даятель охотничьей добычи. У чапогир. и панкагир. есть выражение «того нингкэрэн» — огонь предвещает. Так говорят, когда огонь в очаге издает треск. Такое же воззрение на треск огня весьма распространено повсюду среди полярных якутов. Говорят «уот эттэ» — огонь сказал. В Маст. ул. то же.

*Сит* — крючки для ловли крупных рыб — налима, нельмы, тайменя.

*Сынггапчаан\** или *синггэпчээн* — какое-то оружие древних легендарных витязей. По объяснениям одних, нечто вроде большого обоюдоострого ножа или кинжала, носимого в ножнах сверх обыкновенного ножа, а по рассказам других, особого вида пальма.

*Сирдэнэр* — идти, ехать на промысел в лес, на тундру. В таком же порядке образуют аналогичные глаголы от ыал, кюёл, паас — ыалланар, кюёллэнэр, паастанар и т. д.

*Сиэнги* — оленье мясо особого приготовления. Мясо оленя жарят на рожне, потом сушат и разбивают на мелкие кусочки. Эти кусочки едят, смешивая с жиром. У илимп. т. — то же.

*Сиэркилэ* (Жиг. ул.) — стекло (русс. зеркало).

*Сойутар* (олен.) — чайник при самоваре. В Маст. ул. то же.

*Сонгосоон* — скребок для выделки кожи. Дугообразное железо с острыми зубринами, насаживается на деревянную ручку.

*Сорча* (лам.) — сушеное оленьё мясо, то же, что и ёлюктэ.

*Сугулаан* (олен.) — то же, что дэлкээн.

*Суккуй* — глухая доха из оленьей шкуры, надеваемая наподобие рубашки через голову. Шьется с колпаком для головы. Полы доходят до колен и ниже. Суккуй под тем же названием известен и в Маст. ул.

*Суума\** (Жиг. ул., Усть.-Ян. ул.) — стадо домашних оленей, сдаваемое в летнее время пастуху на присмотр и пастьбу. У верх. лам. и аян.-н. тунг. — то же.

*Суумасыт* — олений пастух, который летом кочует вместе с оленями.

*Суунахан\** — ременная крученая веревка длиной в 70—100 махов. Служит арканом при ловле оленей. У конд. т. С. — вожжи оленя.

*Суурт* (Жиг. ул., анаб.) — то место, где располагались с чумом на ночлег, место остановки при кочевьях.

*Суокур* (Жиг. ул., дельта Лены) — мелкая озерная рыба на островах дельты Лены.

*Суона\** — три толстых шеста, составляющие основу урасы.

У тунг. по Чаре *суонан* — три основных жерди урасы. У чапогир и панкагир *суона* — четыре основных шеста особого шаманского чума, воздвигаемого при камлании. У илимп. т. *нуона* — дымовое отверстие в урасе, у аян.-н. — то же, у верхнеангарских т. *сона* (шона) — отверстие в верху юрты, у бранг. тунг. — два высоких шеста в урасе.

*Суонаан\** (Жиг. ул.) — три выструганных шеста, связанные верхушками, устанавливаемые пирамидкой, которые служат для складывания туш убитых диких оленей. Шесты при кочевках возят с собой.

*Суонга нуота\** (олен.) — подросший и почерневший олененок как домашнего, так и дикого оленя.

*Сутороо нутороо\** — у всех тунгусов по Ниж. Тунгуске и Ангаре — наколенники, род штанов, натягиваемые на каждую ногу отдельно. У як. *сутуруо* имеет то же значение, но сохранились только у женщин. В старину носили и мужчины.

*Сюгэ* (общак.) — топор. У илимп. т. *нуко* — топор, то же, и у конд. т., у верх. лам. топор — *ньяана*.

*Сыалдьыйа* (Жиг. ул.) — штаны вообще: и длинные и короткие. У юж. як. Это название относится лишь к женским коротким штанам.

*Сыангаан\** — рыба-налим. У сев. байк. т. *шэнгэн, синго, шинго, сенгичен* — налим (Титов), у аян.-н. *сынгачан* — то же.

*Сылыктыыр* — предвещать, предчувствовать, разбирать.

*Сыхыган* — рыба, положенная впрок на зиму из летнего лова. Рыба портится и издает гнилостный запах. На север. Вилуюе сытыган чаще называют сима.

## Т

*Тарагай* — двухлетний олень самец.

*Тараан юёрэ* (Верх. ул.) — старинное название каши, приготовляемой из сосновой мездры.

*Таас* — общее название высоких гор.

*Таахан мас* (Жиг. ул.) — дерево, растущее наклонно, близко к земле.

*Тэйгэ* (Жиг. ул.) — железный гвоздь.

*Тэлэгий\** — ременный пояс для штанов. К нему привязывается нож в ножнах. У илимп. т. — то же. В Маст. ул. то же, аян.-н. тунгусам слово известно с тем же названием.

*Тээн\** (северн. як., турух. тунг., юж. Вилуй) — ровное возвышенное место в верховьях речек. У конд. т. — *топи*, у аян.-н. — *тээн*.

*Тэниин\** — коврик, сшитый из лоскутков шкуры оленьей головы. Служит для покрывания седла и вьюков. У илимп., бранг. тунг. тэниин — нижняя крышка седла под вьюками, у аян.-н. — то же.

*Тээпкээн* — хвоистые ветви, раскидываемые вокруг костра. См. сэктэ.

*Тэрээк илим* — сети, которые ставятся в озерах для мелкой рыбы — ююкю.

*Тэх, тэх* — возглас при управлении упряжными собаками — значит направо.

*Тиикээн* (Жиг. ул., анаб., усть.-ян. ул.) — общественная охота на диких оленей при переправах через реки. Осенью, когда стада оленей возвращаются с островов дельты Лены в район леса и переплывают ленские протоки и р. Оленек, местные якуты в определенных пунктах поджидают их, сидя на ветках на противоположном берегу. Как только стадо выплывает на середину реки, охотники подплывают к ним и, гонясь сзади, колют длинными копьями. Эта охота всегда совершается большими артелями — родами с особыми выборными распорядителями. Добыча делится между всеми участниками поровну, по едокам. Охота происходит во многих пунктах, где

олени искони веков имеют привычку переправляться, и всегда привлекает много посторонних гостей, главным образом, из бродячих якутов бассейна Оленека, которым тоже уделяется часть добычи. Наибольшей известностью по богатству добычи пользуются тиикээны в низовьях р, Оленека.

В Усть-Янском улусе тиикээн — общее название диких оленей в летнюю пору.

*Тилкэрэр\** (Жиг. ул.) — кончаться, выходить, иссякать. У аян.-н. т. — то же.

*Тимэктиин\** — кожаный пояс упряжного оленя-вожака. У илимп. т.

*тингаптуун.* — подпруга вьючного оленя, у конд. т. *тынгаптун* — подпруга оленьего седла, у сев. байк. т. *тэнгоптун*, у нерч. *тынгэптун* — коврик (Титов).

*Тиирэр* — деревянный болван для натягивания шкуры песцов, лисиц и пр.

*Тиркэ\** (олен.) — отсутствие, истощение оленьего корма, мха. Тиркэ буолбут, тиркэрбит — олений мох выщипан, скудное пастбище.

*Тиэргэн* — место около чума, на котором снег утаптывается оленями.

*Тойуу* (Жиг. ул.) — дитяtko, ласкательное обращение к детям.

*Томуу* (Жиг. ул.), *тусах томуута* — преграда из тальника при установке петли на куропаток.

*Тонг* (Жиг. ул., Усть-Ян. ул.) — строганина, мерзлая рыба, употребляемая в пищу в сыром и мерзлом виде.

*Тонгоldo* (Жиг. ул.) — 1) узкая длинная морская коса, заливчик; 2) ко-  
стяной блок, прикрепляемый к длинному аркану — маамыкта.

*Тонгус* — хороший стрелок и охотник за дикими оленями. «Кыылы ёлёрюгэс кисини тонгус диибит» — человека, успешно промышляющего ди-  
ких оленей, мы называем тунгусом (Жиг. ул.).

*Тоопоор* (Жиг. ул.) — топор-колун (русс.). Топор с широким лезвием называют по-якутски сюгэ. У аян.-н. тунг. туобар — топор.

*Торго, торго тангас* — общее название всякого тканого мануфактур-  
ного материала. У илипм., конд., панк., чапог. т. туорга — имеет то же значе-  
ние. У тунгусов рода бюлтэгир в верх. Витима торго — аршинный товар (Ти-  
тов). У аян.-н. т. торго — мануфактурная ткань.

*Тордох* (Усть-Ян. ул.) — чум, крытый дымленой оленьей кожей. То же название имеют и отдельные полосы кожаной покрышки чума.

*Тёркюттююр* — совершать путешествие через три года после замуже-  
ства к своим родным. Говорится о молодой женщине.

*Төрө* — олень с навьюченным ребенком в зыбке или вьюк с ребенком.

*Тугут* — оленёнок. У сев. байк. т.— *тукучан*, у илимп. т.— *онгнокоон*, у конд. т. *енгнокоон* — оленёнок, родившийся осенью, *хунггачан* — только что родившийся, *эпкачаан* — оленёнок-годовик. У лам. тьөгэс. р. *куонычан*, *эпгкэн*. У тунг. баргуз. теленок — *тукучаан*. У солон, *туксаа* — теленок до году. У монголо-бурят теленок (рог. ск.) — *тугул*, *тогол* (Поппе).

*Тулуур* (олен.) — деревянная закидка для замыкания дверей амбара.

*Тума* (анаб. як.) — много, множество (русс. тьма).

*Тундук* — короткая доха вроде рубашки.

*Туой-тоо* — возглас для остановки упряжных собак (русс. стой).

*Туолан* — четырехгодовалый олень-самец (Усть-Ян. ул.).

*Туурангкы* (Жиг. ул.) — калоши из шкуры оленьих ног.

*Туруу* (Жиг. ул., олен., мастах.) — 1) остановка, отдых, передышка оленей; 2) мера длины, равняется расстоянию, которое можно проехать на оленях без передышки. Биэс туруулаах — расстояние с пятью остановками в пути.

*Турук* — прямое направление, свойство, привычка. Кене туруктаах лас — прямоствольное дерево. Ючюгэй туруктаах киси — честный, прямой человек. Ючюгэй туруктаах таба — пряглый олень, идущий прямо, не сворачивая в сторону.

*Тюнгэсэ* (Жиг. ул.) —то же, что ньымаат (см. это слово).

*Тюсюю* — становище нескольких семейств в одной местности, поселок, то же, что муннях.

*Тыыннастар таба* — особый род священного оленя, которым пользуются для лечения больных. Больное место подставляют под дыханье священного оленя. Этот олень не употребляется в упряжи, нельзя его бить и проч. У верх. лам. такой олень называется куайаай.

## У

*Угаарка* (олен.) —то же, что кукаарка (см. это слово).

*Уктас* (Жиг. ул.) — меховые чулки мехом во внутрь.

*Уолджасар* — случаться, приключаться.

*Уоча*, *уолдях* — урочное время, пора, условленный срок, стечение обстоятельств.

*Уолук симэгэ* — старинный нагрудный женский наряд, весь прошитый мелким бисером. Укрепляется под подбородком на груди.

*Ургахта\** —сушеное оленьё мясо, крошенное на мелкие кусочки. У брангатских тунгусов — вяленое мясо, у илимп. и конд. т.— то же.

*Устуок* (Усть-Ян. ул.) — восточный ветер. Заимств. с русс, восток.

*У тага\** — небольшой мешочек из кожи для мелких женских принадлежностей. У аян.-н. *утахаан* — то же, у нерч. т. *утакан* — мешочек из оленьих лап для посуды, чая, сахара (Титов).

*Уус-Хаан* (Усть-Ян. и Верх, ул.) — былинный и мифологический образ, то же, что у юж. як. Кыдай-Бахсы.

*Уучча* (Верх. ул., речка Быдантай) — произношение слова нуучча — русский, русские.

*Учугаччаан* — близко, як. учугас с уменьшит. оконч.

*Уучах* — верховой олень. У илимп. т. *угучах*, во всех тунг. нар. *уучах*, у нерч. т. *учак*.

*Учулбу* — конопля.

## Ю

*Юллююн, ёлдююн\** — нижняя половина кожаной покрышки чума. Ю. шьется из выделанных оленьих шкур. У конд. т. *ёллюн* — нижняя попытка чума из ровдуги, у комбаг. р., илимп. т. — *олдуун*, у северобайк, т. *олбоно* — покров юрты из бересты, лосины (Титов), у охот. т. (мемельск. р.) *ёлбён* — ураса, *эллэши* — покрышка урасы.

*Юнюкээн\** — верхняя часть покрышки урасы, обычно набирается из обветшавших и рваных с заплатами кож. У конд. т. *унакаан* — верхняя часть покрышки урасы, ниж. часть — *олдьун*, у комб. т. *юнзвун* — покрышка урасы, у тунг. по Чаре и аян.-н. *юнэкээн* — покрышка урасы, у сев. байк. — *унэкан* (Титов).

*Юнгююр* — куча домашнего скарба около чума или юрты. У илимп. т. — *умгабун*, у аян.-н. т. — *унгабун*.

*Юргюллю* (Жиг. ул.) — длинная обувь из шкуры оленьих ног, надевается в дальнюю дорогу.

*Юнюнгкэй* (Усть-Ян. ул.) — вторичное название песка промышленниками.

*Ютэ* — запас пищи, который берется на дорогу.

*Юютэн* (лам. тьугэс. р.) — якутская юрта.

*Юттэрэр* — разжигать огонь, костер. Уоту юттэсиннибит — разожгли огонь.

*Юенгэс* — трехгодовалый олень (Усть-Ян. ул.).

## Х

*Хаа-хатырган* (Усть-Ян. ул.) — юрта и надворные постройки.

*Хабджы* (Жиг. ул.) — белая куропатка.

*Хадаса* — название утопанного места вокруг чума, куда складывается домашний скarb.

*Хайа* — скала, утес. В урянх. яз. хайа — скала, утес (Катанов).

*Хангса* (Усть-Ян. ул.) — трубка. У юж. як. — *хамса*.

*Хаангсаар* (Усть-Ян. ул.) — нос.

*Хараама* — олень сплошь темной масти.

*Харгабти* (*хахириэн*) — названия куропаток.

*Хааргын* (Усть-Ян. ул.) — черный чукотский олень.

*Харангкы* (Усть-Ян. ул.) — скупой.

*Хасхаан* (Жиг. ул.) — мало.

*Хачамаас, хачымаас* — мелкая рыба, высушенная на солнце. Употребляется в корм собакам. Название известно и в Маст. ул.

*Хойх* — остаток пищи в желудке заколотого оленя.

*Холлогос* — шесты или жерди, составляющие остов холума за исключением трех главных.

*Холума\** — конусообразное жилое помещение, заваливаемое снаружи дерном. Распространено повсюду на севере, по Ниж. Тунгуске и в северных улусах Вилюя. В верховьях Ниж. Тунгуски называется *гольомо*. У панк. и чапог. *голомо*, у илимп. т. *холумачаан, гуулама джуу* — дом-рубленок, у верх. ан-гар., тутуро-ач. и киренск. т. *гула, гуло* — изба, дом (Титов). *Холуста* (Жиг. ул.) — полотенце.

*Хонгонорбо* — сети для сельдей.

*Холоо* — то же, что кютээ. Известно и на Мастахе.

*Хопсох* (анаб., долг.) — амбарушка, сруб, як. *хоспох*.

*Хоро сирэ* — теплая страна на юге, куда улетают на зиму перелетные птицы. В Усть-Ян. и Верх. улусах наряду с *хоро* употребляется с тем же значением и *кытат*. Есть понятие о *хоро тыла* — язык хоринцев, невнятный, непонятный. В Верхоянском улусе иногда при косноязычии говорят «Хоролуу сангарыгын дуу?» — что это, ты, видимо, заговорил по-хорински. Эти данные более чем прозрачно намекают на то, что под названиями *Хоро* и *Кытат* древним якутам был известен теплый Китай и сами китайцы с их своеобразным слоговым языком.

*Хорой* — трехгодовалый олень-самец. У конд. т. *хорой* — олень-одногодок, а у бранг. т. — двухлетний.

*Хосуун* — общее и обычное название древних легендарных витязей, витязь, герой, богатырь. У илимп. и конд. тунг. этого слова нет. У юж. як. это слово употребляется редко: ни в былинах и ни в легендах древние герои хосуунами не называются.

## Ч

*Чаабый* (Верх. ул.) — утка-чирок.

*Чалаам\** (северн. як- и Маст. ул.) — дикий и необъезженный олень, быаны билбэтэх — незнавший веревки.

*Чалаах* — деревянный блок, через который пропускается лямка нарт. Называют и тонгодо.

*Чардыыр* — подбирать и хватать снег с мочей. Говорится о домашних оленях.

*Чээлкэ\**—олень белой масти. У илимп. т. *чаалка* — белый и олень белой масти.

*Чээнгкэптиин\**— тальниковое кольцо, надеваемое на оленей. У конд. т. *ченггоойиптин* — имеет то же значение, у чапог. и панк. *чонгойуптун* и *моггоптунин*, у илимп. т.— *ченгги* и *ченггэптин*. Аян.-н. тунгусам тоже известно.

*Чэнгкээйи\**— палки, привязываемые на шею оленей на ночь при пастьбе. Это слово известно и юж. як. и, несомненно, происходит от приведенного выше тунгусского слова.

*Чэрэдэк* — второе название волка, употребляется как оберег. (Жиг. ул.).

*Чэрчээмэ* — тонкая плетеная из четырех прядей ременная веревка. Употребляется для ловли оленей и для охоты на диких при помощи оленя-манщика. Манщик отпускается на этом ремне. У бранг. т. *чиэрчимэ*.

*Чээчэ* (Усть-Ян. ул.) — отец.

*Чижэ* (Жиг. ул.) — ощурки, сальные вытопки.

*Чонгку\**— передние и задние голенные кости оленя. Слово известно и на Мастахе.

*Чонгуоска* (анаб. як.) — танец самоедов с подражанием крику оленей, то же, что чемчекейдююр.

*Чолчу* — в широком смысле пуговицы, в узком — особый род медных подвесок якутского изготовления, пришиваемых в виде украшения к женской,

иногда и к мужской одежде. Хоро-чопку — сохранившиеся со старины медные подвески, работы якутских кузнецов.

У бурят-монг. *тобчи, тобши* — пуговица (Подгорб.). *Топчы, топчуу* — пуговицы и в некот. тюрк. нареч. (в телеут., алтайском, кара-кирг. и шорском).

*Чорогой* — выструганная и зачерненная углем палка, которая втыкается для отметки места, где закинута сеть.

*Чорчохоот* — короткая обувь, торбоса (анаб. як.), а также калоши, сшитые из шкуры оленьих ног.

*Чёмчёёкёйдююр* — танцевать, издавая крики оленей.

*Чубуккаан* (Жиг. ул.) — сейчас, только что.

*Чуо, чуо* — возглас остановки оленей при ловле.

*Чуораа-джиэ* (омол. як.) — особый род урасы с вертикальными стенами внизу и конической наверху. Такое жилье заводят богатые оленеводы. Короткие палки, втыкаемые по окружности урасы с двумя подпорками, которые располагаются крест-накрест, называются чуораа.

*Чурбуку* (анаб.) — горы, вершины.

*Чуос* (Жиг. ул., анаб., илимп. т.) — большая трактовая дорога. В пределах северного Вилюя словом чуос обозначают вехи, расставляемые в зимнее время вдоль трактовых дорог.

*Чучуна* — мифологическое представление о диком человекообразном существе. Чучуна, по понятиям север. якутов, надевает на себя в сыром виде шкуру оленя, летом своим свистом пугает людей, спутывает ноги домашних оленей тальниковой вязью. Завидев людей, убегает. Бродит всегда в одиночку. См. мэлкээн.

*Чуучус* (Жиг. ул.) — нечистая сила, бес, чертовщина; чуучустуур — испытать проявление невидимой силы.

*Чымайа кёрёр* — стесняться, потрухивать кого.

*Чыымка\** — два вертикальных шеста, устанавливаемые в чуме между очагом и дверями для привязывания поперечной палки — иикэптиин. У тунг. по Чаре *чыымка* — вертикальная палка над очагом, у северо-байк. т. — *тимко, чимка* — жердь посередине юрты перпендикулярно к поверхности основания (Титов), у конд. т. *чиимка* — вертикальный шест у очага. у чапог. и панк. то же.

*Чынгыс* (Верх. ул., Быдантай и Омолрой) — эпитет к слову мороз, значит жестокий, сильный мороз — чынгыс тымныы. Употребляется и как синоним понятий джыбар, чысхаан — утренники, лютые морозы.

*Чычыпкааннанар* — особый обряд, совершаемый охотниками. Охотник убивший оленя с редкими приметам (заранее указанных шаманом), должен пролезть между ног убитого оленя вдоль его туши. Исполнение этого обряда, якобы, обуславливает удачу в будущей охоте.

## Ы

*Ынтака* (Жиг. ул.) — шапка из оленьей шкуры с длинными ушами, с округлым и острым верхом.

*Ыраакы* — летние нарты. От зимних отличаются тем, что их копылья вбиваются в полозья, тогда как у зимних нарт копылья привязываются ремнями. Кроме того, полозья короче и легче. Копыльев всего три пары. Тыы ыраакыта — особый вид Ы., приспособленный для возки летом долбленых веток, имеет всего две пары копыльев.

*Ыргахта\** — овод, нападающий на оленей. У витим. т. *эргахта* — тоже овод, у илимп. тунг. *хунмикта* — овод.

*Ыстаан* — русс. стан, пункты привала и остановок промышленников в пустынных местах, где устраивается временное прикрытие от непогоды в виде амбарушки и шалаша, заваленного дерном.

*Ыттыыр* — гоняться за зверем с собакой.

## СОДЕРЖАНИЕ

*Часть третья.*

### ВИЛЮЙСКИЕ ЯКУТЫ

*Глава I.* Вводные замечания 3

*Глава II.* Ранняя стадия колонизации Вилюя 10

*Глава III.* Вилюй как колония прибайкальских якутов 24

*Глава IV.* Поздняя стадия колонизации Вилюя 52

1. Смешение коренных вилюйчан с якутянами 52
2. Происхождение вилюйских якутов по их легендам 60
3. Легенды о воинственном Омолдооне 70
4. Легенды о предках бордонгских родов 73
5. Особенности вилюйского героического эпоса 79
6. Историческое значение вилюйских сказаний 86

*Глава V.* Свидетельство центрально-азиатской истории о вилюйских якутах 100

*Глава VI-* Баргуджин - Тукум. (Якуты и монгольские племена) 105

1. Современные и древние буряты 106
2. Приангарский край в летописях империи чингис-ханидов 118
3. Смена народов в Приангарском крае 139

*Глава VII.* Табалыыра-Бэргэн. (К вопросу об этническом происхождении вилюйских якутов) 159  
Заключительные выводы 185

*Приложение I.* Перевод нерусских текстов (с немецкого и якутского языков), встречающихся в книге 197

*Приложение II.* Солук-Боотур (Из сказаний о древних героях Борогонского улуса) 199

*Приложение III.* Список былин, входящих в репертуар сказителя Намского улуса Петра Колесова 202

*Приложение IV.* Оленекская хосунная эпопея 204

Словарь особенных слов (провинциализмов) в говоре северных якутов 282